Рус. Старина
№ 4.
1889.

РУССКАЯ СТАРИНА

ЕЖЕМѢСЯЧНОЕ

ИСТОРИЧЕСКОЕ ИЗДАНІЕ.

Годъ двадцатый. АПРѢЛЬ. 1889 годъ.

СОДЕРЖАНІЕ.

ПРИЛОЖЕНІЕ: Портретъ адмирала Ивана Алексѣевича Шестакова, гравир. художникъ В. В. Маттэ.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.

Типографія В. С. Балашева, Екатерининскій каналъ, д. № 78.

1889.

IV-я книга „Русской Старины“ вышла 1-го апрѣля 1889 г.

Наша жизнь. Стихотворенія П. А. Кускова. Спб., 1889 г., въ м. 8 д., стр. X+250. Цѣна 1 руб. 50 коп.

Въ этой небольшой, изящно-изданной книжкѣ талантливый поэтъ нашъ соединилъ нѣсколько произведеній своей музы, удачно распредѣливъ ихъ на двѣнадцать группъ: Природа.—Міръ.—Сердце.—Люди. — Между прочимъ. — Женщины. — Жизнь.—Легенды.—Res publicae.—ОНЪ.—Шутки Полишинеля.—Сонеты Шекспира.

Читатели «Русской Старины», по нѣсколькимъ стихотвореніямъ П. А. Кускова, помѣщеннымъ нами на страницахъ этого журнала въ 1888-мъ году, уже нѣсколько знакомы съ своеобразнымъ характеромъ поэзіи и изящнымъ стихомъ этого писателя. Надо отдать ему полную справедливость въ томъ, что, принадлежа литературѣ уже тридцать лѣтъ, онъ весьма строго относится къ своимъ произведеніямъ и потому каждое изъ тѣхъ немногихъ (137 стихотвореній за 30 лѣтъ), которыя онъ внесъ въ этотъ сборникъ, отличаются несомнѣнными достоинствами, часто красотою формы и всегда содержательностью; описанія природы и ея явленій у него безукоризненны; группы стихотвореній: «Женщины», «Жизнь»—наводятъ на многія размышленія; «Сонеты Шекспира»,—хотя всего лишь 16 (изъ 156), едва-ли не впервые являются въ такомъ вполнѣ продуманномъ и необыкновенно точномъ переводѣ.

Письма великой княгини Екатерины Павловны. Изданіе Тверскаго Историческаго Музея. Съ двумя фотогравюрами. Тверь, 1888 г., въ 8 долю, стр. 74.

Въ этой брошюрѣ помѣщены подлинники на французскомъ языкѣ и переводъ писемъ достопамятной, просвѣщенной княгини, бывшей для историка Карамзина его покровительницей. Письма обращены къ исторіографу Карамзину и къ князю Вас. Петров. Оболенскому и относятся къ 1810—1818 гг. Подлинники этихъ весьма интересныхъ документовъ принадлежатъ Тверскому Музею и хотя они уже являлись въ печати въ 1861 и 1862 гг., но въ изданіяхъ мало распространенныхъ и безъ переводовъ. Въ виду той славной памяти, каковую оставила великая княгиня въ Твери, гдѣ супругъ ея былъ генералъ-губернаторомъ, и того значенія, какое имѣла в. к-ня Екатерина Павловна въ жизни Н. М. Карамзина, письма эти положительно подлежали переизданію и Тверской Музей очень хорошо исполнилъ это; членъ тверской ученой архивной комиссіи Е. А. Пушкинъ предпослалъ сборнику обстоятельный и интересный очеркъ жизни и характеристику вел. к-ни Екатерины Павловны.

Описаніе Тверскаго Музея. Археологическій отдѣлъ. А. К. Жизневскаго. Съ примѣчаніями гр. А. С. Уварова. Москва, 1888 г., въ большую 4 д., стр. II+242+XVIII.

Читатели «Русской Старины» изъ очерка нашего въ августовской книгѣ этого изданія за 1888-й годъ знакомы съ сокровищами Тверскаго музея и читали выписки изъ названнаго здѣсь труда уважаемаго А. К. Жизневскаго. Книга эта представляетъ роскошный оттискъ изъ «Древностей», издаваемыхъ Московск. Археолог. Обществомъ. Книга украшена множествомъ изображеній принадлежащихъ музею предметовъ старины; любовь г. Жизневскаго къ своему созданію, Тверскому музею, его знанія въ археологіи и нумизматикѣ, точность и обстоятельность его описаній, наконецъ, примѣчанія столь высокаго авторитета въ наукѣ, какимъ пользовался покойный гр. А. С. Уваровъ,—все это содѣлываетъ названную книгу прекраснымъ пріобрѣтеніемъ отечественной археологіи.

Историческій каталогъ С.-Петербургскаго Артиллерійскаго Музея. Части: I (XV—XVII стол.); одинъ выпускъ части II (первая половина XVIII в.) и часть III (приложеніе). Составилъ завѣдующій музеемъ Н. Е. Бранденбургъ. Спб., 1889 г., въ 8 д.

Лѣтъ пятнадцать тому назадъ археологическія и историческія сокровища Артиллерійскаго музея въ Спб. были почти невѣдомы не только обыкновенным

РУССКАЯ СТАРИНА

ЕЖЕМѢСЯЧНОЕ

ИСТОРИЧЕСКОЕ ИЗДАНІЕ

Мих. Ив. Семевскаго.

ИЗДАНІЕ ОСНОВАНО 1-го ЯНВАРЯ 1870 г.

1889 г.

АПРѢЛЬ.—МАЙ.—ІЮНЬ.

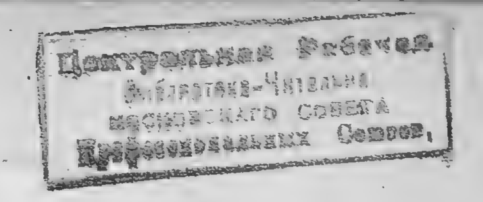
ДВАДЦАТЫЙ ГОДЪ ИЗДАНІЯ.

ТОМЪ ШЕСТЬДЕСЯТЪ ВТОРОЙ.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
1889.

Приложенiе къ журналу «РУССКАЯ СТАРИНА».

Дозволено цензурою. С.-Петербургъ, 14 марта 1889 г. Экспедицiя заготовленiя государственныхъ бумагъ.



АЛЕКСАНДРЪ ВАСИЛЬЕВИЧЪ ГОЛОВНИНЪ

въ его заботахъ

о религіозно-нравственномъ просвѣщеніи въ родовомъ селѣ Гулынки Пронскаго уѣзда, Рязанской губ.

V [1]).

Въ 1867 году 16-го іюля, въ бытность А. В. въ родовомъ селѣ, утверждены имъ правила для сельскаго училища въ Гулынкахъ. Мы считаемъ умѣстнымъ здѣсь привести всѣ пункты этихъ правилъ, составленныхъ В. А. Золотовымъ, съ замѣчаніями директора училищъ Рязанской губерніи С. Н. Оранскаго, и исправленныхъ, утвержденныхъ и собственноручно переписанныхъ А. В. Головнинымъ. При этомъ мы будемъ развивать и дополнять заключающіяся въ нихъ данныя изъ другихъ разработанныхъ нами матеріаловъ.

§ 1. Въ Гулынскія училища принимаются приходящими учениками дѣти обоего пола всякаго званія, около 10-ти-лѣтняго возраста.

До 1869 года въ Гулынкахъ не было особаго женскаго училища, и потому дѣвочки, въ незначительномъ числѣ, учились въ мужской школѣ. Такъ, за годъ до 1869 г. въ школѣ было на 57 учащихся только 3 дѣвочки. И послѣ открытія особаго женскаго училища въ 1869 г., населеніе Гулынокъ неохотно отпускало дѣвочекъ въ школу, не признавая въ этомъ для нихъ

[1]) См. „Русскую Старину“ изд. 1889 г., томъ LXI, февраль, стр. 261—291.

пользы, такъ что почтенному учредителю школы, а равно учителю мужскаго училища (Н. С. Федотьевъ) и учительницѣ (Капитолина Андреевна Лучинская), приходилось привлекать дѣвочекъ въ школу разными льготами и подарками (горячій обѣдъ, теплое платье, угощеніе, ленты и серьги). При открытіи школы было до 40 дѣвушекъ. Затѣмъ это число стало сильно убывать, но потомъ, благодаря энергіи и трудамъ учительницы и опытности руководителя школы Н. С. Федотьева, — число ученицъ стало вдругъ возрастать; этому успѣху школа много обязана также и правильной въ ней постановкѣ рукодѣльныхъ работъ. Такъ извѣстенъ такой случай: одна дѣвочка нашила и навязала на 3 рубля; получивъ деньги за проданныя работы, она отнесла ихъ въ семью; тогда въ школу стали возвращаться и бѣглянки. Съ тѣхъ поръ въ женской школѣ ежегодно обучалось 25 — 40 дѣвочекъ.

Дѣти, учащіяся въ Гулынскихъ школахъ, въ большинствѣ, конечно, принадлежатъ къ населенію этого села, но приходятъ также и изъ сосѣднихъ селеній (всего изъ 60 деревень), иногда за нѣсколько верстъ. Кромѣ крестьянскихъ дѣтей—приходили учиться и дѣти служащихъ на Ряжско-Козловской желѣзной дорогѣ и даже былъ сынъ купца изъ Ряжска. По возрасту, дѣти принимаются въ школу не моложе 9 лѣтъ, и 3-хъ лѣтній курсъ кончаютъ не моложе 12 лѣтъ. Въ 1873 году при Гулынскихъ школахъ сдѣланъ былъ опытъ ознакомиться со всѣми дѣтьми села Гулынокъ и ближайшихъ селъ, начиная отъ 6 лѣтняго возраста. Всѣхъ дѣтей, по призыву школы, собралось 43 человѣка (24—6-ти лѣтнихъ, 9 чел.—7-ми лѣтнихъ и 10 чел.—8-ми лѣтнихъ). По заявленію учителя—дѣти очень заинтересовали мѣстныхъ педагоговъ. „Всѣ они, говоритъ Н. С. Федотьевъ,— довольно развязны, съ ними съ удовольствіемъ можно говорить объ ихъ обыденныхъ занятіяхъ дома. Сравнивая ихъ съ учениками, которые уже поступили въ школу при началѣ ея, я нахожу настоящихъ дѣтей гораздо развитѣе, не смотря на то, что прежде поступившія дѣти были лѣтъ 9 и 10. Занятія съ этими дѣтьми мы ограничили нынѣ разными разговорами съ ними объ ихъ дѣтскихъ занятіяхъ и играхъ, о занятіяхъ ихъ родителей, братьевъ, сестеръ, о животныхъ домашнихъ и разныхъ принадлежностяхъ дома. Кромѣ того, сообщали имъ молитвы: „Во имя Отца“,

„Господи Іисусе Христе“; причемъ научили какъ правильно креститься; занялись выкладкою различныхъ простыхъ формъ изъ кубиковъ; сообщили имъ нѣсколько легкихъ сказокъ. Все это чрезвычайно понравилось дѣтямъ и они въ продолженіе цѣлаго мѣсяца съ удовольствіемъ бѣгали въ школу (съ 1/2 апрѣля по 1/2 мая, когда старшіе ученики, по обыкновенію, перестаютъ ходить въ школу). Такое знакомство учителей съ малыми дѣтьми весьма полезно для болѣе правильнаго и ранняго начала школы съ будущаго года“. Извѣстно также, что дѣти 5—6 лѣтъ съ плачемъ увязывались съ братьями въ школу, что возбудило въ учителѣ желаніе открыть на лѣтніе 4 мѣсяца школьныя элементарныя занятія для дѣтей 5—8 лѣтъ.

§ 2. Дѣти, извѣстныя учителю бѣдностью, обучаются безмездно, а прочія по добровольному соглашенію учителя съ ихъ родителями. Число учениковъ опредѣляется учителемъ, по мѣрѣ возможности преподать имъ предметы, требуемые настоящими правилами.

Относительно платы за ученіе извѣстно, что въ первые годы существованія школы платили только старшіе ученики по 1 р. и по 2 р. въ годъ, преимущественно не изъ Гулынскихъ; всего въ годъ набиралось не болѣе 20 рублей. Въ настояще время платы съ учащихся вовсе не берется.

Въ 1887 году, по случаю большаго числа учениковъ, пріема неграмотныхъ не было.

§ 3. Курсъ ученія полагается трехлѣтній и для сего училище дѣлится на три класса: приготовительный, первый и второй. Законоучитель преподаетъ во всѣхъ трехъ классахъ; учитель—въ первомъ и второмъ; помощникъ учителя—въ приготовительномъ.

По мѣрѣ развитія школы, классы замѣнились отдѣленіями по возрастамъ. Въ настоящее время Гулынское училище состоитъ изъ 4-хъ классовъ. При такой продолжительности ученія и аккуратности учащихъ и учащихся, успѣхъ учениковъ болѣе гарантированъ, чѣмъ въ другихъ училищахъ, не говоря уже о томъ, что Гулынская школа имѣла учредителемъ и руководителемъ А. В. Головнина, а учителемъ—выдающагося по своимъ способностямъ и трудолюбію педагога. А. В. Головнинъ особенно заботился о продолжительности курса ученія.

„Посылаю вамъ, пишетъ онъ своему учителю, любопытную статью—почему у насъ крестьянскіе мальчики, учившіеся въ сельской школѣ, забываютъ все, чему учились, и становятся безграмотными крестьянами. Авторъ приписываетъ это и, мнѣ кажется, весьма справедливо—тому, что ученики мало остаются въ школѣ, только 3 года, тогда какъ въ Германіи ученіе продолжается вдвое долѣе. Обращаясь къ нашей Гулынской школѣ, я полагаю, что вы могли бы самымъ бѣднымъ мальчикамъ, которые хорошо учатся, покупать иногда теплые сапоги, тулупы, оставлять ихъ въ большіе морозы ночевать въ школѣ и тогда варить для нихъ горячіе щи и кашу, а для всѣхъ учениковъ дѣлать нѣсколько разъ въ годъ угощенье, и затѣмъ продолжать ученье гораздо долѣе нынѣшняго, смотря, конечно, по возрасту и успѣхамъ каждаго ученика. На расходы на всѣ упомянутые предметы я готовъ употребить въ годъ до 150 рублей, если только будетъ отъ этого, по вашему мнѣнію, польза".

Въ виду желанія А. В., ученіе въ Гулынской школѣ начиналось, по возможности, раньше, а именно, около 1-го сентября, при чемъ приходили сначала младшіе ученики, а потомъ и старшіе, по мѣрѣ окончанія домашнихъ работъ, а оканчивали ученіе въ половинѣ мая, при чемъ младшіе, ненужные дома, долѣе старшихъ ходили въ школу. (Въ 1872 г. всѣ ученики собрались въ школу 31-го августа). По расчисленію А. В.—„въ нашихъ учебныхъ заведеніяхъ втрое болѣе праздничныхъ дней, чѣмъ за границей. Въ народныхъ школахъ ученіе идетъ менѣе 7 мѣсяцевъ въ году; если вычесть изъ нихъ воскресенья и праздничные дни, то остается поразительно малое число учебныхъ дней, и иностранные учителя надъ нами смѣются".

Не мало способствовало успѣху Гулынской школы и то обстоятельство, что дѣти полюбили школу, которая съумѣла привлечь ихъ настолько, что случаи манкировокъ были очень рѣдки (обыкновенно не болѣе 7%).

Любопытныя свѣдѣнія о Гулынскихъ дѣтяхъ находимъ въ отчетѣ учителя Федотьева за первое десятилѣтіе школы: „Дѣти, нѣтъ сомнѣнія, полюбили школу и чувствуютъ потребность въ грамотности; это видно изъ аккуратнаго посѣщенія ими школы; не смотря ни на какую дурную погоду, дѣти исправно приходятъ изъ ближайшихъ селъ и деревень версты за двѣ, хотя

въ продолженіе нынѣшней зимы (1872 г.) были сильныя и частыя мятели. Смѣлости учениковъ я положительно дивился: были такія бури, что я, пробуя пройти нѣсколько саженей, напримѣръ, отъ школы до церкви, съ трудомъ могъ дойти. Такія бури меня очень безпокоили, и я всегда, конечно, посылалъ провожатымъ сторожа, но ученики, къ удивленію моему, всегда считали провожатаго лишнимъ".

§ 4. Въ училищѣ преподаются: Законъ Божій, чтеніе, письмо и ариѳметика. Сверхъ того, ученикамъ старшаго класса объясняются нѣкоторыя явленія природы и сообщаются краткія свѣдѣнія изъ исторіи и географіи.

§ 5. Каждый урокъ продолжается не долѣе одного часа. Въ приготовительномъ классѣ бываетъ два урока въ день. Въ первомъ классѣ—три урока, во второмъ классѣ также три урока. Законоучитель даетъ по два урока въ недѣлю въ каждомъ классѣ, а всего шесть уроковъ въ недѣлю во всемъ училищѣ.

§ 6. Предметы ученія по классамъ.

Въ приготовительномъ классѣ:

Законъ Божій.

Разсказы изъ земной жизни Іисуса Христа. Краткія молитвы.

Чтеніе.

Первоначальное обученіе чтенію, посредствомъ передвижныхъ буквъ. Разсказы, доступные понятіямъ дѣтей.

Письмо.

Одновременно съ чтеніемъ письмо по прописямъ.

Устное счисленіе.

Устное счисленіе, предметомъ коего слѣдуетъ брать простые примѣры изъ сельскаго быта и которое должно дать дѣтямъ понятіе о первыхъ четырехъ ариѳметическихъ дѣйствіяхъ.

Въ первомъ классѣ:

Законъ Божій.

Разсказы по картинкамъ изъ Ветхаго Завѣта. При изложеніи десяти заповѣдей—объясненіе правилъ нравственности, преподанныхъ Іисусомъ Христомъ. Объясненіе церковнаго Богослуженія, главныхъ праздниковъ и главныхъ частей храма.

Чтенiе.

Чтенiе церковной печати. Чтенiе книгъ и рукописей и разсказы прочитаннаго. Изученiе наизусть стиховъ и прозы.

Письмо.

Письмо подъ диктовку и краткiя правила правописанiя.

Ариѳметика.

Первая часть ариѳметики. Понятiе о вѣсахъ и мѣрахъ. Рѣшенiе задачъ устно и письменно.

Во второмъ классѣ:

Законъ Божiй.

Символъ Вѣры. Изложенiе правилъ христiанской нравственности. Таинства. Объяснительное чтенiе воскресныхъ евангелiй.

Чтенiе.

Объяснительное чтенiе и разсказы нѣкоторыхъ явленiй природы и предметовъ изъ русской исторiи и географiи.

Письмо.

Письменныя упражненiя въ сочиненiи писемъ къ разнымъ лицамъ, счетовъ по домашнему хозяйству, записокъ и объявленiй въ волостное правленiе и къ сельскимъ начальникамъ. Письменное изложенiе разсказовъ изъ священной и изъ русской исторiи.

Ариѳметика.

Вторая часть ариѳметики съ примѣненiемъ къ сельскому быту. Устное и письменное рѣшенiе задачъ.

Приведенная программа занятiй въ Гулынскомъ училищѣ легла въ основанiе всѣхъ учебныхъ плановъ школы впослѣдствiи. Въ ней особое значенiе имѣетъ ясность, простота и практичность постановки учебныхъ предметовъ и состава учебнаго матерiала. По поводу чтенiя рукописей А. В. пишетъ учителю:

„Я совершенно раздѣляю ваше мнѣнiе, что полезно имѣть въ школѣ разныя рукописи для упражненiя учениковъ въ чтенiи рукописнаго. Для сего обыкновенно задаютъ ученикамъ старшаго класса списывать молитвы и краткiе разсказы изъ исторiи и эти тетради, писанныя разными почерками, служатъ для упражненiя въ чтенiи младшихъ учениковъ“. Въ другомъ

письмѣ онъ говоритъ: „не полезно давать для чтенія весьма плохія упражненія недоучившихся гимназистовъ“. Если нужно собственно рукописи для упражненія въ чтеніи рукописнаго, то полезно ввести у насъ обычай, существующій въ нѣкоторыхъ школахъ: чтобы ученики, оканчивающіе ученье, оставляли въ школѣ на память по себѣ и въ благодарность за ученіе нѣсколько переписанныхъ ими статей изъ хорошей христоматіи. Эти статьи и составятъ коллекцію рукописей“.

Что касается до темы для сочиненій, — то А. В. рекомендуетъ: „всего лучше брать изъ сельскаго быта: описаніе подготовки земли для посѣва, описаніе уборки хлѣба, сѣнокоса, описаніе разницы между разными видами хлѣба, изложеніе крестьянскаго годоваго прихода и расхода: сколько отъ какихъ предметовъ получаютъ денегъ, сколько на какіе предметы расходуютъ денегъ; описаніе крестьянской одежды и пищи лѣтней и зимней, стоимости ихъ; разсказъ, какъ строится изба и т. п.

Но какова бы ни была программа, каковы бы ни были внѣшнія условія существованія народной школы, — главнымъ условіемъ для ея благополучія является удачный подборъ учащихъ лицъ: отъ ихъ ежедневнаго соприкосновенія съ нравственнымъ и умственнымъ міркомъ крестьянскаго мальчика или дѣвочки, отъ ихъ способностей, добросовѣстности и любви къ дѣлу зависитъ, главнымъ образомъ, истинное благосостояніе школы на пользу мѣстнаго населенія. Не циркуляры и рьяныя требованія на экзаменахъ даютъ свѣтъ вѣры и знанія темному люду,—а дѣльное, добросовѣстное, любвеобильное отношеніе къ дѣтямъ, знаніе всѣхъ условій ихъ жизни и обстановки и ясное представленіе идеаловъ, къ которымъ надо стремиться.

Такъ понималъ задачу сельскаго учителя и покойный учредитель Гулынскаго училища, и за его заботы о пользѣ мѣстнаго населенія, и за его пожертвованія Богъ наградилъ его рѣдкою удачею въ выборѣ педагогическихъ силъ для созданныхъ имъ разсадниковъ религіозно-нравственнаго и умственнаго просвѣщенія Гулынскихъ крестьянъ. Въ этомъ отношеніи особенно выдается съ честью проработавшій уже четверть вѣка въ школѣ учитель Николай Степановичъ Федотьевъ. „Все въ школѣ осталось бы безъ жизни, говоритъ А. В., если бы не было такого учителя. Его усердію и старанію училище обязано преимуще-

ственно успѣшнымъ ходомъ ученія и достигнутыми хорошими результатами. Память о той пользѣ, какую онъ принесъ школѣ,— на всю жизнь будетъ для него лучшей наградою за добросовѣстные труды".

Сынъ діакона въ Касимовѣ, Н. С. Федотьевъ, окончившій курсъ въ духовномъ училищѣ, имѣетъ свидѣтельство на званіе учителя; поступилъ въ Гулынское училище въ годъ самаго его учрежденія (1863 г.) и, пробывъ два года помощникомъ учителя, извѣстнаго педагога А. І. Кочетова, съ 1865 г. сталъ старшимъ учителемъ Гулынской школы, въ каковой должности состоитъ и по настоящее время. Придавая огромное значеніе трудамъ Кочетова, для сформированія школы, Н. С. считаетъ и для себя лично счастіемъ то обстоятельство, что первые два года своей педагогической дѣятельности онъ провелъ при такомъ образцовомъ руководителѣ. „Два года совмѣстной работы для меня лично были лучшими годами моей жизни, а для школы они имѣли слишкомъ большое значеніе. Совсѣмъ еще юношей поступилъ я въ Гулынскую школу и счастіе выпало на мою долю попасть въ хорошія условія для примѣненія своихъ силъ на излюбленное мною дѣло; я отдалъ лучшіе года своей жизни, а также и силы дорогой для меня Гулынской школѣ".

Со стороны А. В. Головнина—Н. С. пользовался и лаской, и вниманіемъ, и довѣріемъ. Трогательно читать тѣ строки писемъ извѣстнаго государственнаго человѣка къ простому сельскому учителю, гдѣ этотъ сановникъ и дѣловой человѣкъ выражаетъ — то заботы объ отцѣ своего учителя, то о бракѣ и о семейной обстановкѣ его, то радуется (впослѣдствіи) помѣщенію сына учителя въ корпусъ, то—горюетъ съ нимъ о сильной болѣзни учительскаго ребенка. Онъ ничего не предпринимаетъ по своимъ учрежденіямъ безъ совѣщанія съ своимъ учителемъ и иногда отказывается отъ своихъ плановъ и распоряженій на основаніи словъ и доказательствъ Н. С. Такъ, онъ отмѣнилъ денежныя награды ученицамъ школы и ежедневное угощеніе ихъ чаемъ, единственно по настоянію Н. С., и, при этомъ, благодарилъ его за откровенность его указаній. Задумавъ устроить женскую школу и дѣтскій пріютъ, А. В. пишетъ: „В. А. Золотовъ сообщитъ вамъ мои мысли относительно женской школы и

дѣтскаго пріюта. Я готовъ сдѣлать на одинъ годъ опытъ, если вы возьметесь устроить эти заведенія и наблюдать за ними въ теченіе года и пріищите учительницу". Обѣ пріисканныя Н. С. учительницы оказались вполнѣ соотвѣтствующими своему назначенію. Самъ Н. С. состоитъ главнымъ наблюдателемъ и руководителемъ въ женскомъ училищѣ по настоящее время. Со времени же перехода Гулынскаго училища въ земство (въ 1867 г.), Н. С. назначенъ наблюдателемъ и надъ другими земскими школами.

Привязанность Н. С. къ Гулынскимъ школамъ и вліяніе на нихъ добрыхъ совѣтовъ А. В.—были такъ велики, что онъ отказался отъ предложеннаго ему въ 1872 г. болѣе выгоднаго и въ денежномъ, и въ служебномъ отношеніи мѣста въ рязанской гимназіи и остался на своемъ посту къ великой радости почтеннаго учредителя школы. Какъ тепло благодаритъ всегда А. В. своего учителя за доставленіе ему отчетовъ, ученическихъ тетрадей и выписокъ изъ классныхъ журналовъ. Читая каждый разъ всѣ эти данныя съ полнымъ вниманіемъ, А. В. отдавалъ ихъ потомъ на просмотрѣніе спеціалистамъ въ Спб. и, получивъ отъ нихъ замѣчанія, — отправлялъ эти послѣднія къ Н. С., не для свѣдѣнія только и исполненія, но — для провѣрки и, если надо, для опроверженій. Насколько многосторонни способности Н. С. и велика его любовь ко всякому полезному труду, видно изъ того, что онъ, кромѣ массы занятій по школѣ въ качествѣ учителя и руководителя, занимается уроками пѣнія въ обѣихъ школахъ, завѣдуетъ хоромъ пѣвчихъ въ церкви, устраиваетъ вечернія чтенія (къ чему требуется особая подготовка), завѣдуетъ двумя библіотеками (до 2,000 названій книгъ)—публичною и школьною; завѣдуетъ метеорологическою станціею, отчетность по которой отсылается имъ въ с.-петербургскую физическую обсерваторію и помѣщается въ трудахъ этого ученаго учрежденія; занимается въ плодовомъ саду школы (до 30 хорошо выведенныхъ деревьевъ и кусты разныхъ ягодъ); кромѣ того, занимается огородничествомъ, пчеловодствомъ и шелководствомъ (до 800 корней). Умѣя цѣнить такія заслуги своего учителя, А. В., кромѣ ласки, вниманія и довѣрія къ нему, — умѣлъ и награждать его и его сотрудниковъ по достоинству. Такъ, онъ платилъ ему жалованія, при готовой квартирѣ,—по 50 руб. въ

мѣсяцъ, а съ передачей школы въ земство — онъ доплачивалъ служащимъ при его учрежденіяхъ лицамъ, изъ собственныхъ средствъ, ту или другую сумму, въ дополненіе къ земскому ассигнованію. Для пріема гостей Н. С.—онъ высылалъ ему изъ С.-Петербурга чаю и сахару. Онъ давалъ средства Н. С. съѣздить и въ Москву на выставку, и въ Рязань для пріобрѣтенія познаній на учительскихъ курсахъ. Онъ доставлялъ ему работу для особой коммиссіи при императорскомъ русскомъ географическомъ обществѣ—и давалъ отъ себя или доставалъ отъ общества денежное за трудъ вознагражденіе. По случаю передачи школъ въ земство, А. В. выразилъ Н. С. искреннюю признательность за полезные его труды и въ память оныхъ подарилъ ему карманные золотые часы, а ко дню 10-лѣтія школы (21-го мая 1873 г.), „въ память нашей 10-лѣтней переписки и трудовъ истинно-полезныхъ“, послалъ А. В. своему учителю— тюкъ съ матеріей для экипировки и длинную шейную цѣпь самаго чистаго золота, работы придворнаго ювелира Арнда, и портмоне. Въ этотъ же день А. В. сдѣлалъ подарки всѣмъ служащимъ, а ученикамъ, настоящимъ и бывшимъ, подарилъ Евангеліе въ переплетѣ.

Въ довершеніе всего, чтобы упрочить нѣсколько служебную карьеру своего учителя, А. В. выхлопоталъ ему, въ 1881 г., первый классный чинъ, по ходатайству академика Вильда, за долговременное безвозмездное производство метеорологическихъ наблюденій въ званіи корреспондента главной физической обсерваторіи.

Изъ другихъ дѣятелей Гулынскихъ учрежденій, добрую память о себѣ оставили умершіе въ 1870 г. священникъ отецъ Петръ Орловъ и г-жа Фруктова—акушерка. Рядъ заботъ объ участи ихъ дѣтей вновь свидѣтельствуетъ объ истинно-христіанскихъ чувствахъ покойнаго А. В. Дочери свящ. Орлова и г-жи Фруктовой получили воспитаніе и образованіе въ рязанскомъ домѣ трудолюбія на счетъ А. В.; а въ настоящее время г-жа Орлова состоитъ учительницею женской школы въ селѣ, гдѣ жили и священнодѣйствовали ея дѣдъ и отецъ. Въ числѣ помощниковъ Н. С.—были г. Пикинъ, ученикъ Гулынской школы, признанный В. А. Золотовымъ очень способнымъ къ дѣлу, перешедшій потомъ учителемъ въ сосѣднее село Соболевое, а нынѣ

опять работающій въ Гулынской школѣ; г. Стрѣлковъ, воспитанникъ спб. Воспитательнаго дома, и С. М. Грацинскій, оставившій школу въ 1875 г. [1]). Учительницею женской школы до 1879 года была дочь надворнаго совѣтника, Капитолина Андреевна Лучинская. При передачѣ въ 1867 г. Гулынскаго мужскаго училища земству, А. В. обезпечилъ его существованіе большимъ неприкосновеннымъ капиталомъ. Что же касается до женскаго училища, то онъ былъ увѣренъ, что земство, принявъ его подъ свое вѣдѣніе, не оставитъ его.

„Я весьма порадовался, пишетъ онъ въ 1873 году председателю пронской земской управы, – узнавъ, что земство приняло въ свое завѣдываніе женское училище, ибо тѣмъ самымъ существованіе этого заведенія обезпечено и послѣ моей смерти".

Въ виду того, что Гулынскія школы составляютъ выдающееся явленіе въ исторіи просвѣщенія народа, какъ по личности своего учредителя и главнаго руководителя, такъ и по способностямъ своего учителя, а равно и благодаря тому, что ихъ посѣщали и направляли совѣтами и указаніями не только оффиціальные визитаторы, но и настоящіе педагоги (иногда и среди оффиціальныхъ), намъ кажется, приведеніе фактическихъ данныхъ о методѣ и характерѣ ученія въ этихъ школахъ можетъ представить и интересъ для всякаго образованнаго человѣка, и пользу для всѣхъ тѣхъ, кто ищетъ, относительно учебнаго дѣла, свѣта и истины не въ печальномъ настоящемъ или неизвѣстномъ будущемъ, но въ прошедшемъ, ближе стоявшемъ къ высокому идеалу истиннаго воспитанія и образованія.

О методѣ ученія, господствующаго въ Гулынскихъ школахъ, мы имѣемъ слѣдующія авторитетныя данныя.

Г. Трескинъ, бывшій инспекторъ начальныхъ училищъ Рязанской губ. 25-го августа 1870 г.: „Насъ прежде всего расположило въ пользу Гулынскаго училища обращеніе его наставника съ дѣтьми. Обращеніе это мягкое, кроткое, полное терпѣнія; но въ высшей степени серьезное, солидное, если можно сказать по-русски—степенное. Въ звукѣ голоса, въ пріемахъ, въ способѣ объясненій преподавателя такъ и сказывается, что въ

[1]) Съ этого времени Н. С. имѣетъ помощниковъ изъ своихъ бывшихъ учениковъ.

школу сошлись для дѣла великаго и святаго, гдѣ заохочиваютъ къ труду не шутка и праздничная веселость, а интересъ дѣла, гдѣ не страхъ двигатель дѣла, но серьезныя отношенія между наставникомъ и дитятею. Расположило меня въ пользу школы и то, что не за многимъ гонится преподаватель, но умѣетъ понять важность осмысленія малаго, начальнаго....".

Г. Рашевскій, бывшій директоръ спб. учительской семинаріи (1871—1872 гг.): „Ученье шло тихо и производительно. Учитель Федотьевъ безспорно владѣетъ способностью вести дѣло обученія въ народной школѣ: онъ говоритъ просто и ясно, не употребляя отвлеченныхъ и книжныхъ словъ, чтобы показаться начитаннымъ учителемъ; точно поставилъ себѣ задачу, къ которой должно привести обученіе грамотѣ въ народной школѣ, такъ хорошо обставленной, какъ въ Гулынкахъ, а именно: научить толково читать и правильно писать, и идетъ къ этой цѣли устойчиво, пользуясь дѣйствительнымъ средствомъ для достиженія ея—объяснительнымъ чтеніемъ и практическими упражненіями въ письмѣ. Г. Федотьевъ основательно придаетъ большое значеніе катехизическому пріему въ обученіи. Его урокъ представляетъ бесѣду съ классомъ, но бесѣду, содержаніе которой строго опредѣлено, почему нѣтъ болтовни на урокахъ, и ученики слѣдятъ за вопросами и отвѣтами со вниманіемъ, такъ что рѣшеніе вопроса требуетъ знанія того, что̀ сказано, и значительнаго соображенія. Наконецъ, г. Федотьевъ, насколько можно замѣтить, пользуется большимъ авторитетомъ между учениками, пріобрѣтеннымъ не суровымъ обхожденіемъ съ ними, а толковымъ отношеніемъ къ дѣлу. Школа въ Гулынкахъ поставлена такъ, что ученики выучиваются въ ней и приходятъ за этимъ. Подобное отношеніе къ школѣ исключаетъ большія шалости въ школѣ, а слѣдовательно и карательныя мѣры. Простой, но образный языкъ, приближающійся къ говору учениковъ, спокойный тонъ при веденіи урока, отсутствіе раздраженія при неудачныхъ отвѣтахъ учениковъ—особенности преподаванія г. Федотьева, способствующія успѣхамъ его учениковъ. Посѣтивъ Гулынскую школу два раза и присмотрѣвшись къ порядку ея, я, мнѣ кажется, имѣю нѣкоторое право заявить объ очень серьезномъ достоинствѣ обученія въ этой школѣ. Преподаватели ея обучаютъ дѣтей, развивая способности ихъ матеріаломъ и способомъ обученія, а не разгово-

рами о такихъ предметахъ, которыхъ дѣти или понять не могутъ, или понимаютъ превратно. При испытаніи учениковъ, при урокахъ учителя и при разсмотрѣніи пройденнаго курса и руководствъ, употребляемыхъ въ школѣ, я не замѣтилъ вредныхъ, тенденціозныхъ статей для объяснительнаго чтенія, т. е. такихъ, въ которыхъ говорится о безвыходномъ положеніи крестьянина, о его вѣчно-тяжеломъ трудѣ и безпріютной долѣ, на что не рѣдко въ школахъ издерживаются силы учителей и учениковъ, и въ чемъ многіе полагаютъ школьное развитіе. Поэтому, и результатъ обученія въ Гулынской школѣ такой, какого, я думаю, слѣдуетъ добиваться въ народной школѣ: ученики, оканчивающіе курсъ въ Гулынской школѣ, настолько бываютъ подготовлены, что могутъ самостоятельно идти впередъ въ своемъ образованіи и приложить свои знанія къ жизни, такъ какъ они пріучены къ труду. Этимъ обстоятельствомъ объясняется и то здоровое явленіе школы, въ силу котораго, посѣтивши до 10 уроковъ ея,—я не могу указать ни одного случая, когда бы учитель долженъ былъ замѣтить ученику, что онъ невнимателенъ. При свободномъ, нисколько не стѣсненномъ отношеніи учениковъ къ учителю (наказаній я не замѣтилъ въ школѣ, да, по отзывамъ учителей, въ нихъ нѣтъ и надобности) — они съ полною охотою берутся за свое дѣло, вполнѣ отдаваясь классной работѣ, а это обусловливается вѣрою въ полезность того, что дѣлается въ школѣ. Конечно, подобная вѣра въ школу слагается путемъ опыта: многіе изъ выучившихся въ Гулынской школѣ добываютъ порядочныя средства, что осязательно доказываетъ крестьянину пользу ученія. Ученики Гулынской школы имѣютъ здоровый и веселый видъ, безъ стѣсненія говорятъ съ посторонними лицами и говорятъ бойко".

Къ этимъ прекраснымъ словамъ почтеннаго педагога мы, для полноты его указаній на благія послѣдствія Гулынской школы для населенія, приведемъ слѣдующія фактическія данныя: „Всѣ вышедшіе изъ школы, окончившіе курсъ ученики отличаются трезвостью и большею противъ другихъ крестьянъ опрятностью, говоритъ учитель въ отчетѣ о 10-ти-лѣтнемъ существованіи школы (1873 г.),—но большой разницы въ ихъ крестьянскомъ быту сравнительно съ другими еще незамѣтно. Это надо приписать вліянію старыхъ крестьянъ, которые, какъ и должно быть,

еще продолжаютъ оставаться домохозяевами и начальниками въ семействахъ своихъ".

Г. Трескинъ: „Раза два въ недѣлю г. Федотьевъ по вечерамъ читаетъ что нибудь своимъ бывшимъ ученикамъ; приходятъ на эти вечера и взрослые и даже женатые. По свидѣтельству самихъ отцовъ, обучающіеся и нравственнѣе, и религіознѣе тѣхъ, которые не ходятъ въ училище. Крестьяне Гулынокъ хотя и ничего еще не жертвуютъ для училища, но, видимо, гордятся имъ; они разсказываютъ о находящихся въ немъ чудесахъ всѣмъ проѣзжающимъ крестьянамъ (обозникамъ), и потому очень уже значительное число крестьянъ разныхъ губерній и другія лица посѣщаютъ училище, и всегда имъ радушно указывается на все, что особенно можетъ ихъ интересовать. Не смотря на то, что Гулынское населеніе—населеніе испорченное, мужская Гулынская школа успѣла оказать нравственно-воспитательное значеніе на мѣстное населеніе. Населеніе это расположено на бывшемъ большомъ трактѣ, извѣстномъ подъ названіемъ Астраханки. Жизнь постоялыхъ дворовъ успѣла тлетворно повліять на Гулынцевъ; но молодое поколѣніе, воспитавшееся уже въ Гулынской школѣ, говорятъ, не похоже на прежнее; оно нравственно, честно, трезво и живетъ, нося въ сердцѣ своемъ страхъ Божій. Я видѣлъ одного изъ бывшихъ воспитанниковъ Гулынскихъ, и этотъ молодой человѣкъ возбудилъ во мнѣ полное сочувствіе своей скромностью, любовью къ труду и трезвою жизнью".

Учитель Федотьевъ: „Ученики, окончившіе курсъ въ Гулынской школѣ, преимущественно всѣ остаются дома и становятся хорошими пахарями. Объ 11 человѣкахъ, поступившихъ въ разныя мѣста, я имѣю свѣдѣнія и постоянно слышу весьма лестные отзывы о ихъ нравственности и хорошихъ успѣхахъ. Молодые люди, учителя, уже женатые, хорошіе семьяне и живутъ опрятно. Изъ молодыхъ ребятъ, окончившихъ курсъ въ школѣ и оставшихся дома пахарями, есть также женатые, но жизнь ихъ во внѣшней обстановкѣ ничѣмъ не отличается отъ другихъ, такъ какъ внѣшняя обстановка не отъ нихъ зависитъ, а отъ старшихъ; за то всѣ они хорошо живутъ съ своими женами и не ходятъ въ кабакъ".

Г-жа Лучинская (учительница Гулынской женской школы): „Что касается вліянія школы на дѣвочекъ, то, по моему наблю-

денію, дѣвочки, которыя посѣщали школу, замѣтно развиваются. Въ нихъ нѣтъ такой грубости и невѣжества въ обращеніи и онѣ рѣзко отличаются между своими неграмотными подругами, что особенно замѣтно въ лѣтнемъ пріютѣ, когда онѣ были взяты въ няньки. Теперь неграмотныя дѣвушки жалѣютъ, что не учились, и съ завистью смотрятъ на грамотныхъ. Замѣтно также вліяніе грамотныхъ на маленькихъ сестеръ ихъ, такъ какъ дѣвочки, поступившія въ послѣдніе два года въ школу изъ тѣхъ семействъ, гдѣ есть грамотныя, знали нѣкоторыя молитвы, нѣсколько стиховъ и разсказовъ изъ Роднаго Слова и, вообще, имѣли болѣе развязности и соображенія. Сверхъ того, школа принесла пользу въ искорененіи предразсудковъ, которыхъ у крестьянъ очень много; такъ, напримѣръ, дѣвочки признавали за большой грѣхъ прясть въ пятницу, говоря: „кто прядетъ въ пятницу, тотъ засоритъ кострикой глазки Богородицѣ". Въ этомъ очень трудно было ихъ разувѣрить, теперь же онѣ сами смѣются надъ этимъ, и проводятъ праздники болѣе разумно: читаютъ и немного работаютъ, признавая грѣхомъ ничего не дѣлать и проводить время въ праздности. Шесть дѣвочекъ, кончившихъ ученіе въ школѣ, вышли замужъ, и всѣ онѣ, насколько мнѣ извѣстно, отличаются опрятностью, скромностью и умѣніемъ работать, такъ, напримѣръ: дочь Асташевскаго крестьянина Терентьева, вышедшая два года замужъ въ село Столпцы за торговаго человѣка, пріѣзжала ко мнѣ съ своимъ ребенкомъ просить книгъ для чтенія, которыя она хотя и рѣдко, но охотно читаетъ вмѣстѣ съ своимъ мужемъ, съ ребенкомъ она обращается очень ласково, одѣваетъ его чисто; опрятно, и все на немъ сработано самою ею, и т. д. (другіе примѣры)".

Наконецъ, вотъ что говоритъ о благихъ результатахъ Гулынскихъ школъ для населенія самъ почтенный учитель, по прошествіи 25 лѣтъ ея существованія:

„Молодое поколѣніе небольшаго нашего села выступаетъ на жизненное свое поприще съ извѣстнымъ запасомъ знаній и разныхъ свѣдѣній, которыхъ ихъ дѣды и отцы не имѣли возможности пріобрѣсти. Молодыя семьи нашего села представляютъ грамотное крестьянство: мужъ, а иногда и жена такой семьи прошли черезъ школу, усвоили въ ней извѣстный курсъ знаній, получили извѣстное развитіе и, понятно, устроили свою жизнь,

или, по крайней мѣрѣ, стараются устроить ее соотвѣтственно своимъ взглядамъ и потребностямъ. Въ такой семьѣ свободное время отъ физическаго труда — не праздное время, а восполняется умственнымъ трудомъ. Считаю долгомъ отмѣтить, что складъ жизни молодой крестьянской семьи въ нашемъ селѣ далеко не похожъ на семейный складъ прежней семьи: отчасти измѣнился общiй тонъ жизни, создались новыя отношенiя между мужемъ и женой; отношенiя къ дѣтямъ также измѣнились. Въ послѣднiе годы въ нашу школу стали поступать дѣти бывшихъ ея учениковъ, и, нужно сказать, они совершенно не таковы, какими были дѣти 10 — 15 лѣтъ назадъ: нѣкоторыя уже грамотны, всѣ говорятъ болѣе правильною русскою рѣчью, знаютъ нѣкоторыя молитвы, болѣе опрятны и чистоплотны и гораздо успѣшнѣе усвояютъ курсъ школьнаго образованiя".

Въ связи съ указанiями на благотворныя послѣдствiя Гулынской школы для мѣстнаго и окрестнаго населенiя, не забывая, что всѣмъ этимъ, прежде всего, крестьяне обязаны покойному А. В. Головнину, — мы находимъ умѣстнымъ привести здѣсь и другiя доказательства истинно-просвѣщенныхъ заботъ о Гулынскихъ ученикахъ и о нуждахъ населенiя со стороны этого государственнаго дѣятеля.

О Гулынскихъ ученикахъ А. В. заботился не только въ бытность ихъ въ школѣ,—но и по выходѣ изъ нея. Такъ—онъ отправлялъ способныхъ учениковъ въ Ряжскъ на лѣтнiе курсы; при этомъ поручалъ своему бурмистру нанять для нихъ квартиру, выдать деньги на продовольствiе и заботиться о томъ, „чтобы имъ было тамъ хорошо". Эти мальчики возвращались съ хорошими аттестатами о своихъ занятiяхъ и успѣхахъ. Иныхъ А. В. помѣщалъ въ Рязанское училище для приготовленiя сельскихъ учителей. Многимъ изъ нихъ помогалъ деньгами и по выходѣ ихъ изъ школы; при чемъ, какъ мы видѣли, особенно заботился о томъ, чтобы они обращались къ труду земледѣльца, а не къ городскимъ промысламъ. Вотъ что говоритъ онъ, между прочимъ: „Что касается обученiя крестьянъ переплетному мастерству, полагаю, что для деревенскихъ жителей полезнѣе дѣло плотничное, столярное, кузнечное, печное, слесарное, колесное, бочарное и т. п., а переплетное, токарное и т. п. болѣе свойственны мѣщанамъ, жителямъ городовъ. Поэтому я не сочув-

ствую всему, что склоняетъ крестьянъ оставлять землепашество и уходить въ города, и желалъ-бы, чтобы свое прямое дѣло—обработку земли они улучшали“. Въ другомъ мѣстѣ онъ высказываетъ слѣдующія практическія мысли о способѣ обработки земли и о недостаткахъ нашего сельскаго хозяйства на дѣлѣ: „По поводу того, что вы пишете о радости крестьянъ вслѣдствіе отдачи имъ въ наймы разнаго рода земли, я долженъ сказать:

1) „Я самъ очень доволенъ этимъ, и желаю, чтобы они дома, при своихъ семействахъ, могли заработать себѣ деньги, вмѣсто того, чтобы, оставляя дома жену и дѣтей, вести трактирную жизнь въ большихъ городахъ и приносить домой болѣзни, и 2) но я думаю, что не столько количество земли, сколько способъ обработки оной можетъ приносить пользу. У насъ цѣлая треть земли гуляетъ (паровое поле), а остальныя двѣ трети дурно пашутся, не удобряются, болотистыя мѣста не осушаются канавками и т. д. Посмотрите хозяйство въ губерніяхъ Эстляндской, Лифляндской и Курляндской и въ Финляндіи. Арендаторъ получаетъ болотистую землю, усѣянную булыжникомъ; онъ выбираетъ камни и складываетъ ихъ вокругъ своего участка въ видѣ забора; проводитъ канавки для стока воды; глубоко выворачиваетъ землю и ожигаетъ коренья; дѣлитъ участокъ на 10, 15 полей и ведетъ посѣвы такъ, что ни одно поле не гуляетъ, а многія растенія удобряютъ землю послѣ истощенія оной другими; держитъ скотъ весь годъ въ теплыхъ стойлахъ; кормитъ сѣянной травой и рѣзкой; получаетъ много навоза и весь вывозитъ на поля, содержа стойла и дворъ въ величайшей чистотѣ. Изъ этого выходитъ, что 3 десятины даютъ тамъ больше дохода, чѣмъ у насъ 12 десятинъ. Вотъ къ чему надобно стремиться, а не только къ тому, чтобы получить земли больше. По мѣрѣ того, что населеніе увеличивается, количество земли будетъ постоянно оказываться недостаточнымъ. Раздайте всю помѣщичью землю крестьянамъ, вмѣсто обработки оной помѣщикамъ, и всей окажется мало“.

Крестьянскихъ сиротъ, дѣвочекъ иныхъ, А. В. помѣщалъ въ Тамбовскій Павловскій институтъ; другимъ давалъ пособія и помѣщалъ въ хорошія семьи. Всѣмъ грамотнымъ дѣтямъ и бывшимъ ученикамъ А. В. раздавалъ Евангеліе и молитвенники; инымъ, по усмотрѣнію учителя и календари. Въ случаѣ пожаровъ А. В. помогалъ погорѣвшимъ и давалъ бѣднѣйшимъ изъ

нихъ средства вновь обстроиться. Высочайшій манифестъ о воинской повинности, новый уставъ обязательной военной службы и правила о выдачѣ свидѣтельства о знаніи курса народныхъ училищъ, по распоряженію А. В., учитель раздавалъ старшимъ ученикамъ и крестьянамъ. Получивъ отъ него извѣстіе, что уставъ о воинской повинности читается на селѣ съ любопытствомъ, А. В. даетъ учителю указанія относительно разъясненія этого законоположенія въ связи со льготами по начальному образованію и даетъ рядъ практическихъ для крестьянъ совѣтовъ. Прославъ вырѣзки изъ газетъ съ извѣстіемъ о повелѣніи государя заняться отмѣной подушной подати и замѣной оной другими болѣе уравнительными налогами, А. В. считаетъ это прекраснымъ подаркомъ для крестьянъ къ Свѣтлому празднику (мартъ 1879 г.). Кромѣ того, А. В. посылалъ и для своего учителя лично и для прочтенія и разъясненія ученикамъ и крестьянамъ различныя газетныя вырѣзки и статьи, имѣющія для нихъ значеніе пользы или здороваго интереса.

Какъ всякое благое дѣло, и Гулынскія школы, независимо отъ массы хвалебныхъ о нихъ отзывовъ, — имѣли и своихъ враговъ и недоброжелателей. Тупое невѣжество и верхоглядство съ одной стороны и желаніе подвести выдающуюся по достоинствамъ школу подъ общій уровень другихъ дряблыхъ заведеній того же рода проявляли неудовольствіе, насмѣшки и, насколько можно, притѣсненія этому отрадному явленію въ нашемъ учебномъ мірѣ. Мы уже видѣли, съ какимъ полнѣйшимъ спокойствіемъ и въ то же время иногда съ мѣткой иронiей относился А. В. къ не педагогическимъ пріемамъ и неразумнымъ сужденіямъ враговъ истиннаго просвѣщенія. Въ связи съ приведенными уже выдержками изъ его писемъ находятся еще слѣдующія: „Посылаю вамъ при семъ вырѣзанную изъ газеты „Недѣля“ статью вовсе неизвѣстнаго мнѣ автора [1]). Вы найдете въ ней много правды, но также вещи странныя и неожиданныя. Я никакъ не думаю, что гг. Золотовъ, Дашковъ, Рашевскій, Трескинъ, Червяковскій, Миропольскій могли ошибаться въ своихъ отзывахъ“. Въ другомъ письмѣ: „Я не желалъ бы, чтобы

[1]) Нѣкто г. Я—ъ, написавшій эту статью съ обычной газетной развязностью, осмѣялъ школу, хотя въ ней никогда не былъ. На эту статью возражалъ В. А. Золотовъ. Н. К.

о Гулынской школѣ, учрежденіи весьма скромномъ, появились газетныя статьи и предваряю васъ, что въ Пронскѣ появился какъ-бы корреспондентъ московской газеты „Современныя извѣстія“, который описываетъ разныя событія въ Рязанской губерніи и многимъ вредитъ“. Насколько А. В. избѣгалъ вообще неумѣстной гласности о своихъ школахъ видно еще изъ слѣдующей выдержки: „узнавъ, что въ нашу Гулынскую школу пріѣзжалъ г. педагогъ, завѣдывающій лѣтними учительскими курсами въ Ряжскѣ, прошу васъ потрудиться передать ему покорнѣйшую просьбу ничего не печатать о нашей школѣ, или, по крайней мѣрѣ, не называть печатно селеніе, при которомъ она находится, за что буду весьма признателенъ“. „Въ свое время можно будетъ составить за нѣсколько лѣтъ обзоръ дѣятельности Гулынской школы, напечатать и сообщить на разсмотрѣніе людей знающихъ, интересующихся дѣломъ и серьезныхъ“. Мы уже видѣли, какъ дорожилъ А. В. мнѣніями таковыхъ людей, предоставляя свою школу самому широкому контролю, и благодарилъ за каждое дѣльное и изъ фактовъ выведенное замѣчаніе. Кромѣ указанныхъ выше извѣстныхъ педагоговъ и дѣятелей народнаго образованія, А. В. приглашалъ для экзаменовъ и учителей изъ Рязани. Изъ дѣятелей народнаго образованія А. В. особенно высоко цѣнилъ Д. Д. Дашкова [1]).

„Попросите его (г. Дашковъ) сдѣлать намъ честь побывать въ нашихъ школахъ въ Гулынкахъ, когда начнется ученье, покажите ему все подробно и воспользуйтесь его совѣтами и указаніями“.

Получивъ отъ Д. Д. Дашкова извѣстіе въ 1872 г., что онъ намѣренъ зимою побывать въ Гулынкахъ для осмотра школы, А. В. пишетъ:

„Я очень этому обрадовался, потому что, при его знаніи дѣла и горячемъ сочувствіи успѣхамъ народнаго образованія, его указанія и совѣты могутъ быть весьма полезны“.

Къ требованіямъ и желаніямъ министерства народнаго просвѣщенія относительно народнаго образованія А. В. чутко при-

---

[1]) Д. Д. Дашковъ своими докладами рязанскому губернскому земству о ходѣ народнаго образованія въ Рязанской губерніи составилъ себѣ почетную извѣстность. Н. К.

слушивался и старался направить свои школы къ удовлетворенію ясно поставленныхъ требованій закона. Посылая своему учителю статью г. Миропольскаго (Журн. Мин. Нар. Просвѣщенія), выражающую „взглядъ нынѣшняго министерства", А. В. совѣтуетъ учителямъ и учительницѣ школъ прочитать и обдумать ее.

Получивъ извѣстіе отъ предсѣдателя Пронскаго уѣзда земской управы о томъ, что инспекторъ народн. учил. Рязанской губ. спросилъ управу, не изъявитъ-ли она согласіе опредѣлить на мѣсто учительницы Гулынской женской школы г-жу Вариковскую (1879 г.), А. В. отвѣчалъ, что „хотя вовсе ее не знаю, но нахожу назначеніе ея желательнымъ, если самъ инспекторъ рекомендуетъ ее".

По поводу присылки изъ Спб. въ Гулынскую школу ревизора, по предложенію А. В.,—онъ пишетъ въ 1880 г. учителю слѣдующія строки:

„Вы желали бы присылку ревизора изъ Петербурга. Въ нынѣшнемъ году едва-ли возможно будетъ это сдѣлать въ виду напряженнаго настроенія и щекотливости учебнаго вѣдомства. Такая присылка можетъ оскорбить мѣстнаго инспектора. Донесенія ревизора и инспектора могутъ быть не вполнѣ одно съ другимъ согласны и для школы пользы не произойдетъ. Но какъ скоро безъ такихъ неудобствъ можно будетъ прислать ревизора, я, конечно, это сдѣлаю".

Отношеніе представителей мин. нар. просвѣщенія къ Гулынскимъ школамъ какъ прежде, такъ и въ настоящее время, вполнѣ благопріятное. Бывали иногда какія-то подозрѣнія по отношенію къ библіотекѣ: часто просматривались каталоги, и одинъ директоръ въ своемъ отчетѣ, послѣ ревизіи школы, высказалъ что библіотека, по своему составу, не для школы, а для средняго учебнаго заведенія. На эти и подобныя замѣчанія А. В. отвѣчалъ и дѣлалъ свои возраженія по принадлежности. Нынѣшній (1888 г.) инспекторъ народн. учил. Рязанской губ. Н. Г. Тимешовъ ежегодно посѣщаетъ школу и производитъ подробную ревизію, очень внимателенъ къ школѣ и иногда предсѣдательствуетъ въ экзаменаціонной комиссіи.

Библіотека.

Имѣя широкій и истинно-просвѣщенный взглядъ на нужды и значеніе образованія, А. В. Головнинъ стремился къ тому,

чтобы ученики Гулынской школы имѣли въ ней не только необходимыя учебныя пособія, но и достаточный запасъ книгъ, чтеніе которыхъ, при правильномъ выборѣ и надлежащемъ руководствѣ, укрѣпляло-бы въ пріобрѣтенныхъ ими познаніяхъ и удовлетворяло бы затронутой въ нихъ любознательности, не только въ стѣнахъ школы, но и за предѣлами школьнаго ученія. Съ другой стороны, для умственнаго освѣженія лицъ, получившихъ образованіе и работающихъ на пользу Гулынскихъ учрежденій (священникъ, учителя, учительницы, докторъ и др.), онъ считалъ необходимымъ чтеніе какъ сочиненій по спеціальности каждаго изъ нихъ, такъ и общеинтересныхъ произведеній литературы и журналистики. Руководствуясь этимъ воззрѣніемъ, А. В. создалъ въ Гулынкахъ обширную библіотеку, распадающуюся на 4 отдѣленія:

1) Ученическая библіотека (нынѣ 925 сочиненій, 4,800 томовъ—всего на сумму до 1,400 р.).

2) Сельская публичная библіотека (для учащихъ и для крестьянъ)—нынѣ свыше 5,000 томовъ на сумму до 3,500 руб. Уставъ ея утвержденъ въ 1882 году. Правила пользованія книгами составлены въ 1880 г.

3) Церковная библіотека—болѣе 1,000 названій,

и 4) Больничная библіотека—400 названій (550 томовъ).

V.

Отношеніе земства къ Гулынскимъ школамъ и А. В. Головнина къ земству.

Съ 1867 года А. В. Головнинъ является не единственнымъ руководителемъ своихъ школъ, но работаетъ на ихъ пользу совмѣстно съ Пронскимъ земствомъ. Строго разграничивъ размѣры своего вліянія на школы съ предѣлами власти новаго ихъ хозяина, А. В., какъ видно изъ писемъ и другихъ документовъ, употребляетъ всѣ усилія къ тому, чтобы дорогія ему учрежденія преуспѣвали, и не перестаетъ оказывать самую дѣятельную помощь и средствами, и совѣтами, и своимъ авторитетомъ по мѣрѣ надобности. „Предложеніе мое земству принять въ свое вѣдѣніе школу и больницу, пишетъ А. В. въ 1879 г., происходитъ

отъ желанія упрочить существованіе этихъ заведеній, ибо наслѣдники мои не будутъ въ состояніи содержать оныя послѣ моей смерти, а по причинѣ постоянной болѣзни я не могу разсчитывать прожить долго. Я буду имѣть утѣшеніемъ мысль, что школы и больницы будутъ существовать и послѣ моей смерти". Въ годъ передачи училища земству предсѣдателемъ земской управы былъ А. П. Бурцевъ (до 1873 г.), съ 1873 г. до 1878 года—А. П. Ржавскій. Объ этихъ обоихъ лицахъ А. В. отзывается съ большимъ уваженіемъ, и съ большой радостью узнаетъ о ихъ посѣщеніяхъ или распоряженіяхъ на пользу школъ. „Съ большимъ удовольствіемъ узналъ я, пишетъ А. В. въ 1874 году, что г. Ржавскій часто посѣщаетъ Гулынки и самъ наблюдаетъ за приготовленіемъ къ постройкѣ и за мірскими расходами. Это приноситъ ему большую честь и можно надѣяться, что при такомъ дѣятельномъ распорядителѣ и наблюдателѣ, земскія дѣла пойдутъ хорошо, за что мы должны быть Николаю Павловичу очень признательны". Внимательность А. В. къ земскимъ дѣятелямъ доходитъ до того, что онъ указываетъ своему учителю, что „мелочами (ремонтъ мебели, переплетъ книгъ и т. д.) не нужно безпокоить Н. П. Ржавскаго, у котораго много своего дѣла, и я просилъ бы васъ сдѣлать все на мой счетъ". Не одинъ разъ, при задержкѣ денегъ изъ земской кассы, А. В. вноситъ на нужды школы свои деньги заимообразно, не говоря уже о крупныхъ пожертвованіяхъ (напр., 2,000 р. на перестройку больницы), которыя онъ постоянно дѣлаетъ въ помощь земству,—независимо отъ прежнихъ единовременныхъ пожертвованій и неприкосновеннаго капитала въ 12,000 р. Въ 1878 г. А. В. все-таки пришлось „серьезно задуматься объ обезпеченіи Гулынскихъ заведеній отъ дальнѣйшаго уменьшенія средствъ ихъ", и при этомъ онъ пишетъ: „нельзя осуждать управу за стремленіе къ экономіи, въ виду огромныхъ недоимокъ въ земскихъ доходахъ. Не одно Пронское земство находится въ затруднительномъ положеніи и принуждено уменьшать свои расходы на полезныя заведенія". Въ виду послѣдняго обстоятельства А. В. въ 1878 г. сдѣлалъ новыя пожертвованія земству. Даже въ распоряженія земства по учебному персоналу А. В. не вмѣшивался. „Передавъ Гулынскія школы земству, я тѣмъ самымъ обязался не мѣшать ему въ улучшеніи ихъ и назначеніи учителей.

Поэтому, если земство назначитъ вамъ лучшаго помощника, я могу быть только доволенъ, и полагаю, что ваша обязанность хлопотать о томъ, чтобы поправить репутацію школы".

Послѣднія строки указываютъ на то, что въ средѣ земскихъ дѣятелей были лица, недовольныя Гулынской школой и требовавшія въ ней измѣненій, и просто недоброжелатели. О такихъ недоброжелателяхъ говоритъ А. В. и въ другомъ письмѣ: „Я не вижу пользы отъ разсчета стоимости учениковъ въ Гулынской школѣ, ибо недоброжелатели будутъ говорить, что тѣ же познанія, какія ученики получаютъ въ этой школѣ, они могли бы получить и въ болѣе дешевомъ зданіи и при меньшемъ количествѣ книгъ". Даже относительно Н. С. Федотьева при жизни А. В. были неблагопріятныя и обидныя заявленія на земскихъ собраніяхъ. Еще въ 1875 г. А. В. выражаетъ искреннее сожалѣніе, что дѣятельность Н. С. не находитъ себѣ сочувствія среди земства. „Относительно самой школы заявляютъ, что она обходится земству дорого, что учителя получаютъ много жалованья, что успѣхи школы не соотвѣтствуютъ ея обстановкѣ" и т. п. Почтенный учитель школы, внимательно слѣдившій, для пользы школы, за всѣми о ней заявленіями, до послѣдняго времени не представлялъ въ земское собраніе никакихъ объясненій относительно нападокъ лично на него, на его сотрудниковъ и на самую школу, не потому, чтобы хладнокровно къ этому относился, а единственно потому только, что самъ почтенный учредитель школы А. В. Головнинъ былъ живъ и зналъ о школѣ и ея заслугахъ вѣрнѣе, чѣмъ поверхностные обвинители изъ числа земскихъ ораторовъ. Одинъ разъ, въ 1878 г., Н. С. рѣшился написать заявленіе и проектъ его послалъ А. В., который далъ ему слѣдующій совѣтъ: „вообще, мнѣ кажется, что лучше устраивать дѣло на словахъ, если-же писать, то слѣдуетъ тщательно избѣгать всего, что можетъ кому-либо показаться обиднымъ, и если необходимо возражать, то въ самой вѣжливой формѣ". Наконецъ, въ 1887 г., когда уже не было въ живыхъ истиннаго цѣнителя и покровителя Гулынскихъ училищъ и ихъ дѣятелей,—Н. С. Федотьевъ подалъ въ пронское уѣздное земское собраніе заявленіе (помѣщенное въ журналѣ земскаго собранія 1887 г.), вызванное журналомъ засѣданій 7-го октября 1886 года въ связи съ журналами прежнихъ

годовъ. Въ означенномъ засѣданіи г. предсѣдатель собранія предложилъ жалованье учителя Гулынской школы уровнять съ прочими (вмѣсто 400—240 р. учителю; вмѣсто 240—120 р. помощнику). Изъ преній оказалось, что 1) вопросъ объ уменьшеніи жалованья учителю Гулынскихъ школъ, еще прежде возбуждавшійся, не получилъ разрѣшенія только потому, что собраніе считало неделикатнымъ измѣнять что-либо изъ установленнаго ст.-секр. А. В. Головнинымъ; 2) вопросъ о неуспѣшной дѣятельности учителя Федотьева является тоже не въ первый разъ, что ему это ставилось на видъ, но что г-нъ Федотьевъ, имѣя въ виду поддержку, относился ко всему хладнокровно, что ему дѣлались замѣчанія училищнымъ совѣтомъ; 3) предсѣдатель кн. Кропоткинъ заявилъ, что успѣхи г. Федотьева весьма плохи. Затѣмъ, хотя, на основаніи преній, и рѣшено было оставить то-же содержаніе Гулынскимъ педагогамъ, но въ то-же время постановлено: обратить вниманіе училищнаго совѣта на безуспѣшность дѣятельности Гулынскихъ школъ. Изъ поданнаго-же Н. С. Федотьевымъ заявленія оказывается слѣдующее:

1) Ни одного выговора, ни одного замѣчанія въ продолженіе всей своей службы Н. С. отъ училищнаго совѣта не получалъ. Напротивъ, были награды въ 1881, 1883 и 1884 годахъ.

2) Если были замѣчанія со стороны педагоговъ - ревизоровъ, то они касались только педагогической стороны дѣла, но никакъ не небрежности къ дѣлу.

3) Обвиненіе г. предсѣдателя земскаго собранія учитель Федотьевъ считаетъ тяжелою и незаслуженною для себя обидою и выражаетъ надежду, что почтенные господа гласные земскаго собранія снимутъ съ его честной 25-лѣтней дѣятельности тяжелое обвиненіе. Затѣмъ онъ представляетъ рядъ извѣстныхъ уже намъ неопровержимыхъ благопріятныхъ доводовъ относительно своей дѣятельности и успѣховъ Гулынскихъ училищъ.

Нынѣ предсѣдателемъ Пронскаго земскаго собранія состоитъ уже другое лицо.

VI.

Благотворительныя и иныя учрежденія въ селѣ Гулынкахъ.— Больница.— Пріютъ. Метеорологическая станція.—Занятія пчеловодствомъ и садоводствомъ.

Въ своихъ разнообразныхъ и неутомимыхъ заботахъ о нуждахъ населенія въ родовомъ селѣ Гулынкахъ А. В. Головнинъ не оставилъ и весьма важнаго вопроса о здоровьѣ и гигіеническихъ нуждахъ крестьянъ. Заботы эти начаты имъ гораздо раньше возникновенія школы и первое время не имѣли того успѣха, какого желалъ и ожидалъ А. В. Въ письмѣ къ предсѣдателю Пронской уѣздной земской управы отъ 28-го августа 1873 г. онъ говоритъ: „за 20 лѣтъ предъ симъ (т. е. въ 1853 году) я условился съ уѣзднымъ врачемъ Истьинскаго чугуннаго завода Полторацкихъ, что онъ будетъ пріѣзжать каждую недѣлю въ Гулынки и оказывать крестьянамъ возможную медицинскую помощь, не требуя съ нихъ платы, но эти посѣщенія вскорѣ прекратились собственно по недовѣрію крестьянъ къ врачу. Они говорили ему, что у нихъ нѣтъ больныхъ, что у нихъ всѣ здоровы, а сами ходили за помощью къ весьма почтенной старушкѣ, помѣщицѣ сосѣдняго сельца Кожухова, Е. В. Ивашинцевой, которая давала имъ простыя, домашнія, безвредныя средства, ласково ихъ принимала и терпѣливо выслушивала. Около 10 лѣтъ тому назадъ (1863 г.) я пригласилъ въ Гулынки отставнаго морскаго врача и послѣ его смерти другаго того же вѣдомства отставнаго врача и выстроилъ нынѣшній каменный домъ для квартиры врачу и съ двумя комнатами для больныхъ: одну на 6 и другую на 4 кровати, снабдивъ ихъ всѣмъ нужнымъ чрезъ одного врача, котораго нарочно послалъ для этого устройства изъ Петербурга. Обоихъ морскихъ врачей я просилъ принимать больныхъ въ эти комнаты и при томъ на мой счетъ: 1) нанимать для ухода за ними прислугу и 2) довольствовать ихъ пищей по свойству болѣзни. Эти просьбы не были, однако, исполнены, потому что крестьяне, по свойственному имъ отвращенію и недовѣрію, не хотѣли идти въ больницу, или потому, что гг. морскіе врачи находили для себя отяготительными имѣть возлѣ своей квартиры больныхъ, не получая за леченіе каждаго

изъ нихъ особой платы, сверхъ общаго назначенія имъ жалованья, которое не зависѣло отъ числа больныхъ, коихъ они посѣщали въ ихъ избахъ, или которые приходили за помощью и тотчасъ же уходили по полученіи лекарства. Во всякомъ случаѣ предполагавшаяся больница сама собою обратилась въ лечебницу для приходящихъ съ двумя запасными комнатами для экстренныхъ случаевъ, напр., въ случаѣ внезапной болѣзни проѣзжающихъ, для обварившихся, пораненыхъ, для операцій, вскрытія труповъ и т. д.

„Въ настоящее время отъ Пронскаго земства зависитъ имѣть въ немъ больницу для приходящихъ съ постоянными кроватями, или только лечебницу для приходящихъ съ запасными комнатами, которая, конечно, можетъ также приносить большую пользу. Я же съ своей стороны, пріѣзжая въ Гулынки весьма рѣдко, могу содѣйствовать какъ тому, такъ и другому заведенію, посылая въ подарокъ изъ Петербурга новѣйшія медицинскія сочиненія и самаго лучшаго качества лекарства и хирургическіе инструменты по выбору моего домоваго врача, также передавая на разсмотрѣніе здѣшнихъ извѣстныхъ медиковъ медицинскіе отчеты Гулынскаго врача. Все сіе я уже постоянно дѣлалъ....“

Принявъ въ свое вѣдѣніе Гулынскую лечебницу, съ каменнымъ домомъ, мебелью, посудою, лекарствами, инструментами, собраніемъ медицинскихъ книгъ и капиталомъ въ 6,000 руб., земство весьма много сдѣлало истинно-полезнаго для этого заведенія. Раздѣливъ уѣзды на участки, одному изъ врачей и фельдшеру оно назначило жить въ домѣ Гулынской лечебницы, которая сдѣлалась центральнымъ пунктомъ одного изъ участковъ, и назначило ему хорошее содержаніе.

Съ этого времени медицинское дѣло стало въ Гулынкахъ вполнѣ прочно и для мѣстнаго населенія имѣло самыя благодѣтельныя послѣдствія. Всѣ служившіе въ Гулынкахъ врачи съ любовью къ дѣлу и съ знаніемъ его относились къ своимъ труднымъ обязанностямъ, и о результатахъ своихъ наблюденій и работъ давали обстоятельные отчеты. Такъ, изъ любопытнаго отчета врача Н. Н. Мельгунова за 1873 г., видимъ:

1) Что больныхъ перебывало въ годъ 4,965 ч.; болѣе всего въ маѣ и іюнѣ; менѣе всего въ декабрѣ (212 ч.) и ноябрѣ (ни одного); вообще въ зимнее время меньше, чѣмъ въ лѣтнее.

Изъ болѣзней—болѣе всего господствовала перемежающаяся лихорадка; менѣе всего тифъ и сыпныя болѣзни.

3) Особенный вредъ приносило распространеніе сифилиса отъ нечистоты во всякомъ образѣ жизни. Изъ отчета 1887 года видно, что всѣхъ больныхъ въ больницѣ было 383 человѣка; приходящихъ 9,650 чел. Въ больницѣ 6 палатъ на 16 кроватей. Все необходимое въ полной исправности и въ достаточномъ количествѣ.

При больницѣ библіотека—400 названій (550 томовъ). Отдѣльныя помѣщенія для фельдшера и акушерки.

Изъ врачей особенною любовью крестьянъ пользовался И. Н. Никульшинъ. Нынѣшній (1888 г.) врачъ С. В. Деноткинъ тоже пользуется большимъ уваженіемъ и довѣріемъ со стороны населенія.

При появленіи въ уѣздѣ или въ селѣ эпидемическихъ болѣзней А. В. принималъ особые экстренные мѣры и расходы и, совѣтуясь съ авторитетами медицинскими въ Спб., посылалъ доктору и учителю рядъ практическихъ совѣтовъ для учениковъ и крестьянъ.

Въ 1874 г. посѣтилъ и осматривалъ Гулынскую больницу и другія мѣстныя учрежденія нашъ извѣстный докторъ Александръ Евграфовичъ Черемшанскій. По отношенію къ ученикамъ школы, кромѣ общихъ заботъ А. В. о ихъ здоровьѣ и благосостояніи,—приведемъ еще слѣдующія данныя:

Такъ по поводу введенія въ школу гимнастическихъ упражненій на воздухѣ (проектъ учителя) А. В. пишетъ: „это справедливо, но имѣйте, пожалуйста, въ виду, что, для истинной пользы и во избѣжаніе могущаго произойти большаго вреда, необходимо, чтобы разные виды движеній для каждаго мальчика назначались докторомъ послѣ осмотра имъ совершенно раздѣтыхъ мальчиковъ. Этотъ осмотръ долженъ черезъ нѣсколько мѣсяцевъ повторяться. Это нужно потому, что есть движенія очень вредныя для расположенныхъ къ грыжѣ, къ аневризму, къ выпаденію кишки и приливамъ крови къ головѣ и т. п.; есть, наоборотъ, движенія очень полезныя для людей, у которыхъ не особенно развиты дыхательные органы, дыханіе коротко, у кого начинается искривленіе спинной кости и т. п. Все это нужно знать, назначая тѣ или другія движенія и количество или число оныхъ. Вообще, здѣсь совершенно необходимы

совѣты и указанія врача, который сообразуется съ возрастомъ и тѣлодвиженіемъ ученика". Для того, чтобы ученики, по выходѣ изъ школы, сохраняли свое здоровье путемъ чистоты и опрятности въ образѣ жизни,—имъ въ послѣднемъ классѣ сообщаются главнѣйшія правила гигіены.

Обратимся къ учрежденному А. В. Головнинымъ пріюту для грудныхъ и малыхъ дѣтей, остающихся безъ призора въ рабочее время.

Въ 1869 году А. В. пишетъ своему учителю: „Прошу васъ потрудиться обдумать слѣдующее предположеніе, посовѣтоваться съ нашимъ священниковъ, съ вашимъ братомъ [1]), съ А. Г. Тверцынымъ, съ Петромъ Григорьевичемъ (бурмистръ) и съ г. директоромъ гимназіи въ Рязани и, не торопясь, сообщить мнѣ въ теченіи зимы ваше мнѣніе, какъ привести это предположеніе въ исполненіе: я давно желалъ устроить въ Гулынкахъ на селѣ дѣтскій пріютъ и школу для дѣвочекъ, поручивъ то и другое одной учительницѣ. Пріютъ есть просто просторная изба, куда во время лѣтнихъ работъ крестьянскія женщины приносятъ каждое утро своихъ самыхъ малыхъ дѣтей, а сами идутъ на работу и, по окончаніи работы, вечеромъ приходятъ за дѣтьми и уносятъ ихъ домой. Въ пріютѣ учительницы съ прислужницей обмываютъ дѣтей, кормятъ грудныхъ изъ рожка, а прочихъ кашкой, молокомъ съ хлѣбомъ и смотрятъ за ними, чтобы не ушиблись и не повредили себѣ". Такой пріютъ и былъ устроенъ въ томъ же 1869 г. въ видѣ опыта, на одинъ годъ; дѣло пошло хорошо и съ 1870 г. онъ былъ уже въ полномъ дѣйствіи; лѣтомъ 1871 г. онъ былъ затѣмъ переведенъ въ новый домъ женской школы. Для ухода за дѣтьми нанималось нѣсколько нянекъ изъ болѣе взрослыхъ дѣвушекъ; молоко давали содержащіяся при школѣ коровы. Дѣтей приносили ежедневно до 30 человѣкъ. Крестьянки были очень довольны этимъ пріютомъ и постоянно высказывали благодарность за это полезное учрежденіе. Къ сожалѣнію, въ настоящее время пріюта болѣе не существуетъ. Деревянный флигель, въ которомъ пріютъ находился, понадобился для помѣщенія фельдшеровъ Гулынской больницы

---

[1]) Братъ Н. С. Федотьева, учитель въ Старожиловѣ, сосѣднемъ имѣніи г. Фонъ-Дервиза.

и съ этою цѣлію, еще за нѣсколько лѣтъ до кончины А. В. Головнина, уступленъ имъ земству. Въ училищныхъ зданіяхъ устроивать пріюта земское начальство не позволяетъ, а другаго, удобнаго по размѣрамъ и мѣстоположенію, дома въ виду нѣтъ.

Въ 1870 г. членъ спб. главной физической обсерваторіи, г. Рыкачевъ, проѣзжая черезъ село Гулынки, пробылъ тамъ, по предложенію А. В. Головнина, два дня и, возвратясь въ Спб., съ восхищеніемъ сообщилъ ему о готовности учителя Н. С. Федотьева и его помощника участвовать въ ученыхъ трудахъ физической обсерваторіи. Узнавъ объ этомъ, А. В. на свои средства устроилъ при школѣ вполнѣ организованную метеорологическую станцію, послалъ Н. С. Федотьеву рядъ авторитетныхъ наставленій, и съ этого времени этотъ неутомимый и даровитый труженикъ дѣлалъ ежедневныя наблюденія надъ температурою воздуха, абсолютною и относительною его влажностью, состояніемъ барометра, направленіемъ и силою вѣтра, направленіемъ облаковъ, осадками и облачностью. Наблюденія эти сообщались своевременно главной физической обсерваторіи въ Спб. и печатались въ ея изданіяхъ, при чемъ, по отзывамъ компетентныхъ судей,—эти наблюденія признаны были болѣе серіозными и удачными, чѣмъ наблюденія, сдѣланныя въ среднихъ учебныхъ заведеніяхъ.

При Гулынской школѣ есть усадьба въ 1,200 кв. саженей, на которой учителемъ разведенъ садъ съ плодами и небольшой огородъ; въ саду же при усадьбѣ разработывается тутовое дерево (шелковица) до 1,000 кв. саж.

Противъ послѣдняго занятія А. В. дѣлалъ учителю отговорки, указывая на мнѣніе опытныхъ садоводовъ, убѣжденныхъ въ томъ, что въ средней Россіи разведеніе тутовыхъ деревьевъ можетъ быть только предметомъ забавы, а не промысловымъ занятіемъ, какъ въ странахъ горныхъ, за Кавказомъ и въ Азіи. Тѣмъ не менѣе, съ согласія и при помощи А. В., занятія эти начались и продолжаются по настоящее время.

Что касается до пчеловодства и садоводства, то А. В. очень поощрялъ эти занятія и не жалѣлъ средствъ и хлопотъ для ихъ успѣшности. Такъ, онъ высылалъ лучшія сѣмена, модели ульевъ и разныя принадлежности для пчеловодства. О значеніи этого занятія и о способѣ привлеченій своего учителя къ постороннему,

и весьма полезному дѣлу свидѣтельствуетъ слѣдующее письмо А. В.: „Въ разное время я отправлялъ вамъ для Гулынской школы разныя свѣдѣнія о пчеловодствѣ, желая обратить вниманіе на это занятіе, которымъ славилась Россія въ старину, которое доставляло тогда большіе барыши пчеловодамъ, а теперь находится въ полномъ упадкѣ. Въ 1841 году, въ первый пріѣздъ мой въ Гулынки, я еще нашелъ улья у многихъ крестьянъ (Филата Сергѣева, Степана Иванова и др.), у дьячка, но особенно въ порядкѣ у старика огородника Ѳомы, который ставилъ ихъ у насъ въ саду близъ того мѣста, гдѣ теперь баня. Мнѣ кажется, что для учителя деревни занятія пчелами должно быть весьма пріятно. Поэтому, если чувствуете расположеніе къ оному, не хотите-ли заняться такъ: купите въ нынѣшнемъ году пчелъ, улья, держите ихъ у меня въ саду, гдѣ удобнѣе, нанимайте по временамъ, когда нужно, знающаго мастера, производя всѣ расходы на мой счетъ, а доходами отъ продажи меду и воску будемъ пользоваться пополамъ: половину мнѣ за капиталъ, а половину вамъ за труды“.

VII.

Празднованіе 25-лѣтія Гулынской школы.

Не дожилъ всѣми уважаемый учредитель Гулынской школы и благодѣтель родоваго села до духовнаго праздника въ своемъ любимомъ учрежденіи. Не для него лично, по его обычной скромности, важно было-бы присутствіе его на торжествѣ, увѣковѣчивающемъ его благотворную дѣятельность,—но каково было бы счастіе для населенія, для учащихся и учащихъ, если бы въ этотъ радостный день былъ съ ними тотъ, чье имя произносится и будетъ произноситься въ селѣ Гулынкахъ съ чувствомъ благоговѣнія. Богъ судилъ иначе. Память объ А. В. Головнинѣ священна для Гулынскаго населенія....

21-го мая 1888 года Гулынское начальное мужское училище праздновало 25-лѣтіе своего полезнаго существованія. Празднованіе имѣло совершенно частный и семейный характеръ. Въ этотъ день съѣхались въ Гулынки изъ разныхъ уѣздовъ многіе учи-

теля-крестьяне, бывшіе ученики Гулынской школы, и собрались къ мѣсту школы сельскія власти, крестьяне, ученики и ученицы и другіе гости. Между прочимъ, были: г. Лучининъ, студентъ московскаго университета, бывшій ученикъ школы, и гласный земства сосѣдній помѣщикъ г. Елчинъ. Въ 9 часовъ всѣ вошли въ церковь, гдѣ была отслужена обѣдня, при чемъ пѣлъ хоръ пѣвчихъ изъ учителей, бывшихъ учениковъ школы. Священникомъ—законоучителемъ отцемъ В. Д. Ярустовскимъ сказано было поученіе. Изъ этого прекраснаго пасторскаго слова мы приведемъ особенно трогательное мѣсто, касающееся воспитанниковъ училища и его незабвеннаго учредителя: „Послѣднее мое слово къ вамъ, юныя отрасли сего вертограда науки. Я знаю, что вамъ дорого училище, ибо оно явило вамъ свѣтъ, просвѣщающій вашу душу и согрѣвающій ваше сердце. Сохраните же навсегда и по выходѣ свою духовную святую связь съ нимъ. Помните то, чему васъ учили въ немъ. И во первыхъ, любите Бога и будьте благодарны Ему за все, что Имъ сдѣлано и дѣлается для васъ; ибо не велика-ли та милость Его къ вамъ, что вы воспитаны и воспитываетесь въ училищѣ, быть можетъ, лучше, чѣмъ тысячи дѣтей вашего званія; не указаніе-ли то промысла Божія вамъ, что, какъ все полученное отъ Бога, вы все обязаны и посвятить ему въ своей жизни. Возлюбивши Бога всѣмъ сердцемъ вашимъ, храните, дѣти, неизмѣнимое благодарное памятованіе въ своихъ молитвахъ къ Отцу небесному о скончавшемся болляринѣ Александрѣ Васильевичѣ, на чьи щедроты вы учитесь: его любви и милосердію обязаны вы всѣмъ въ своемъ училищѣ, его попеченіемъ все устроено и приспособлено къ тому, чтобы, сколько возможно лучше, просвѣтить васъ и воспитать подъ своимъ кровомъ!"

Послѣ обѣдни всѣ собрались въ зданіи училища, которое было украшено флагами. Здѣсь передъ молебномъ старостой села были поднесены школѣ образъ Николая Угодника въ серебряной ризѣ, кіотъ съ надписью и приговоръ сельскаго схода крестьянъ села Гулынокъ, которымъ постановлено ежегодно совершать панихиду о почившемъ „благодѣтелѣ нашемъ Александрѣ Васильевичѣ Головнинѣ въ день его памяти, т. е. 3-го ноября".

Послѣ обычнаго молебна совершена была панихида и про-

возглашена вѣчная память учредителю и попечителю школы, Александру Васильевичу; затѣмъ провозглашено многолѣтіе государю императору и всему царствующему дому, попечителямъ школы, Петру Іоанновичу и Поликсеніи Васильевнѣ Саломонъ, учащимъ и учащимся. Послѣ многолѣтія учитель школы Н. С. Федотьевъ прочиталъ отчетъ за 25 лѣт. существованія и дѣятельности школы. Далѣе, были прочитаны поздравительныя телеграммы и письма отъ слѣдующихъ лицъ:

1) Отъ попечителя школы дѣйств. тайн. сов. П. І. Саломонъ телеграмма съ выраженіемъ желанія „съ каждымъ годомъ болѣе и болѣе преуспѣвать въ достиженіи руководившей его основателя цѣли: путемъ распространенія грамотности водворять въ мѣстномъ сельскомъ населеніи добрые нравы“.

2) Отъ сына попечителя, Александра Петровича Саломонъ телеграмма.

3) Отъ сельскихъ учителей Исакова и Горбатова телеграмма съ пожеланіемъ, „чтобы Гулынская школа была вѣчнымъ памятникомъ ея основателю“.

4) Письмо отъ перваго учителя и организатора Гулынской школы А. І. Кочетова, который, не имѣя никакой возможности уѣхать изъ С.-Петербурга, по неотложнымъ дѣламъ, „мысленно перенесся въ среду собравшихся и всѣмъ сердцемъ присоединился къ ихъ молитвамъ“.

5) Отъ помощника инспектора рязанской духовной семинаріи А. Попова привѣтственное письмо.

6) Отъ воспитанника рязанской духовной семинаріи П. Ярустовскаго, бывшаго ученика Гулынской школы, который пожелалъ „родному училищу не 25 лѣтъ, а столѣтія прожить въ цвѣтѣ, силѣ и славѣ для блага церкви и отечества“.

7) Отъ учителя Столпянской сельской школы Семенова, бывшаго ученика Гулынской школы, привѣтственное письмо, въ которомъ о дѣятельности своего бывшаго наставника онъ, между прочимъ, говоритъ: „учили вы насъ словомъ, и слова свои подтверждали примѣромъ, слѣдуя которымъ и мы вышли людьми, готовыми къ жизни и способными къ труду“.

Кромѣ телеграммъ и писемъ были высказаны и устныя привѣтствія. Такъ, одинъ крестьянинъ, бывшій ученикъ школы, сказалъ рѣчь.

Помощникъ сельскаго учителя, изъ дворянъ, Константинъ Пигаревъ, по порученію учительницы, поднесъ Н. С. Федотьеву вѣнокъ отъ Гулынской женской школы и лично отъ себя прочиталъ свое стихотвореніе, изъ котораго мы заимствуемъ слѣдующія прекрасныя строки:

..... «Не напрасно потраченъ вашъ трудъ:
Вотъ они — дѣти народной семьи,
Дѣти въ невѣжествѣ росшихъ людей!
Здѣсь почерпнувши познанія свои,
Стали смѣлѣе они и умнѣй!
Шире ихъ умственный сталъ кругозоръ,
Правильнѣй жизнь они могутъ понять,
Знанья коснулася ихъ благодать!
Вѣрю я—выростетъ русскій народъ,
Духомъ окрѣпнетъ, окрѣпнетъ умомъ!»

И въ заключеніе:

«Вѣрю въ учительскій скромный я трудъ:
Выростетъ знанія сѣмя!
Новыя силы народа растутъ,—
Лучшее близится время!»

Бывшій ученикъ школы, крестьянинъ Одиноковъ, тоже прочиталъ свое стихотвореніе, строфы и строки котораго хотя сильно грѣшатъ противъ версификаціи, но все-таки интересное по искренности чувствъ и зрѣлости мысли.

Вотъ нѣсколько строкъ сельскаго поэта:

«Къ познанію Творца премудраго Бога
Открывается священникомъ прямая дорога,
И сдѣлать огрубѣлыя мягче воска сердца
Это трудная задача—законоучителя Василія—духовнаго отца.
Хотя и умеръ виновникъ сихъ радостныхъ дней,
Но будетъ жить вѣчно онъ въ памяти отцовъ и дѣтей,
Ему ужъ не надо награжденій земныхъ,
Помолимся Богу! молитва—даръ лучшій у насъ-же самихъ.
А тружениковъ честныхъ отцовъ—учителей
Мы любимъ всѣмъ сердцемъ и душою своей,
Хотя имъ и не видны молитвы пламенной души,
Но все же мы просимъ у Бога имъ мѣста въ райской тиши!»

Послѣ чтенія и передачи привѣтствій всѣ собравшіеся пропѣли „Боже царя храни“ и „Славься нашъ русскій царь“ съ акомпаниментомъ фисъ-гармоники. Учитель поблагодарилъ крестьянъ за сочувствіе и вниманіе ихъ къ празднику школы и простился съ ними. Всѣ учащіеся мальчики и дѣвочки, болѣе 100 человѣкъ, получили — угощеніе. Духовенство, учителя и другіе гости были приглашены на чай и закуску.

Вечеромъ зданіе училища и аллея сада, параллельно училищу, были иллюминованы фонарями; былъ устроенъ фейерверкъ (фонтаны и римскія свѣчи); въ одномъ окнѣ школы былъ вензель, въ другомъ туманныя картины. Вокругъ зданія толпилось множество крестьянъ, которые по временамъ пѣли: „Боже царя храни“ (пѣсенъ крестьяне не могли пѣть подъ воскресенье). Восторгъ крестьянъ доходилъ до энтузіазма: не разъ вызывали учителя, благодарили и качали его. Вечеръ закончился въ 12 час. ночи пѣніемъ гимна „Боже царя храни“.

Н. Н. Куликовъ.

ИСТОРИКО-ЛИТЕРАТУРНЫЕ МАТЕРІАЛЫ И ПИСЬМА

1853—1855 гг.

Съ особымъ всегда удовольствіемъ помѣщая на страницахъ „Русской Старины“ матеріалы къ обзору дѣятельности сподвижниковъ Александра-Освободителя, даемъ нынѣ мѣсто нѣсколькимъ документамъ, напоминающимъ благосклонное отношеніе В. К. Константина Николаевича, одного изъ самыхъ близкихъ помощниковъ и сподвижниковъ незабвеннаго Государя, къ русскимъ писателямъ и вообще къ людямъ науки, литературы и искусствъ.

Копіи печатаемыхъ рескриптовъ и резолюція сообщены намъ въ февралѣ 1880 года А. В. Головнинымъ и печатаются нами съ благосклоннаго разрѣшенія Е. И. В. Великаго Князя Константина Николаевича.

Ред.

I.

Рескриптъ Е. И. В. Вел. Кн. Константина Николаевича

Михаилу Петровичу Погодину.

28-го декабря 1853 г.

Вчера г. Потѣхинъ [1]) читалъ мнѣ свою драму, которая обнаружила въ немъ прекрасный талантъ и большое знаніе быта и языка крестьянъ нашихъ. Я весьма благодаренъ вамъ за удовольствіе, которое вы мнѣ доставили, обративъ мое вниманіе на это замѣчательное сочиненіе; желаю искренно, чтобы молодой авторъ, продолжая изучать въ разныхъ мѣстахъ Россіи народную жизнь, дарилъ насъ, по временамъ, подобными произведеніями. Съ своей стороны я готовъ оказать ему возможное содѣйствіе и покровительство, и увѣренъ, что вы дадите его таланту и дѣятельности хорошее направленіе.

II.

Графу В. Ѳ. Адлербергу.

28-го декабря 1853 г.

Графъ Владиміръ Ѳедоровичъ. Молодой московскій писатель Потѣхинъ, адресованный ко мнѣ Погодинымъ, читалъ мнѣ вчера

---

[1]) Алексѣй Антиповичъ Потѣхинъ.

свою драму: «Судъ людской—не Божій», взятую изъ крестьянскаго быта и обнаруживающую въ авторѣ несомнѣнный талантъ и большое знаніе быта и языка крестьянъ нашихъ. Сочиненіе это, выставляя глубокія чувства, религіозность и доброту души, которыя отличаютъ народъ нашъ, имѣетъ прекрасное направленіе. Авторъ желалъ бы видѣть оное на сценѣ въ С.-Петербургѣ и Москвѣ, и я прошу ваше сіятельство, въ особенное личное мнѣ одолженіе, обратить на него вниманіе дирекціи театровъ и оказать ему возможное покровительство и содѣйствіе.

Я буду искренне благодаренъ вамъ за все, что вы сдѣлаете для поощренія молодаго русскаго таланта.

Пребываю къ вамъ навсегда неизмѣнно доброжелательнымъ Константинъ.

III.

Графъ В. Ѳ. Адлербергъ—Вел. Кн. Константину Николаевичу.

Ваше императорское высочество. Удостоясь получить рескриптъ вашего императорскаго высочества, отъ 28-го сего декабря, я не премину сдѣлать надлежащаго распоряженія о постановкѣ на здѣшней и московской сценахъ рекомендуемой вашимъ высочествомъ піэсы Потѣхина «Судъ людской—не Божій», если піэса эта будетъ одобрена цензурою III отдѣленія собственной его императорскаго величества канцеляріи. Посему и не благоугодно ли будетъ приказать автору оную туда представить. Съ глубочайшимъ благоговѣніемъ вашего императорскаго высочества всепреданнѣйшій слуга графъ Владиміръ Адлербергъ.

IV.

Московскій митрополитъ Филаретъ—Его Высочеству Великому Князю Константину Николаевичу [1]).

27-го іюля 1854 г.

Благовѣрный государь! Если кто, вслѣдствіе внезапнаго страха или радости, не удержится отъ восклицанія предъ тѣми, предъ которыми прилично было-бы хранить смиренное безмолвіе, ему сіе прощаютъ.

Такъ простите, благовѣрный государь, и меня, если, послѣ устрашившаго слуха, при радостномъ извѣстіи, не могу сохранить молчанія.

---

[1]) По поводу спасенія отъ потопленія, угрожавшаго Его Высочеству 17-го іюля 1854 г. на восточномъ рейдѣ Кронштадта.

Благословенъ Создавый сѣверъ и море, владычествующій державою морскою, возмущеніе же волнъ его укрощающій. Благословенъ воспріявшій васъ отъ водъ многихъ. Благословенъ попустившій опасность, да молимся Ему, и уповаемъ на Него, и сохранившій отъ опасности, да благодаримъ и славимъ Его. Благословенъ сохранившій васъ, и сохранившій августѣйшаго родителя вашего отъ новой печали среди многотруднаго подвига, и сохранившій Россію отъ новой печали во дни заботы.

Владыка жизни да речетъ Ангелу хранителю вашему, и сей да воспомянетъ вашему сердцу, что, храня мужество и неустрашимость для подвиговъ на пользу отечества, имѣете также обязанность беречь себя для вашего семейства, для вашихъ августѣйшихъ родителей и для Россіи.

Благовѣрный государь! Вашего императорскаго высочества всенижайшій слуга и богомолецъ Филаретъ, митрополитъ московскій.

V.

Е. И. В. Великій Князь Константинъ Николаевичъ—митрополиту Филарету.

1-го августа 1854 г.

Высокопреосвященнѣйшій владыко и архипастырь! Письмо ваше отъ 27-го іюля я получилъ съ чувствами искреннѣйшей признательности за это доказательство вашего ко мнѣ расположенія. Вы объяснили мнѣ истинное значеніе происшествія 17-го іюля и указали, какъ я долженъ принять этотъ случай. Наставленіе ваше будетъ исполнено съ тѣмъ глубокимъ уваженіемъ, которое я всегда къ вамъ чувствовалъ.

Поручая себя молитвамъ вашимъ, пребываю неизмѣнно доброжелательнымъ Константинъ.

VI.

Е. И. В. Великій Князь Константинъ Николаевичъ—В. И. Далю.

13-го января 1855 г.

Владиміръ Ивановичъ. Мнѣ случается разсматривать съ большимъ удовольствіемъ полученное отъ васъ въ подарокъ собраніе лубочныхъ картинъ, относящихся къ исторіи 1812 года, на которыхъ остроумныя надписи выразили взглядъ народный на событія того времени. Мнѣ кажется, что картины эти были въ свое время весьма

полезны, распространяя въ народѣ сочувствіе къ воинамъ нашимъ, дѣлая извѣстными ихъ имена и подвиги. Въ этомъ убѣжденіи я весьма желалъ бы видѣть изданіе подобныхъ картинъ, изображающихъ современные подвиги собственно моряковъ нашихъ на Дунаѣ, на Кавказѣ, въ Крыму и въ Камчаткѣ. Полагая, что, по совершенному знанію народнаго языка, юмора и вообще нрава русскаго человѣка, никто лучше васъ не исполнитъ подобнаго предпріятія, я просилъ бы васъ сообщить мнѣ, не согласитесь ли вы составить собраніе помянутыхъ картинъ съ приличными надписями и на сумму, которая могла бы быть доставлена вамъ, издать ихъ въ огромномъ числѣ экземпляровъ и разослать по всей Россіи для продажи по самой ничтожной цѣнѣ, дабы сдѣлать доступными каждому крестьянину. Я желалъ бы, чтобъ имена Нахимова, Корнилова, Завойки и другихъ сдѣлались у насъ народными, чтобъ ихъ повторяли въ избахъ крестьянъ также, какъ и въ жилищахъ нашего дворянства.

Пребываю къ вамъ навсегда искренно доброжелательный Константинъ.

VII.

Вл. Ив. Даль—Александру Вас. Головнину [1]).

22-го января 1855 г. Нижній-Новгородъ.

М. г. Александръ Васильевичъ. Удостоясь получить рескриптъ государя великаго князя генералъ-адмирала отъ 13-го января, объ изданіи для народа картинъ и описаній современныхъ военныхъ событій, относящихся до флота нашего, покорнѣйше прошу ваше превосходительство довести до свѣдѣнія его императорскаго высочества, что, устраняя всѣ затрудненія по недосугу и крайней хилости моей, я бы не посмѣлъ отказываться отъ порученія столь близкаго и сроднаго мнѣ,—но, обдумавъ все, безусловно убѣдился, что оно исполнимо только въ одной изъ столицъ нашихъ, а въ особенности въ Москвѣ. Составитель и издатель долженъ жить въ Москвѣ, гдѣ найдетъ всѣ необходимыя пособія рисовальщиковъ и самую дешевую печать и бумагу. Я не рисую, а здѣсь годнаго на это человѣка нѣтъ. Вспоминаю, что въ Москвѣ теперь долженъ находиться князь Львовъ, бывшій цензоръ, издатель народныхъ сказокъ съ картинами; кажется,

[1]) Въ 1855 г. А. В. Головнинъ былъ правителемъ канцеляріи генералъ-адмирала Е. И. В. великаго князя Константина Николаевича.

Рде.

онъ могъ бы исполнить это дѣло. И нынѣ, впрочемъ, выходитъ нѣчто подобное, подъ названіемъ Райка. Сынъ мой, будущій зодчій, трудящійся нынѣ въ академіи художествъ, обѣщалъ навѣстить меня къ Пасхѣ; если онъ исполнитъ это и если я найду, что успѣхи его въ рисованіи на такое дѣло хотя по нуждѣ достаточны, то постараюсь представить, для образчика, что нибудь въ этомъ родѣ.

Если мнѣ дозволено выразить при семъ случаѣ общее мнѣніе, то посмѣю сказать, что у насъ слишкомъ мало пищи для всеобщаго, единодушнаго и живаго участія всѣхъ сословій въ настоящихъ событіяхъ. Одинъ только «Морской Сборникъ» идетъ съ нами душа въ душу и братски дѣлится всѣмъ. Изъ Крыма, по которому мы ночей не досыпаемъ, какъ будто нехотя, отзываются немногими и весьма неясными словами, нерѣдко возбуждающими непріятные толки. Иногда нѣсколько номеровъ вѣдомостей сряду не содержатъ ни словечка о положеніи дѣлъ нашихъ — будто мы живемъ среди вожделѣннаго мира—и только по выпискамъ изъ газетъ иностранныхъ видишь, что война продолжается. Смѣю думать, что должно бы поддерживать общее, кровное участіе къ великому дѣлу и не пренебрегать этимъ.

Покорнѣйше прошу принять увѣреніе и пр. В. Даль.

VIII.

Е. И. В. В. К. Константинъ Николаевичъ—В. И. Далю.

11-го февраля 1855 г.

Весьма благодарю васъ, что при вашемъ нездоровьи и служебныхъ запятіяхъ вы приступили къ исполненію моего желанія и прислали разсказъ нижегородскаго райка о Синопѣ, который я прочелъ съ большимъ удовольствіемъ. Прошу васъ продолжать прекрасный трудъ вашъ въ часы здоровья, и желаю, чтобы они случались чаще.

Слѣдуя вашему мнѣнію, что изготовленіе лубочныхъ картинъ всего удобнѣе въ Москвѣ, я просилъ профессора Шевырева, въ бытность его здѣсь, заняться этимъ дѣломъ, и ему же пошлю разсказъ о Синопѣ. Сверхъ того, полагаю отправить копію Погодину для «Москвитянина». Константинъ.

IX.

А. В. Головнинъ—С. П. Шевыреву.

Великій князь генералъ-адмиралъ, получивъ отъ В. И. Даля разсказъ для лубочной картины, которая изображала бы Синопское сраженіе, изволилъ поручить мнѣ доставить вамъ этотъ разсказъ, вслѣдствіе извѣстнаго вамъ сообщенія, и просить заказать для опыта въ Москвѣ картину въ народномъ вкусѣ, на которой внизу напечатать этотъ разсказъ, и увѣдомить его высочество, сколько оттисковъ можетъ выдержать доска, на которой картина будетъ вырѣзана (конечно, на деревѣ), и что будутъ стоить всѣ экземпляры.

Примите увѣреніе и пр. А. Головнинъ.

X.

Степанъ Петров. Шевыревъ—А. В. Головнину.

1.

Января 29-го 1855 г. Спб.

Письма къ графу А. Ѳ. Орлову и А. С. Норову такъ искусно написаны, что я, кромѣ полнаго моего сочувствія къ ихъ содержанію и выраженію, ничего другаго сказать не могу.

Что касается до мысли великаго князя генералъ-адмирала, выраженной въ письмѣ его императорскаго высочества къ В. И. Далю, по возвращеніи въ Москву, я займусь немедленно соображеніями къ ея исполненію соотвѣтственно прекрасной цѣли, указанной великимъ княземъ; но, къ сожалѣнію, у меня нѣтъ коллекціи лубочныхъ картинокъ 1812 г., которая необходимо должна быть принята въ соображеніе.

Нѣкоторыя картинки, относящіяся къ современнымъ событіямъ, у насъ явились и уже продаются по толкучкамъ въ Москвѣ, привлекая народное вниманіе. Я непремѣнно соберу ихъ и буду имѣть счастіе черезъ васъ представить ихъ вел. князю. С. Шевыревъ.

2.

Февраля 19-го 1855 г. Москва.

М. г. Александръ Васильевичъ! Позвольте мнѣ сначала, въ оправданіе свое, отдать вашему превосходительству отчетъ въ своемъ времени съ тѣхъ поръ, какъ я въ Москву возвратился. Пріѣхалъ я середи

масляницы, когда въ художественномъ училищѣ нѣтъ ученія. Первую недѣлю, по старому ненарушимому обычаю, провелъ въ говѣніи. На второй—возобновилъ университетскія занятія—и, улучивъ первую свободную минуту, отправился для совѣщанія съ художниками.

На первый случай мы положили задать сюжетъ для эскиза: смерть Корнилова. Но вотъ какія препятствія встрѣчаются для исполненія. Прибѣгаю къ вашей помощи. Намъ нужны рисунки одежды и всей аммуниціи нашихъ моряковъ. Не можете-ли сдѣлать милость снабдить насъ этими матеріалами? Также необходимо-бъ было имѣть рисунки мундировъ тѣхъ полковъ, которые защищаютъ Севастополь.

Картину по разсказу Даля мы также зададимъ въ народномъ духѣ. Для этого надобно разсказъ списать и оставить ученикамъ. Въ понедѣльникъ она будетъ задана.

Между лубочными картинками, кромѣ Синопской битвы, я ничего не нашелъ изъ морскихъ подвиговъ.

Продающимъ картинки я осмѣлился передать желаніе Великаго Князя генералъ-адмирала.

Письмо Его Высочества къ г. Далю, письмо къ вамъ г. Даля и послѣднюю приписку при разсказѣ возвращаю по желанію вашему. Съ письма Великаго Князя я снялъ для себя копію.

XI.

А. В. Головнинъ—С. П. Шевыреву.

23-го февраля 1855 г.

Его Высочество, желая, чтобъ подвиги моряковъ нашихъ были изображены для народа въ такъ называемыхъ лубочныхъ картинахъ, полагаетъ, что для этого не нужно точности въ изображеніи мундировъ, тѣмъ болѣе, что въ Севастополѣ отъ главнокомандующаго и Великихъ Князей до рядоваго всѣ ходятъ въ солдатскихъ шинеляхъ. Мундировъ и вообще другаго одѣянія тамъ нѣтъ.

XII.

С. П. Шевыревъ—А. В. Головнину.

15-го марта 1855 г. Москва.

Когда я въ послѣдній разъ 19-го февраля писалъ къ вамъ, я не воображалъ, что въ тотъ же день, въ 3-мъ часу пополудни, поразитъ меня громовое извѣстіе о кончинѣ Государя Николая Павловича.

Отъ Москвы скрыты были 1-й и 2-й бюллетени, и мы вовсе не знали о болѣзни Его Величества.

Долго не могъ я опомниться и привести всѣ занятія въ обычный порядокъ.

Препровождаю къ вамъ для представленія Его Императорскому Высочеству генералъ-адмиралу нѣсколько эскизовъ, сдѣланныхъ нашими художниками.

Три эскиза Рамазанова: 1) Матросъ Кошка, 2) Шевченко и 3) Ѳедоръ Аверьяновъ.

Два эскиза Шервуда на одинъ и тотъ же сюжетъ: Смерть Корнилова.

Собраніе каррикатуръ весьма даровитаго художника Боклевскаго на нынѣшнюю войну къ тексту извѣстной пѣсни о воеводѣ Пальмерстонѣ.

Вылазка изъ Севастополя 24-го ноября 1854 года. Рисунокъ Шмелькова, литографія Черкасова.

Всѣ художники одушевлены задачами и усердствуютъ наперерывъ.

На разсказъ В. И. Даля о Синопской битвѣ готовится много каррикатуръ. Если будутъ удачны, то ихъ можно будетъ издать съ текстомъ подъ рисунками, какъ издается народная сказка объ Ильѣ Муромцѣ.

Если посылаемые рисунки удостоены будутъ одобренія отъ Его Императорскаго Высочества, то мы немедленно издадимъ ихъ здѣсь и выставимъ для народа.

XIII.

Резолюція Е. И. В. Вел. Кн. Константина Николаевича на письмѣ С. П. Шевырева:

«Всѣ рисунки совершенно (неудовлетворительны), и ихъ публиковать невозможно. Я совсѣмъ не этого ожидалъ, а болѣе въ лубочномъ юмористическомъ родѣ. Что прелесть, умно и остро, это — каррикатура на «Воевода Пальмерстонъ». Это, право, стоило бы напечатать».

БОРОДИНСКАЯ ГОДОВЩИНА.

Изъ воспоминаній Теобальда [1]).

I.

2-й и 6-й пѣхотные корпуса весь 1838 годъ готовились къ походу подъ Бородино, для маневровъ и открытія бородинскаго памятника. Какому-то штабному умнику приказано было сочинить для этого случая „солдатскую пѣсню"—и вотъ онъ сочинилъ, поддѣлываясь подъ „тихій учебный шагъ въ три пріема", quasi-солдатскую пѣсню, начинавшуюся куплетомъ:

«Что не соколы крылаты,
Чуя солнышка восходъ,
Бѣлаго царя солдаты
Собираются въ походъ».

Какой-то капельмейстеръ изъ чеховъ положилъ ее на музыку, смахивающую на

«Кде домувъ муй»,

росписалъ ее на голоса—и пѣсня разослана въ полки, съ строгимъ приказаніемъ, чтобы ротные и эскадронные пѣсенники непремѣнно выучили ее наизусть.

И надоѣла же намъ эта пѣсня! Бывало по цѣлымъ днямъ кучки пѣсенниковъ зубрятъ, подъ аккомпаниментъ горниста,

---

[1]) См. „Русскую Старину", изд. 1889 г., томъ LXI, февраль, стр. 355—368.

эту пѣсню и никакъ не могутъ усвоить ее себѣ, во первыхъ, потому. что пѣсня черезъ-чуръ длинна и слова ея никакъ не улегались на солдатскомъ. слишкомъ грубомъ для нихъ, языкѣ, и во вторыхъ, что голосъ ея не лѣзъ въ русское солдатское горло. Но

«Чего не сдѣлаетъ солдатъ за царское спасибо!»

Выучили таки солдатики эту заморскую пѣсню — и весною 1839 гола войска корпусовъ графа Крейца и Тимофеева потянулись подъ Бородино.

Я служилъ во 2-мъ корпусѣ, въ Галицкомъ егерскомъ полку, который квартировалъ въ г. Быховѣ, Могилевской губерніи, и былъ портупей-юнкеромъ. На время похода юнкерскую команду распустили и насъ отослали въ роты.

Походъ не представлялъ ничего особеннаго, покуда мы шли по Могилевской и Витебской губерніямъ; но со вступленіемъ въ Смоленскую губернію для насъ открылся какой-то особый этнографическій міръ, а для жителей представилось невиданное ими въ жизни явленіе: строй солдатъ, о которыхъ они знали только по отдѣльнымъ личностямъ отпускныхъ. Насъ въ особенности поражалъ культъ Духовщинскаго уѣзда. Это былъ какой-то непочатый край, наполненный дикарями изъ Новой-Зеландіи. Самый костюмъ женщинъ поражалъ насъ до онѣмѣнія. Вообразите себѣ громадную женщину, съ растрепанными волосами, босую и въ длинной, грязной, закоптѣлой рубахѣ, подпоясанную простою веревкою—это дѣвка! Рядомъ съ нею, въ такой же точно рубахѣ, но съ пестрядиннымъ фартухомъ—не спереди, какъ бы слѣдовало—а сзади, и съ отребьями какой-то грязной тряпки на головѣ—это замужняя.

Благодаря жаркой майской погодѣ, мы ночевали въ гумнахъ; въ хатахъ же Духовщинскаго, Сычовскаго и части Дорогобужскаго уѣздовъ насъ заѣли бы паразиты всѣхъ существующихъ на свѣтѣ именованій.

Зато Вязьма, Вяземскій и Гжатскій уѣзды вознаградили наше русское чувство: тамъ только увидали мы сарафаны, кокошники и душегрѣйки.

Весь походъ нашъ по Смоленской губерніи (начиная съ До-

рогобужскаго уѣзда), до самаго Бородина, былъ какимъ-то тріумфальнымъ шествіемъ. Каждую роту жители всякой деревни встрѣчали съ блинами, пирогами, калачами и другими печеніями— и съ цѣлыми бочками квасу.

— Позволь, кормилецъ, сердешнымъ, солдатушкамъ, кваску испить и пирожка прикушать!—обращаются старики къ ротному командиру.

Радовались солдатики такому русскому хлѣбосольству и радушію. Отплачивали же крестьянамъ пѣснями, беззавѣтною русскою удалью и молодецкою пляскою, не смотря на усталость, ранецъ и тяжелую аммуницію. Барабаны, бубны, тарелки, ложки и треугольники были тамъ никогда неслыханными музыкальными инструментами. Бывало цѣлыя деревни, и старый, и малый, провожаютъ роту отъ деревни до деревни, — да не только люди, но и цѣлыя стада коровъ провожаютъ роту, держась отъ нея на благородной дистанціи и съ испугомъ, дико поглядывая на барабаны и бубны, повидимому, сильно дѣйствовавшіе на ихъ коровьи нервы. А ужъ на ночлегахъ надобно было удивляться неутомимости солдатушекъ! Поужинавъ, они, имѣя рубахи на выпускъ, шинели въ накидку и фуражки на бекрень, выходили на улицу, кто съ чѣмъ гораздъ: съ балалайкою, рожкомъ, скрипкою, бубномъ, въ дѣвичій хороводъ — и тутъ начинается пляска и продолжается вплоть до утренняго генералъмарша, призывающаго немедленно подъ ранецъ.

Весело вспоминали солдатики этотъ походъ: катались, какъ сыръ въ маслѣ—ѣшь—не хочу!

На одномъ ночлегѣ мужички какъ-то разговорились съ ротнымъ барабанщикомъ, жидкомъ, и недоумѣвали надъ его страннымъ выговоромъ.

— Да ты, поштенный, изъ какихъ будешь: изъ поляковъ, аль изъ мѣмцовъ?

— Я, нэмца!—отвѣчалъ барабанщикъ.

— Слушайте его!—перебилъ ротный запѣвало Зубковъ. Просто жидъ, да еще и не крещеный!

— Жидъ! жидъ! раздались голоса. Робя! хади жида поглядѣть: во іонъ!

Толпа сбѣжалась и начала осматривать его какъ заморскаго

звѣря. Нѣкоторыя бабы даже ощупывали его лицо руками, приговаривая: „Во жидъ! Ай, жидъ!“

Долго въ деревнѣ слышались голоса:

— Хадимъ жида паглядзѣць!

Надо мною бывало также призадумываются бабы и дѣвки, и нерѣдко осаждаютъ вопросами:

— Ты скажи, родимый, изъ какихъ ты будешь: изъ дворовыхъ, аль изъ солдатскихъ дѣтей?

— Изъ дворовыхъ, голубушка.

— И я тое кажу. Оно и видно, что не изъ простыхъ. За то ты и набольшій.

Онѣ считали меня, по крайней мѣрѣ, фельдфебелемъ. Иныя также ощупывали лицо мое руками.

Но разъ поставили меня въ крайне непріятное положеніе весельчаки мои товарищи.

Въ Дорогобужскомъ уѣздѣ, мы еще до захода солнца пришли на дневку въ одну большую деревню. Жители встрѣтили насъ восторженно. Ротный командиръ баронъ Медемъ, два офицера: Печенкинъ и Алексѣевскій, и трое юнкеровъ: Вилямовскій, Епрамовъ и я, попали на очень хорошія, чистыя квартиры. Послѣ ранняго ужина, онъ же и обѣдъ, передъ моими окнами собрался хороводъ, въ которомъ, разумѣется, приняли участіе и солдатушки. Но вотъ одна баба, подперевъ рукою подбородокъ, начала пристально вглядываться въ меня. Слезы порою катились по ея щекамъ.

— Ты что пріуныла, матка? — спросилъ ее поручикъ Алексѣевскій.

— Да во што, родненькій: гляжу не сынокъ ли эфто мой?

— А куда-жъ ты его дѣвала?

— Осьмилѣтку, батюшка, въ контолистъ взяли — и вотъ съ той поры не видала.

— А какъ сынка-то звали?—спросилъ Печенкинъ.

— Спиридономъ, родимый, Спиридономъ.

— А мужа твоего—покойникъ онъ, что-ли?

— Покойникъ, покойничекъ, родимый, дай Господи ему царствіе небесное! Назаромъ звали.

— А прозвище имѣлъ какое?

— Да Кочерыжнымъ звали.

— Спиридонъ Назарычъ Кочерыжный!—продолжалъ Печенкинъ. Онъ и есть. Это твой сынокъ, матка!

— Ахъ, ты мой родимый! — заголосила баба, кинулась мнѣ на шею и ну цѣловать меня и причитать....

Пораженный неожиданностію, я началъ вырываться изъ объятій женщины и спросилъ, что ей отъ меня нужно?

— Сынокъ мой родимый! Спирька болезный! Да неужли-жъ ты не признаешь матушки, своей кормилицы?...

— Что такое?... Какая ты мнѣ матушка?

Офицеры и юнкера хохотали въ сторонѣ.

— Стыдись, Спиридонъ Назарычъ, не признавать родной матери!—обратился ко мнѣ Вилямовскій.

— Полно, Кочерыжный, мучить старуху! — добавилъ Епрамовъ. Ты вѣдь еще подходя къ деревнѣ говорилъ, что здѣсь живетъ твоя матушка, но что ты не хочешь признаться къ ней.

— Что вы врете, сумасшедшіе?... Не слушай ихъ, старуха: они смѣются надъ тобою, дурачатъ тебя. Я совсѣмъ не Спиридонъ и не Кочерыжный....

Но старуха и слушать не хотѣла: упала мнѣ въ ноги, обнимаетъ колѣна и голоситъ:

— До чего я дожила, несчастная! Родной сынокъ матку знать не хочетъ!... А на что-жъ я тебя на свѣтъ породила? А на что-жъ я всю душу мою въ тебя вложила?...

Съ величайшимъ трудомъ я вырвался отъ одураченной бабы и долженъ былъ скрыться въ квартиру барона Медема. На другой день, во время дневки, я не смѣлъ показаться на улицу, чтобъ не быть атакованнымъ мнимою моею матерью, которая всю ночь проплакала у воротъ капитанской квартиры. Затѣмъ, когда на слѣдующій день потребовались для роты подводы, старуха запрягла своего сѣрка въ телѣгу, нагрузила ее пирогами, колбасами, сыромъ, масломъ и взялась сама довезти своего „родненькаго“ до слѣдующаго ночлега. Я, однако-же, этимъ не воспользовался и ѣхалъ вмѣстѣ съ капитаномъ. За то фельдфебель и унтеръ-офицеры попировали за мой счетъ и увѣрили бабу, что когда пойдемъ назадъ, они уговорятъ меня признаться къ матери.

Такимъ образомъ я и отвязался отъ навязанной мнѣ матушки.

Но не вездѣ встрѣчала насъ такая роскошь. Въ бѣдныхъ уѣздахъ, какъ Сычевскій и Духовщинскій, не разъ приходилось довольствоваться хлѣбомъ, накрошеннымъ въ крынку съ молокомъ. Помню, въ Сычевскомъ уѣздѣ, пришелъ я на квартиру крѣпко голодный.

— Хозяюшка-голубушка, дай чего нибудь покушать.

— Что-жъ я тебѣ дамъ, родненькій? Хлѣбъ да сыръ, а въ печи курится.

— Хлѣбъ, сыръ и жареная курица?—спросилъ я. Да чего-же еще больше? Съ меня и довольно! А вотъ если прибавишь и кружку молока—то и спасибо!

— Да ты про что, родимый? Я баю, что вотъ хлѣбъ замѣшенъ, да еще сырой, а въ печи курятся проклятыя мокрыя дрова и горѣть не хотятъ! А ужъ на молочкѣ не взыщи, нѣтути: съ недѣльку вотъ анаѳемскій волкъ коровушку зарѣзалъ.

Пришлось искать ужина у товарищей.

Теперь отошло въ вѣчность, такъ называемое, путешествіе офицеровъ „на обывательскихъ". Да и мужики умнѣе стали: требуютъ непремѣнно подороженъ или открытыхъ листовъ отъ губернаторовъ. Положимъ, и прежде требовали „папирку съ печатью", но тогда можно было предъявить любую казенную квитанцію, лишь бы на печати былъ орелъ. Не всякій, однако, могъ, да имѣлъ время добыть необходимый для взиманія подводъ документъ, и потому молодежь, нерѣдко вооруженная лишь патентомъ на прапорщичій чинъ, совершала—особенно по Бѣлоруссіи и Малороссіи, довольно большія путешествія.

Практиковалось это такимъ образомъ:

Прибывъ въ деревню, офицеръ съ грознымъ видомъ требуетъ къ себѣ сотскаго и, предъявляя ему свой патентъ, спрашиваетъ:

— Ту умѣешь читать?

— Нѣ, панокъ, не вмѣю.

— Такъ слушай же! — и начинаетъ читать ему заголовокъ патента, кончающійся словами: „и проч., и проч., и проч." — Ты понимаешь, что значитъ „и проч., и проч., и проч."?

— Нѣ, пане, не разумѣю.

— Это значитъ: подводы, яичница, молоко, сыръ и прочее, и прочее, и прочее. Живо чтобъ было! Видишь печать?

Сотскій, благоговѣйно преклонясь предъ огромною печатью, восклицаетъ подобострастно:

— Заразъ, панокъ, все будзе!

И, дѣйствительно, все требуемое появлялось немедленно.

Въ Вязьму мы вступили также на дневку въ составѣ цѣлаго полка, съ музыкою. Богатое купечество, на челѣ огромной толпы народа, встрѣтило полкъ съ хлѣбомъ-солью и съ „вяземскими коврижками". Полковому командиру, полковнику Александру Клеонаковичу Ушакову, городской голова поднесъ громадный пряникъ, чуть-ли не въ квадратную милю. Когда полковникъ выражалъ благодарность головѣ за такой цѣнный подарокъ, одинъ изъ ассистентовъ головы отвѣтилъ:

— Помилуйте-съ! Намъ наплявать! А вы кушайте на здоровье!

Богатое вяземское купечество разобрало къ себѣ всѣхъ офицеровъ и юнкеровъ и угощало на славу.

— Вязьма городокъ—Москвы уголокъ, говорили вяземцы.

На другой день на городскомъ бульварѣ играла наша полковая музыка. День былъ воскресный. Мы увидали тутъ опять всю Вязьму, въ которой очень много красавицъ. Всѣ женщины были въ праздничныхъ нарядахъ и разноцвѣтныхъ шелковыхъ платочкахъ на головахъ. Длинныя вереницы ихъ, кружившія по аллеямъ вокругъ бульвара, казались грядами разноцвѣтныхъ маковъ.

Вечеромъ, во всѣхъ почти домахъ, занятыхъ офицерами, устроились вечеринки изъ молодыхъ людей обоего пола, которые пѣли подъ гитары, играли въ разныя игры, угощались чайкомъ, сладостями и т. п.

Меня приняло на квартиру прекрасное купеческое семейство Ечеистовыхъ и супруги ухаживали за мною, какъ за роднымъ сыномъ. Вечеромъ и у нихъ состоялось собраніе большаго числа юношей и дѣвушекъ. Я не помню вечера болѣе пріятнаго въ моей жизни: такъ было на немъ все чинно, нравственно, патріархально-просто, что на душѣ становилось какъ-то свѣтло, хорошо. Пѣли задушевныя русскія пѣсни, въ одиночку и хо-

ромъ, подъ аккомпаниментъ гитаръ, исполняли разные характерные граціозные народные танцы, въ родѣ „по улицѣ мостовой“ или „мятелицу“, играли въ фанты и т. п.

Одна игра мнѣ въ особенности понравилась: дѣвушкѣ, которой фантъ вынулся, присуждено было „продавать ленты“.

Дѣвушка подошла ко мнѣ первому.

— Покупаете ленты?

Не зная сути игры, я затруднился отвѣчать.

— Сколько аршинъ вамъ нужно лентъ? спросила она меня вторично.

— Сто! отвѣчалъ я наобумъ.

Общество захохотало.

— О, нѣтъ! возразила дѣвушка, такъ много товару не найдется въ лавочкѣ! Хотите, отмѣрю вамъ пять аршинъ?

— Извольте, отмѣрьте.

Дѣвушка взяла меня за обѣ руки, развела ихъ горизонтально въ обѣ стороны и поцѣловала въ губы. Это былъ одинъ аршинъ. Потомъ такимъ же образомъ отмѣрила другой и всѣ послѣдующіе.

Я растаялъ отъ удовольствія и пожалѣлъ, что согласился на покупку только пяти аршинъ. Потомъ эта игра повторялась чаще и я не хотѣлъ уже брать менѣе десяти аршинъ.

По гжатскому или, какъ говорятъ мѣстные крестьяне, по аржатскому уѣзду, мы также шли весело, сопровождаемые сельскими хороводами, въ которыхъ принимали участіе наряженныя по праздничному молодыя женщины и дѣвушки.

На одномъ ночлегѣ я видѣлъ образчикъ воспитанія крестьянами своихъ дѣтей. Сынъ моей хозяйки, большой уже мальчишка, подошелъ къ матери, распахнулъ ее, вынулъ грудь и началъ сосать.

— Что это? воскликнулъ я въ изумленіи, неужели ты еще кормишь такого большаго кабана? Который ему годъ?

— Цацвортый! отвѣтилъ самъ за себя сосунъ, повернувшись ко мнѣ лицомъ.

— Почему же ты его не отлучаешь?

— Да вотъ думаю, мой соколикъ, отлучить на Илью...

— А въ молду хоцесъ? перебилъ мальчишка, грозно поглядывая на мать и показывая ей кулачонокъ.

Я думалъ, мать по крайней мѣрѣ выдеретъ его за это за уши. Ничуть не бывало: она прижала его къ груди и сама вложила ему въ ротъ сосокъ, какъ бы въ самомъ дѣлѣ испугавшись страшнаго кулачища.

II.

По приходѣ подъ Бородино полкъ нашъ расположился въ Колоцкой слободѣ, огромномъ селѣ Можайскаго уѣзда, на р. Колочѣ, съ извѣстнымъ колоцкимъ мужскимъ монастыремъ, въ 8 верстахъ отъ села Бородина. Отъ всѣхъ полковъ ежедневно наряжали рабочихъ къ бородинскому памятнику, построенному на «семеновскомъ редутѣ», для нивелировки и очистки мѣстности вокругъ него. «Шевардинскій редутъ», «Раевскаго батарея», «Тучковъ женскій монастырь» и прочія историческія мѣстности находятся донынѣ недалеко отъ монумента.

Полковой лазаретъ нашъ располагался на берегу рѣки, въ виду прекраснаго имѣнія князя Друцкаго-Сокольницкаго, возвышающагося на противуположномъ высокомъ берегу. Солдатъ нашихъ очень разстроили дисентерія и кровавые поносы отъ непривычнаго употребленія мѣстной воды. Княгиня Друцкая почти ежедневно пріѣзжала съ мужемъ своимъ, бывшимъ въ адъютантской формѣ, въ лазаретъ и привозила для больныхъ чай, сахаръ, вино и т. п. Княгиня была изящная красавица, мужъ ея также былъ очень красивый молодой человѣкъ. Больные смотрѣли на этихъ благодѣтельныхъ геніевъ съ какимъ-то особымъ благоговѣніемъ. И какъ бывало счастливъ солдатъ, если ему удавалось поцѣловать ручку ея сіятельства! Чуть не недѣлю хвалится этимъ счастіемъ!

— Братъ! ручку княгини удостоился я поцѣловать нынче говоритъ бывало больной посѣтившему его товарищу.

— Врешь! возражаетъ ему съ завистью здоровый. Съ какой стати княгиня позволитъ тебѣ цѣловать свою ручку?

— То-то и есть, что не вру. Положила ручку мнѣ на лобъ, а я переложилъ ее себѣ на губы. Да и ручка-то, братъ, совсѣмъ не человѣчья—перо лебединое, камфетка сахарная!

Все было готово къ 26 августа, дню, назначенному для открытія памятника. Государь, съ другими членами императорской фамиліи, изволилъ прибыть въ Бородино тремя днями ранѣе самаго торжества. Съ ночи начали выводить полки на позиціи, занятыя вокругъ монумента жалонерами еще съ вечера. Мы подходили къ памятнику часа въ 3 утра, когда еще было совершенно темно и непроглядно. Вдругъ послышался изъ мрака зычный, пріятный голосъ:

— Какой полкъ?

— Галицкій егерскій! отвѣчалъ полковой командиръ.

— Здорово, молодцы егери! произнесъ тотъ же голосъ.

Какъ электрическая искра, потрясло солдатъ это привѣтствіе. Всѣ узнали звучный голосъ молодца-богатыря своего царя — и какъ одинъ человѣкъ гаркнули:

— Здравія желаемъ, ваше императорское величество!

Вмѣстѣ съ тѣмъ, каждый солдатъ набожно перекрестился, какъ при звукѣ благовѣста къ Свѣтлой заутренѣ.

И любили же солдатики царя своего!.... Впрочемъ, когда же русскій человѣкъ не боготворилъ своего батюшку государя и не крестился, на него глядя?... Спустя много лѣтъ (простите отступленіе!), именно въ 1873 году, я имѣлъ счастіе сопровождать Царя-Освободителя по орловско-витебской желѣзной дорогѣ. Предъ каждою сторожевою будкою, безъ всякаго приказанія со стороны желѣзнодорожнаго начальства, но по иниціативѣ самихъ сторожей, были выставлены столики, накрытые бѣлыми скатертями, и на нихъ поставлены иконы, хлѣбъ и соль; съ приближеніемъ же поѣзда сторожа, со всѣми домочадцами своими, крестились и клали земной поклонъ предъ своимъ земнымъ богомъ.

Къ 9 часамъ утра войска стояли уже на своихъ мѣстахъ. Пріѣхалъ государь, войска отдали ему честь, крича ура! Музыка всѣхъ полковъ исполняла народный гимнъ. Царь, объѣхавъ оба корпуса, скомандовалъ:

— Къ ногѣ! Стоять вольно! Оправиться!

Потомъ раздалась команда:

— Смирно! Баталіоны на плечо!

Государь скомандовалъ самъ:

— Слушать моей команды!—Слушай! На кра-улъ!

Послѣ этого каждый баталіонный, батарейный и кавалерійскій полковой командиры прочли предъ фронтомъ, заблаговременно врученный имъ, слѣдующій высочайшій приказъ:

«Ребята! Предъ вами памятникъ, свидѣтельствующій о славномъ подвигѣ вашихъ товарищей! Здѣсь, на этомъ мѣстѣ, за 27 лѣтъ предъ симъ, надменный врагъ возмечталъ побѣдить русское войско, стоявшее за вѣру, царя и отечество. Богъ наказалъ безразсуднаго: отъ Москвы до Нѣмана разметаны кости дерзкихъ пришельцевъ—и мы вошли въ Парижъ.

«Теперь настало время воздать славу великому дѣлу. Итакъ, да будетъ память вѣчная безсмертному для насъ императору Александру I-му. Его твердою волею спасена Россія; вѣчная слава падшимъ геройскою смертію товарищамъ нашимъ и да послужитъ ихъ подвигъ примѣромъ намъ и позднѣйшему потомству. Вы же всегда будете надеждою и оплотомъ вашему государю и общей матери нашей Россіи. Николай».

По окончаніи чтенія, войска начали кричать ура! Въ то же время пелена спала съ памятника и началась страшная пальба изъ орудій. Все поле, при тихой, безвѣтряной и жаркой погодѣ, покрылось густымъ, непроницаемымъ пороховымъ дымомъ. Наконецъ, раздалась команда:

— Слушай! На пле-чо! Къ ногѣ! На молитву! Кивера долой!

И начался молебенъ и освященіе памятника.

Послѣ многолѣтія царствующему дому государь скомандовалъ:

— Баталіоны на колѣни!

Всѣ пѣшія войска преклонили колѣна, государь также, и провозглашена была «вѣчная память воинамъ, за вѣру и отечество животъ свой на брани положившимъ».

Великолѣпная и умилительная была картина!

По окончаніи освященія памятника приказано было войскамъ составить ружья, снять ранцы и отдохнуть, а государь началъ принимать ординарцевъ отъ всѣхъ полковъ. Молодецъ къ молодцу подходили, рапортовали и потомъ отходили въ сторону.

Императоръ еще разъ обошелъ фронтъ ихъ и приказалъ имъ разстегнуться.

Вдругъ, на одномъ изъ унтеръ-офицеровъ — кажется, Бѣлозерскаго полка—государь замѣтилъ грязную рубаху.

— Это что?... Какъ смѣть представить ко мнѣ ординарца въ черной рубахѣ?... Начальникъ дивизіи! Полковой командиръ!...

Всѣ поблѣднѣли, начиная съ главнокомандующаго, и молча, съ трепетомъ держали руки подъ козырекъ. Государь продолжалъ высказывать свое неудовольствіе. Вдругъ тотъ же унтеръ-офицеръ осмѣлился самъ за себя заступиться и громко произнесъ по малороссійски:

— Рубаха на мини билая, ваше ампыраторськее вылычество!

Государь, какъ видно, не хотѣлъ вѣрить ушамъ своимъ. Грозно взглянулъ на ординарца и спросилъ:

— Что?... ты смѣешь говорить бѣлая, когда царь говоритъ черная?!...

— Точно такъ, в. и. в. Рубаха билая (чистая), я сегодня ее надивъ; вона тильки сыняго холста.

Лице государя просвѣтлѣло. Его величество понялъ, что напрасно гнѣвался, и улыбнулся.

— А вѣдь въ самомъ дѣлѣ, онъ правъ, а не я! Какъ ты прозываешься?

— Мыкыта Бугай, в. и. в.

— Молодецъ, Бугай, что не побоялся царю сказать правду.

— Радъ старатыся, в. и. в.!

— Царю всегда надо говорить правду! прибавилъ государь, обращаясь къ Бугаю и одновременно ко всѣмъ окружавшимъ.

Все начальство ожило. Много потомъ десятковъ рублей было набросано смѣлому Бугаю въ киверъ.

Съ тѣхъ поръ государь зналъ этого унтеръ-офицера и каждый разъ, при встрѣчѣ съ полкомъ, послѣ привѣтствія, спрашивалъ:

— А Бугай здѣсь?

— Здѣсь, в. и. в.

— Здорово, молодецъ Бугай!

— Здравія желаю, в. и. в.!

Парадъ окончился общимъ церемоніальнымъ маршемъ, на которомъ произошелъ слѣдующій прискорбный случай.

При проходѣ Елисаветградскаго гусарскаго (потомъ гусарскаго Ольги Николаевны) полка галопомъ одинъ изъ солдатъ выскакалъ впередъ, подалъ государю прошеніе и возвратился на свое мѣсто. Прошеніе, разумѣется, принялъ не государь, а кто-то другой. Небывалая дерзость эта возмутила до глубины души всю свиту.

— Сабуровъ! это у тебя такія мерзости дѣлаются! Грозно замѣтилъ его величество полковому командиру. Предать негодяя военному суду.

Долгово-Сабуровъ поскакалъ къ полку, бурею налетѣлъ на виноватаго и такъ рубнулъ его саблею, что разсѣкъ ему киверъ и лобъ и солдатъ, окровавленный, свалился съ коня.

Оказалось, что завзятый солдатъ обжаловывалъ своего эскадроннаго и полковаго командировъ, начальника дивизіи, корпуснаго командира и главнокомандующаго арміею, которымъ онъ жаловался на какую-то пустяшную несправедливость и которые находили виноватымъ его же, присуждая каждый разъ къ прогрессивно бо̀льшему и бо̀льшему наказанію за самую дерзость жалобы.

Впослѣдствіи солдатъ этотъ былъ прогнанъ сквозь строй чрезъ пятьсотъ человѣкъ и сосланъ въ арестантскія роты.

Послѣ церемоніальнаго марша, заслужившаго большое царское спасибо, государь приказалъ вызвать передъ полки пѣсенниковъ и распустилъ войска. Полки пошли весело домой, съ обязательною пѣснію:

«Что не соколы крылаты».

Въ слѣдующіе дни были маневры, которые описывать я не намѣренъ, такъ какъ они не составляютъ предмета настоящей статьи. Но не могу не упомянуть объ одномъ смѣшномъ эпизодѣ.

Окрестности Бородина давно не слыхали не только пушечныхъ, но и ружейныхъ выстрѣловъ. Во время маневровъ, испуганные орудійною пальбою, зайцы до того ошалѣли, что со-слѣпу бросались въ самую средину колоннъ, вѣроятно, ища тамъ прикрытія. Солдаты при каждомъ такомъ случаѣ поднимали крикъ

и гоготанье. Государь, узнавъ причину, приказалъ корпуснымъ командирамъ объявить начальникамъ дивизій и полковымъ командирамъ, что стыдно допускать, чтобы солдаты кричали и пугались какого-нибудь глупаго зайца.

Графъ Крейцъ, во время обѣденнаго отдыха, собралъ всѣхъ начальниковъ частей и передалъ имъ неудовольствіе государя. Онъ былъ пѣшкомъ и вокругъ него собралась довольно большая кучка генераловъ и штабъ-офицеровъ.

— Стыдно, господа, стыдно и солдатамъ, въ присутствіи государя, поднимать такой крикъ изъ-за глупаго зайца....

Въ тотъ же самый моментъ заяцъ ворвался въ кучку и бросился прямо подъ ноги графу Крейцу.

— Ай! вскрикнулъ онъ и подскочилъ на мѣстѣ.

Переполохъ и замѣшательство произошли всеобщіе и раздались крики: ай! ай!

Первымъ спохватился графъ Крейцъ и громко захохоталъ.

— Ну, господа, не удивляюсь солдатамъ, когда и мы сами сдѣлали то-же! Повинюсь предъ государемъ. А все-таки внушите солдатамъ, что кричать стыдно!

Наконецъ, великій нашъ царь вспомнилъ и о юнкерахъ и пожелалъ осчастливить и насъ производствомъ въ офицеры.

28-го августа привели юнкеровъ изъ цѣлаго корпуса къ царской ставкѣ и построили на горкѣ. Шли мы къ мѣсту въ страшный зной, въ полной походной аммуниціи, въ ранцахъ «съ вещами» и скатанными шинелями, раскисли, устали. Глядя другъ на друга, мы начали сильно сомнѣваться въ нашемъ производствѣ. Рожи у насъ загорѣли, покрылись потомъ и пылью—словомъ, каждый изъ насъ походилъ, по тогдашнему выраженію, на «кислую аммуницію». Пыль съ нашей аммуниціи, правда, стряхнули, но физіономій нашихъ не могли ни вымыть (нечѣмъ и некогда было), ни исправить. Насъ самихъ возмущалъ видъ нашего правофлангового: это былъ юнкеръ Архангелогородскаго пѣхотнаго полка В—въ, братъ или племянникъ жены начальника 5 пѣхотной дивизіи Сергѣя Герасимовича Батурина. Онъ былъ измученъ, страдалъ животомъ отъ мѣстной воды, какъ сказано выше; при томъ и по натурѣ своей былъ нѣженка, баричъ. Длинный В—въ имѣлъ такую печальную наружность, какъ

будто онъ долго стоялъ въ сыромъ мѣстѣ, покоробился, да такъ и засохъ. Аммуниція на немъ висѣла какъ на колу, голова и колѣни вытянулись впередъ, ружье завалилось назадъ, какъ грабли.

— Смирно! На плечо! раздалась команда.

Вдали показался государь, съ огромною свитою. Молодцемъ шелъ царь-орелъ, полубогъ, словно красное солнышко по небу. За нимъ, какъ радуга, тянулись ленты и какъ млечный путь—звѣзды. Разумѣется, звѣзды эти при солнцѣ не сіяли. Вотъ приблизился.

— Слушай! На кра-улъ!

Пошла ляпотня! Рекруты сдѣлали бы этотъ ружейный пріемъ лучше. Государь остановился, гнѣвно взглянулъ на фронтъ: фигура В—ва первая бросилась ему въ глаза; да и фигуры другихъ юнкеровъ едва-ли были лучше.

— Это что за мерзость? грозно воскликнулъ государь. Иванъ Ѳедоровичъ, обратился къ генералъ-фельдмаршалу князю Паскевичу, ты кого это мнѣ привелъ? Крейцъ! такъ у тебя такіе юнкера?... А ты, Лидерсъ, чего смотрѣлъ? Для чего я назначилъ тебя начальникомъ штаба?... Вонъ это стадо барановъ! Возьми ихъ, Иванъ Ѳедоровичъ, въ ежовыя и выжми изъ нихъ сокъ.

Съ этимъ государь ушелъ и насъ сбросили съ горы въ оврагъ.

Осрамились совсѣмъ!

На другой день государь смотрѣлъ юнкеровъ 6-го пѣхотнаго корпуса—и всѣхъ поздравилъ офицерами.

По возвращеніи полковъ на новыя кантониръ-квартиры свои въ Литву, собрали юнкеровъ изъ цѣлаго корпуса въ особую команду, подъ начальствомъ генерала Прянишникова, въ г. Слонимѣ. Дѣйствительно, тамъ взяли насъ въ ежовыя, выжимали соки и довели до совершенства образцоваго полка. Кто изъ генераловъ не пріѣзжалъ насъ смотрѣть, по повелѣнію главнокомандующаго! Новый начальникъ штабъ-корпуса, флигель-адъютантъ Гогель, нѣсколько разъ смотрѣлъ насъ и хвалилъ. Прянишниковъ былъ отъ насъ въ восторгѣ. Бывало построятъ насъ «покоемъ», поворотятъ налѣво - кругомъ и начнутъ производить

ружейные пріемы: любо, стройно, звучно, словно «щелкаемъ орѣхи»; носокъ вытягивали съ артизмомъ первой балерины; при маршировкѣ—вода не пролилась бы изъ полнаго стакана, если-бы его поставили на киверъ. Словомъ, мы изучили военное искусство въ совершенствѣ, такъ что хоть сейчасъ въ профессора военной академіи, хоть сейчасъ давай каждому армію! Мы и думали, что насъ произведутъ — если не въ Суворовы, то по крайней мѣрѣ въ Густавы Адольфы!

Послѣдній смотрѣлъ насъ и восхищался нами генералъ Реадъ и обѣщалъ ходатайствовать о насъ предъ фельдмаршаломъ.

Мучили насъ такъ съ ноября до августа.

Наконецъ, ровно черезъ годъ, день въ день, 28-го августа 1840 года, произвели насъ—но не въ Суворовы, не въ Густавы Адольфы, а только въ прапорщики.

СОРОКА-ВОРОВКА.

[Въ первой черновой редакціи А. И. Герцена].

Печатаемая здѣсь повѣсть извѣстнаго нашего писателя Александра Ивановича Герцена († въ 1870 году въ Парижѣ, погребенъ въ Ниццѣ)—была двукратно напечатана въ Россіи и перепечатана въ изданіяхъ собраній его сочиненій. Вся повѣсть представляетъ передачу истиннаго происшествія, разсказаннаго Герцену знаменитымъ артистомъ Михаиломъ Семеновичемъ Щепкинымъ.

Предъ нами подлинная рукопись А. И. Герцена (Искандера), уцѣлѣвшая въ бумагахъ его покойнаго брата Егора Ивановича въ Москвѣ и подаренная симъ послѣднимъ Татьянѣ Петровнѣ Пассекъ, которая любезно сообщила рукопись на страницы «Русской Старины».

Ред.

...... Замѣтили-ли вы, сказалъ молодой человѣкъ, остриженный подъ гребенку, продолжая начатый разговоръ о театрѣ, замѣтили-ли вы, что у насъ хотя и рѣдки хорошіе актеры—но бываютъ, а хорошихъ актрисъ почти вовсе нѣтъ и только въ преданіи сохранилось имя Семеновой, не безъ причины же это?

— Причину искать недалеко, вы ее не понимаете только потому—возразилъ другой остриженный въ кружокъ—что вы на все смотрите сквозь западныя очки. Славянская женщина никогда не привыкнетъ выходить на помостъ сцены и отдаваться глазамъ толпы, возбуждать въ ней тѣ чувства, которыя она [1]) приноситъ въ исключительный даръ своему главѣ, ея мѣсто дома [2]), а не на позорищѣ; незамужняя—она дочь, дочь покорная, безгласная; замужняя—она покорная жена [3]). Это естественное положеніе [4]) женщины въ семьѣ если лишаетъ насъ хорошихъ актрисъ, за то прекрасно хранитъ чистоту нравовъ.

— Отчего-же у нѣмцевъ—замѣтилъ третій вовсе [5]) не стриженный—семейная жизнь сохранилась, я полагаю, нехуже [6]), нежели у насъ, и это нисколько не мѣшаетъ появленію [7]) хорошихъ актрисъ. Да потомъ я и въ главномъ несогласенъ съ вами, не знаю, что дѣлается около очага у западныхъ славянъ, а мы, русскіе, право, перестаемъ быть такими патріархами, какими вы насъ представляете.

— А позвольте спросить, гдѣ вы наблюдали и изучали славянскую семью? У высшихъ сословій, живущихъ особою жизнью въ городахъ [8]), которыя оставили сельскій образъ жизни, одинъ народный у насъ [9]), или по большимъ дорогамъ, гдѣ мужикъ сдѣлался торгашемъ, гдѣ ваша индустрія развратила его довольствомъ, развила въ немъ искусственныя потребности. Семья не тутъ сохранилась, хотите ее видѣть, ступайте въ скромныя деревеньки, лежащія по проселочнымъ дорогамъ.

— Однако, странное дѣло; большія дороги, города, все то, что хранитъ и развиваетъ другихъ, вредно для славянъ, такъ какъ вамъ угодно ихъ представлять; по вашему, чтобъ сохранить чистоту нравовъ, надобно, чтобъ не было проѣзда, сообщенія, торговли, наконецъ, довольства—перваго условія жизни развивающейся. Конечно, и Робинзонъ, когда жилъ одинъ на островѣ, былъ примѣрный человѣкъ, никогда въ карты не игралъ, не шлялся по трактирамъ.

— Все [10]) можно представить въ нелѣпомъ видѣ, шутка иногда [11]) разсмѣшитъ—но [12]) опровергнуть ею ничего нельзя. Есть вещи, которыя, при всей ловкости западнаго ума, вы не поймете, ну такъ не поймете, какъ человѣкъ, лишенный уха, не понимаетъ музыки, что ему вовсе не [13]) мѣшаетъ [14]) быть живописцемъ или чѣмъ угодно. Вы не поймете никогда, что бѣдность смиренная и трудолюбивая—выше самодовольнаго богатства. Вы не поймете семейный отеческій распорядокъ ни въ избѣ, гдѣ отецъ—глава, ни въ цѣломъ [15]) селѣ, гдѣ глава общины—отецъ [16]). Вы [17]) привыкли къ строгимъ очертаніямъ правъ, къ рамамъ для лицъ, сословій, къ взаимному обузданью и недовѣрію, все это необходимо на западѣ, тамъ все основано на враждѣ, тамъ [18]) вся задача государственная, какъ сказалъ вамъ же поэтъ [19]), въ ровной (?) борьбѣ:

Здѣсь натискъ пламенный, а тамъ отпоръ суровый,
Пружины смѣлыя гражданственности новой.

— [20]) Этой дорогой я не думаю, чтобъ мы скоро добрались до рѣшенія вопроса, отчего у насъ рѣдки актрисы, сказалъ начавшій разговоръ, если [21]) для полноты отвѣта [22]) вы хотите chemain faisant разрѣшить всѣ историческіе и политическіе, то намъ надобно будетъ посвятить на это лѣтъ сорокъ жизни [23])—да и то еще успѣхъ сомнителенъ. Вы, любезный славянинъ, сколько я понимаю, хотите сказать, что у насъ оттого нѣтъ актрисъ, что женщина существуетъ не какъ лицо, а какъ членъ семейства, которымъ она поглощается; тутъ много истиннаго. Однако, вы полагаете, что [24]) семейство сохранилось въ маленькихъ деревенькахъ, ну, а вѣдь актрисы берутся не изъ этихъ же деревенекъ, къ которымъ нѣтъ проѣзда?

— Здѣсь позвольте мнѣ отвѣчать вамъ, замѣтилъ европеецъ, такъ мы будемъ называть нестриженнаго. У насъ вообще и по шоссе, и [25]) по проселочнымъ дорогамъ женщина не получила того развязнаго права участія во всемъ [26]), какъ, напримѣръ, во Франціи [27]), встрѣчаются исключенія, но всегда [28]) неразрывныя съ какимъ то фанфаронствомъ, лучшее доказательство, что это [29]) исключенія. Женщина, которая бы вздумала у насъ вести себя наравнѣ съ образованнымъ мужчиной—не свободно бы пользовалась своими правами, а хотѣла бы выказать свое освобожденіе.

— [30]) Конечно, такая женщина была бы уродъ, и по счастію, возразилъ славянинъ, не у насъ [31]) надобно искать la femme émancipée, да и вообще надобно-ли ее гдѣ нибудь искать, я не знаю. Вотъ что касается до человѣческихъ правъ, то обратите нѣсколько вниманія на то, что у насъ [32]) женщина пользовалась ими съ самой глубокой древности больше, нежели въ Европѣ, ея имѣнье не сливалось съ имѣньемъ мужа [33]), она не имѣетъ голоса на выборахъ, правъ владѣнія крестьянами.

— Конечно [34]), изъ правъ, которыми пользуются у насъ дамы, не всѣ принадлежатъ европейской женщинѣ. Но извините, здѣсь рѣчь вовсе не о писанныхъ правахъ, а именно о правахъ неписанныхъ, объ общественномъ мнѣніи. Что сказали бы мы сами, если-бъ въ нашу бесѣду, очень тихую, и (не)имѣющую въ себѣ ничего оскорбительнаго, вдругъ бы явилась одна изъ знакомыхъ дамъ. Я увѣренъ, что и намъ, и ей было-бы не по себѣ; мы совсѣмъ иначе настраиваемъ себя, если предвидимъ дамское общество—въ этомъ недостатокъ уваженія къ женщинѣ.

— Какъ вы начитались Ж. Сандъ. Мужчина не долженъ вовсе быть съ женщинами на распашку, и зачѣмъ женщина пойдетъ дѣлить его бесѣду. Мнѣ ужасно нравятся эти мужскія собранія, въ которыя не мѣшаются дамы, въ этомъ есть что то строгое, неизнѣженное...

— И чрезвычайно гуманное относительно женщинъ, которыя покинуты дома; вы, я думаю, пошли бы въ запорожскіе казаки, ежели-бъ попрежде родились.

— Ваша мысль до того иностранная, что [35]) вы и слова русскаго не прибрали, чтобы ее выразить. Какъ будто [36]) мало женщинѣ дѣла въ скромномъ кругу домашней жизни, я не говорю уже о матери, которой обязанности и такъ святы, и такъ сложны.

Охъ, этотъ скромный кругъ. [37]) Императоръ Августъ, который раздѣлялъ ваши славянскія теоріи, держалъ дочь дома и съ улыбкой говорилъ спрашивавшимъ о ней: domi mansit, lanam fecit, ну, а знаете, нельзя сказать, чтобы нравы ея сохранились совершенно чистыми. По моему, если женщина отлучена отъ половины нашихъ интересовъ, занятій, удовольствій—такъ она въ половину менѣе развита, и, браните меня хоть по чешски, въ половину менѣе нравственна,—нравственность и сознаніе неразрывны.

— Теперь мой чередъ вамъ возражать, сказалъ начавшій разговоръ, каждый [38]) видѣлъ своими собственными глазами, что у насъ въ образованномъ сословіи женщины несравненно выше своихъ мужей. Вотъ и ловите [39]) жизнь общими формулами. Дѣло очень понятное. Мужчина у насъ не просто мужчина, а военный или штатскій, онъ съ двадцати лѣтъ не принадлежитъ себѣ, онъ занятъ дѣломъ; военный—ученьями, выправкой, штатскій—протоколами, выписками; а жены въ это время, если не ударются исключительно въ соленье и варенье, читаютъ французскіе романы.

— Поздравляю ихъ, должно быть хорошо образованіе, вставилъ славянинъ, которое можно почерпнуть изъ Бальзака, Сю, Дюма, изъ этой болтовни старика [40]) и начинающаго морализировать отъ истощенія силъ.

— Я съ вами, пожалуй, соглашусь, хоть я и не говорилъ, что дамы читаютъ именно тѣ романы, о которыхъ вы говорите, и

тутъ [41]) удивительное дѣло, самые пустые французскіе романы—больше развиваютъ женщину, нежели очень важныя занятія развиваютъ ихъ мужей, и это отчасти оттого, что судьба такъ устроила француза, что бы онъ ни дѣлалъ—онъ все учитъ. Онъ напишетъ дрянной романъ съ неестественными страстями, съ добродѣтельными пороками и съ злодѣйскими добродѣтелями, да по дорогѣ или вѣрнѣе [42]) потому, что это совсѣмъ не по дорогѣ, коснется такихъ вопросовъ, отъ которыхъ у васъ духъ займетъ, отъ которыхъ вамъ сдѣлается страшно—а чтобы прогнать страхъ, вы начнете думать—положимъ, что вопросовъ то и не разрѣшите вы, да самая возбужденность мысли есть своего рода образованіе. Вотъ понимая это отношеніе женскаго образованія у насъ къ мужскому, я и удивляюсь, что нѣтъ актрисъ [43]).

— Да что-же вамъ еще надо, возразилъ съ запальчивостью славянинъ, у насъ нѣтъ актрисъ, потому что занятіе это несовмѣстно съ цѣломудренною скромностію славянской жены—она любитъ молчать [44]).

— Давно бы вы сказали, прибавилъ европеецъ [45]), вы больше объяснили, нежели хотѣли, теперь ясно—отчего у насъ актрисъ нѣтъ, а танцовщицъ очень много. Но шутки въ сторону. Я думаю, что у насъ оттого нѣтъ актрисъ, что ихъ заставляютъ [46]) представлять такія страсти, о которыхъ онѣ никогда не подозрѣвали, а вовсе не отъ недостатка способности. Каждое чувство, повторяемое артистомъ, должно быть ему коротко знакомо, для того, чтобъ его выразить не каррикатурно. Китайца въ Opium et Champagne ничего не значитъ представить; но есть ли возможность, чтобы я хорошо съигралъ индѣйскаго брамина, повергнутаго въ глубокое отчаяніе оттого, что онъ зацѣпился за парію, или боярина XVII столѣтія, который въ припадкѣ аристократическаго мѣстничества изъ point d'honneur валяется подъ столомъ, а [47]) его оттуда тащатъ за ноги. Если-бы въ самомъ дѣлѣ у насъ женщина не освободилась, какъ лице, а была бы совершенно потеряна въ семействѣ, тутъ нечего было бы и думать объ актрисѣ. Въ патріархальной жизни, какъ и вездѣ, могутъ быть страсти, но не тѣ, которыя возможны въ драмѣ—слѣпая покорность, коварная скрытность [48]), двоедушіе также мало идутъ въ истинную драму, какъ подлое убійство, какъ чувственность. Патріархальная семья слишкомъ неразвита,

она семья, а въ драмѣ нужны лица. По счастію, такая семья только и существуетъ въ преданіяхъ, да въ славянскихъ мечтахъ. Но если мы и перешагнули за плетень патріархальности, такъ не дошли же опять до той всесторонности, чтобы глубоко сочувствовать прожитому выстраданному опыту другихъ [49]). Ну, я васъ спрашиваю, какъ съиграетъ русская актриса „Дѣву Орлеанскую", это не въ ея родѣ совсѣмъ, или какъ русскій актеръ возсоздастъ эти величавыя и мрачныя, гордыя и самобытныя шекспировскія лица, окружающія его Іоанна, Ричарда, Генриховъ... лица совершенно англійскія, они для него также странны, какъ человѣкъ, который бы нюхалъ глазами и ушами пѣлъ бы пѣсни. Фальстафа онъ представитъ скорѣе, потому что въ Фальстафѣ есть черты, которыя мы можемъ видѣть во всякомъ домѣ у камердинера, у дворецкаго.

— Но есть же общечеловѣческія страсти.

— И да, и нѣтъ. Отелло былъ ревнивъ по африкански и задушилъ невинную Дездемону [50]), потомъ зарѣзался, называя себя „собакой". А у меня былъ пріятель, сосѣдъ по имѣнью, тоже прееревнивый, онъ перехватилъ разъ письмо, писанное къ его женѣ и, притомъ, очень не двусмысленное, въ припадкѣ ярости онъ употребилъ отеческую исправительную мѣру, пріобщилъ къ ней всю дѣвичью, отдалъ въ солдаты лакея—и помирился съ женой. Ревность одна страсть—но похожа-ли она въ бѣшеномъ маврѣ и въ нравоучительномъ пріятелѣ? До нѣкоторой степени можно натянуть себя на пониманье чуждаго положенія и чуждой страсти, но для художественной игры этого мало. Повѣрьте, такъ какъ поэтъ всюду вноситъ свою личность и чѣмъ вѣрнѣе онъ себѣ, чѣмъ откровеннѣе, тѣмъ выше его лиризмъ, тѣмъ сильнѣе онъ потрясаетъ ваше сердце, то же съ актеромъ — чему онъ не сочувствуетъ, того онъ не выразитъ или выразитъ учено, холодно, вы не забывайте—онъ все же себя вводитъ въ лицо, созданное поэтомъ.

— О чемъ это вы такъ горячо проповѣдуете, спросилъ, входя въ комнату, одинъ извѣстный [51]) художникъ.

— Вотъ кстати-то, какъ нельзя больше, рѣшайте нашъ вопросъ [52]), занимающій насъ; мы единогласно [53]) выбираемъ васъ непогрѣшающимъ судіей.

— Много чести—въ чемъ же дѣло? [54])

— Во первыхъ, скажите, видали-ли вы русскую актрису, которая бы вполнѣ удовлетворила всѣмъ вашимъ требованіямъ на искусство?

— Которая была бы не хуже Марго, Рашель,—хоть Аллаю и Плесси?

— Видѣлъ, отвѣчалъ артистъ. Видѣлъ великую русскую актрису—только я ее сужу безъ всякаго сравненія; всѣ названныя вами актрисы хороши, велики каждая въ своемъ родѣ, но какъ ихъ искусство относится къ той, которую я видѣлъ—не знаю. Знаю, что я видѣлъ [55]) великую актрису и что она была русская.

— Въ Москвѣ или въ Петербургѣ? [56])

— Вотъ задача-то для нашего славянина, подхватилъ одинъ изъ говорившихъ, какъ [57]) вы думаете, вѣдь театръ-то болѣе принадлежитъ петербургской эпохѣ, нежели московской? Ну гдѣ-же была она?

— Все таки должно быть въ Москвѣ, возразилъ славянинъ.

— [58]) Успокойтесь. Я ее видѣлъ ни тамъ и ни тутъ, а въ одномъ маленькомъ губернскомъ городѣ.

— Вы это вѣрно говорите для оригинальности, хотите насъ поразить эффектомъ.

— Можетъ быть. Вы признали меня непогрѣшающимъ судіей, ваше дѣло вѣрить. Ну, какъ я вамъ теперь донесу, что двадцать лѣтъ тому назадъ я видѣлъ великую актрису, что я тогда рыдалъ отъ „Сороки-воровки“ и что все это было въ маленькомъ городѣ.

— Очень легко, разскажите намъ какія нибудь подробности о ней, вѣдь не съ неба же она свалилась прямо въ „Сороку-воровку“ и не улетѣла же вмѣстѣ съ безнравственной птицей.

— Воспоминанья эти и отрадны для меня и какъ-то очень тяжелы [59]), но извольте, что помню, разскажу, дайте [60]) сигару.

— Вотъ вамъ Casadores, сказалъ европеецъ, вынимая изъ портфеля длинную, стройную сигару, которой наружность ясно доказывала, что она принадлежитъ къ высшей аристократіи табачнаго листа.

— Вы знаете человѣческую слабость: о чемъ бы человѣкъ ни вспоминалъ, онъ всегда начнетъ съ того, что вспомнитъ самого себя, такъ и я, грѣшный человѣкъ, попрошу вашего позволенія начать съ самого себя.

— Отъ души позволяемъ, отъ всей души.

— Не знаю, будутъ-ли подробности объ актрисѣ интересны, а о васъ-то навѣрное.

— Parlez nous de vous, notre grand père, parlez nous de vous!

Всѣ успокоились, всѣ немножко подвинулись, какъ обыкновенно бываетъ, когда приготовляются слушать. Передаю вамъ, насколько могу [61]), разсказъ художника—конечно, записанный онъ много потеряетъ и потому, что трудно во всей живости передать [62]) рѣчь, и потому, что я не все записалъ, боясь перегрузить [63]) статейку [64]). Но вотъ его разсказъ.

— Вы знаете, что я началъ мое артистическое поприще на скромномъ провинціальномъ театрѣ. Дѣла нашего театра поразстроились, я былъ уже женатъ, надобно было думать о будущемъ. Въ самое это время распространялись болѣе и болѣе сказочныя повѣствованія о театрѣ князя Скалинскаго въ одномъ губернскомъ городѣ. Любопытство видѣть хорошо устроенный театръ,—надежды, а можетъ и самолюбіе, сильно [65]) манили [66]) туда. Долго думать было не о чемъ, я предложилъ одному изъ товарищей, который вовсе не [67]) предполагалъ ѣхать, отправиться вмѣстѣ въ N— и черезъ недѣлю мы были тамъ. Князь былъ очень богатъ и проживался на театръ. Вы можете изъ этого заключить, что театръ былъ не совсѣмъ дуренъ. Въ князѣ была русская широкая, размашистая натура, страстный любитель искусства, человѣкъ съ огромнымъ вкусомъ, съ тактомъ роскоши, ну и при этомъ, какъ водится—непривычка обуздываться [68]), распущенность и расточительность въ высшей степени. За послѣднее винить его не станемъ—это у насъ въ крови,—я, небогатый [69]) художникъ, и онъ, богатый аристократъ, и бѣдный поденщикъ, пропивающій все, что вырабатываетъ, мы руководствуемся одними правилами экономіи.

— Мы не разсчетливые нѣмцы, замѣтилъ съ удовольствіемъ славянинъ.

— Въ этомъ нельзя не согласиться, прибавилъ европеецъ, останавливался ли кто нибудь изъ насъ мыслію, что у него денегъ мало, напр., когда ему хотѣлось выпить благороднаго вина. За него говоритъ Пушкинъ:

Послѣдній бѣдный лептъ бывало
Давалъ я, помните-ль, друзья?

Совсѣмъ напротивъ—чѣмъ меньше денегъ, тѣмъ больше тратимъ. Помните вы одного изъ нашихъ друзей, который, отдавая назадъ налитый стаканъ [70]) плохаго шампанскаго, замѣтилъ, что мы еще не такъ богаты, чтобъ пить дурное вино.

— Господа, мы мѣшаемъ разсказу [71]). Итакъ-съ .....

— Начало: князь слышалъ обо мнѣ прежде. Когда я явился къ нему, онъ былъ въ своей конторѣ и раздавалъ билеты съ глубокимъ обсуживаніемъ достоинъ или нѣтъ и какого именно мѣста достоинъ приславшій за билетомъ. „Очень радъ, очень радъ, что вы вздумали, наконецъ, посѣтить нашъ театръ, вы будете нашимъ дорогимъ гостемъ.....“ и бездну любезностей; мнѣ оставалось благодарить и кланяться. Князь говорилъ о театрѣ, какъ человѣкъ совершенно знающій и сцену, и тайну постановки. Мы остались, кажется, довольны другъ другомъ. Въ тотъ же вечеръ я отправился въ театръ, не помню, что давали, но увѣряю, что такой пышной постановки вамъ рѣдко случалось видѣть: что за декораціи, что за костюмы, что за сочетаніе всѣхъ подробностей, словомъ, все внѣшнее было превосходно, даже выработанность актеровъ, но я остался холоденъ, было что-то натянутое, неестественное въ манерѣ, какъ дворовые люди князя представляли лордовъ и принцессъ. Потомъ я дебютировалъ, былъ принятъ публикою какъ нельзя лучше. Князь осыпалъ меня учтивостями [72]). Приготовляясь ко второму дебюту, я пошелъ опять въ театръ, давали „Сороку-воровку“, мнѣ хотѣлось посмотрѣть княжескую труппу въ драмѣ.

.... Пьеса уже началась, когда я взошелъ; я досадовалъ, что опоздалъ, и разсѣянно, не понимая, что дѣлаютъ на сценѣ, смотрѣлъ по сторонамъ, смотрѣлъ на правильное размѣщеніе лицъ по чинамъ, на странное сборище физіогномій, вовсе другъ на друга не похожихъ, а выражающихъ одно и то-же, на провинціальныхъ барынь пестрыхъ, какъ [73]) американскія птицы, и на самого князя, который такъ гордо и такъ озабоченно сидѣлъ въ своей ложѣ. Вдругъ меня поразилъ слабый женскій голосъ, въ немъ [74]) выражалось такое страшное, глубокое страданіе, я устремился глазами на сцену, служанка откупщика узнала въ старомъ бродягѣ своего отца, бѣглаго солдата [75]), я почти не слушалъ ея словъ, а слушалъ голосъ. „Боже мой“, думалъ я, „откуда взялись такіе [76]) звуки въ этой юной груди, они не

выдумываются, не пріобрѣтаются изъ сольфеджій, а бываютъ выстраданы, приходятъ наградой за страшные опыты [77].... Она провожаетъ отца до плетня [78], она стоитъ передъ нимъ такъ просто, задумчиво, надеждъ мало [79] его спасти, и когда старикъ уходитъ [80], вмѣсто словъ, назначенныхъ въ роли, у нея вырвался неопредѣленный крикъ, крикъ слабаго беззащитнаго существа, на котораго обрушилось тяжкое, незаслуженное горе. Теперь черезъ двадцать лѣтъ я слышу этотъ раздирающій крикъ".... Онъ пріостановился. Да, господа, сказалъ онъ помолчавши, это была великая русская актриса [81])!

Вѣроятно, вы знаете сюжетъ „Сороки-воровки", хоть по Россиніевской оперѣ [82]. Страшная піеса, послѣ которой ничего бы не оставалось на душѣ, кромѣ отчаянія, если-бъ не придѣлали мелодрамную развязку. Анету обвиняютъ въ кражѣ, подозрѣніе какъ будто имѣетъ полное право пасть на ея голову, какъ ее не подозрѣвать—она бѣдна, она дочь солдата, она служанка. Да и наконецъ, если обвиненіе окажется несправедливымъ, что за бѣда, ей скажутъ: „поди, голубушка, домой, видишь, какое счастіе, что ты невинна". А до какой степени все это вмѣстѣ должно разбить, уничтожить оскорбленіемъ нѣжное существо [83]—этого разсказать вамъ не могу [84]. Было невѣроятно [85]. Для этого надобно было видѣть игру Анеты, надобно для этого было видѣть, какъ она испуганная, трепещущая и оскорбленная [86] стояла при допросѣ. Ея голосъ и видъ былъ громкій протестъ, протестъ, раздирающій душу, обличающій много нелѣпаго на свѣтѣ и въ то же время умягченный какой то теплой кроткой женственностію, разливавшій свой характеръ нѣжной граціи на всѣ ея движенія, на всѣ слова, я былъ изумленъ, пораженъ, этого я не ожидалъ. Между тѣмъ піеса развивалась, обвиненіе шло впередъ; Бальи хотѣлъ его для наказанія неприступной красавицы [87], черные люди суда мелькали по сценѣ, толковали такъ глубокомысленно, разсуждали такъ здраво, потомъ осудили невинную [88] Анету и толпа жандармовъ повела ее въ тюрьму, да.... да.... вотъ какъ теперь вижу Бальи говоритъ: „Господа служивые, отведите эту дѣвицу въ земскую тюрьму"—и бѣдная идетъ, но она останавливается еще разъ. „Ришаръ, говоритъ она, я невинна да неужели и ты не вѣришь, что [89] невинна!" и тутъ уже кромѣ стона угнетенной женщины звучитъ вопль негодованія, гордости, той

непреклонной гордости, которая развивается на краю униженія, послѣ потери всѣхъ надеждъ, развивается вмѣстѣ съ сознаніемъ своего достоинства и тупой безвыходности положенія. Помните старый анекдотъ, какъ добрый нѣмецъ закричалъ изъ райка людямъ убитаго Командора, искавшимъ Донъ-Жуана: „онъ побѣжалъ направо въ переулокъ“.—Я чуть не сдѣлалъ того-же, когда Анету повели солдаты [90]). Потомъ сцена въ тюрьмѣ съ Бальи. Развратный старикъ видитъ [91]) невинность ея въ кражѣ и [92]) предлагаетъ продажей чести—купить свободу. Несчастная жертва [93]) выростаетъ, ея слова становятся страшны [94]) и какая то глубокая иронія лица удвоиваетъ оскорбительную силу словъ [95]). Я какъ-то случайно взглянулъ, въ [96]) продолженіе этой сцены, на князя,—онъ былъ сильно потрясенъ, вертѣлся, покидалъ лорнетъ, опять бралъ его [97]). Какъ такому знатоку не быть пораженному этой игрой, онъ вѣрно умѣлъ вполнѣ цѣнить такую актрису, подумалъ я [98]). Тихо съ опущенной головой, съ связанными руками шла Анета, окруженная толпою солдатъ, при рѣзкихъ звукахъ барабана и дудки. Ея видъ выражалъ какую-то глубокую думу и изумленіе.... Въ самомъ дѣлѣ, представьте себѣ всю нелѣпость.... это дитя слабое, кроткое, съ свѣтлымъ челомъ невинности.... и солдаты съ тесаками, со штыками, и барабаны.... да гдѣ-же непріятель-то?—А непріятель-то—это дитя въ серединѣ ихъ и они побѣдятъ его.... но она останавливается передъ церковью, бросается молча на колѣни, поднимаетъ задумчивый взглядъ къ небу [99]), не укоръ Прометея, не надменность Титана въ этомъ взглядѣ, а такъ простой вопросъ: „За что же это? И неужели это правда?“.... Ее повели; я рыдалъ, какъ ребенокъ. Вы знаете преданіе о Сорокѣ-воровкѣ; дѣйствительность не такъ слабонервна, какъ драматическіе писатели, она идетъ до конца, Анету казнили. Въ піесѣ открываютъ, что воровка не она, а Сорока.... и вотъ Анету несутъ назадъ въ торжествѣ, но Анета лучше автора нашла смыслъ событія,—измученная грудь не нашла радостнаго звука, блѣдная и усталая Анета, кажется [100]), смотрѣла съ тупымъ удивленіемъ на окружающее ликованіе, со стороною упованій и надеждъ она не была знакома [101]). Сильныя потрясенія, горькій опытъ подрѣзали корень и цвѣтокъ, еще благоуханный, склонялся, вялъ, спасти его нельзя было [102]). Какъ мнѣ было жаль эту дѣвушку.—

Фу, Боже мой, продолжалъ онъ, обтирая лице платкомъ, я такую волю далъ воображенію и воспоминанію, что, кажется, и заврался и расплакался [103]), да, я не могу объ этихъ предметахъ иначе говорить [104]).... всякій разъ увлекусь [105]).... Ну, занавѣсъ опустилась. Какъ дорого бы я далъ, чтобъ ее опять подняли, еще бы разъ взглянуть на эту потухающую красоту, на это изящное страданіе. Но ее не вызывали.

Но увидѣть Анету я не могъ.... идти къ ней, сжать ей руку, молча, взглядомъ передать ей все, что можетъ передать художникъ другому, поблагодарить ее за святыя мгновенія, за глубокое потрясеніе, очищающее душу отъ разнаго хлама [106]), мнѣ это было необходимо, какъ воздухъ. Я бросился за кулисы, въ партерѣ меня остановилъ одинъ любитель театра, онъ кричалъ мнѣ, выходя изъ своего ряда: „А вѣдь Анета-то недурна была, какъ вамъ? очень недурна, немножко манеры тривіальны“ [107]). Я не возражалъ ему ни слова, его-бы не убѣдить, а время терять не хотѣлъ.

„Куда вы?“ спросилъ меня официантъ, стоявшій при входѣ за кулисы.

— „Я желаю видѣть Анету, понимаешь, ту актрису, которая представляла сегодня служанку [108])“.

— „Безъ княжева позволенья нельзя“.

— „Помилуй, любезный, я самъ артистъ, третьяго дня игралъ“.

— „Мнѣ не было приказу васъ пускать“.

— „Пожалуйста“, сказалъ я, выразительно опустивши два пальца въ жилетный карманъ.

— „Какіе вы мудреные, отвѣчалъ лакей, что-же мнѣ изъ за васъ свою спину подставить“.

Я [109]) больше не настаивалъ и отправился домой. Но я былъ близокъ къ отчаянію, я былъ несчастенъ и это не фраза, не пустое слово.... Неужели изъ васъ никому не случалось отдаваться безотчетно и безцѣльно обаятельному вліянію женщины, вовсе не близкой, долго смотрѣть на нее, долго ее слушать, встрѣчаться взглядами, привыкнуть къ ея улыбкѣ и такъ вжиться въ эту летучую симпатію, что вы потомъ [110]) удивляетесь ея силѣ, когда эта женщина исчезаетъ [111]), и вы себя чувствуете [112]) какъ-то оставленнымъ, одинокимъ. Какая то [113]) горечь напол-

няетъ [114]) душу и весь вечеръ испорченъ и вы торопитесь домой и сердитесь, что у васъ въ передней нагорѣло на свѣчѣ и что сигара скверно курится.... все оттого, что съиграли романъ въ полтора часа, романъ съ завязкой и развязкой [115]). Если вы это испытали, то поймете [116]), что происходило во мнѣ, молодомъ художникѣ; тоска по Анетѣ привела меня въ лихорадочное состоянiе. Я больной бросился на кровать, я бредилъ, спалъ и не спалъ.... и въ обоихъ случаяхъ образъ несчастной служанки [117]) носился передо мною.... То она стоитъ осужденная, такъ просто, удивительно просто, а [118]) кругомъ съумасшедшiе [119]), ихъ называютъ судьями, и мнѣ становилось такъ горько, что она попалась въ вертепъ безумныхъ [120]), никто изъ нихъ не можетъ понять, что съ этимъ лицомъ и съ этимъ голосомъ нельзя быть виноватой. То ее [121]) самое несутъ въ торжествѣ и она смотритъ задумчиво и не понимаетъ [122]), ей говорятъ, что [123]) свободна [124]).... То храбрые воины въ величественномъ порядкѣ [125]) ведутъ ее со связанными руками на торжественное убiенiе и думаютъ, что дѣлаютъ дѣло [126]).... то [127]) несутъ ее съ криками радости, ей толкуютъ, говорятъ, что все прошло, что она свободна.... а она устала, у ней нѣтъ силъ обрадоваться, она какъ будто спрашиваетъ: „да что же было?“.... Словомъ, тысячи варiацiй не тему Сороки-воровки бродили у меня въ головѣ всю ночь....

На другой день утромъ часовъ въ одиннадцать я отправился въ домъ князя съ твердымъ намѣренiемъ лечь костьми или добиться аудiенцiи у Анеты [128]). Когда я взошелъ на парадное крыльцо—одинъ входъ во всѣ домы, домики, флигеля и флигельки князя, который бывалъ отпертъ, явился швейцаръ со своимъ глобусомъ на палкѣ. Начался допросъ. Къ кому? Зачѣмъ? Я сказалъ [129]). Швейцаръ объявилъ мнѣ, что безъ письменнаго дозволенiя отъ князя меня не пропустятъ.—Ну, Меценатъ ревнивъ, подумалъ я, да какъ же берутъ эти дозволенiя?

„Пожалуйте въ контору, тамъ управляющiй можетъ доложить его сiятельству“. Швейцаръ позвонилъ, вышелъ официантъ и повелъ меня въ контору. Гордо развалясь передъ конторкой, сидѣлъ толстый [130]) управляющiй и, не смотря на раннiй часъ, онъ уже успѣлъ не только утолить голодъ, но даже и жажду. Я объяснилъ ему мою просьбу; вѣроятно, толстый господинъ не

очень бы двинулся для меня, но онъ зналъ, что князь меня хотѣлъ заманить въ свою труппу и, предоставляя себѣ [131]) дѣлать мнѣ отказы и непріятности впослѣдствіи, счелъ за нужное теперь уступить моей просьбѣ, и самъ отправился къ князю для переговоровъ по такому важному дѣлу; черезъ минуту онъ возвратился съ вѣстью, что князь билетъ подпишетъ и пришлетъ въ контору. Мнѣ было некуда идти, я сѣлъ въ уголъ. Въ конторѣ царствовала большая дѣятельность: французъ-декораторъ прибѣгалъ крупно браниться съ управляющимъ и ломанымъ русскимъ языкомъ говорилъ совершенно не русскія вещи [132]), онъ былъ растрепанъ, въ засаленомъ сюртукѣ и такъ гордо смотрѣлъ, какъ самъ [133]) управляющій, и такъ ругался, какъ самъ князь. Потомъ управляющій велѣлъ позвать какого-то „Матюшку"; привели молодаго человѣка съ завязанными руками, босаго, въ сѣромъ кафтанѣ изъ очень толстаго сукна.

— „Пошелъ къ себѣ, сказалъ ему грубымъ голосомъ управляющій [134]), да если другой разъ осмѣлишься выкинуть такую штуку, я тебя не такъ угощу, забылъ о Сенькѣ".

Босой человѣкъ поклонился, мрачно посмотрѣлъ на всѣхъ и вышелъ вонъ.

„[135]) Лицо этого человѣка мнѣ что-то очень знакомо? сказалъ [136]) я лакею, случившемуся близь меня.

„Да вы съ нимъ третьяго дня играли".

— „Неужели это тотъ, который игралъ [137]) лорда?"

„Тотъ самый [138])".

— „За что это его такъ скрутили?" спросилъ я, понизивъ голосъ.

Лакей бросилъ косвенный взглядъ на управляющаго и, видя, что онъ щелкаетъ на счетахъ, слѣдственно совершенно поглощенъ, отвѣчалъ мнѣ полушепотомъ:

„Записочку перехватили къ одной актеркѣ, ну князь этого у насъ не долюбливаетъ, то есть не [139]) самъ то.... а то есть на счетъ [140]) другихъ то не долюбливаетъ; онъ его и велѣлъ посадить на мѣсяцъ въ сибирку".

— „Такъ это его тогда приводили на сцену оттуда".

„Да-съ, имъ туда роли посылаютъ твердить... а потомъ связамши приводятъ".

„Порядокъ“, отвѣчалъ я, и желаніе идти въ эту труппу начало остывать.

Дверь въ контору растворилась съ шумомъ, всѣ вскочили, взошелъ князь [141]). Лакей взглянулъ на меня, я понялъ—это была просьба о скромности. Князь прямо подошелъ ко мнѣ и, подавая билетъ, замѣтилъ, какъ ему пріятно, что артистка его труппы заслужила такое одобреніе отъ меня; весьма лестно отзывался о ней, страхъ какъ жалѣлъ, что она слаба здоровьемъ, извинялся, что меня не пустили безъ билета [142]), „дѣлать нечего, порядокъ въ нашемъ дѣлѣ половина успѣха, ослабь сколько нибудь возжи,—бѣда, артисты люди безпокойные. Вы знаете, можетъ быть, что французы говорятъ—легче арміей цѣлой управлять, нежели труппой актеровъ. Вы не сердитесь за это, прибавилъ онъ смѣясь... вы такъ привыкаете играть разныхъ царей, вельможъ, что и за кулисами остаются такія [143]) замашки“.

— Князь, сказалъ я, если французы это говорятъ, то потому, что они не знаютъ устройства [144]) вашей труппы и ея управленія [145]).

— О, да вы къ тому же и льстецъ большой! замѣтилъ князь, грозя пальцемъ и благосклонно улыбнувшись [146]), важно отправился къ бюро.—А я къ Анетѣ.

Пока я достигъ флигеля, гдѣ жила Анета, меня раза три останавливали то лакей въ ливреѣ, то дворникъ съ бородой—билетъ побѣдилъ всѣ препятствія и я, съ бьющимся сердцемъ, постучался робко въ указанную дверь. Вышла [147]) дѣвочка лѣтъ тринадцати—я назвалъ себя. „Пожалуйте, сказала она, мы васъ ждемъ [148]); она привела меня въ довольно опрятную комнатку [149]) и [150]) вышла въ другую дверь,—дверь черезъ минуту [151]) отворилась [155]) и женщина, одѣтая вся въ бѣломъ, шла скорыми шагами ко мнѣ. Это была Анета—она протянула мнѣ обѣ руки и сказала: „чѣмъ заслужила я это.... благодарю васъ....“, сказала тѣмъ голосомъ, который вчера такъ сильно потрясъ меня, и прежде, нежели я успѣлъ что нибудь отвѣчать.... она залилась слезами [153]), „извините, шептала она сквозь слезы, перерывающимъ голосомъ.... Бога ради, извините.... это сейчасъ пройдетъ... я такъ обрадовалась.... я слабая женщина.... простите“.

— Успокойтесь, что съ вами.... успокойтесь, говорилъ я ей, и мои слезы капали на жилетъ.... Если-бъ я зналъ, что мое посѣщеніе....

— Полноте, какъ вамъ не грѣшно.... полноте.... и она снова протянула мнѣ руку, омоченную слезами, а другою закрыла глаза. Вы не можете понять, сколько добра вы мнѣ сдѣлали вашимъ посѣщеніемъ, это благодѣяніе.... будьте же снисходительны, погодите минуту.... я немного выпью воды... . тогда все пройдетъ... и она улыбнулась мнѣ такъ свято хорошо и такъ печально.... Мнѣ давно хотѣлось поговорить съ художникомъ, съ человѣкомъ, которому я могла бы все сказать, но и я не ждала такого человѣка и вдругъ вы.... я вамъ очень благодарна.... Пойдемте въ ту комнату, здѣсь могутъ насъ подслушать.... не думайте, чтобы я боялась, нѣтъ, ей Богу, нѣтъ. Но это шпіонство унизительно, грязно.... и не для ихъ ушей то, что я вамъ хочу сказать.

Мы взошли въ спальню; она выпила воды и бросилась на стулъ, указывая мнѣ на кресло [154]). Гдѣ были всѣ придуманныя мною похвалы, гдѣ были эти тонкія замѣчанія, которыми я хотѣлъ похвастать? Я смотрѣлъ на нее сквозь слезы, смотрѣлъ и грудь моя поднималась. Лицо ея прекрасное, но уже изнеможенное—было страшное сказаніе, въ каждой чертѣ можно было прочесть ту [155]) исповѣдь, которая звучала въ ея голосѣ вчера. Къ этимъ чертамъ и этому лицу прибавлять, я знаю, не было нужды, нѣсколько собственныхъ именъ, нѣсколько случайностей, чиселъ—остальное было высказано очень ясно. Огромные черные глаза блистали не восточной нѣгой, а какъ-то траурно, безнадежно, огонь, свѣтившійся въ нихъ, кажется, сжигалъ ее. Худое и до невѣроятности истомленное лицо раскраснѣлось отъ слезъ, какъ-то неестественно, чахоточно; она отбросила волосы за ухо и склонила на руку, оперщую о столъ, свою голову. Зачѣмъ тутъ не было Кановы или Торвалдсена, вотъ статуя страданья, страданья внутренняго, глубокаго. Что за благородная, богатая натура, думалъ я, которая такъ изящно гибнетъ, такъ страшно и такъ граціозно выражаетъ несчастье.... Минутами артистъ побѣждалъ во мнѣ человѣка.... я восхищался ею, какъ художественнымъ произведеніемъ.

Между тѣмъ она оправилась и говорила: „Неправда-ли какая смѣшная встрѣча. Да еще не конецъ, я вамъ хочу разсказывать о себѣ, мнѣ надобно высказаться, я можетъ умру, не увидавши въ другой разъ товарища художника.... Вы можетъ

будете смѣяться, нѣтъ, это я глупо сказала, смѣяться вы не будете, вы слишкомъ человѣкъ для этого.... скорѣй вы сочтете меня за безумную. Въ самомъ дѣлѣ, что за женщина, которая бросается съ своею откровенностію къ человѣку, котораго не знаетъ — да вѣдь я васъ знаю, я видѣла васъ на сценѣ. Вы художникъ.

— Я жалъ ея руку и не могъ вымолвить ни слова.

— Исторія моя не длинна, очень [156]) коротка, напротивъ [157]); я не утомлю васъ, послушайте ее хоть за то удовольствіе, которое вчера я вамъ доставила Анетой.....

— Да говорите, Бога ради говорите, я жадно ловлю каждое слово.... хотя, скажу вамъ откровенно, я бы могъ вамъ разсказать вашу исторію, не слыхавъ ни отъ васъ, ни отъ кого другаго ни слова—я ее знаю.

— Вотъ потому то я вамъ и разскажу ее.

Я не такъ давно въ здѣшней труппѣ. Прежде я была на другомъ провинціальномъ театрѣ, гораздо меньшемъ, гораздо хуже устроенномъ—но мнѣ тамъ было хорошо, можетъ оттого, что я была молода, беззаботна, чрезвычайно глупа, жила, не думая о жизни [158]). Я отдавалась любви къ искусству [159]) съ такимъ увлеченіемъ, что на внѣшнее не обращала вниманія, я болѣе и болѣе вживалась въ мысль—вамъ, вѣроятно, коротко знакомую—въ мысль, что я имѣю призваніе [160]) къ сценическому искусству, мнѣ собственное сознаніе говорило, что я актриса. Я безпрерывно изучала мое искусство, воспитывала тѣ слабыя способности, которыя нашла въ себѣ [161]), и радостно видѣла, какъ трудность за трудностью исчезаетъ. Помѣщикъ нашъ былъ добрый, простой и честный человѣкъ; онъ уважалъ меня, цѣнилъ мои таланты, далъ мнѣ средства выучиться по-французски, возилъ съ собою въ Италію, въ Парижъ — я видѣла Тальму и Марго.... я пробыла полгода въ Парижѣ, и—я еще была очень молода [162]), если не лѣтами, то опытомъ—и воротилась на провинціальный театрикъ, мнѣ казалось, что какіе-то особенные узы долга связуютъ меня съ воспитателемъ [163]). Еще бы годъ.... sans les si, sans les mais.... Онъ умеръ скоропостижно. Въ мрачной боязни ждали мы шесть недѣль, онѣ прошли; вскрыли бумаги, но отпускныя, написанныя намъ [164]), затерялись, а можетъ ихъ и вовсе не было, можетъ онъ по небрежности и не

успѣлъ написать ихъ, а говорилъ намъ такъ [165]) въ родѣ любезности, что онѣ готовы. Новость эта оглушила насъ. Пока мы еще плакали, да думали, что дѣлать, насъ продали съ публичнаго торга и князь купилъ всю труппу. Онъ насъ хорошо принялъ, хорошо помѣстилъ, какъ вы сами видите, даже положилъ большіе оклады—не стѣсняя себя, впрочемъ, точностью выдачи [166])... Но это былъ ужъ не прежній директоръ—добродушный и снисходительный, онъ съ перваго раза далъ почувствовать всю необъятную разницу между имъ и его гаёрами, назначенными для его развлеченія. Онъ привыкъ къ раболѣпію, онъ протягивалъ свою руку охотникамъ цѣловать; дворецкій и толпа его фаворитовъ старались подражать ему въ обращеніи.... Тяжело было на сердцѣ, очень тяжело, но были еще и отрадныя минуты, меня берегли за талантъ и я умѣла еще такъ предаваться искусству, что забывала окружающее, меня тѣшило.... самой смѣшно и стыдно теперь.... прекрасное устройство театра,—все это прошло, даже становится невѣроятнымъ для меня.

Я стала замѣчать, что князь особенно внимателенъ ко мнѣ; я поняла эту внимательность и вооружилась. Князь не привыкъ къ отказамъ изъ труппы. Я дѣлала видъ, что ничего не понимаю; онъ счелъ за нужное высказывать яснѣе и яснѣе свои намѣренія, наконецъ, онъ подослалъ ко мнѣ управителя, сулилъ отпускную на томъ условіи, чтобы я на десять лѣтъ сдѣлала контрактъ съ его театромъ, не говоря о другихъ обѣщаніяхъ и условіяхъ. Я прогнала управителя, и на время преслѣдованія прекратились. Разъ поздно вечеромъ, воротившись съ представленія, я читала вслухъ, одна, читала вновь переведенную съ нѣмецкаго трагедію: „Коварство и любовь“. Вы знаете, вѣроятно, ее? Въ ней такъ много близкаго душѣ, такъ много негодованія, упрека, улики въ нелѣпости жизни, которую ведутъ люди [167]); когда читаешь ее, будто вспоминаешь что нибудь родное, близкое, бывалое... всѣ [168]) лица этой піесы, правда, оставляютъ какое то тяжелое впечатлѣніе и гофмаршалы, и лэди, и старикъ камердинеръ, у котораго дѣти пошли добровольно въ Америку... Знаете, Луизу бы я съиграла, особенно сцену съ Вурмомъ, гдѣ онъ ее заставляетъ писать письмо,... кабы можно при васъ, да князь не любитъ такихъ піесъ. Итакъ, я читала „Коварство и любовь“ и была совершенно подъ вліяніемъ піесы, увлечена, одушевлена

ею, вдругъ [169]) кто то сказалъ: „Прекрасно, прекрасно!“ и положилъ мнѣ на раскрытое плечо свою руку. Я съ ужасомъ отскочила къ стѣнѣ—это былъ князь.

„Что угодно приказать вашему сіятельству?“ спросила я голосомъ, дрожавшимъ отъ бѣшенства и негодованія.

Я слабая женщина, вы это сейчасъ видѣли, но увѣряю, я могу быть и сильной женщиной.

— Я и это видѣлъ, возразилъ я, намекая на нѣкоторыя выраженія въ ея разсказѣ.

„Приказывать ничего“, отвѣчалъ князь, стараясь придать плѣнительное выраженіе своему лицу... „можно ли приказывать такимъ глазкамъ, они должны приказывать!“

Я смотрѣла прямо ему въ глаза. Онъ нѣсколько смутился, онъ ждалъ какого нибудь отвѣта. Но онъ скоро нашелся, подошелъ ко мнѣ и сказавши:

„Ne faites donc pas la prude, не дурачься, ну посмотри-же на меня не такъ, другія за счастіе поставили бы себѣ“... и онъ взялъ меня за руку, я ее отдернула.

— Князь, сказала я, вы меня можете отослать въ деревню на поселенье, но есть такія права и у самаго слабаго животнаго, которыя у него отнять нельзя, пока оно живо по крайней мѣрѣ. Идите къ другимъ, осчастливьте ихъ, если вы успѣли ихъ воспитать въ такихъ понятіяхъ [170]).

„Mais elle charmante! возразилъ князь, какъ идетъ къ ней этотъ гнѣвъ—да полно ролю играть“.

— Князь, сказала я сухо, что вамъ угодно въ моей комнатѣ въ такое время?

„Ну пойдемъ въ мою, отвѣчалъ князь, я не такъ грубо принимаю гостей, я гораздо добрѣе тебя“.

И онъ придалъ своимъ глазамъ видъ сладко-чувствительный [171]); старикъ этотъ въ эту минуту былъ безмѣрно отвратителенъ съ дрожащими [172]) губами, съ выраженіемъ... съ гадкимъ выраженіемъ...

— „Дайте вашу руку, князь, подите сюда“; онъ, ничего не подозрѣвая, подалъ мнѣ руку, я подвела его къ моему зеркалу, показала ему его лицо и спросила его:

„И вы думаете, что я пойду къ этому смѣшному старику, къ этому плѣшивому селадону“ [173]), я расхохоталась.

Князь поблѣднѣлъ отъ бѣшенства. Въ первую минуту онъ, вырвавши свою руку, поднялъ ее и, вѣроятно, ударилъ бы меня въ лицо, если-бъ онъ больше владѣлъ собою. Онъ ограничился грубой бранью и вышелъ вонъ, крича:

„Я тебя научу забываться, кому смѣешь говорить [174]), я, дескать, актриса, нѣтъ, ты моя крѣпостная дѣвка, а не актриса. Кому ты смѣешь говорить этимъ языкомъ! Да ты знаешь-ли кто я—я твой помѣщикъ! Я, дескать, актриса, нѣтъ ты не актриса—ты прежде всего то, что я захочу“!

Я захлопнула за нимъ дверь и бросила на полъ столовый ножикъ, который безъ всякой мысли схватила, когда мнѣ помѣшали читать, а потомъ спрятала его въ рукахъ на всякій случай. Что я чувствовала, какъ я провела эту ночь, вы можете понять. Не хочу вамъ разсказывать ряда мелкихъ, оскорбительныхъ непріятностей, которыя начались для меня съ этого дня. У меня отняли лучшія роли, меня мучили безпрерывной игрой въ роляхъ вовсе чуждыхъ моему таланту; со мною всѣ наши власти начали обращаться грубо, говорили мнѣ ты, не давали мнѣ хорошихъ костюмовъ — не хочу потому разсказывать, что это все пойдетъ въ похвалу князю, онъ не такъ бы могъ поступить со мною, онъ поделикатился, онъ меня уважилъ гоненіями, въ то время, какъ онъ могъ меня наказать другими средствами. Да и сказать вамъ правду, я думаю, меня не скоро бы они добили этими мелочами, хуже всего этого были послѣднія слога князя, они врѣзались въ голову, въ сердце, я не знаю, какъ вамъ сказать, антоновъ огонь сдѣлался около нихъ, я не могла отдѣлаться отъ нихъ, забыть... съ тѣхъ поръ я постоянно въ лихорадкѣ, сонъ не освѣжаетъ меня, къ вечеру голова горитъ, а утромъ я какъ въ ознобѣ... повѣрите-ли, что съ тѣхъ поръ каждую недѣлю мнѣ перешиваютъ костюмы [175])... и я радуюсь этому, а съ тѣмъ вмѣстѣ, признаюсь вамъ, страшно, страшно [176]) и больно. Да развѣ не могло иначе быть?... Съ тѣхъ поръ больная, въ какомъ то горячешномъ состояніи, выхожу я на сцену. И меня осыпаютъ рукоплесканіями, не понимая моей игры. Я съ тѣхъ поръ играю одну роль—зрители не догадались. Талантъ мой тухнетъ, я становлюсь одностороннѣе, есть роли, которыя я играю небрежно, которыя мнѣ сдѣлались невозможны. Итакъ, все кончено... и талантъ, и жизнь... Прощай искусство, про-

щайте увлеченія на сценѣ... поживу еще годъ, два съ князевыми словами. Ихъ бы вырѣзать на моей могилѣ...

Она умолкла.

Я не нашелся ничего ей сказать въ утѣшеніе.

Помолчавши, она продолжала:

Мѣсяца два тому назадъ былъ бенефисъ. Прошу костюма— не даютъ; въ такомъ случаѣ, сказала я режиссеру, я куплю на свои деньги что надобно и сошью его себѣ. Надѣваю шляпку и хочу идти въ лавки.

„Не велѣно никуда пускать безъ спросу, гдѣ у васъ дозволеніе?“

Я была раздражена и пошла въ контору. Князь былъ тамъ, подхожу къ нему и прошу позволенія идти въ лавки.

— „Странное время тебѣ назначаютъ любовники для свиданія—утромъ!“ Замѣтилъ князь [177]), къ неописанному удовольствію управляющаго и лакея. Кровь бросилась мнѣ въ голову, мое поведеніе [178]) было незапятнанное, оскорбленіе вывело меня изъ себя.

„Такъ это для сбереженія нашей чести вы запираете насъ? Ну, князь, вотъ вамъ моя рука, вотъ вамъ мое честное слово, что ближе году я докажу вамъ, что ваши мѣры [179]) недостаточны“, При этомъ я вышла, прежде нежели онъ успѣлъ сказать слово.

Тутъ она остановилась взволнованная, изнуренная.... я ее просилъ успокоиться, выпить еще воды, держалъ ея холодную и влажную руку въ моей... она опустила голову, казалось ей тяжело продолжать, но вдругъ она подняла ее, гордую и величественную, и ясно взглянувъ на меня, сказала:

— „Я сдержала слово!“ [180]).

Я готовъ былъ броситься къ ногамъ этой женщины. Какъ высока, какъ сильна, какъ чудно изящна казалась она мнѣ въ эту минуту признанія. Мы помолчали.

— Мой романъ [181]) не оставилъ мнѣ тѣхъ кроткихъ сладкихъ воспоминаній счастія, упоеній, какъ у другихъ.... въ немъ все лихорадочно, безумно, въ немъ не любовь, а отчаяніе, безвыходность.... я вамъ не разскажу его, потому что собственно нечего разсказывать.

— Князь знаетъ? спросилъ я.

— Вѣроятно, знаетъ, онъ все знаетъ.... да я бы была въ

отчаяніи, если-бъ онъ не зналъ [182]). Я не боюсь его. Знаете-ли, что я съ тѣхъ поръ не переступала сѣней его дома—я умру въ этой комнатѣ, а уже проситься не пойду къ нему. Я и это слово сдержу. Меня одно страшило умереть, не видавши человѣка, теперь вы понимаете, что для меня [183]) ваше посѣщеніе.... Одно нехорошо и тѣмъ хуже, что это прежде мнѣ не приходило въ голову—малютка будетъ его.... онъ ему скажетъ: „прежде всего ты мой". А, впрочемъ, я такъ слаба, такъ больна, что Богъ милостивъ, приберетъ и его.

— Да нельзя-ли какъ нибудь.... располагайте мною....

— Нѣтъ [184]), вы видите, какъ насъ строго пасутъ.

Бѣдная артистка, думалъ я, что за безумный, что за преступный человѣкъ сунулъ тебя на это поприще, не подумавши о судьбѣ твоей. Зачѣмъ разбудили тебя, для того только, чтобы сообщить вѣсть страшную, подавляющую. Спала бы душа твоя въ неразвитости и великій талантъ [185]), неизвѣстный тебѣ самой, не мучилъ бы тебя, можетъ тебя и [186]) мучила бы [187]) иногда непонятная грусть—за то она и осталась бы непонятной.

— Пора намъ разстаться, сказала она печально.

— Прощайте, благодарю васъ [188]), какъ бы я желалъ что нибудь [189])....

— Она улыбнулась.—Вспоминайте иногда, что и во мнѣ....

— Погибла великая русская актриса....

Я вышелъ, заливаясь слезами.

„Знаешь-ли, какая радость, сказалъ мнѣ товарищъ мой, когда я возвратился домой. Здѣсь сейчасъ былъ управляющій князя, удивлялся, что ты еще не приходилъ домой и велѣлъ тебѣ сказать, что князь желаетъ тебя оставить на слѣдующихъ условіяхъ".—Онъ съ торжествующимъ лицемъ подалъ мнѣ бумагу. Условія были превосходны.

„А знаешь-ли ты новость, отвѣчалъ я ему, идучи домой я зашелъ къ нашему ямщику и нанялъ ту-же тройку, которая насъ сюда привезла. Оставайся, ежели ты хочешь, а я черезъ часъ ѣду".

— „Да что ты съ ума сошелъ?"

— Не знаю, но я здѣсь не останусь, климатъ нездоровъ для художника. А подумай-ка, да и поѣдемъ на нашъ старый театръ съ его декораціями, въ которыхъ мудрено отличить тѣни-

стую аллею отъ рѣки, въ которыхъ море спокойно, а стѣны волнуются [190]). Поѣдемъ-ка?

— Я бы и готовъ право воротиться, отвѣчалъ товарищъ, беззаботнѣйшій изъ смертныхъ, да вѣдь съ голоду тамъ умрешь.

— А здѣсь отъ сытости. Голодъ можно вылечить кускомъ хлѣба, а кусокъ хлѣба, слава Богу, съ нашимъ здоровьемъ выработаемъ. Болѣзни отъ сытости не такъ скоро лечутся [191])...

Товарищъ задумался, я не хотѣлъ его уговаривать, вдругъ онъ померъ со смѣху, ха, ха, ха—ѣду, братецъ, ѣду—знаешь-ли, что мнѣ въ голову пришло, какъ удивится [192]) Василій Петровичъ, когда мы черезъ двѣ недѣли воротимся—вотъ удивится-то!

Эта мысль о сюрпризѣ совершенно примирила моего пріятеля съ неожиданнымъ путешествіемъ. Однако, онъ спросилъ: „Ну, а управляющему какой отвѣтъ?“

— Этимъ затрудняться очень нечѣмъ, не мы будемъ завтра отвѣчать, если сегодня уѣдемъ; ему скажутъ: „вчера отправились обратно“—вотъ и князю сюрпризъ такой-же, какъ Василью Петровичу.

— Въ самомъ дѣлѣ хорошо, оттого хорошо, что условія его выгодны [193])—пусть онъ знаетъ, не все на свѣтѣ покупается выгодными условіями [194]). Сейчасъ буду укладываться, и онъ началъ увязывать и складывать небогатые пожитки наши, насвистывая мотивъ изъ Калифа Багдадскаго.—Вотъ и все.

Для полноты прибавлю, что черезъ два часа мы попрыгивали въ кибиткѣ, мнѣ было скверно, какая то желчевая злоба наполняла душу, я пробовалъ и на дорогу [195]) смотрѣть, и по сторонамъ, и сигары курить—ничего не помогало... да и какъ на смѣхъ небо было сѣро, вѣтеръ холоденъ, даль терялась за болотистыми испареніями—всѣ виды, которыми я восхищался, ѣхавши сюда, были угрюмы, оттого-ли, что я ихъ видѣлъ въ обратномъ порядкѣ, или отчего другаго, только они меня не веселили. Даже роскошные господскіе дома съ парками и оранжереями, такъ гордо красовавшіеся между почернѣвшихъ и полуразвалившихся избъ, казались мнѣ мрачными...

— Что же сдѣлалось потомъ съ Анетой? Видѣли вы ее? [196])

— Нѣтъ. Она умерла черезъ два мѣсяца послѣ родовъ.

Воцарилось молчаніе. Художникъ отиралъ слезы, бѣжавшія

по щекѣ. Молодые люди и онъ представляли прекрасную надгробную группу Анетѣ.

— „Все такъ.... сказалъ вставая славянинъ, но зачѣмъ она не обвѣнчалась тайно!“ [197])....

И—ръ.

Января 23-го 1846.

Сообщ. Т. П. Пассекъ.

Приложеніе.

Слова и строки, въ подлинной рукописи А. И. Герцена зачеркнутыя:

[1]) Покорно; [2]) въ свѣтелкѣ; [3]) и только жена и мать; [4]) отношеніе; [5]) не тольмо; [6]) можетъ лучше; [7]) тому, чтобъ у нихъ являлись; [8]) или у горожанъ, которые вовсе не въ духѣ славянъ вышли изъ народной формы; [9]) къ неискусственному быту; [10]) Вы знаете, что; [11]) можетъ; [12]) не; [13]) не; [14]) вовсе; [15]) помѣстьи; [16]) По моему, напр., бѣдность несравненно нужнѣе довольства, для того, чтобы хранить кроткую трудолюбивую жизнь; [17]) Вамъ; [18]) гдѣ; [19]) состоитъ; [20]) У насъ въ нравахъ и во всемъ семейный распорядокъ: въ избѣ отецъ—глава, въ деревнѣ—помѣщикъ,—поймете ли вы помѣщика главою семьи—а я понимаю; [21]) вы; [22]) разрѣшенія; [23]) времени—я на это согласиться не могу; [24]) патріархальная; [25]) по будущей желѣзной дорогѣ, такъ по; [26]) человѣческомъ; [27]) Парижѣ, если мы; [28]) то они почти всегда; [29]) не въ обще....; [30]) Я не знаю, о чемъ вы говорите; [31]) конечно, не въ тишинѣ семейной жизни; [32]) какъ и вообще у славянъ; [33]) теперь развѣ; [34]) есть; [35]) и; [36]) это; [37]) помните; [38]) изъ насъ; [39]) сложную; [40]) проведшаго жизнь развратно; [41]) въ этомъ то и; [42]) или; [43]) Мы толковали много, а все вопросъ не совсѣмъ рѣшенъ; [44]) А когда мы захотимъ видѣть актрисъ и пѣвицъ, намъ стоитъ брякнуть золотомъ и гордая Европа пришлетъ намъ своихъ дочерей.—Я думаю, отвѣчалъ оскорбленный европеецъ, что онѣ сами пріѣдутъ. Вы дурно выразились — типъ славянской скромности; [45]) остриженный подъ гребенку; [46]) играть; [47]) о; [48]) дикая страсть; [49]) тѣмъ, которые вяло шли съ горемъ и съ радостью (идутъ на вс.... .. ....) всему происходящему въ душѣ людей, давно начавшихъ снимать патріархальные свивальники; [50]) и; [51]) знаменитый; [52]) споръ; [53]) васъ; [54]) давайте курульныя кресла; [55]) разъ русскую женщину на сценѣ; [56]) разумѣется въ Москвѣ, замѣтилъ славянинъ.—Отчего-же, возразилъ европеецъ, театръ вовсе не національное учрежденіе и именно принадлежитъ петербургской эпохѣ; [57]) рѣшите; [58]) пожалуйста, не спорьте; [59]) для меня; [60]) хоро..; [61]) превосходный; [62]) записать чужую; [63]) обременить; [64]) такими тяжестями, которыя стянули бы (свели бы) ее прежде времени на дно; [65]) отчасти; [66]) меня; [67]) дум.; [68]) своеволье; [69]) артис.; [70]) изряднаго вина; [71]) мы слушаемъ; [72]) соби; [73]) аф.; [74]) которомъ; [75]) ему нужны нѣсколько франковъ, чтобы бѣжать за границу, иначе его казнятъ—у ней ихъ нѣтъ; [76]) эти;

[77]) тутъ явился старикъ Бальи волочиться за ней, убитая страшной вѣстью, она стоитъ испуганная, трепещущая и слушаетъ его пошлые комплименты—какая простота, какая истина; [78]) прощается съ нимъ; [79]) нѣтъ; [80]) и тутъ; [81]) я опоздалъ.... піеса уже началась, когда я взошелъ.... я досадовалъ (былъ очень недоволенъ) (на) что опоздалъ и разсѣянно, не понимая, что дѣлаютъ на сценѣ, смотрѣлъ по сторонамъ, смотрѣлъ на правильное размѣщеніе лицъ по чинамъ, на странное сборище физіогномій, вовсе другъ на друга не похожихъ, а выражающихъ одно и то же, на провинціальныхъ франтовъ и на самаго князя, который такъ гордо и такъ озабоченно сидѣлъ въ своей ложѣ. Вдругъ меня поразилъ юный женскій голосъ (какъ-то сдавленный горемъ, страхомъ, раздирающій сердце), я взглянулъ на сцену: служанка откупщика узнаетъ отъ отца своего, бѣглаго солдата, что онъ осужденъ на смерть, что ему нужны нѣсколько франковъ, чтобы бѣжать за границу—у ней ихъ нѣтъ—она трепещетъ за отца.... (за ней пошло (является) волочится), а старикъ Бальи (и за нею начинаетъ) ухаживаетъ за нею, убитой страшной вѣстью, беззащитной, (испуганной).... (ей надобно спасти отца, надобно спасти свою честь, но она беззащитна.... она стоитъ) испуганная и трепещущая отъ негодованія и ужаса, (какая простота, какая истина) раздираемая на части она стоитъ и не знаетъ что дѣлать.... я почти не слушалъ словъ, я слушалъ голосъ и смотрѣлъ. Боже мой, думалъ я, Боже мой, откуда взялись эти звуки въ такой юной груди, когда и зачѣмъ она успѣла узнать, что есть такіе звуки, они не выдумываются, не пріобрѣтаются изъ солфеджій, а бываютъ выстраданы, приходятъ наградой за страшный опытъ. Изумленный, тронутый, я жалъ ручку креселъ и (смотрѣлъ не только глазами, но всей душею), сердце у меня билось такъ сильно, что я задыхался.—(Вотъ дочь) она прощается съ отцемъ и опять этотъ голосъ, этотъ видъ, что за простота, что за истина, она (идетъ) провожаетъ его до плетня и вмѣсто словъ, назначенныхъ въ роли, у (Анеты) нея вырывается неопредѣленный крикъ, крикъ слабаго, беззащитнаго существа, надъ которымъ обрушилось тяжелое, незаслуженное горе. Теперь черезъ двадцать лѣтъ я слышу этотъ крикъ». У него навернулись слезы на глазахъ, онъ остановился....—Да, господа, сказалъ онъ, помолчавъ, это была великая русская актриса! [82]) это; [83]) бѣдную дѣвушку, оскорбить ее; [84]) это; [85]) надобно было вамъ—показали бы выражено въ игрѣ Анеты, она все это понимала; [86]) негодующая; [87]) всѣ эти; [88]) бѣдную; [89]) небомъ клянусь; [90]) въ тюрьму. Но верхомъ ея торжества была сцена въ тюрьмѣ; [91]) у; [92]) хочетъ; [93]) тутъ гонимая дѣвушка; [94]) ея видъ грозенъ; [95]) Бальи бѣсится, она будетъ осуждена на смерть, если ему откажетъ—она отказываетъ и смертный приговоръ произчесенъ . . . . партеръ, состоявшій изъ очень неровнаго и чрезвычайно неразвитаго общества (былъ увлеченъ); [96]) это; [97]) Да и; [98]) Тихо, съ опущенной головой, съ связанными руками, вели (грубые) солдаты (на казнь Анету... тихо она) съ ружьями, штыками, кроткую дѣвушку, лѣтъ 20, осужденная преступница, она тихо сходитъ съ каменныхъ ступень: (монотонный маршъ) барабанъ и дудка провожаютъ ее и (она) вотъ она, молча, бросается и молится передъ церковью; (что дѣлаетъ) зачѣмъ это дитя съ челомъ невиннымъ, чистымъ между этими солдатами, неужели они для того вооружены, чтобы ее вести. Какъ попало это дитя, съ свѣтлымъ челомъ невинности,—робкое дитя въ эту толпу вооруженныхъ солдатъ. Что за нелѣпость. Я рыдалъ, какъ ребенокъ. Вы знаете преданіе о Сорокѣ-воровкѣ, дѣйствительность не такъ слабонервна, какъ авторъ піесы, она идетъ до конца. Анету казнили. Въ піесѣ открываютъ

въ то время, какъ Анету ведутъ (въ тюрьму) на эшафотъ, (что серебро) что виновницею кражи—сорока; [99]) страшный взглядъ; [100]) не была знакома; [101]) она скорѣе была (удивлена) поражена, нежели обрадована. Горестный опытъ; [102]) никакое солнце не могло его спасти. Господи; [103]) нагородилъ вамъ; [104]) я наконецъ вижу, что я т...; [105]) наконецъ; [106]) послѣ котораго душа надолго становится чище, выше; [107]) Въ нѣкоторомъ (не разобрано). Безъ сомнѣнія, сказалъ я, сказалъ я ему, чтобы отдѣлаться отъ него, и продолжалъ мою дорогу, но она скоро прекратилась; [108]) крестьянку; [109]) отдалъ ему; [110]) и удивитесь потомъ; [111]) когда; [112]) себя; [113]) когда; [114]) вашу: [115]) мы слишкомъ мало цѣнили эти блески, какъ вообще все настоящее, и оттого ихъ забываемъ потомъ.; [116]) гораздо; [117]) крестьянки; [118]) а судьи мнѣ (мнѣ) кажутся, что судьи съумасшедшіе (что достат), если бы они не были съумасшедшіе, достаточно было бы одного взгляда на это чистое чело, чтобъ убѣдиться въ ея невинности; [119]) если; [120]) какъ; [121]) ей даютъ деньги за оскорбленную честь; [122]) то ее прощаютъ; [123]) все прощено, что она; [124]) а она устала, а у ней нѣтъ силъ обрадоваться; [125]) идут за...; [126]) зачѣмъ ее водятъ-то съ связанными руками, съ барабаномъ и дудкой; [127]) съ; [128]) Когда я взошелъ въ одинъ отпер.; [129]) но; [130]) человѣкъ; [131]) вѣроятно; [132]) выходки; [133]) князь; [134]) и въ контору; [135]) что это; [136]) спросилъ; [137]) англійскаго; [138]) желаніе идти въ эту труппу начало у меня простывать; [139]) то что; [140]) чтобы; [141]) тотчасъ; [142]) что; [143]) эдакіе; [144]) вашей; [145]) труппой; [146]) мнѣ; [147]) ма; [148]) и; [149]) погодите здѣсь немножко; [150]) она; [151]) почти тутъ же; [152]) въ другой разъ; [153]) она; [154]) Она отбросила; [155]) н...; [156]) такъ ужъ; [157]) что почти нечего разсказывать; [158]) о будущемъ, въ это время (тогда) развилась у меня любовь къ искусству; [159]) ей; [160]) именно; [161]) лежали во мнѣ къ нему; [162]) еще; [163]) помѣщикомъ; [164]) и подписанныя имъ; [165]) какъ; [166]) акуратностью; [167]) ее читаешь; [168]) эти; [169]) мнѣ; [170]) о счастіи—вы знаете, что я не имѣла счасті...; [171]) этотъ; [172]) трепещущими; [173]) —и; [174]) а; [175]) платья; [176]) думать что; [177]) смѣясь; [178]) клянусь вамъ; [179]) вами избранныя; [180]) я беременна; [181]) при; [182]) я пошла; [183]) вы мнѣ; [184]) онъ вѣрно окружилъ меня лазутчиками; [185]) кладъ; [186]) бывало; [187]) грустно иногда... ну, да кому же грустно не бываетъ; [188]) сказ...; [189]) сдѣлать для васъ; [190]) не; [191]) а; [192]) гораздо вреднѣе, за докторомъ надо посылать; [193]) какую рожу состроитъ; [194]) вотъ тебѣ молъ; [195]) важное дѣло, что онъ богатъ. И такъ; [196]) виды; [197]) жив.; [198]) но я правъ, не будь она актриса, (она не пала бы) она законнымъ порядкомъ обвѣнчалась и была бы законная жена чья нибудь».—Князева швейцара, напр... добавилъ европеецъ.

СТУДЕНЧЕСКІЯ ИСТОРІИ ВЪ КАЗАНСКОМЪ УНИВЕРСИТЕТѢ

1855—1863 гг. [1]).

Перейдя къ 1859 году, мы и здѣсь прежде всего встрѣчаемся съ фактами, которые обыкновенно являются результатомъ опьяненія.

Такъ, 8-го марта, инспекторъ студентовъ, между прочимъ, сообщаетъ о буйствѣ студентовъ 4-го курса камеральнаго разряда Страдина и Козакова и 3-го курса Людевиха того же разряда.

Обстоятельства дѣла слѣдующія: поименованные студенты отправились къ актеру Виноградову, гдѣ и были угощаемы виномъ.

Около 5-ти часовъ пополудни вышли отъ него въ нетрезвомъ видѣ, «въ особенности студентъ Людевихъ», прибавляетъ донесеніе. Шли въ такомъ порядкѣ: Людевихъ и Козаковъ впереди, а Страдинъ нѣсколько позади.

Первые сошлись съ пьянымъ же чиновникомъ Никольскимъ и вступили съ нимъ въ разговоръ, сначала мирный, который, впрочемъ, скоро перешелъ въ драку. Страдинъ, увидавъ драку, немедленно подошелъ и рознялъ дравшихся Людевиха и Никольскаго, при чемъ толкнулъ того и другаго. Никольскій, «вѣроятно, не понимая дѣйствій Страдина», схватилъ его за капишонъ прежней формы шинели, оборвалъ его и одинъ лоскутъ оставилъ въ своихъ рукахъ. Страдинъ нанесъ ему нѣсколько ударовъ, и послѣ этого студенты пошли дальше. Никольскій началъ дразнить ихъ: онъ махалъ оторваннымъ лоскуткомъ по воздуху и кричалъ: «что взяли»... и проч.

Страдинъ воротился къ нему. Никольскій убѣжалъ въ свою квартиру. Страдинъ вошелъ вслѣдъ за нимъ. Никольскій, угадавъ, что

---

[1]) См. «Русскую Старину» изд. 1889 г., т. LXI, мартъ, стр. 557—576.

Страдинъ вторгся къ нему съ намѣреніемъ его бить, схватилъ стулъ и замахнулся на него, но тотъ, отразивъ ударъ, нѣсколько разъ ударилъ Никольскаго. Тутъ вошли Людевихъ и Козаковъ. Явилась полиція. Студенты были арестованы [1]). По прочтеніи этой «исторіи» исправляющій должность попечителя Веселаго опредѣлилъ: «студентовъ Страдина и Людевиха удалить изъ университета, дозволивъ имъ подать прошенія объ этомъ, а арестъ Козакова продлить до 7 дней» [2]). Дѣло это, какъ увидимъ въ слѣдующей главѣ, также вызвало студенческую демонстрацію.

ГЛАВА III.

Столкновенія университета съ губернскимъ начальствомъ изъ-за студенческихъ исторій внѣ стѣнъ университета.—Дѣло объ истязаніи и ограбленіи полицейскими служителями студента Колпакова. — Городская молва о студенческихъ буйствахъ внѣ стѣнъ университета и записка инспектора студентовъ Филиппова по этому предмету.—Случаи, служившіе поводомъ къ этой молвѣ: куреніе папиросъ тремя студентами въ губернаторскомъ саду, сбитіе шаровъ съ садовой перегородки, побои полицейскому писарю, разбитіе стеколъ.—Студенческая исторія въ театрѣ.—Исключеніе изъ университета двухъ студентовъ за безнравственные поступки.

1859 годъ.

Прежде чѣмъ сообщать факты дальнѣйшихъ студенческихъ исторій, совершившихся внѣ стѣнъ Казанскаго университета, мы обязаны остановиться на дѣлѣ объ истязаніи полицейскими студента Колпакова, которое укажетъ намъ, какъ надо относиться къ слѣдующимъ затѣмъ фактамъ разныхъ буйствъ, приписываемыхъ полиціей студентамъ. Это дѣло, на которомъ мы теперь остановимся, по бумагамъ, представляется такимъ образомъ:

Инспекторъ Филипповъ былъ увѣдомленъ своимъ помощникомъ, что въ полиціи за какіе-то поступки задержанъ студентъ ун—та. Онъ немедленно отправляется въ полицію и застаетъ въ кабинетѣ у полиціймейстера студента 4-го курса медицинскаго факультета, Петра Колпакова, съ избитымъ лицомъ, распухшими руками и съ содранною на пальцахъ кожею до самаго мяса. По освидѣтельствованіи его городскимъ и студентскимъ врачемъ, «оказались на обѣихъ

---

[1]) Дѣло по собранію бумагъ о происшествіяхъ между студентами, 26.
[2]) Тамъ-же 28.

рукахъ, выше локтей, красные знаки, а на ногахъ, нѣсколько ниже колѣнъ и выше щиколотокъ, отъ нажима веревки углубленія и ссадины на лѣвой ногѣ. Знаки эти, по показанію Колпакова, произведены веревками, которыми онъ былъ связанъ, причемъ онъ жаловался на боль, чувствуемую имъ въ лицѣ и головѣ отъ понесенныхъ имъ побоевъ, а въ верхнихъ частяхъ рукъ, крыльцъ и шеи отъ затяженія веревкою, такъ что онъ лишенъ возможности сдѣлать ими малѣйшее движеніе». Въ такомъ состояніи засталъ Колпакова инспекторъ въ квартирѣ полиціймейстера. О томъ, какъ онъ пришелъ въ такое положеніе, Колпаковъ разсказалъ вотъ что. Онъ имѣлъ обыкновеніе каждый день ужинать. Эта привычка была причиной того, что онъ, вмѣстѣ съ живущимъ съ нимъ въ одномъ домѣ парикмахеромъ Крыловымъ, очутился въ гостинницѣ, называемой «Пассажъ». Здѣсь, между прочимъ, они выпили полторы бутылки хереса. При этомъ нѣсколько рюмокъ было поднесено маркеру, и Крыловъ, по его собственному показанію, пилъ гораздо больше студента Колпакова. Около часу пополуночи Колпаковъ отправился разсчитаться съ конторщикомъ, а Крыловъ вышелъ совершенно пьяный, послѣ чего Колпаковъ его больше не видалъ. Затѣмъ и послѣдній вышелъ на улицу. Въ это время онъ услышалъ крикъ «караулъ».

Пройдя нѣкоторое разстояніе по направленію къ своей квартирѣ, онъ поровнялся съ толпой изъ 5-ти или 6-ти человѣкъ. Вдругъ его кто-то ударилъ сзади и такъ сильно, что онъ упалъ безъ чувствъ. Когда онъ очнулся, то ноги и руки его оказались связанными. Около него стояли будочники и трое почтовыхъ ямщиковъ. Ямщики говорили: «Что вы дѣлаете, вы задушите его». Одинъ изъ будочниковъ закричалъ на ямщиковъ и отогналъ ихъ. Послѣ того будочники, взявъ за веревку, которою были связаны ноги, и другую, поддѣтую подъ шею, поволокли его съ пинками и ругательствами по улицѣ въ часть. Онъ подумалъ: «они меня задушатъ», и сбросилъ калошу, съ цѣлью оставить послѣ себя слѣдъ, который бы послужилъ къ открытію убійства. И онъ, дѣйствительно, услыхалъ, какъ ямщики, поднявъ калошу, кричали, что по этой калошѣ можно будетъ розыскать преступленіе, если оно совершится. Одинъ изъ будочниковъ воротился и отнялъ калошу. Отъ сильной боли Колпаковъ впалъ въ безпамятство.

Когда пришелъ въ себя, то увидалъ, что будочники остановились и о чемъ-то совѣтуются [1].

---

[1]) Дѣло по собр. б. о нанес. студ. Колпакову побой, 14 и 15.

Въ его головѣ пронеслась мысль: «они хотятъ меня убить». Осмотрѣвшись, онъ увидалъ проходившаго ночнаго стража и закричалъ ему, чтобы онъ помогъ.

Но стражъ отвѣчалъ: «валяй его, ребята!» Одинъ изъ будочниковъ схватилъ его за горло и началъ душить, чтобы онъ замолчалъ. Колпаковъ пересталъ кричать, потому что опять лишился чувствъ. Черезъ нѣкоторое время онъ очнулся. Его тащили вблизи ун—та. Узнавъ мѣстность, онъ началъ снова кричать, надѣясь, что крики будутъ услышаны университетскими караульными. Но былъ снова душимъ, и въ третій разъ впалъ въ безпамятство.

Наконецъ, его приволокли къ 1-й части. А затѣмъ, такимъ же образомъ, проволоча дворомъ и корридоромъ, втолкнули пинками въ арестантскую и оставили его тамъ со связанными руками.

Здѣсь онъ пришелъ въ себя и увидалъ, что какіе-то два человѣка бросились на него и начали обыскивать. Но кромѣ неизвѣстно какимъ образомъ попавшей въ карманъ солдатской медали, ничего тамъ не оказалось. Между тѣмъ, при выходѣ Колпакова изъ гостинницы въ карманахъ у него находились часы, ланцетъ, перчатки, портсигаръ и въ немъ 30 р. сер. денегъ. Колпаковъ страдалъ отъ сильной боли. Онъ попросилъ арестантовъ развязать его. Они это исполнили. Колпаковъ страдалъ и отъ жажды. Онъ попросилъ въ окно, устроенное въ двери, у часоваго дать ему пить. Тотъ, съ ругательствомъ, просунувъ въ окно ружье, ударилъ его прикладомъ въ грудь.

Колпаковъ болѣзненно закричалъ и началъ звать кого либо изъ старшихъ лицъ.

Спустя нѣсколько времени, взошли въ арестантскую унтеръ-офицеръ Сучковъ, часовой, ударившій его въ грудь прикладомъ, и неизвѣстный ему караульный.

Сучковъ далъ ему двѣ пощечины, а одинъ изъ солдатъ схватилъ его за волосы. Послѣ этого его снова связали еще сильнѣе прежняго.

Колпаковъ, мучимый жаждою, на колѣняхъ упрашивалъ старшаго унтеръ-офицера, чтобы онъ сжалился, наконецъ, и далъ ему пить. Въ отвѣтъ на это одинъ изъ солдатъ указалъ на ведро, поставленное для отправленія естественныхъ нуждъ, и проговорилъ: «вотъ тебѣ—трескай!» Потомъ они ушли. Колпаковъ остался связаннымъ до разсвѣта, когда явились двое служителей, развязали его и объявили, чтобы онъ убирался вонъ, при чемъ хотѣли даже его вытолкать, но Колпаковъ не пошелъ. Черезъ нѣсколько времени пришелъ къ нему опять служитель съ тѣмъ же требованіемъ и выбросилъ ему пальто: онъ стращалъ Колпакова, что если онъ не уйдетъ, то ему

достанется за это. Но Колпаковъ не пошелъ. Онъ желалъ показаться въ этомъ видѣ кому нибудь изъ полицейскихъ чиновниковъ, почему и оставался въ арестантской до того времени, пока не былъ позванъ къ полиціймейстеру. Оставляя арестантскую, онъ спросилъ у тѣхъ двухъ арестантовъ, которые его обыскивали, подтвердятъ ли они то, что видѣли? Они отвѣчали, что не могутъ сдѣлать этого изъ боязни [1]). При этомъ часовой показалъ арестованному татарину связку кренделей, сказавъ: «вотъ тебѣ гостинецъ» [2]).

Полиціймейстеръ допрашивалъ будочниковъ, но они, какъ отъ истязаній, такъ и отъ грабежа 30 р., отреклись [3]); дѣло же изобразили такимъ образомъ: студентъ Колпаковъ напалъ на проходившаго бандуриста, съ намѣреніемъ снять съ него шубу; при томъ разбилъ у него музыкальный инструментъ, называемый бандурою. Когда же пришли они, будочники, то Колпаковъ «дѣлалъ буйство, причиняя имъ побойство», во время котораго съ одного изъ нихъ была сорвана имъ медаль. Затѣмъ онъ упалъ, притворившись пьянымъ. Они положили его на салазки и повезли въ часть. Поврежденія же лица и рукъ его объяснили тѣмъ, что Колпаковъ безпрестанно перевертывался вмѣстѣ съ салазками на землю.

Когда же ихъ спросили, почему везли его трое, тогда какъ онъ былъ пьянъ, то они отвѣчали: «другіе вмѣстѣ съ бандуристомъ держали его, чтобы онъ не ушелъ».

Изъ сличенія этихъ двухъ показаній инспекторъ студентовъ Филипповъ выводитъ, что Колпаковъ разсказалъ правду. И трудно, по мнѣнію инспектора, отъ него ожидать что нибудь иное, такъ какъ ему, инспектору, извѣстны прилежаніе Колпакова къ наукамъ, его безукоризненное поведеніе и добрая слава о немъ въ обществѣ; инспекторъ ставитъ ему въ вину только то обстоятельство, что онъ дозволилъ себѣ сообщество парикмахера и пилъ съ нимъ вино. «Прочія же обстоятельства дѣла, говоритъ инспекторъ, требуютъ особеннаго вниманія на дѣйствіе полиціи и строгаго взысканія съ виновныхъ, дабы тѣмъ предотвратить на будущее время всѣ возможныя столкновенія [4]).

Началось слѣдствіе, для котораго депутатомъ со стороны университета былъ назначенъ инспекторъ Филипповъ [5]).

---

[1]) Одинъ изъ нихъ былъ русскій, а другой татаринъ.

[2]) Дѣло по собр. бум. о нанесеніи студенту Колпакову побой, 15.

[3]) Прочія же вещи представили въ слѣдующемъ видѣ: часы съ разбитымъ стекломъ, ланцетъ и перчатки въ цѣлости.

[4]) Дѣло по собр. б. о нанесеніи студ. К. поб., сообщен. исправл. должность попечителя—1, 2, 3, 4, 5 и 6. **Н. Ѳ.**

[5]) Тамъ же, 9.

Начали съ медицинскаго осмотра, поручивъ его декану медицинскаго факультета и ординарнымъ профессорамъ: Елачичу, Блосфельду и Бекетеву. Изъ осмотра они заключили, что наружные знаки и болѣзненное состояніе Колпакова подтверждаютъ справедливость показаній его относительно претерпѣнныхъ имъ наружныхъ насилій, указанныхъ въ донесеніи инспектора студентовъ [1]). Кромѣ этого, Колпакова свидѣтельствовалъ акушеръ въ хирургическомъ отдѣлѣ и нашелъ, что поврежденія, находящіяся на его тѣлѣ, слѣдствіе разнаго рода насилія [2]).

Что касается судебнаго слѣдствія, изъ него ясно видны какъ насиліе, причиненное будочниками Колпакову, такъ и грабежъ его денегъ, хотя ни въ томъ, ни въ другомъ виновные не сознались [3]).

Какимъ образомъ виновные были наказаны—наши источники на это не отвѣчаютъ. Но вообще можно усмотрѣть, что послѣ этого дѣла полиція была сильно раздражена на университетскихъ студентовъ, и особенно на ихъ начальство, ибо, вслѣдъ за его окончаніемъ, она начинаетъ распускать слухи о разныхъ студенческихъ буйствахъ, часто совершенно ложно имъ приписываемыхъ. Слухи эти дошли до исправляющаго должность попечителя. Онъ спѣшитъ написать инспектору: «До моего свѣдѣнія дошло, что гг. студенты, собираясь вмѣстѣ по нѣскольку человѣкъ, въ ночное время ходятъ по улицамъ съ палками, въ нетрезвомъ видѣ и безпокоятъ проѣзжающихъ. Онъ никогда, находясь третій годъ въ Казани, не слыхалъ ничего подобнаго, и потому вполнѣ увѣренъ, что если дѣйствительно случилось что-либо подобное, то это необходимо отнести къ весьма небольшому числу студентовъ, не уважающихъ своего званія, а слѣдовательно, и недостойныхъ носить его».

Поэтому онъ проситъ инспектора развѣдать и виновныхъ немедленно удалить [4]).

Инспекторъ на это отвѣчаетъ длинной бумагой, изъ которой мы ясно усмотримъ то положеніе дѣлъ, которое только что отмѣтили. Бумага гласитъ: «сначала дѣла о дерзкихъ поступкахъ полицейскихъ служителей ночью на 6 число февраля со студентомъ Колпаковымъ, а именно въ то время, какъ стало дѣлаться болѣе или менѣе извѣстно о виновности полицейскихъ служителей, казанской полиціей обнаруженъ рядъ событій, въ которыхъ

---

[1]) Дѣло по собр. бум. о нанес. студ. К. побой, 12 и 13.
[2]) Тамъ-же, 20 и 21.
[3]) Тамъ-же, 40—51.
[4]) Дѣло по собр. бум. о происшеств. между студентами, 24.

замѣчены студенты, и вслѣдствіе того, какъ я замѣчаю, снова утвердилось въ жителяхъ города невыгодное мнѣніе о студентахъ. Извѣстно, что всякое событіе, переходя изъ устъ въ уста, принимаетъ искаженный видъ и преимущественно въ дурную сторону для студентовъ, нерѣдко совершенно невинныхъ». Инспекторъ замѣчаетъ зависимость событій и ихъ окраски отъ дѣйствій полиціи. Онъ продолжаетъ такъ: «Прежде изложенія ряда событій должно упомянуть о дѣйствіяхъ полиціи». Вотъ эти дѣйствія: «вскорѣ по начатіи слѣдствія о студентѣ Колпаковѣ, бывшій помощникъ полиціймейстера Столбовскій, посѣщая нерѣдко кондитерскую Германа, два раза дозволялъ себѣ при угощеніи студентовъ виномъ дѣлать имъ наставленія, а именно: въ первый разъ, заведя разговоръ о производствѣ слѣдствія о студ. Колпаковѣ, онъ сказалъ, что студенты поступили въ этомъ дѣлѣ неправильно, но что имъ было бы лучше собраться всей корпораціей и требовать отъ полиціймейстера наказанія виновныхъ и проч.; на это бывшіе тамъ студенты, какъ я слышалъ, отвѣтили, что они находятъ настоящій ходъ дѣла и правильнѣе, и дѣйствительнѣе. Во второй разъ, внезапно обратясь къ студентамъ, онъ сказалъ слѣдующее: «Гг., я объѣхалъ всѣ гостинницы, трактиры и публичные дома и строго приказалъ, чтобы обращались съ вами какъ можно вѣжливѣе, чтобы никто не смѣлъ до васъ дотрогиваться. Итакъ, гг., теперь кутите, сколько угодно, васъ никто не тронетъ».

«На самомъ же дѣлѣ, сколько мнѣ извѣстно, было отдано въ подобныхъ заведеніяхъ приказаніе такого рода, чтобы всѣ хозяева заведеній немедленно давали знать въ полицію о всѣхъ происшествіяхъ и незаконныхъ требованіяхъ студентовъ». Но не смотря на лукавое поощреніе полиціи, студенты ун—та «держали себя такъ осторожно и прилично, какъ только можно желать». Тѣмъ не менѣе инспекторъ думаетъ, что эти дѣйствія полиціи не могли не имѣть «на нѣкоторыхъ молодыхъ людей вреднаго вліянія, тѣмъ болѣе, что вслѣдъ за ними возникаетъ рядъ событій, въ которыхъ явно проявляется желаніе нѣкоторыхъ начальственныхъ лицъ выставить поступки студентовъ въ возможно дурномъ видѣ». Тутъ инспекторъ приводитъ факты, которые ему были представлены съ цѣлью обвиненія студентовъ.

Напримѣръ: «21-го февраля молвою города возводилось на студентовъ, что будто бы они, въ числѣ 20 человѣкъ, вставъ у подошвы катальной горы въ Адмиралтейской слободѣ, громко и рѣзко объявили бывшему тамъ начальнику губерніи, что если имъ не будетъ разрѣшено кататься, то они и ему не дозволятъ. Тогда какъ самъ

начальникъ губерніи, сообщаетъ инспекторъ, лично говорилъ мнѣ, что безпорядокъ произведенъ былъ помѣщикомъ Жуковымъ и неизвѣстнымъ мнѣ Шіяновымъ; о студентахъ же, бывшихъ на горѣ, отозвался лестно, обвинивъ лишь въ томъ, что они увлеклись въ толпу и, будучи болѣе образованными, не отдѣлились отъ нея».

Или: «7-го марта по происшествію о выбитіи стеколъ у купчихи Захаровой инспектору извѣстно, что виновные—лица частныя, а не студенты; между тѣмъ, первое свѣдѣніе, полученное имъ отъ полиціи, было то, что выбили стекла студенты».

Чтобы еще болѣе охарактеризовать отношенія полиціи къ студентамъ, инспекторъ приводитъ слѣдующіе факты.

Пьяный дворникъ произвелъ буйство. Студентъ Васильевъ, живущій у чиновника Соколовскаго, пошелъ за будочникомъ. Тотъ отказалъ ему въ своемъ содѣйствіи. На слѣдующій день будочникъ на вопросъ чиновника Соколовскаго, почему онъ не пришелъ?—объявилъ, что имъ запрещено исполнять требованія студентовъ безъ дозволенія квартальнаго надзирателя.

«Всего же болѣе, продолжаетъ инспекторъ, я считаю важнымъ обстоятельствомъ, что по неизвѣстной мнѣ причинѣ 22-го февраля начальникомъ губерніи внезапно былъ приглашенъ, безъ предувѣдомленія университетскаго начальства, студентъ Шиловскій, которому онъ и поручилъ передать всѣмъ студентамъ, чтобы они въ случаяхъ столкновенія съ полиціей обращались прямо къ нему, и будто бы объяснился съ Шиловскимъ о какихъ-то недоразумѣніяхъ въ отношеніяхъ студентовъ къ начальнику губерніи и полиціи».

Сообщивъ все это, инспекторъ отсюда выводитъ слѣдующее: «рядъ такихъ дѣйствій, говоритъ онъ, — обвиненіе студентовъ въ проступкахъ, иногда даже напрасно возводимыхъ, и личное обращеніе начальника губерніи къ студентамъ, помимо университетскаго начальства, необходимо должны были произвести дурное впечатлѣніе на студентовъ, поселить въ нихъ недовѣріе къ своему начальству и вообще возмутить ихъ, что̀ и доказывается слѣдующимъ обстоятельствомъ.

10-го марта, вслѣдствіе огласки распоряженія в. в—дія объ удаленіи студента Страдина и Людевиха изъ университета, студенты, собравшись въ числѣ болѣе 200 человѣкъ, во время лекцій, въ читальной комнатѣ, выразили желаніе просить васъ о смягченіи участи удаляемыхъ товарищей; собравшіеся студенты, не смотря на увѣщаніе, за отсутствіемъ моимъ, г. помощника моего Гине, а потомъ и лично мои, настояли при докладѣ в. в—дію, передать ихъ желаніе видѣть васъ и только тогда оставили читальную комнату, когда вы

объявили пришедшимъ къ вамъ со мною двоимъ студентамъ, что желаніе ихъ исполнено быть не можетъ, предупредивъ, однако-же, и подачу просьбы в. в—дію такого содержанія, чтобы вы замѣнили удаленіе студентовъ изъ ун — та заключеніемъ ихъ на продолжительнѣйшее время въ карцеръ; въ противномъ случаѣ они намѣрены просить о перемѣщеніи подписавшихся въ другіе университеты».

Свою весьма любопытную бумагу инспекторъ заключаетъ такъ: «при такомъ положеніи дѣлъ настоящую мою службу, и безъ вмѣшательства постороннихъ лицъ обременительную, я лишаюсь всякой возможности продолжать съ увѣренностью за исполненіе воли начальства моего и съ пользой, какая ожидается отъ занимаемой мною должности. А потому я вынужденнымъ нахожусь довести до свѣдѣнія в. в—дія, что при всѣхъ описанныхъ мною случаяхъ я не могу отвѣчать за послѣдствія и почтительнѣйше прошу принять зависящія отъ васъ мѣры къ приведенію въ дѣйствительность того спокойствія, какимъ сопровождалось предшествовавшее время, хотя бы и самымъ удаленіемъ меня отъ должности» [1]).

Слухи, распускаемые сначала полиціей, а потомъ и прочими обывателями г. Казани, дошли и до министра. Исправляющій должность попечителя полковникъ Ѳ. Ѳ. Веселаго спѣшитъ увѣдомить объ этомъ инспектора студентовъ Филиппова, вскорѣ послѣ того, какъ самъ получилъ отъ него сейчасъ приведенную нами бумагу. Сообщивъ, что «случаи о неодобрительныхъ поступкахъ студентовъ, имѣющихъ въ основаніи своемъ порочныя наклонности, а также о сборищахъ студентовъ», дошли до свѣдѣнія министра, исправляющій должность попечителя не позабываетъ съ своей стороны предписать инспектору, «чтобы онъ подъ опасеніемъ строжайшей отвѣтственности» принялъ «зависящія отъ него мѣры къ сохраненію должнаго порядка въ ввѣренной ему части и предувѣдомилъ гг. студентовъ, что на будущее время за все это они будутъ немедленно удаляемы изъ ун—та». Это онъ предписалъ по той причинѣ, что ему министръ «строжайше» предписалъ же «принять дѣятельныя мѣры къ прекращенію вышесказанныхъ безпорядковъ» [2]). А о нихъ, между тѣмъ, продолжали сообщать.

29-го апрѣля начальникъ губерніи Козляниновъ разсказываетъ: «вчерашняго числа около 6-ти часовъ вечера, гуляя у себя въ саду, я встрѣтилъ въ ономъ трехъ студентовъ ун — та, сидящихъ около

---

[1]) Дѣло по собранію бумагъ о происшествіяхъ между студентами, 31, 32, 33 и 34.

[2]) Дѣло по собр. бум. о происшеств. между студент., 41. — 8-го апрѣля получено.

оранжереи на каменной стѣнѣ и курящихъ папиросы или сигары, и на замѣчаніе мое: «Гг. студенты, курить нельзя», одинъ изъ нихъ, не потрудившись даже привстать, отвѣчалъ мнѣ, что «это ничего не значитъ, здѣсь много воды».

«Вчерашняго числа утромъ два студента въ томъ же саду вели себя еще неприличнѣе» [1]). Еще раньше этого, 7-го апрѣля, полиція сообщаетъ инспектору о сбитіи студентами шаровъ съ перегородки садика, находящагося за театромъ [2]). Инспекторъ не совсѣмъ довѣряетъ послѣднему факту, ибо, въ силу его бездоказательности, считаетъ его слишкомъ голословнымъ; тѣмъ болѣе, что была возможность прослѣдить, куда пошли виновные, и указать на нихъ, такъ какъ у будки было два полицейскихъ, а не одинъ, какъ сообщилъ полиціймейстеръ [3]). Вообще ясно видно, что инспекторъ не даетъ въ обиду своихъ студентовъ, такъ какъ не вѣритъ разнымъ сообщеніямъ, вреднымъ для нихъ — безъ тщательной провѣрки этихъ сообщеній.

«Я неоднократно, говоритъ онъ попечителю, имѣлъ честь доносить в. в—дію о разныхъ обстоятельствахъ или происшествіяхъ, возводимыхъ на студентовъ казанской полиціей. Большая часть этихъ событій оказалась или ложными, или подозрительными и рѣдко вѣрными». Онъ вообще замѣтилъ, что въ Казани, что бы ни случилось, принято сваливать на студентовъ. Полиція же медлитъ сообщать; а это затрудняетъ его дѣятельность, въ чемъ, онъ боится, можно видѣть его недосмотръ за ними. Вслѣдствіе этого онъ проситъ исправляющаго должность попечителя быть посредникомъ въ возстановленіи прежняго порядка въ сношеніяхъ съ нимъ полиціи, «дабы», заключаетъ онъ, «я могъ немедленно и, не смотря ни на какое время дня и ночи, преслѣдовать виновныхъ, которымъ, какъ извѣстно в. в—дію, я не способенъ извинять малѣйшее отступленіе отъ правилъ нравственности» [4]).

Исправляющій должность попечителя, внявъ просьбѣ, переговорилъ на эту тему съ начальникомъ губерніи, который «обѣщалъ сдѣлать распоряженіе о томъ, чтобы о всякомъ проступкѣ студентовъ, обратившемъ вниманіе полиціи, послѣдняя немедленно давала знать въ университетъ». Но къ этому начальникъ губерніи прибавилъ, что, при изслѣдованіи дѣла инспекторомъ «по горячимъ слѣдамъ», по-

---

[1]) Д. по собр. бум. о происшеств. между студент., 42.
[2]) Тамъ-же, 43 и 44.
[3]) Тамъ-же, 46 и 47.
[4]) Тамъ-же, 48 и 49.

слѣдній долженъ разспрашивать полицейскихъ служителей «не иначе, какъ при депутатѣ отъ полиціи» [1]).

Обѣщаніе такого рода было тѣмъ кстати, что сообщенія объ уличныхъ безпорядкахъ, произведенныхъ де студентами ун—та, продолжались.

Такъ, помощникъ инспектора Ситновъ (Лаврентій) былъ назначенъ депутатомъ отъ ун—та для изслѣдованія двухъ дѣлъ: 1) о побояхъ, причиненныхъ студентами писарю полиціи, и 2) о разбитіи ими же стеколъ въ домѣ Христофоровой.

Оказалось, что изслѣдованіе перваго дѣла должно быть прекращено въ началѣ, за непредставленіемъ свидѣтелей потерпѣвшимъ писаремъ, слѣдствіе же о второмъ привело въ извѣстность, что стекла разбиты провизоромъ Грибелемъ, а не студентами [2]).

Далѣе, для полноты обзора подобныхъ безпорядковъ, отмѣтимъ то, о чемъ сообщаетъ губернаторъ, а именно: «студентъ Рословъ съ товарищами, находившимися съ нимъ въ райкѣ, подъ конецъ спектакля, при пѣніи послѣдняго куплета, такъ громко и въ тактъ съ музыкой хлопали въ ладоши, что не слышно было ни музыки, ни пѣнія». При объявленіи объ этомъ губернаторъ предлагаетъ запретить Рослову входъ въ театръ [3]).

Посадивъ Рослова на два дня въ карцеръ, исправляющій должность попечителя приказалъ отобрать отъ Рослова подписку о невходѣ въ театръ.

Объ исполненіи этого инспекторомъ было сообщено губернатору вмѣстѣ съ тѣмъ, что фамиліи «товарищей» Рослова неизвѣстны, ибо послѣдній не знаетъ ихъ, какъ только что поступившихъ въ университетъ [4]).

Затѣмъ, 10-го ноября, въ театрѣ произошелъ свистъ; губернаторъ былъ такъ недоволенъ, что угрожалъ студентамъ запретить входъ въ театръ, если подобный поступокъ повторится [5]).

Если мы ко всему этому присоединимъ два факта исключеній изъ ун—та: 1) за подмѣнъ брилліантоваго перстня другимъ «съ аквамариновыми камнями», повлекшій за собой обманъ [6]), и 2) за разнаго рода обманы [7]), то мы заключимъ обозрѣніе студенческихъ

---

[1]) Д. по собр. бум. о происшеств. между студент., 54.

[2]) Тамъ-же, 55 и 56.

[3]) Тамъ-же.

[4]) Тамъ-же—это было въ сентябрѣ.—62.

[5]) Д. к. п., 61 и 62.

[6]) Д. к. п., 1 и 2.

[7]) Тамъ-же, 6, 7 и 8 (19 ноября).

исторій, имѣвшихъ, по выраженію министра, «въ своей основѣ порочныя наклонности». Но въ 1859 году случались студенческія исторіи и другаго порядка.

ГЛАВА IV.

Студенческая демонстрація противъ проф. физики Бальцани. — Дѣло о рукоплесканіяхъ лекціямъ профессора русской словесности Н. Н. Булича.—Движеніе среди студентовъ по поводу выговора, сдѣланнаго казанскимъ губернаторомъ одному студенту за невѣжливость по отношенію къ нему—губернатору.—Отношеніе къ этимъ исторіямъ мѣстнаго начальства и высшаго правительства. — Демонстрація противъ профессора римской словесности Струве, и мѣропріятія по поводу нея мѣстнаго начальства и министерства.

1859—1860 гг.

Теперь мы перейдемъ къ исторіямъ другаго порядка, съ которыми, впрочемъ, уже встрѣчались, т. е. къ студенческой оппозиціи профессорамъ и университетскому начальству.

Эти исторіи идутъ въ 1859 году паралельно съ вышеразсказанными. Такъ, 12 студентовъ 2-го курса медицинскаго факультета не явились на экзаменъ по физической географіи (у профессора Бальцани).

Распоряженіемъ попечителя они посажены на 3 сутокъ въ карцеръ. 10 человѣкъ несвоевременно вышли изъ аудиторіи. Имъ тѣмъ же распоряженіемъ былъ объявленъ строгій выговоръ [1]).

Такъ какъ по дѣлу нежеланія экзаменоваться въ качествѣ главныхъ виновниковъ были замѣчены—своекоштные Хохряковъ, стипендіатъ горнаго вѣдомства Залѣсскій и казеннокоштный Алексѣевъ, то правленіемъ университета предписано: Хохрякова — уволить по прошенію, Алексѣева, «не смотря на совершенно сданный переходный экзаменъ», смѣстить со стипендіи, а Залѣсскаго — съ казеннаго содержанія, съ оставленіемъ еще на годъ въ томъ же курсѣ.

Послѣдніе двое не могли при этихъ условіяхъ продолжать свое образованіе.

Поэтому инспекторъ, принимая во вниманіе ихъ хорошее поведе-

---

[1]) Д. по собр. бумагъ о происшеств. между студент., 57.

ніе до этого времени, проситъ исправляющаго должность попечителя «ограничиться менѣе вреднымъ для нихъ взысканіемъ» [1]).

«Онъ согласился ограничиться» посаженіемъ ихъ въ карцеръ, Залѣсскаго—на 14 дней, а Алексѣева—на 10 [2]).

Въ началѣ лекцій въ сентябрѣ (1859 г.) студентамъ ун — та было объявлено распоряженіе министра народнаго просвѣщенія, послѣдовавшее вслѣдствіе высочайшаго повелѣнія. Оно гласило о недозволеніи студентамъ выражать въ аудиторіи какимъ бы то ни было способомъ знаковъ одобренія или порицанія гг. профессорамъ. Къ этому времени изъ-заграничной поѣздки возвратился профессоръ русской словесности Н. Н. Буличъ и приступилъ къ чтенію лекцій. Студенты, собравшись на его лекцію въ количествѣ около 200 человѣкъ, «возобновили прежде существовавшее аплодированіе». Это повторилось и на послѣдовавшихъ лекціяхъ.

Исправляющій должность попечителя Ѳ. Ѳ. Веселаго, переговоривъ съ ректоромъ, предложилъ г. профессору и инспектору «при всякомъ удобномъ случаѣ напоминать студентамъ о запрещеніи аплодировать и убѣждать ихъ не аплодировать».

Аплодисменты мало по малу совсѣмъ прекратились. Но на лекціи 2-го октября (1859 г.) студенты снова аплодировали.

Тогда инспекторъ предъ слѣдующей лекціей Н. Н. Булича пригласилъ ихъ въ читальную комнату и, требуя, чтобы они больше не дозволяли себѣ этого, сдѣлалъ имъ вопросъ: «могу ли я надѣяться, что требованіе мое будетъ уважено?» Студенты Аристовъ и Копиченко отвѣчали, что лекціи профессора Булича, будучи весь интересны, невольно увлекаютъ студентовъ къ выраженію своего удовольствія хлопаньемъ. При этомъ Аристовъ самое правило, запрещающее аплодисменты въ аудиторіи, назвалъ грустнымъ. Инспекторъ повторилъ свой вопросъ, но на этотъ разъ не получилъ никакого отвѣта. Тогда онъ вмѣстѣ съ Буличемъ вошелъ въ аудиторію, гдѣ собралось до 200 студентовъ. Буличъ кончилъ. Аудиторія огласилась рукоплесканіями, прекратившимися, впрочемъ, такъ быстро, что инспекторъ не могъ замѣтить виновныхъ. Черезъ полчаса къ инспектору явились студенты и объяснили аплодированіе тѣмъ, что они приняли его посѣщеніе лекціи за выраженіе недовѣрія его къ нимъ [3]).

Г. Веселаго, увѣдомленный обо всемъ случившемся, приказалъ

---

[1]) Д. по собр. бум. о происш. между студент., 58.
[2]) Тамъ-же, 59.
[3]) Д. к. п., 64 и 65.

выставить въ корридорѣ предписаніе министра о запрещеніи аплодисментовъ.

Они опять прекратились.

Когда же 14-го октября г. Веселаго пришелъ на лекцію Н. Н. Булича, то въ его присутствіи снова аплодировали.

Г. Веселаго немедленно приказалъ инспектору переписать фамиліи всѣхъ бывшихъ въ аудиторіи и, для разбора этого дѣла, назначилъ [1]) подъ своимъ предсѣдательствомъ комиссію: изъ ректора [2]), декановъ [3]), инспектора и синдика [4]).

Комиссія прежде всего начала отбирать показанія, чѣмъ и занималась пять дней (съ 17-го октября). Затѣмъ приступила къ разсматриванію этихъ показаній и нашла, что изъ числа 73 студентовъ, бывшихъ 14-го октября на лекціи Н. Н. Булича, въ демонстраціи участвовали только 18. Сообщая объ этомъ министру, г. Веселаго для пониманія смысла студенческихъ показаній обратилъ его вниманіе на слѣдующія обстоятельства: во-1-хъ, на то, что объяснили студенты инспектору послѣ аплодированія въ его присутствіи; во-2-хъ, на то, что посѣщеніе лекціи попечителемъ 14-го октября студенты также объяснили недовѣріемъ къ нимъ начальства, въ чемъ, по ихъ словамъ, убѣждало ихъ сдѣланное будто бы имъ распоряженіе, чтобы инспекторъ былъ возлѣ двери аудиторіи съ карандашемъ и бумагою готовымъ переписать студентовъ, если они осмѣлятся аплодировать, и что будто бы самое посѣщеніе попечителя было сдѣлано нарочно съ цѣлью вызвать аплодисменты и затѣмъ подвергнуть студентовъ взысканію. Это—«будто бы». Дѣйствительность же г. Веселаго представляетъ такимъ образомъ: не было отдаваемо никакихъ приказаній, ибо, говорилъ онъ, «я, зная о прекращеніи аплодисментовъ, никакъ не могъ ожидать, чтобы студенты рѣшились возобновить ихъ въ моемъ присутствіи». Въ 3-хъ, 2-го октября, въ церкви, устроенной въ памятникѣ убіенныхъ при взятіи Казани, вновь поступившій въ студенты Комаровичъ былъ невѣжливъ противъ начальника губерніи, который, сдѣлавъ ему за это выговоръ, простилъ его и даже просилъ попечителя не подвергать этого молодаго человѣка никакому взысканію. Комаровичъ разсказалъ объ этомъ студентамъ.

---

[1]) На основаніи предписанія министра народнаго просвѣщенія отъ 23-го марта 1850 г.

[2]) Дѣйств. статск. сов. Ковалевскій.

[3]) Священникъ Владимірскій и статск. сов. Линдгренъ, Котельниковъ и Осокинъ.

[4]) Траубенбергъ.

Нѣкоторые изъ нихъ приняли это за оскорбленіе всѣхъ студентовъ, вслѣдствіе чего 9 студентовъ, въ томъ числѣ и Комаровичъ, рѣшились идти къ попечителю отъ лица всѣхъ студентовъ просить защиты противъ начальника губерніи. Попечитель былъ заранѣе предувѣдомленъ о посѣщеніи ихъ. Онъ пригласилъ къ себѣ ректора ун—та, двухъ декановъ и синдика.

Когда студенты пришли, то попечитель сначала совѣтовалъ оставить это дѣло, говоря, что если Комаровичъ обиженъ, то можетъ жаловаться самъ, и что приходъ ихъ отъ лица всѣхъ студентовъ имѣетъ видъ демонстраціи, строго запрещенной. И тутъ же объявилъ: говорить объ этомъ дѣлѣ, если они непремѣнно того желаютъ, онъ не можетъ частнымъ образомъ, а будетъ говорить какъ начальникъ. Студенты настаивали на выслушаніи ихъ жалобъ.

Тогда попечитель, въ присутствіи названныхъ выше лицъ, прочиталъ студентамъ предписаніе министра отъ 17-го декабря 1858 г. А затѣмъ спросилъ: «какъ и кѣмъ они выбраны въ депутаты?» Они объявили, что пришли просить совѣта, какъ поступить въ дѣлѣ, въ которомъ они считаютъ себя оскорбленными. Г. Веселаго на это отвѣтилъ, что университетское начальство не имѣетъ никакого права входить въ разборъ дѣйствій губернатора. Потомъ отдѣльно спрашивалъ каждаго студента, и бо̀льшая часть сказала, что ихъ никто не выбиралъ,—нѣкоторые же объявили о приходѣ своемъ по просьбѣ 30 или 40 человѣкъ, случайно собравшихся въ читальной комнатѣ.

Что касается Комаровича, то онъ сообщилъ, что не имѣетъ съ своей стороны никакой претензіи на губернатора. Приходъ же свой къ нему, попечителю, объяснилъ просьбой товарищей: разсказать какъ все было.

Собравшіяся у попечителя оффиціальныя лица вмѣстѣ съ нимъ обсудили это дѣло и нашли его не имѣющимъ никакого серьезнаго характера.

Придя же къ такому заключенію, они рѣшили оставить его безъ особенныхъ послѣдствій, однако, убавивъ у студентовъ, назвавшихся депутатами, по два бала въ поведеніи.

Эти три обстоятельства Ѳ. Ѳ. Веселаго предлагаетъ вниманію министра, прежде чѣмъ приступить къ разсказу показаній ихъ.

Въ этихъ же послѣднихъ сознавшіеся студенты объяснили, что аплодисменты, о запрещеніи которыхъ они знали, были выраженіемъ сочувствія къ лекціямъ Н. Н. Булича и выраженіемъ негодованія противъ начальства за недовѣріе къ нимъ, а главное—противъ попечителя лично за то, что онъ не хотѣлъ оказать защиты по дѣлу Комаровича всѣмъ студентамъ, считавшимъ себя оскорбленными начальникомъ

губерніи. Къ этому нѣкоторые прибавляли, что на апплодисментъ не слѣдуетъ смотрѣть, какъ на фактъ, нарушающій циркуляръ, а какъ на слѣдствіе причинъ, представляемыхъ тѣми тремя обстоятельствами, которыя изложены выше.

Это было узнано въ первый день засѣданія комиссіи. На слѣдующій день сюда со стороны студентовъ присоединилось заявленіе, что начальство съ первой же лекціи, не приведя во всей силѣ въ исполненіе приказъ министра, заставило думать о возможности аплодировать безнаказанно.

Общее впечатлѣніе, вынесенное комиссіей изъ студенческихъ показаній, таково: они отличаются дерзкимъ тономъ и предварительной условной подготовкой. Въ силу такого впечатлѣнія комиссія, обвинивъ студентовъ въ нарушеніи предписанія министра, поставила имъ также въ вину различныя дерзости и искаженія фактовъ.

Напримѣръ: Шиловскому—«дерзости въ выраженіяхъ и явномъ неуваженіи начальства»; Копиченко—«искаженную передачу своего разговора съ попечителемъ». Двухъ же изъ студентовъ обвинили только въ «явномъ неуваженіи начальства и во вредномъ вліяніи на товарищей» [1]).

Признанныхъ комиссіею виновными опредѣлено было: на основаніи общихъ правилъ исключить изъ университета и на основаніи высочайшаго повелѣнія 1849 г. выслать изъ города тѣхъ изъ нихъ, у которыхъ въ Казани нѣтъ родителей [2]).

Едва состоялось это опредѣленіе комиссіи, какъ къ ректору въ продолженіе двухъ дней [3]) поступило отъ студентовъ 137 прошеній объ увольненіи ихъ изъ университета или о переводѣ въ другіе университеты. Мотивировка этого желанія—домашнія обстоятельства или вредный климатъ.

Ректоръ передалъ прошенія въ правленіе, которое не могло не усмотрѣть въ нихъ демонстрацію противъ начальства. Къ такому заключенію способствовало также и то, что одновременно съ этимъ студенты перестали посѣщать лекціи почти всѣхъ профессоровъ. Вслѣдствіе всего этого правленіе постановило: «донести о такомъ происшествіи попечителю и покорнѣйше просить о сообщеніи какъ поступить правленію въ данномъ случаѣ».

Къ этому правленіе почло своимъ долгомъ присовокупить: 1) что хотя оно и убѣждено въ дѣйствіи большинства подавшихъ прошенія

[1]) Павелъ Булыгинъ—виноватъ въ томъ и другомъ. Павелъ Аристовъ—только во вредномъ вліяніи на товарищей.

[2]) Дѣло канц. попеч., 27, 28, 29, 30, 31, 32, 33, 34 и 35.

[3]) 23 и 24 октября.

подъ вреднымъ вліяніемъ своихъ товарищей, ибо нѣкоторые уже приходили просить о возвращеніи ихъ прошеній, а другіе, имѣя здѣсь родителей, подали оныя безъ всякаго съ ихъ стороны согласія, однако, не считаетъ себя въ состояніи открыть виновниковъ этого движенія, убѣдившись въ безполезности такихъ изслѣдованій недавнимъ опытомъ слѣдственной комиссіи, и 2) что на основаніи высочайшаго повелѣнія, изложеннаго въ предписаніи г. министра народнаго просвѣщенія [1]), оно полагало-бы студентовъ, подавшихъ прошенія, исключать изъ университета постепенно по мѣрѣ приготовленія документовъ» [2]). Попечитель сообщилъ правленію, что надо исключить, «но принимая во вниманіе: 1) что многіе изъ подавшихъ прошенія могли дѣйствовать подъ вліяніемъ временнаго увлеченія; 2) что другіе подали прошенія безъ согласія и даже вѣдома своихъ родителей и, главное, 3) что бо́льшей части изъ нихъ, можетъ быть, не было извѣстно о возможности по существующимъ постановленіямъ быть исключенными изъ ун—та за настоящій поступокъ, попечитель Веселаго предлагаетъ, предварительно исключенія [3]), разъяснить студентамъ значеніе и неизбѣжное слѣдствіе ихъ поступка и тѣмъ изъ нихъ, которые пожелаютъ, дозволить возвратить прошенія» [4]). Правленіе назначило послѣднимъ срокомъ для вовращенія прошеній—3-е ноября. Къ этому времени студентами были взяты всѣ прошенія [5]). Дѣло кончилось.

Изъ высшихъ сферъ послѣдовала слѣдующая его оцѣнка. 7-го ноября министръ народнаго просвѣщенія Евграфъ Петр. Ковалевскій въ бумагѣ на имя попечителя, между прочимъ, говоритъ: «нельзя не сожалѣть, что случившееся грустное происшествіе не было предупреждено своевременно дѣйствительными мѣрами при совокупномъ и согласномъ дѣйствіи на умы студентовъ всѣхъ членовъ ун—та; но когда уже разъ своеволіе студентовъ приняло характеръ общаго волненія, надлежало, по необходимости, какъ вы и сдѣлали, немедленно примѣнить къ зачинщикамъ безпорядка всю строгость циркулярнаго предписанія отъ 17-го декабря 1858 г., послѣдовавшаго съ высочайшей воли».

Министръ докладывалъ о случившемся государю императору. Его величество на поляхъ «дѣла» написалъ: «Весьма жаль, но дѣлать нечего».

Сообщая объ этомъ попечителю, министръ «надѣется и увѣ-

---

[1]) Отъ 17 декабря 1858 г.
[2]) Дѣло канц. попеч., 55.
[3]) Способами, какіе признаетъ правленіе удобными.
[4]) Дѣло канц. попеч., 62.
[5]) Тамъ-же, 62.

ренъ, что подобныя прискорбныя событія не повторятся въ казанскомъ университетѣ и что студенты его, съ своей стороны, возчувствовавъ всю неприличность дѣйствій, которыя позволили себѣ исключенные изъ ихъ среды товарищи, употребятъ все стараніе, чтобы изгладить непріятное впечатлѣніе о нихъ, произведенное послѣдними происшествіями, и не навлечь на себя какими либо новыми проступками справедливаго гнѣва нашего благодушнаго монарха» [1]). Эта бумага была получена 14-го ноября 1859 г.

Въ концѣ того же мѣсяца въ должности попечителя мы видимъ князя Петра Андреевича Вяземскаго [2]).

Въ томъ безпорядкѣ, о которомъ мы разсказали, вы видимъ неповиновеніе начальству, поводомъ къ чему служитъ удовольствіе, получаемое студентами отъ лекцій профессора Н. Н. Булича. 1859, 1860, равно какъ и 1861 годы представляютъ намъ безпорядки, поводомъ къ которымъ служитъ неудовольствіе, которое возбуждали въ студентахъ лекціи тѣхъ или другихъ профессоровъ. Впрочемъ, относительно этого мы можемъ только указать на два факта изгнанія студентами профессоровъ, ибо разсказать болѣе или менѣе подробно, по неимѣнію оффиціальныхъ данныхъ, мы не можемъ. Эти же послѣднія отсутствуютъ по той причинѣ, что относительно предложенія студентами профессорамъ выйти изъ ун—та не было возбуждено никакого дѣла, хотя эти предложенія сопровождались иногда и свистками. Такъ сами, не будучи никѣмъ поддержаны, оставили университетъ: профессоръ N. N., профессоръ греческой литературы Шарбе [3]). Не хотѣлъ этого сдѣлать въ концѣ 1860 года профессоръ латинской словесности Струве, когда студенты предложили ему оставить каѳедру [4]). Онъ только объявилъ имъ, что подумаетъ, и перестлалъ читать лекціи. Но 17-го января пришелъ въ аудиторію, чтобы ихъ возобновить. Студенты Христофоровъ и Темниковъ, «какъ представители многихъ собравшихся въ аудиторіи», попросили его дать имъ отвѣтъ на ихъ желаніе, выраженное ему ими прежде. Профессоръ отвѣчалъ, что онъ не можетъ и не хочетъ объясняться съ ними, а просто начнетъ лекцію. Тогда студенты начали свистать, шикать и кричать: вонъ! Попечитель, узнавши объ этомъ, приказалъ

---

[1]) Дѣло канц. попеч., 79. (Получ. 14-го ноября).

[2]) Тамъ-же, 84. Профессоръ Н. Н. Буличъ былъ причисленъ къ министерству народнаго просвѣщенія; инспекторъ Филипповъ тоже вскорѣ оставилъ службу въ университетѣ.

[3]) И профессоръ N. N., и профессоръ Шарбе, по отзыву людей компетентныхъ, были добросовѣстными и основательно знающими каждый свой предметъ преподавателями.

[4]) То же сообщается людьми свѣдущими и о проф. Струве. Н. Ѳ.

инспектору объявить студентамъ 2-го, 3-го и 4-го курса историко-филологическаго факультета, чтобы виновные изъ нихъ сами назвали себя. Виновныхъ явилось такое количество, что всѣ они не могли-бы помѣститься въ аудиторіи, въ которой произошелъ безпорядокъ: въ числѣ ихъ были студенты и другихъ факультетовъ. Все это сообщаетъ исправляющій должность попечителя Тихомандрицкій, назначенный помощникомъ попечителя на мѣсто Θ. Θ. Веселаго, министру, выводя отсюда: «поэтому, говоритъ онъ, съ одной стороны почитая поступокъ студентовъ заслуживающимъ должнаго взысканія, а съ другой—вполнѣ сознавая достоинство и важность нравственнаго состоянія ун—та, полагая невозможнымъ по многочисленности назвавшихъ себя виновными примѣнить къ нимъ предписаніе в. высокопр—ва отъ 17 декабря 1858 г., осмѣливаюсь почтительнѣйше испрашивать новыхъ указаній в. в—ва. Къ этому должнымъ считаю присовокупить, что я разрѣшилъ частнымъ образомъ г. исправляющему должность ректора [1]), согласно изъявленному имъ словесно желанію, обсудить въ частномъ собраніи всѣхъ вообще преподавателей ун—та настоящее его нравственное состояніе» [2]).

На это министръ, между прочимъ, отвѣчаетъ: «дерзкій поступокъ студентовъ, неприличный, какъ справедливо выразился исправляющій должность ректора, ни мѣсту, ни достоинству ун—та, ни даже званію студента, ставитъ правительство въ необходимость смотрѣть на нихъ какъ на буйныхъ людей. Не могу потому не выразить опасенія, что это печальное происшествіе навлечетъ на студентовъ казанскаго ун—та справедливое негодованіе государя императора». Далѣе онъ приказываетъ немедленно исключить изъ ун—та Христофорова и Темникова, какъ главныхъ зачинщиковъ и, если нужно, удалить ихъ изъ города. Кстати предлагаетъ объявить студентамъ, «что если кто изъ нихъ недоволенъ установленными въ ун—тѣ правилами и порядками, тотъ можетъ оставить его немедленно и безпрепятственно». Терпѣть же открытое порицаніе членовъ ун—та и дѣйствій университетскаго начальства ни въ какомъ случаѣ не должно». Тутъ былъ не забытъ и профессоръ Струве: «между тѣмъ ваше превосходительство не оставьте отъ моего имени поставить на видъ профессору Струве отсутствіе благоразумія и такта въ его дѣйствіяхъ. Ему съ самаго начала не слѣдовало даже принимать неумѣстныя и дерзкія внушенія студентовъ; но, дозволивъ имъ это и прекращеніемъ затѣмъ чтенія лекцій показавъ имъ, нѣкоторымъ образомъ, готовность свою подчиниться ихъ требованіямъ, онъ уже не долженъ былъ возобновлять

---

[1]) Бутлеровъ.

[2]) Дѣло канц. попеч., 4.

чтеніе лекцій, зная настроеніе умовъ студентовъ. Такимъ неблагоразумнымъ дѣйствіемъ онъ самъ вызвалъ происшествіе» [1]).

Все сказанное министромъ, за исключеніемъ отповѣди профессору Струве, совѣтъ ун—та прослушалъ 6-го февраля и постановилъ: исключеннымъ Христофорову и Темникову (3-го курса) выдать свидѣтельства съ помѣщеніемъ въ нихъ причинъ исключенія, о чемъ увѣдомить правленія всѣхъ россійскихъ университетовъ и лицеевъ [2]). Этими исключеніями за происшедшій безпорядокъ дѣло не кончилось; ректоръ указываетъ попечителю, «какъ на наиболѣе безпокойныхъ и наименѣе благоразумныхъ» — на Павла Аристова, Самуила Клауса, Вячеслава М—на, Югана Олигера и Ивана Умнова [3]). Попечитель князь Вяземскій предлагаетъ правленію ун—та немедленно уволить ихъ изъ числа студентовъ [4]). Они были уволены по прошеніямъ, безъ объявленія въ ихъ аттестатахъ причины увольненія и безъ опубликованія сего распоряженія по другимъ ун—тамъ и прочимъ высшимъ учебнымъ заведеніямъ» [5]). По поводу этого послѣдняго увольненія къ попечителю пришли студенты объясниться относительно «взведенныхъ на уволенныхъ ректоромъ обвиненій». Вмѣсто объясненій князь Вяземскій объявилъ имъ, что они будутъ исключены, если волненіе продолжится, а за ними и большее число изъ подписавшихся студентовъ». Волненіе прекратилось [6]). Между начальствомъ начались объясненія. Ректоръ Бутлеровъ «наиболѣе важнымъ обстоятельствомъ въ настоящемъ дѣлѣ «видитъ» ложную мысль студентовъ, которая выражается въ томъ, что они считаютъ за собой право дѣятельнаго вмѣшательства въ учебно-административныя дѣла университета». Для уничтоженія проявленія этой мысли ректоръ предлагаетъ попечителю сообщить студентамъ, желающимъ подчиниться правиламъ ун—та, дать подписку въ этомъ». Если при такомъ положеніи дѣла явится неисполненіе правилъ, то исключать безъ всякихъ разысканій, какъ нарушителей «основныхъ правилъ ун—та и собственнаго слова». Не давшіе подписки не могутъ оставаться въ ун—тѣ, «какъ люди не желающіе подчиниться его правиламъ и желающіе получить права, не принимая на себя обязанностей» [7]).

Попечитель князь Вяземскій, соглашаясь съ нимъ, со своей стороны 13-го февраля (1860 г.) въ донесеніи къ министру объяснилъ

---

[1]) Д. к. п. 5 и 6 (Ковалевскій).
[2]) Дѣло объ искл. студ. изъ ун—та, 3.
[3]) Д. к. п. 9.
[4]) Д. объ искл. студ. изъ ун—та, 7.
[5]) Д. к. п. и Д. объ искл., 8 и 12.
[6]) Д. к. п. 22.
[7]) Д. к. п. 8 и 9.

дѣло такъ: «слѣдуетъ сомнѣваться, что демонстрація была предположена, а наоборотъ. Студенты собрались въ аудиторію въ ожиданіи обѣщаннаго отвѣта профессора Струве студентамъ Темникову и Христофорову назадъ тому нѣсколько мѣсяцевъ. Взрывъ слушателей былъ вызванъ неумѣстностью въ выраженіяхъ, подтверждаемой однимъ изъ помощниковъ инспектора студентовъ, стоявшимъ у дверей аудиторіи, но оспариваемой самимъ г. Струве. И прежнія объясненія нынѣ исключенныхъ двухъ студентовъ Христофорова и Темникова были вызваны тоже самимъ профессоромъ, вслѣдствіе жалобы, мнѣ принесенной профессоромъ на студентовъ филологическаго факультета, что они не посѣщаютъ его лекціи по поводу распространяемой на него тогда клеветы. По настоянію Струве, не смотря на мои предостереженія, я поручалъ исправляющему должность инспектора сдѣлать студентамъ надлежащее внушеніе. Это внушеніе послужило поводомъ къ объясненію студентовъ на квартирѣ г. Струве. Они просили его убѣдиться, что не распространяемая на него клевета есть причина непосѣщенія его лекцій, а укоренившееся въ нихъ, въ теченіи нѣсколькихъ лѣтъ, убѣжденіе въ безполезности слушанія его лекцій» [1]).

Князь Вяземскій одной изъ причинъ безпорядковъ считаетъ «зло, которое слѣдуетъ искоренить — общую грубость студентовъ въ выраженіяхъ и вообще недостатокъ въ воспитаніи».

«Самое полезное и справедливое средство, далѣе говоритъ попечитель, есть приглашеніе нѣкоторымъ молодымъ людямъ, замѣченнымъ въ рѣзкости выраженій, или оставлять университетъ, или обѣщать не дозволять себѣ входить ни въ какія объясненія съ гг. профессорами, подвергая нарушившихъ данное обѣщаніе немедленному увольненію».

Предлагая это, князь Вяземскій выражаетъ при этомъ, однако-жъ, и такое мнѣніе: «для общаго блага не слѣдуетъ» увеличивать, при важности свершаемыхъ правительствомъ преобразованій, число безвыходныхъ положеній». Онъ говоритъ: «правильность и приличіе отношеній студентовъ къ городскому управленію и къ обществу, нынѣ вполнѣ возстановленныя, безъ принятія строгихъ мѣръ, суть довольно надежный залогъ для ожиданія того же успѣха и отъ послѣдовательныхъ мѣръ, принимаемыхъ для возстановленія правильныхъ отношеній между студентами и профессорами».

Другую причину «событія» кн. П. А. Вяземскій видитъ «въ недостаточномъ радѣніи нѣкоторыхъ изъ старшихъ членовъ ун — та о его преуспѣяніи и въ продолжительномъ, явномъ и рѣзкомъ разладѣ

---

[1]) Струве спросилъ: «что изъ этого ему надо заключить?» Тогда Христофоровъ и Темниковъ выразили ему свое желаніе и своихъ товарищей, чтобы онъ прекратилъ свое преподаваніе въ университетѣ. Н. Ѳ.

между многими членами, неминуемо вредящемъ всѣмъ во мнѣніи студентовъ». Многіе студенты думаютъ, «что ихъ неправильныя и противозаконныя дѣйствія суть лишь проявленіе ихъ сочувствія къ преобразованіямъ и улучшеніямъ, совершаемымъ по многимъ частямъ управленія самимъ правительствомъ, почему многіе изъ нихъ вполнѣ убѣждены, что ихъ можно винить только за излишнее усердіе». Кн. Вяземскій также убѣжденъ въ томъ, что «послѣднія прискорбныя обстоятельства не должны остаться безъ благихъ послѣдствій, пробудивъ во многихъ членахъ университета убѣжденіе, что зависящее отъ нихъ радѣніе объ улучшеніи состава преподавателей и самаго преподаванія, взаимное уваженіе, строгость относительно исполненія своихъ обязанностей, болѣе строгія требованія относительно занятій студентовъ—суть единственныя прочныя основанія преуспѣянія университета и каждаго отдѣльнаго члена, и что снисхожденіе ихъ къ своимъ товарищамъ и студентамъ, вмѣсто желаемаго покоя, влечетъ за собой для всѣхъ крайне непріятныя послѣдствія»[1].

Затѣмъ кн. Вяземскимъ предписывается инспектору студентовъ: «объявить всѣмъ студентамъ, что для выраженія своихъ желаній они должны во всѣхъ случаяхъ ограничиваться обращеніемъ, съ соблюденіемъ требуемыхъ закономъ приличій и условій, къ инспектору, что такое обращеніе есть единственный правильный и законный путь». Однако, кн. Вяземскій къ этому прибавляетъ: «прошу покорно объявить имъ также, что я съ моей стороны всегда готовъ принимать и выслушивать ихъ недоразумѣнія и всегда готовъ заботиться объ осуществленіи ихъ справедливыхъ и возможныхъ желаній».

Далѣе попечитель предлагаетъ руководствоваться этими указаніями въ томъ случаѣ, если между студентами и ученымъ сословіемъ возникнетъ разладъ, «хотя крайне желательно было бы, чтобъ между студентами, ректоромъ, деканами и прочими членами ученаго сословія существовало всевозможное сближеніе. Выражая такія благопожеланія, (Предлож. попеч. отъ 13 февраля 1861 г.), кн. Вяземскій, конечно, не могъ предвидѣть, что вскорѣ, въ томъ же году въ которомъ они высказаны были, возникнутъ новыя студенческія исторіи въ казанскомъ университетѣ, исторіи болѣе серьезнаго и сложнаго характера, чѣмъ всѣ предыдущія.

Н. А. Ѳирсовъ.

(Продолженіе слѣдуетъ.)

---

[1]) Дѣло канц. попеч., 17, 18, 19 и 20.

ДНЕВНИКЪ ПРОФ. АКАД. АЛЕКСАНДРА ВАСИЛЬЕВИЧА НИКИТЕНКО

1827 г. [1]).

ЯНВАРЬ, ФЕВРАЛЬ, МАРТЪ, АПРѢЛЬ, МАЙ, ІЮНЬ, ІЮЛЬ, АВГУСТЪ, СЕНТЯБРЬ, ОКТЯБРЬ.

Январь 30. Весь мѣсяцъ прошелъ въ заботахъ объ экзаменахъ. Важнѣйшіе предметы окончены. Остаются: Богословіе и Естественное право. Я во всѣхъ получилъ первыя отмѣтки. Товарищи, съ которыми мы вмѣстѣ готовились, тоже отличились по всѣмъ предметамъ, особенно по исторіи философіи, для которой мы не пощадили ни трудовъ, ни времени. Профессора называютъ нашъ курсъ цвѣтомъ университета. Болѣе прочихъ заслужилъ похвалъ Александръ Дель, молодой человѣкъ съ умомъ основательнымъ, съ благородной душою и страстью къ наукѣ. Я много трудился надъ диссертаціей: «О политической экономіи вообще и о производимости богатствъ, какъ главнѣйшемъ предметѣ оной». Не скажу, чтобы я доволенъ былъ ею: я не успѣлъ еще такъ, какъ должно, вникнуть въ сію важную науку. Бутырскій хорошій профессоръ словесности, но политическую экономію плохо читаетъ. Онъ въ вѣчномъ противорѣчіи съ самимъ собою: сегодня утверждаетъ одно, а завтра опровергаетъ. Каѳедра политической экономіи, очевидно, не по немъ. Познанія его въ ней поверхностны. Очень жаль, что сія высокая наука не имѣетъ у насъ лучшаго преподавателя. Многіе, однако, полагаютъ, что духъ ея не согласенъ съ существующимъ у насъ порядкомъ вещей и потому преподаваніе ея у насъ обставлено большими трудностями.

---

[1]) См. „Русскую Старину“ изд. 1888 г., т. LIX, авг., стр. 305—341, сент., стр. 483—524; т. LX, окт., стр. 61—83; нояб., стр. 267—310; дек., стр. 549—582; изд. 1889 г., томъ LXI, февр., стр. 293—314; мартъ, стр. 506—523.

Весь этотъ мѣсяцъ прошелъ для меня въ большомъ напряженіи. Диссертація, которую пришлось написать въ двѣ недѣли, приготовленіе себя и товарищей къ экзаменамъ, дѣла въ канцеляріи, тягостныя нужды: все съ разу скопилось и налегло на меня. Попечитель день ото дня ко мнѣ благосклоннѣе. Онъ говоритъ со мною не какъ съ подчиненнымъ, а какъ съ близкимъ человѣкомъ. Довѣріе его глубоко меня трогаетъ, а занятія съ нимъ развиваютъ во мнѣ снаровку къ дѣламъ.

Февраль 4. Экзаменъ изъ Богословія. Сошелъ отлично.

9. Экзаменъ изъ естественнаго права и послѣдній. Новый курсъ положено начать въ среду, на первой недѣлѣ великаго поста.

Подводя итоги прошедшему учебному году, нельзя не замѣтить, что не всѣ молодые люди въ университетѣ одушевлены одинаковою любовью къ наукѣ. Часть студентовъ учится только для аттестата, слѣдовательно учится слабо. Конечная цѣль ихъ не нравственное и умственное самоусовершенствованіе, а чинъ, безъ котораго у насъ нѣтъ гражданской свободы. Въ виду послѣдняго обстоятельства, конечно, нельзя слишкомъ строго къ нимъ относиться, да и не къ нимъ однимъ, а и ко всѣмъ, одержимымъ у насъ страстью къ чинамъ, которую Бутырскій мѣтко называетъ чинобѣсіемъ.

Диссертація моя была читана въ совѣтѣ университета и одобрена для публичнаго чтенія.

15. Попечитель сдѣлалъ обо мнѣ представленіе министру слѣдующаго содержанія: «Студентъ философско-юридическаго факультета, Александръ Никитенко, окончившій съ отличнымъ успѣхомъ второй курсъ онаго, по бѣдности своей находится въ затруднительномъ положеніи. Желая сохранить университету сего молодаго человѣка, показывающаго большія дарованія и прилежность, и вмѣстѣ съ тѣмъ употребить съ пользою по моей канцеляріи въ тѣ часы, въ кои онъ свободенъ отъ ученья, дабы не отвлечь его отъ главнаго его предмета, я испрашиваю у вашего высокопр—ва позволенія производить ему 500 р. въ годъ жалованья изъ суммъ, опредѣленныхъ для нашей канцеляріи».

Мартъ 7. Я получилъ сегодня отъ попечителя въ счетъ жалованья моего 250 р. Это болѣе чѣмъ кстати: еще недѣля безъ денегъ —и мнѣ пришлось бы запереться у себя въ комнатѣ.

23. Давно занимаетъ меня слѣдующая мысль. Я желалъ бы подвигнуть моихъ товарищей на серьезныя занятія литературою: пусть бы они писали сочиненія и упражнялись въ переводахъ, лучшія изъ которыхъ въ концѣ года издавались бы въ свѣтъ. Между товарищами моими многіе къ тому способны. Попечитель сочувствуетъ моей

мысли и одобряетъ ее. Но осуществленіе ея, тѣмъ не менѣе, обставлено большими затрудненіями. У насъ нынѣ подозрительно смотрятъ на все, что дѣлается соединенными силами и имѣетъ хоть тѣнь общественнаго характера. Я въ начертанномъ мною планѣ старался избѣжать всего, что напоминало бы такой характеръ, но не могъ, однако, умолчать о необходимости студентскихъ собраній, въ которыхъ сочинители и переводчики, взаимно разбирая и критикуя свои произведенія, могли бы совершенствоваться въ отечественной словесности. Надо просить позволенія у совѣта университета.

27. Сегодня попечитель предложилъ мнѣ посѣтить съ нимъ вмѣстѣ императорскую публичную библіотеку и посмотрѣть тамъ рисунки разныхъ мѣстностей и предметовъ по части русской исторіи. Рисунки эти сдѣланы членами экспедиціи, которая подъ начальствомъ его, Бороздина, по назначенію правительства, объѣхала въ 1810-мъ и 1811-мъ годахъ большую часть Россіи, съ цѣлью историческихъ изслѣдованій. (Смотри «Библіографическіе листки» Кеппена за 1824-й г.).

Мы отправились въ пять часовъ. Нашимъ путеводителемъ по библіотекѣ былъ г. Ермолаевъ, одинъ изъ библіотекарей и участниковъ въ экспедиціи. Рисунки хороши, многіе даже превосходны. Очень любопытны планы Кіева, какимъ онъ былъ во время Ярослава и Владиміра. Прекрасно исполненъ между прочимъ снимокъ съ одной мозаической иконы въ Кіевскомъ Софійскомъ соборѣ. Показывали намъ также списокъ древнѣйшаго славянскаго Евангелія (Остромірова). Онъ исполненъ на пергаментѣ четко, красиво и поражаетъ свѣжестью: точно годъ тому назадъ написанъ. Евангеліе это, однако, принадлежитъ XI вѣку. Не оставили мы безъ вниманія и современные костюмы въ разныхъ мѣстностяхъ Россіи. Изъ нихъ мнѣ особенно понравился головной уборъ устюжскихъ дѣвушекъ: высокая повязка въ видѣ короны, расшитая жемчугомъ и самоцвѣтными камнями.

Затѣмъ намъ показывали еще рисунки египетскихъ древностей, исполненные обществомъ французскихъ путешественниковъ. Собраніе это очень интересно. Смотря на снимки съ гигантскихъ зданій, пощаженныхъ самимъ временемъ, на барельефы съ изображеніемъ символовъ и религіозныхъ процессій, проникаешься чувствомъ безконечнаго, которое лежитъ въ основѣ египетскаго міровоззрѣнія. Но не всѣ барельефы изящны. Иные больше всего поражаютъ необычайностью фигуръ, какъ тѣ, напримѣръ, гдѣ эти фигуры съ птичьими носами на человѣческихъ лицахъ. Тутъ ужъ никакой красоты, но есть свой смыслъ, свое значеніе, разгаданное французскимъ ученымъ

Шамполіономъ, который такъ остроумно нашелъ ключъ къ пониманію египетскихъ іероглифовъ.

Апрѣль 3. День Свѣтлаго Христова Воскресенія. Былъ у заутрени вмѣстѣ съ товарищами. Очень торжественна та минута, когда студенты по двое въ рядъ, съ зажженными свѣчами, длинной вереницей, обходятъ университетскіе залы, сначала въ полномъ безмолвіи и потомъ вдругъ оглашаютъ ихъ радостными кликами: «Христосъ воскресе!»

Послѣ заутрени и обѣдни попечитель пригласилъ всѣхъ студентовъ къ себѣ разговляться: никто изъ его предшественниковъ не дѣлалъ этого. Квартира его быстро наполнилась молодыми людьми. Большая зала тамъ была уставлена столами, обремененными разнообразными яствами. Мнѣ поручено было угощать товарищей. Добрый начальникъ нашъ имѣлъ видъ настоящаго отца. Онъ безпрестанно подходилъ ко мнѣ, съ просьбою всѣхъ какъ можно лучше угощать и никого не забывать. Патріархальныя ласки хозяина, оживленныя лица товарищей, моя собственная благодарная роль среди нихъ, праздничное настроеніе всѣхъ—оставили во мнѣ свѣтлое, радостное воспоминаніе.

5. Попечитель получилъ экземпляръ новаго устава учебныхъ заведеній, составленный комитетомъ, учрежденнымъ для преобразованія оныхъ. Онъ далъ мнѣ его для просмотра, съ просьбою сдѣлать на него замѣчанія. Послѣднія, вмѣстѣ съ его собственными, должны составить мнѣніе, которое онъ отъ себя подастъ въ комитетъ.

Уставъ касается приходскихъ и народныхъ училищъ, гимназій и гимназійскихъ пансіоновъ. Меня поразилъ духъ сего устава. Намѣреніе разлить въ Россіи просвѣщеніе въ низшихъ классахъ столь рѣшительно и выражено въ столь сильныхъ мѣрахъ, что даже, кажется, переступлены границы благоразумной постепенности. Открытіе Ландкастерскихъ школъ, по одной на каждый или на два прихода, должно съ быстротою молніи подвинуть впередъ народный духъ. Учрежденіе при гимназіяхъ пансіоновъ является новымъ и дѣйствительнымъ способомъ къ образованію у насъ средняго класса. Все это подготовляетъ важный переворотъ.

Что сдѣлается съ рабствомъ? Попечитель рѣшительно осуждаетъ сей планъ всеобщаго просвѣщенія: онъ чувствуетъ какъ патріотъ, но заблуждается какъ аристократъ. Мнѣ кажется, самое главное: снять оковы съ шестнадцати милліоновъ согражданъ и весь вопросъ въ томъ — должно ли просвѣщеніе уничтожить рабство, или свобода предшествовать просвѣщенію? То есть: самимъ ли гражданамъ предстоитъ сбросить съ себя оковы или получить свободу изъ рукъ пра-

вительства? Отъ перваго избави Боже! Но оно неизбѣжно, если правительство будетъ только просвѣщать народъ, не ослабляя узъ его, по мѣрѣ пробужденія въ немъ самосознанія. Надо, слѣдовательно, чтобы мѣры просвѣщенія шли объ руку съ новымъ гражданскимъ уложеніемъ. Въ противномъ случаѣ это было бы то-же, что, пересаживая растеніе, вырвать его изъ старой почвы, не приготовивъ для него предварительно новой: пока вы станете приготовлять ее, обнаженный корень растенія можетъ захирѣть и испортиться....

14. Профессоръ Сенковскій отличный оріенталистъ, но должно быть плохой человѣкъ. Онъ, повидимому, дурно воспитанъ, ибо подъчасъ бываетъ крайне невѣжливъ въ обращеніи. Его упрекаютъ въ подобострастіи съ высшими и въ грубости съ низшими. Онъ не любимъ ни товарищами, ни студентами, ибо пользуется всякимъ случаемъ сдѣлать непріятное первымъ и вредъ послѣднимъ. Природа одарила его умомъ быстрымъ и острымъ, которымъ онъ пользуется, чтобы наносить раны всякому, кто приближается къ нему.

Одинъ изъ казеннокоштныхъ студентовъ, весьма порядочный и даровитый юноша, желавшій посвятить себя изученію восточныхъ языковъ, былъ выведенъ изъ терпѣнія оскорбительными выходками декана своего факультета, Сенковскимъ, и рѣшился не посѣщать больше его лекцій. Это взбѣсило послѣдняго. Не умѣя и не желая заставить любить слушателей свои лекціи, онъ вздумалъ гнать ихъ туда бичемъ. Увидѣвъ какъ-то студента, о которомъ говорено выше, онъ началъ бранить его самымъ неприличнымъ образомъ и въ порывѣ злобы сказалъ въ заключеніе:

— «Я сдѣлаю то, что васъ будутъ драть розгами: объявите это всѣмъ вашимъ товарищамъ. Не говорите мнѣ объ уставѣ — я вашъ уставъ».

Студенты крайне оскорбились и заволновались. Между ними есть очень способные и хорошихъ фамилій. Грубость Сенковскаго тѣмъ болѣе поразила ихъ, что всѣ другіе профессора здѣшняго университета, ректоръ (Дегуровъ) и попечитель (Бороздинъ), пріучили ихъ къ самому вѣжливому и благородному обращенію — отъ чего и между ними возникъ духъ, вполнѣ соотвѣтствующій сему мѣсту.

Товарищи бросились ко мнѣ съ просьбою довести до свѣдѣнія попечителя о неприличномъ поступкѣ Сенковскаго и о пагубныхъ послѣдствіяхъ, могущихъ произойти отъ его дерзостей. Не говоря уже, что онъ, чего добраго, такимъ образомъ отвратитъ отъ университета многихъ молодыхъ людей, но еще можетъ нарваться на такого студента, который не выдержитъ и дерзостью отвѣтитъ на его дерзость. Само собой разумѣется, что это было бы несчастіемъ,

которое гибельно отразилось бы на всемъ заведеніи. Я, отъ имени товарищей, просилъ попечителя принять мѣры противъ грозившаго зла. Онъ велѣлъ ректору объявить Сенковскому выговоръ. Должно полагать, что послѣдній теперь перестанетъ обращаться съ людьми также безцеремонно, какъ съ египетскими муміями, отъ которыхъ нечего ждать отпора.

19. Былъ у графа Хвостова, который пожелалъ имѣть экземпляръ моего сочиненія «О преодолѣніи несчастій». Прочитавъ въ немъ нѣсколько строкъ, онъ сказалъ:

— «Теперь и я борюсь съ несчастіями».

Я думалъ, что онъ говоритъ въ самомъ дѣлѣ о какой нибудь посѣтившей его бѣдѣ, но онъ продолжалъ:

— «Дмитріевъ младшій написалъ разсужденіе, помѣщенное въ «Трудахъ московскаго общества словесности», и въ немъ, по обыкновенію романтиковъ, доказываетъ, что всѣ русскіе поэты, начиная съ Ломоносова, не иное что, какъ рабы-подражатели французовъ. Я намѣренъ доказать ему противное — и вотъ что написалъ ему въ отвѣтъ. Вы видите, я завожу литературную войну, слѣдовательно, долженъ бороться!»

И графъ прочелъ мнѣ огромную тетрадь, въ которой искусно намекалъ своему противнику, что главная вина его въ томъ, что онъ забылъ похвалить произведенія его, Хвостова. Тщеславіе, вообще, опасная болѣзнь, но она становится неизлечимою, когда поселится въ душѣ плохаго стихотворца.

25. Попечитель представилъ Павскаго къ брилліантовымъ знакамъ ордена св. Анны 2-го класса. Но министръ его не любитъ и представленіе не пошло дальше. Мало того, Павскому на дняхъ грозила еще худшая непріятность: злоба, раздраженная всего болѣе достоинствами своего предмета, задумала было погубить этого человѣка, одного изъ добрѣйшихъ, умнѣйшихъ, ученѣйшихъ людей въ столицѣ.

Павскій цензоръ духовныхъ книгъ. Назадъ тому мѣсяца три напечатана книга: «Очевидность Божественнаго происхожденія христіанской религіи», переведенная однимъ изъ моихъ товарищей по университету, кончившимъ курсъ въ нынѣшнемъ году. Попечитель возилъ и книгу, и переводчика къ министру, который принялъ обоихъ весьма благосклонно. Но дня три тому назадъ, желая найти способъ повредить Павскому и безъ сомнѣнія не находя онаго, онъ рѣшился воспользоваться вышеупомянутою книгою. Она была свезена и прочитана государю. Но государь поступилъ вопреки ожиданіямъ министра. Онъ не нашелъ въ ней ничего разрушительнаго,

какъ утверждалъ министръ, а только выразилъ удивленіе, что сей послѣдній, вмѣсто дѣла, занимается бездѣльемъ. Поступокъ мудрый, подающій надежду, что участь людей и просвѣщенія не будутъ у насъ всегда зависѣть отъ сплетней праздныхъ или неблагонамѣренныхъ людей.

Май 1. Былъ на гуляньѣ въ Екатерингофѣ. Пыль, холодъ, вѣтеръ, шумныя толпы народа, болото, усаженное жидкими елями и соснами—вотъ всѣ достопримѣчательности его.

23. Нѣсколько дней тому назадъ г-жа Штеричъ праздновала свои именины. У ней было много гостей и въ томъ числѣ новое лицо, которое, долженъ сознаться, произвело на меня довольно сильное впечатлѣніе. Когда я вечеромъ спустился въ гостиную, оно мгновенно приковало къ себѣ мое вниманіе. То было лицо молодой женщины поразительной красоты. Но меня всего больше привлекала въ ней трогательная томность въ выраженіи глазъ, улыбки, въ звукахъ голоса.

Молодая женщина эта — генеральша (Анна Петровна) Кернъ, рожденная Полторацкая. Отецъ ея, малороссійскій помѣщикъ, вообразилъ себѣ, что, для счастья его дочери, необходимъ мужъ генералъ. За нее сватались достойные женихи, но имъ всѣмъ отказывали въ ожиданіи генерала. Послѣдній, наконецъ, явился. Ему было за пятьдесятъ лѣтъ. Густые эполеты составляли его единственное право на званіе человѣка. Прекрасная и къ тому же чуткая, чувствительная Анета была принесена въ жертву этимъ эполетамъ. Съ тѣхъ поръ жизнь ея сдѣлалась сплетеніемъ жестокихъ горестей. Мужъ ея былъ не только грубъ и вполнѣ недоступенъ смягчающему вліянію ея красоты и ума, но еще до крайности ревнивъ. Злой и необузданный, онъ истощилъ надъ ней всѣ роды оскорбленій. Онъ ревновалъ ее даже къ отцу. Восемь лѣтъ промаялась молодая женщина въ такихъ тискахъ, наконецъ, потеряла терпѣніе, стала требовать разлуки и въ заключеніе добилась своего. Съ тѣхъ поръ она живетъ въ Петербургѣ очень уединенно. У нея дочь, которая воспитывается въ Смольномъ монастырѣ.

Въ день именинъ г-жи Штеричъ мнѣ пришлось сидѣть около нея за ужиномъ. Разговоръ нашъ начался съ незначительныхъ фразъ, но быстро перешелъ въ интимный, задушевный тонъ. Часа два времени пролетѣли, какъ одинъ мигъ. Г-жа Кернъ имѣетъ квартиру въ домѣ Серафимы Ивановны Штеричъ и обѣ женщины потому чуть не каждый день видятся. И я, послѣ имениннаго вечера, уже не разъ встрѣчался съ ней. Она всякій разъ все больше и больше привлекаетъ

меня, не только красотой и прелестью обращенія, но еще и лестнымъ вниманіемъ, какое мнѣ оказываетъ.

Сегодня я цѣлый вечеръ провелъ съ ней у г-жи Штеричъ. Мы говорили о литературѣ, о чувствахъ, о жизни, о свѣтѣ. Мы на нѣсколько минутъ остались одни и она просила меня посѣщать ее.

— «Я не могу оставаться въ неопредѣленныхъ отношеніяхъ съ людьми, съ которыми меня сталкиваетъ судьба»,—сказала она при этомъ.—«Я или совершенно холодна къ нимъ, или привязываюсь къ нимъ всѣми силами сердца и на всю жизнь». Значеніе этихъ словъ еще усиливалось тономъ, какимъ они были произнесены, и взглядомъ, который ихъ сопровождалъ.

Я вернулся къ себѣ въ комнату отуманенный и какъ бы въ состояніи легкаго опьяненія.

24. Вотъ самый короткій романъ, слѣдовательно и лучшій. Вечеромъ я зашелъ въ гостиную Серафимы Ивановны, зная, что застану тамъ г-жу Кернъ.... Вхожу. На меня смотрятъ очень холодно. Вчерашняго какъ будто и не бывало. Анна Петровна (Кернъ) находилась въ упоеніи радости отъ пріѣзда поэта А. С. Пушкина, съ которымъ она давно въ дружеской связи. Наканунѣ она цѣлый день провела съ нимъ у его отца и не находитъ словъ для выраженія своего восхищенія. На мою долю выпало всего два, три ледяныхъ комплимента и то чисто литературныхъ. Старая дружба должна предпочитаться новой—это вѣрно. Тѣмъ не менѣе я скоро удалился въ свою комнату. Даю себѣ слово больше не думать о красавицѣ.

26. Я вышелъ къ себѣ на балконъ. Она изъ окна пригласила меня къ себѣ. Часа три быстро пролетѣли въ оживленной бесѣдѣ. Сначала я былъ сдержанъ, но она скоро меня расшевелила и опять внушила къ себѣ довѣріе. Нельзя же, въ самомъ дѣлѣ, говорить такъ трогательно, нѣжно, съ такимъ выраженіемъ въ глазахъ — и ничего не чувствовать. Я совсѣмъ забылъ о Пушкинѣ въ это время. Она говорила, что понимаетъ меня, что желаетъ участвовать въ моихъ литературныхъ трудахъ, что она любитъ уединеніе, что постоянна въ своихъ чувствахъ, что ея понятія почти во всемъ сходны съ моими.. Наконецъ, просила меня дня на три пріѣхать въ Павловскъ, когда она тамъ будетъ.

Послѣ 24-го я держалъ сердце на привязи и рѣшился больше не видаться съ ней, но она сама позвала меня къ себѣ....

29. Сегодня я хотѣлъ идти къ ней, подошелъ почти къ самымъ дверямъ ея и вернулся назадъ. Направился къ Брилевичевой, а очутился у Бабарыкиныхъ. Тамъ оставили меня обѣдать. Смиск. важничалъ; какая-то сухая и блѣдная дама усердно старалась дока-

зать, что молодость ея еще не миновала. Какой-то старикъ съ брильянтовой Анной на шеѣ разсказывалъ про свою службу при Державинѣ. Анета Б. кокетничала.

Іюнь 1. Начался для меня дурно. Я боленъ. Отъ меня только что ушелъ попечитель, приходившій узнать о моемъ здоровьѣ. Онъ отъ меня пошелъ прямо къ доктору, ускорить его визитъ ко мнѣ. Доктору будутъ платить изъ суммъ попечительской канцеляріи. Добротѣ Константина Матвѣевича (Бороздина) нѣтъ границъ.

8. Мнѣ гораздо лучше. Докторъ позволилъ уже выходить... Г-жа Кернъ переѣхала отсюда на другую квартиру. Я порѣшилъ не быть у нея, пока случай не сведетъ насъ опять. Но сегодня уже я получилъ отъ нея записку, съ приглашеніемъ сопровождать ее въ Павловскъ. Я пошелъ къ ней: о Павловскѣ больше и рѣчи не было. Я просидѣлъ у ней до десяти часовъ вечера. Когда я уже прощался съ ней, пришелъ поэтъ Пушкинъ. Это человѣкъ небольшаго роста, на первый взглядъ не представляющій изъ себя ничего особеннаго. Если смотрѣть на его лицо, начиная съ подбородка, то тщетно будешь искать въ немъ, до самыхъ глазъ, выраженія поэтическаго дара. Но глаза непремѣнно остановятъ васъ: въ нихъ вы увидите лучи того огня, которымъ согрѣты его стихи—прекрасные, какъ букетъ свѣжихъ весеннихъ розъ, звучные, полные силы и чувства. Объ обращеніи его и разговорѣ не могу ничего сказать, потому что я скоро ушелъ.

12. Сегодня мы съ Анной Петровной Кернъ обмѣнялись письмами. Предлогомъ были книги, которыя я обѣщался доставить ей. Отвѣтъ ея умный, тонкій, но неуловимый. Вечеромъ я получилъ отъ нея вторую записку: она просила меня принести ей мои кое-какіе отрывки и вмѣстѣ съ нею прочитать ихъ. Я не пошелъ къ ней за недостаткомъ времени.

22. Сегодня г-жа Кернъ прислала мнѣ часть записокъ своей жизни, для того, чтобы я принялъ ихъ за сюжетъ романа, который она меня подстрекаетъ продолжать. Въ этихъ запискахъ она придаетъ себѣ характеръ, который, мнѣ кажется, составила изъ всего, что почерпнуло ея воображеніе изъ читаннаго ею. Въ самомъ дѣлѣ, люди, одаренные пламеннымъ воображеніемъ, но безъ сильнаго разсудка и твердой воли, напрасно думаютъ, что они сотворены съ такимъ-то сердцемъ или такими-то наклонностями: я полагаю, что при лучшемъ воспитаніи то и другое было бы у нихъ лучше. Мечтательность, неопредѣленность и сбивчивость понятій считаются нынѣ какъ бы достоинствами, и люди съ благородными наклонностями, но увлекаемые духомъ времени, располагаютъ свое поведеніе

по примѣру героевъ нынѣшней романтической поэзіи. Не знаю, пересилитъ ли философія сію болѣзнь вѣка. Но я въ самомъ дѣлѣ желалъ бы написать философскій романъ и въ немъ указать какое-нибудь простое, но дѣйствительное лекарство противъ оной. Мы заблудились въ массѣ сложныхъ идей. Надо обратиться къ простотѣ. Надо заставить себя мыслить: это единственный способъ сбить мечтательность и неопредѣленность понятій, въ которыхъ нынѣ видятъ что-то высокое, что-то прекрасное, но въ которыхъ на самомъ дѣлѣ нѣтъ ничего, кромѣ треска и дыму разгоряченнаго воображенія.

23. Вечеромъ читалъ отрывки своего романа [1]) г-жѣ Кернъ. Она смотритъ на все исключительно съ точки зрѣнія своего собственнаго положенія и потому сомнѣваюсь, чтобы ей понравилось что-нибудь, въ чемъ она не видитъ самое себя. Она просила меня оставить у нея мои листки.

Не знаю, долго ли я уживусь въ дружбѣ съ этою женщиною. Она удивительно неровна въ обращеніи и, кромѣ того, малѣйшее противорѣчіе, которое она встрѣчаетъ въ чувствахъ другихъ со своими, мгновенно отталкиваетъ ее отъ нихъ. Это ужъ слишкомъ переутонченно.

Вчера, говоря съ ней о человѣческомъ сердцѣ, я сказалъ:

— Никогда не положусь я на него, если съ нимъ не соединена сила характера. Сердце человѣческое само по себѣ безпрестанно волнуется, какъ кровь, его движущая: оно непостоянно и измѣнчиво.

— О, какъ вы недовѣрчивы, возразила она,— я не люблю этого. Въ довѣріи къ людямъ все мое наслажденіе. Нѣтъ, нѣтъ! это не хорошо!

Слова сіи были сказаны такимъ тономъ, какъ будто я потерялъ всякое право на ея уваженіе.

— Вы не такъ меня поняли, въ свою очередь, съ неудовольствіемъ отвѣчалъ я,—кто всегда боится быть обманутымъ, тотъ заслуживаетъ быть обманутымъ. Но если ваше сердце находитъ свое счастіе только въ сердцахъ другихъ, то благоразуміе требуетъ не довѣрять счастью земному, а величіе души предписываетъ не обольщаться имъ.

Послѣ этого мы дружелюбно окончили вечеръ.

24. Я не ошибся въ своемъ ожиданіи. Г-жа Кернъ раскритиковала, какъ говорится, въ пухъ отрывки моего романа. По ея мнѣ-

---

[1]) Они были потомъ напечатаны въ Альманахѣ: «Сѣверные Цвѣты» за 1832 г. и въ «Невскомъ Альманахѣ», подъ заглавіемъ: Леонъ или идеализмъ и Леонъ и Маргарита или предразсудки XIX вѣка.

нію, герой мой черезъ-чуръ холодно изъясняется въ любви и слишкомъ много умствуетъ, а не то и просто умничаетъ.

Я готовъ бы ее уважать за откровенность, тѣмъ болѣе, что по самой задачѣ моего романа главное дѣйствующее лицо въ немъ должно быть именно такимъ. Но требовательный тонъ ея послѣднихъ писемъ ко мнѣ, настоятельно выражаемое желаніе, чтобы я непремѣнно воспользовался въ своемъ произведеніи чертами ея характера и жизни, упреки за неисполненіе этого показываютъ, что она гнѣвается просто за то, что я работаю не по ея заказу.

Она хотѣла сдѣлать меня своимъ исторіографомъ и чтобы исторіографъ сей былъ бы панегиристомъ. Для этого она привлекала меня къ себѣ и поддерживала во мнѣ энтузіазмъ къ своей особѣ. А потомъ, когда выжала бы изъ лимона весь сокъ, корку его выбросила бы за окошко,—и тѣмъ все кончилось бы. Это не подозрѣнія мои только и догадки, а прямой выводъ изъ весьма недвусмысленныхъ послѣднихъ писемъ ея.

Женщина эта очень тщеславна и своенравна. Первое есть плодъ лести, которую, она сама признавалась, безпрестанно расточали ея красотѣ, ея чему-то божественному, чему-то неизъяснимо въ ней прекрасному,—а второе есть плодъ перваго, соединеннаго съ небрежнымъ воспитаніемъ и безпорядочнымъ чтеніемъ.

Въ моемъ отвѣтѣ на ея сегодняшнее письмо я высказалъ кое-что изъ этого, но, конечно, въ самой мягкой формѣ.

26. Сегодня получилъ отъ г-жи Кернъ въ отвѣтъ на мое письмо записку слѣдующаго содержанія: «Благодарю васъ за довѣріе. Вы не ошиблись, полагая, что я умѣю васъ понимать».

Іюль 4. Былъ у г-жи Кернъ. Никто изъ насъ не вспоминалъ о нашей недавней размолвкѣ, за исключеніемъ развѣ маленькаго намека въ видѣ мщенія съ ея стороны. Я засталъ ее за работой.

— «Садитесь мотать со мною шелкъ», сказала она.

Я повиновался. Она надѣла мнѣ на руки мотокъ, научила какъ держать его и принялась за работу.

— «Говорятъ, что Геркулесъ прялъ у ногъ Омфалы», замѣтилъ я,—«хоть я не Геркулесъ, а очутился въ подобномъ ему положеніи, съ тою только разницею, что та г-жа Омфала врядъ-ли могла бы сравниться съ той особою, которой я имѣю честь служить».

— «Хорошо сказано», отвѣчала она.

— «Однако, посмотрите, вы все путаете шелкъ». И начала опять учить меня, какъ его держать.

Это не помогало.—«Дайте я самъ это сдѣлаю». Я взялъ, поправилъ, надѣлъ на руки по своему: дѣло пошло какъ слѣдуетъ.

— «Теперь хорошо», сказала она съ пріятною улыбкой.

— «Это отъ того, что я самостоятельно, собственнымъ умомъ постигъ эту тайну», замѣтилъ я.

Она промолчала.—«Попробуйте вотъ такъ повернуть нитки», начала она опять черезъ нѣсколько минутъ.

Я послушался и въ самомъ дѣлѣ работа пошла еще гораздо лучше. Я замѣтилъ ей это.

— «Вотъ видите», сказала она съ торжествующимъ видомъ, — «умъ хорошо, а два лучше».

Мнѣ въ мою очередь пришлось промолчать.

Послѣ пошли мы гулять въ садъ герцога Виртембергскаго. Народу было множество. Въ двухъ мѣстахъ гремѣла музыка. Но мнѣ гораздо пріятнѣе было слушать малороссійскія пѣсни, которыя пѣла сестра г-жи Кернъ, по нашемъ приходѣ съ гулянья. У ней прелестный голосъ и въ каждомъ звукѣ его чувство и душа. Слушая ее, я совсѣмъ перенесся на родину, къ горлу подступали слезы...

17. Вчера, часовъ въ пять вечера, Дель, Чивилевъ, я и сынъ нашего профессора Лодія, мы отправились на дачу Молчанова, гдѣ живетъ нашъ товарищъ Армстронгъ. Погода была сомнительная. Тучи висѣли надъ головами и каждую минуту грозили ливнемъ. Однако, мы прошли путь благополучно. Уже у самаго Лѣснаго института я взошелъ на пригорокъ. Прямо противъ меня бѣлѣлъ Петербургъ съ куполами церквей, которые, какъ исполины, упирались блестящими маковками въ черныя тучи, волнистыми грядами расположенныя на небѣ. Влѣво выдѣлялся Смольный монастырь, вправо тянулись лѣса, которые, сливаясь съ горизонтомъ, останавливали зрѣніе. Послѣ нѣсколькихъ лѣтъ, проведенныхъ въ Петербургѣ, я отчасти уже привыкъ къ картинамъ суровой здѣшней природы. Мнѣ уже не такими скучными кажутся эти низменныя, то песчанныя, то болотистыя равнины, эти печальные однообразные ряды сосенъ и елей, эти быстрыя перемѣны въ погодѣ, то ясной и тихой, то мрачной и бурной. Улыбкѣ этой природы нельзя довѣрять, какъ улыбкѣ счастья. Но потому именно, можетъ быть, она и производитъ на сердце неотразимое впечатлѣніе.

Полюбовавшись окрестностями Петербурга, мы продолжали путь и едва успѣли перешагнуть за порогъ гостепріимнаго дома Армстронга, какъ на землю обрушились потоки дождя. Что сталось бы съ моимъ вновь пріобрѣтеннымъ фракомъ, если бы ливень засталъ насъ на дорогѣ! Дождь шелъ весь вечеръ. О прогулкѣ нечего было и думать, но мы до поздняго вечера сидѣли подъ навѣсомъ на крыльцѣ, любуясь

массами тучъ, которыя, какъ густыя колонны войскъ, сомкнутыми рядами сходились и расходились въ воздухѣ.

Слѣдующій день былъ тоже пасмурный. Можно было прогуливаться только въ саду около дома, поминутно скрываясь отъ дождя въ маленькой бесѣдкѣ, называемой храмомъ любви. Къ вечеру, однако, небо прояснилось, мы съ дамами катались въ лодкѣ, бѣгали въ горѣлки и отъ души веселились.

20. Третьяго дня Константинъ Матвѣевичъ Бороздинъ пригласилъ меня сопутствовать ему въ Сергіевскій монастырь, на 17-й верстѣ отъ Петербурга по Петергофскому шоссе. Жена его и сестры—дѣвицы дали обѣщаніе сходить туда пѣшкомъ на поклоненіе угоднику Божію.

Мы отправились въ половинѣ шестаго вечеромъ. Насъ было человѣкъ около двадцати дамъ и мужчинъ. За нами ѣхала карета и телѣга съ съѣстными припасами. Не взирая на усталость еще отъ вчерашняго похода въ Лѣсной корпусъ, я чувствовалъ себя бодрымъ и свѣжимъ. Нѣкоторыя изъ дѣвицъ Бороздиныхъ и Полѣновыхъ очень милы. Мы всѣ шли пѣшкомъ. Непринужденность, добрая пріязнь, царившія въ нашемъ обществѣ, привѣтливость и ласка моего почтеннаго начальника К. М. Бороздина и его супруги, превосходная дорога между двумя рядами дачъ, изъ коихъ каждая возбуждала желаніе пожить въ ней, прелестнѣйшая погода—все соединилось, чтобы сдѣлать наше путешествіе пріятнымъ. Каждыя двѣ версты мы садились отдыхать около какой нибудь дачи. Константинъ Матвѣичъ подчивалъ насъ виномъ для подкрѣпленія силъ, а Д. В. Полѣновъ, еще въ городѣ нагрузившій свои карманы пряниками, ни для кого ихъ не жалѣлъ.

Изъ дачъ мнѣ больше всѣхъ понравились двѣ: графини Завадовской и князя Щербатова. Передъ послѣдней прекрасный фонтанъ, почти у самой дороги, приглашаетъ усталаго пѣшехода отдохнуть и испить его чистой воды. Мы пришли въ монастырь около полуночи и остановились въ гостинницѣ. Послѣ сытнаго и оживленнаго ужина, мужчины удалились въ другую комнату и расположились спать на полу. За перегородкой два священника и дьяконъ, привезшіе въ монастырь хоронить покойника, вели жаркій теологическій споръ. По звуку стакановъ и бутылокъ можно было заключить, что они сопровождали свой споръ обильными возліяніями. Противники замолкли только съ восходомъ солнца и, наконецъ, захрапѣли, изнемогши подъ двойнымъ бременемъ богословскихъ преній и пунша. Тогда только и намъ удалось заснуть.

Послѣ утренняго кофе Константинъ Матвѣичъ, Полѣновъ и я

отправились ко взморью. Но, не зная дороги, мы забрели въ болото и вернулись обратно осматривать монастырь. Онъ общиренъ, съ церковью старинной архитектуры. Вокругъ прелестный видъ. Вдали синѣетъ море, а за нимъ, какъ крылья чаекъ, бѣлѣютъ башни Кронштадта и мелькаютъ паруса кораблей. Изъ памятниковъ на кладбищѣ обращаетъ на себя вниманіе памятникъ фамиліи графовъ Зубовыхъ. Надъ подземельемъ, гдѣ покоится прахъ ихъ, возвышается зданіе для тридцати инвалидовъ, которые, въ ожиданіи вѣчнаго покоя, находятъ здѣсь возможный земной покой. Прекрасная мысль замѣнить пышную эпитафію на мавзолеѣ добрымъ словомъ изъ глубины признательнаго сердца.

За то, что за надписи на нѣкоторыхъ другихъ памятникахъ! Бѣдные покойники еще меньше захотѣли бы умирать, если бы знали, что память ихъ будетъ прославлена такого рода прозой и стихами. На одномъ монументѣ жена благодаритъ мужа за то, что онъ сдѣлалъ ее матерью; на другомъ—неутѣшная супруга проситъ проходящихъ плакать надъ ея усопшимъ мужемъ по той уважительной причинѣ, что онъ былъ камеръ-фурьеромъ и т. д.

Въ половинѣ одиннадцатаго мы отправились къ поздней обѣднѣ, а послѣ обѣда нѣсколько человѣкъ изъ нашего каравана пошли въ Стрѣльну, находящуюся верстахъ въ двухъ отъ монастыря. Въ дворцовомъ саду, между двумя холмиками, у маленькой рѣчки, расположенъ прелестный цвѣтникъ. Видъ съ мостика на каскадъ очарователенъ. Въ нѣсколькихъ шагахъ, въ глубинѣ дикаго бора, другая, или та-же рѣчка, силясь перепрыгнуть черезъ небольшую преграду, падаетъ внизъ, разсыпаясь серебряными брызгами, а затѣмъ тихо извивается подъ шатромъ липовыхъ и сосновыхъ вѣтвей. Прелестный уголокъ! Какъ хорошо отдыхать на дерновомъ канапе противъ каскада! На возвратномъ пути мы пытались подкупить сторожа, чтобы онъ позволилъ намъ нарвать цвѣтовъ для нашихъ пилигримокъ. Но онъ былъ неумолимъ.

Въ гостинницѣ мы застали нашихъ уже въ сборахъ на обратный путь. Но прежде намъ еще предстояло отслушать молебенъ. Полѣновъ и я, мы отправились въ церковь раньше, съ цѣлью побывать на колокольнѣ. Вскарабкались мы на нее съ большимъ трудомъ по такой крутой лѣстницѣ, что намъ то и дѣло грозила опасность стукаться лбомъ о верхнія ступеньки ея. Но что за прелесть тамъ! Съ одной стороны морская пелена съ Кронштадтомъ, съ другой Петербургъ, какъ на ладони; напротивъ увѣнчанная соснами Дудергофская гора, бѣлѣющіе лагери у ея подошвы. Мы погрузились въ созерцаніе водъ, лѣсовъ и полей, но вдругъ были выведены изъ него уда-

рами колокола надъ самымъ ухомъ. Невольно вздрогнувъ, мы оглянулись: на колокольнѣ никого, кромѣ насъ двоихъ, а языкъ одного изъ колоколовъ мѣрно ударяетъ о стѣнки его. Наконецъ, мы разглядѣли привязанную къ этому языку веревку и поняли, что это трезвонили снизу. Со смѣхомъ, затыкая уши, спустились мы съ отвѣсной лѣсенки и застали всѣхъ нашихъ въ церкви, гдѣ уже служили молебенъ.

Обратный путь въ Петербургъ былъ также пріятенъ и веселъ. Не взирая на эпиграммы дамъ, которыя, изъ усердія къ св. Сергію, непремѣнно хотѣли идти пѣшкомъ, я сѣлъ на дрожки вмѣстѣ съ попечителемъ и проѣхалъ почти половину дороги. Вечеръ былъ рѣдкій и мы прибыли домой въ два часа ночи.

Августъ 16. Всѣ предъидущіе дни, начиная съ 11-го числа, я провелъ въ большихъ безпокойствахъ и трудахъ. Сего числа вечеромъ я получилъ извѣстіе, что государь императоръ велѣлъ сдѣлать строжайшій выговоръ попечителю, со внесеніемъ въ формуляръ, и посадить на гауптвахту директора департамента министерства народнаго просвѣщенія Языкова, за медленное доставленіе ему свѣдѣній по кронштадтскому училищу, которыя приказалъ доставить два мѣсяца тому назадъ. Сіе неслыханное наказаніе у насъ, особенно послѣднее, всѣхъ поразило ужасомъ и повергло въ уныніе. Я, какъ исправляющій должность правителя канцеляріи попечителя, нѣсколько ночей съ ряду не спалъ, чтобы окончить нѣкоторыя другія дѣла, могшія навлечь на насъ новыя непріятности. Будучи такъ близокъ къ Бороздину и къ Языкову, я раздѣлялъ ихъ несчастіе со всею горячностью сердца, благодарнаго за ихъ ко мнѣ доброту.

Главная причина сей бѣды въ медленности и безпорядочности университетскаго правленія, отъ коего зависѣла скорѣйшая доставка свѣдѣній. Попечитель виноватъ только тѣмъ, что не былъ довольно строгъ. Этотъ просвѣщенный и благородный человѣкъ всегда стремится прежде всего дѣйствовать какъ гражданинъ, и нерѣдко забываетъ, что онъ начальникъ.

Нынѣ необыкновенная дѣятельность во всѣхъ частяхъ управленія. Могущественная воля самодержца все движетъ съ удивительной быстротой. Всѣ правительственныя пружины въ напряженіи; многіе безпорядки уничтожаются; многія полезныя мѣры начинаютъ осуществляться. Народъ хочетъ благоденствія и, можетъ быть, на нѣкоторое время будетъ имѣть его. Понятія большинства у насъ не идутъ дальше нуждъ своего личнаго или домашняго спокойствія—слѣдовательно, все пойдетъ хорошо, пока духъ времени не воспрянетъ съ новою силой....

23. Сегодня новый профессоръ богословія, Бажановъ, началъ свое поприще въ университетѣ. Онъ будетъ читать намъ нравственное богословіе, чѣмъ и окончится полный трехлѣтній курсъ богословія, начатый предшественникомъ его, докторомъ богословія и профессоромъ еврейскаго языка, Павскимъ. Послѣдній обладаетъ глубокими, обширными познаніями и въ этомъ отношеніи никто не сравнится съ нимъ. Но привлекательная личность Бажанова, его искусство излагать свой предметъ просто и выразительно, стремленіе къ духу, а не къ буквѣ, все это хоть немного смягчаетъ для насъ потерю Павскаго. Въ богословскихъ лекціяхъ нашихъ вообще господствуетъ здравый философскій духъ, который ставитъ религію на твердую почву, недоступную для фанатиковъ. Надо сознаться, что духовные учителя у насъ часто преуспѣваютъ въ наукахъ больше свѣтскихъ профессоровъ. Я думаю, что это, помимо многихъ другихъ причинъ, объясняется еще тѣмъ, что общественная дѣятельность нашего духовенства замкнута въ извѣстныя рамки, за предѣлы которыхъ не можетъ стремиться. Другіе же наши ученые, не видя границъ своему честолюбію, часто жертвуютъ для него наукой. У насъ, напримѣръ, есть одинъ профессоръ, человѣкъ, впрочемъ, почтенный и съ дарованіемъ, но который не рѣдко выходитъ на каѳедру, удрученный горемъ, и кой какъ сбываетъ съ рукъ лекцію отъ того только, что онъ, будучи уже коллежскимъ совѣтникомъ, имѣетъ Анну 3-й, а не 2-й степени. Попечитель, по добротѣ своей, видя его горе, наконецъ, далъ ему слово сдѣлать о немъ представленіе, которое должно будетъ быть уважено. И этотъ человѣкъ не ребенокъ: ему уже лѣтъ подъ сорокъ и онъ слыветъ въ публикѣ за умнаго, талантливаго профессора.

Сентябрь 2. Погода стоитъ прекрасная. Мнѣ захотѣлось прогуляться и я пошелъ въ академію художествъ, которая со вчерашняго дня открыта для любителей и любопытныхъ. Въ залахъ толпилось много народу, преимущественно изъ не знатныхъ: люди такъ называемаго «хорошаго тона» обыкновенно ѣздятъ сюда по утру.

Я не знатокъ въ живописи и сужу о ней только по впечатлѣнію, какое на меня производитъ то или другое произведеніе. На этотъ разъ мнѣ очень понравился Лаоконъ. Это прекрасный снимокъ съ древней группы. Старикъ передъ вами, дѣйствительно, страдаетъ; изъ искривленныхъ мукою губъ его готовъ вырваться пронзительный вопль отчаянія. А что за красавица Венера съ небрежно наброшеннымъ на нее покровомъ! Очень хорошъ показался мнѣ портретъ Мордвинова, писанный Довомъ. Хороши также Аракчеевъ и Сперанскій... Но какъ попалъ сюда этотъ всадникъ на бѣломъ

конѣ? Не подходите близко: онъ задавитъ васъ, если коснется его шпорами. Но не бойтесь: это удивительно искусно написанный портретъ покойнаго императора. Вотъ дѣвушка вышиваетъ въ пяльцахъ, другая держитъ въ рукѣ иглу и съ плутовской улыбкой на васъ поглядываетъ. Вотъ поэтъ Пушкинъ. Не смотрите на подпись: видѣвъ его хоть разъ живаго, вы тотчасъ признаете его проницательные глаза и ротъ, которому не достаетъ только безпрестаннаго вздрагиванія: этотъ портретъ писанъ Кипренскимъ. А это кто лежитъ въ турецкомъ платьѣ и въ чалмѣ? Я угадываю, но съ трудомъ, что это нашъ оріенталистъ Сенковскій: онъ мало похожъ.

14. Вчерашній вечеръ я очень пріятно провелъ съ Ростовцевымъ и В. Н. Семеновымъ, съ которыми не видался уже мѣсяцевъ пять. Они приходили за мной. Ужинъ былъ во вкусѣ греческихъ симпозій. Мы пили шампанское, но безъ излишества, а главное, говорили отъ избытка сердца. Я пенялъ — впрочемъ, уже не въ первый разъ—на Ростовцева за его лѣнь. У него есть истинно поэтическое дарованіе, но свѣтскія развлеченія отвлекаютъ его отъ занятій, которыя могли бы сохранить имя его для потомства.

18. Отослалъ Булгарину мое разсужденіе «О политической экономіи вообще и о производимости, какъ главнѣйшемъ предметѣ оной». Оно было написано для чтенія въ торжественномъ собраніи университета и одобрено совѣтомъ онаго, но по недостатку времени осталось нечитаннымъ—а главное, кажется, потому, что существуетъ обычай не допускать студентовъ до публичнаго чтенія своихъ произведеній.

Кромѣ того, я снесъ Булгарину еще повѣсть «Василій Воинко», написанную моимъ товарищемъ Троицкимъ. Сей молодой человѣкъ не безъ дарованія и я сильно его подстрекаю не дать ему заглохнуть.

Вечеромъ былъ у г-жи Кернъ. Видѣлъ тамъ извѣстнаго инженернаго генерала Базена. Обращеніе послѣдняго есть образецъ свѣтской непринужденности: онъ едва не садился къ г-жѣ Кернъ на колѣни, говоря, безпрестанно трогалъ ее за плечо, за локоны, чуть не обхватывалъ ея стана. Удивительно и не забавно! Да и пришелъ онъ очень не кстати. Анна Петровна встрѣтила меня очень любезно и, очевидно, собиралась пустить въ ходъ весь арсеналъ своего очаровательнаго кокетства.

20. Сегодня у молодаго камеръ-юнкера Штерича обѣдаютъ блестящіе молодые люди «хорошаго тона». Онъ убѣдительно просилъ меня сегодня не уходить и обѣдать дома съ ними. Здѣсь будутъ

потомки знаменитыхъ Долгорукихъ, Голицыныхъ и проч., и проч. Посмотримъ!

— «Подай мнѣ венгерку!» сейчасъ прозвучало у меня въ ушахъ. Это значитъ, что русскіе магнаты собрались уже и приступаютъ къ главному предмету своей бесѣды и къ созерцанію послѣдняго произведенія великаго Руча—портнаго. Сойдемъ и мы внизъ.

На сегодняшнемъ обѣдѣ не было многихъ изъ тѣхъ, кого я думалъ увидѣть. Много слышалъ я, между прочимъ, о графинѣ Девіеръ, какъ о совершеннѣйшей красавицѣ. Въ самомъ дѣлѣ, у нея необыкновенно правильныя черты лица—но въ этомъ все. Черты эти подобны тѣмъ, которыя проведены искусною рукою художника на кускѣ мрамора: но этотъ мраморъ не живетъ, не дышетъ. Артистъ, то есть природа все сдѣлала, чтобы изъ этой молодой дѣвушки вышла одна изъ прекраснѣйшихъ женщинъ, но сама дѣвушка ничего не сдѣлала для себя самой. Въ ея очахъ не сіяетъ лучъ той внутренней, обворожительной красоты, которая, пробиваясь сквозь оболочку тѣла, облагораживаетъ и одухотворяетъ послѣднее.

Былъ за обѣдомъ одинъ гусарскій полковникъ, весьма не глупый человѣкъ. Онъ хорошо говорилъ о Наполеонѣ и о разныхъ отвлеченныхъ предметахъ. Онъ, кромѣ сабли и шпоръ, имѣетъ еще нѣчто, то есть умъ и чувство.

Молодой камеръ-пажъ Скалонъ задумчивъ: онъ въ самомъ дѣлѣ думаетъ, что изъ него выйдетъ человѣкъ.

О князѣ Д.... могу сказать только то, что у него сюртукъ сшитъ знаменитымъ Петерсомъ. По крайней мѣрѣ, онъ хорошо знаетъ этотъ важный историческій фактъ.

Мой любезный П. смотрѣлъ на дѣвушекъ, какъ дитя смотритъ на конфекты, которыхъ ему не велѣно трогать. У человѣка этого здравый умъ и прекрасное сердце—къ несчастію слишкомъ чувствительное, ибо оно столько же создано для любви, сколько лицо его и фигура для чувства совершенно противоположнаго. Онъ очень некрасивъ. Сидѣвшія противъ него плутовки искусно сообщали о томъ одна другой.

Важное замѣчаніе: нынѣшній головной уборъ молодыхъ дѣвушекъ куда какъ не изященъ. Вмѣсто граціозно упадающихъ на грудь или со вкусомъ расположенныхъ локоновъ, у нихъ на вискахъ торчатъ пучки волосъ—чужихъ. Коса свита на головѣ такъ, что дѣлаетъ ее остроконечною. Лицо выглядываетъ изъ этой массы безобразно расположенныхъ волосъ точно лицо пуделя.

Нельзя похвалить также обычай сильно стягивать талію корсетомъ. Руссо справедливо уподобляетъ стягивающихся такимъ обра-

зомъ дѣвушекъ съ осами, перегнутыми пополамъ. Сверхъ того, какой вредъ для здоровья!

22. Поэтъ Пушкинъ уѣхалъ отсюда въ деревню. Онъ проигрался въ карты. Говорятъ, что онъ въ теченіи двухъ мѣсяцевъ ухлопалъ 17,000 рублей. Поведеніе его не соотвѣтствуетъ человѣку, говорящему языкомъ боговъ и стремящемуся воплощать въ живые образы высшую идеальную красоту. Прискорбно такое нравственное противорѣчіе въ соединеніи съ высокимъ даромъ, полученнымъ отъ природы. Никто изъ русскихъ поэтовъ не постигъ такъ глубоко тайны нашего языка; никто не можетъ сравниться съ нимъ живостью, блескомъ, свѣжестью красокъ въ картинахъ, созданныхъ его пламеннымъ воображеніемъ. Ни чьи стихи не услаждаютъ души такой плѣнительной гармоніей. И рядомъ съ этимъ, говорятъ, онъ плохой сынъ, сомнительный другъ. Не вѣрится!... Во всякомъ случаѣ, въ толкахъ о немъ много преувеличеній и несообразностей, какъ всегда случается съ людьми, которые, выдвигаясь изъ толпы и приковывая къ себѣ всеобщее вниманіе, въ однихъ возбуждаютъ удивленіе, а въ другихъ—зависть.

Октябрь 2. Былъ у Булгарина. Засталъ тамъ Сенковскаго. Разговоръ шелъ о путешествіяхъ. Сенковскій не вѣритъ, чтобы путешествующій по Россіи могъ встрѣчать предметы, достойные философскаго наблюденія. Булгаринъ и я утверждали противное. Въ Россіи, говорили мы, бóльшее разнообразіе нравовъ и обычаевъ, чѣмъ гдѣ либо; много невѣжества, но самые предразсудки представляютъ обильное поле для наблюденій философа.

Сочиненіе мое о «Политической экономіи» во многихъ мѣстахъ урѣзано цензурою. Между прочимъ, въ одномъ мѣстѣ у меня сказано: «Адамъ Смитъ, полагая свободу промышленности краеугольнымъ камнемъ обогащенія народовъ» и прочее.... Слово краеугольный вычеркнуто потому, какъ глубокомысленно замѣчаетъ цензоръ, что краеугольный камень есть Христосъ, слѣдовательно, сего эпитета нельзя ни къ чему другому примѣнять.

Булгаринъ и этотъ разъ принялъ меня любезно и съ комплиментами. О «Василіи Воинкѣ» говоритъ онъ, что повѣсть сія пахнетъ Бестужевщиною. Онъ просилъ меня принести ему отрывки Гереневой исторіи трехъ послѣднихъ столѣтій, которую переводитъ одинъ изъ моихъ знакомыхъ.

5. Г-жа Штеричъ разсказывала мнѣ сегодня: «Вчера на балѣ у Крк., посреди министровъ и первѣйшихъ чиновъ двора, вижу я человѣка, гордо расхаживающаго съ такимъ величественнымъ, непринужденнымъ видомъ, что я его сначала приняла за очень важную особу.

Подхожу ближе: это французъ Курнандъ, содержатель одного изъ здѣшнихъ пансіоновъ. Супруга его, тоже здѣсь находившаяся, не уступала ему въ надменной важности. Не показываетъ ли это, что наше дворянство не слишкомъ ревнуетъ о своихъ преимуществахъ, лишь бы ему не мѣшали веселиться».

12. Видѣлся съ Булгаринымъ. Онъ жаловался министру народнаго просвѣщенія на цензуру за то, что она не пропустила многія мѣста въ моемъ сочиненіи. Министръ велѣлъ ему подать формальное прошеніе объ этомъ. Нужно ли, въ самомъ дѣлѣ, для чего нибудь такое свирѣпое преслѣдованіе идей, безъ которыхъ, однако, ни одно государство не можетъ идти впередъ по пути къ могуществу и благоденствію. Что бы ни говорили, просвѣщеніе нужно народамъ. Нельзя же заключать о вредѣ его по революціонной пропагандѣ нѣкоторыхъ мечтателей, которые творятъ и проповѣдуютъ глупости, ужъ, конечно, не отъ избытка его, а отъ недостатка, отъ полупросвѣщенія...

15. Читалъ недавно отпечатанную третью главу Онѣгина, сочиненія А. Пушкина. Идея цѣлаго пока еще не ясна, но то, что есть, уже представляетъ живую картину современныхъ нравовъ. По моему мнѣнію, настоящая глава еще превосходитъ предъидущія въ выраженіи сокровенныхъ и тончайшихъ ощущеній сердца. Во всей главѣ необыкновенное движеніе поэтическаго духа. Есть мѣста до того очаровательныя и увлекающія, что, читая ихъ, перестаешь думать, т. е. самостоятельно думать, и весь отдаешься чувству, которое въ нихъ скрыто, буквально сливаешься съ душою поэта. Письмо Татьяны удивительнымъ образомъ соглашаетъ вещи, повидимому, несогласимыя: изступленіе страсти и голосъ чистой невинности. Бѣгство ея въ садъ, когда пріѣхалъ Онѣгинъ, полно того сладостнаго смятенія любви, которое, казалось бы, можно только чувствовать, а не описывать — но Пушкинъ его описалъ. Это мѣсто, по моему, вмѣстѣ съ русскою пѣснью, которую поютъ вдали дѣвушки, собирающія ягоды, лучшее во всей главѣ, гдѣ, впрочемъ, что ни стихъ — то новая красота. Здѣсь поэтъ вполнѣ совершилъ дѣло поэзіи: онъ погрузилъ мою душу въ чистую радость полной и свободной жизни, растворивъ эту радость тихой задумчивостью, которая не разлучна съ человѣкомъ, какъ печать неразгаданности его жребія, какъ провозвѣстіе чего-то высшаго, соединеннаго съ его бытіемъ. Поэтъ удовлетворилъ неизъяснимой жаждѣ человѣческаго сердца.

О стихахъ нечего и говорить! Если музы — по мнѣнію древнихъ — выражались стихами, то я не знаю другихъ, которые были бы достойнѣе служить языкомъ для грацій. Замѣчу еще одно достоинство языка

Пушкина, показывающее вмѣстѣ и талантъ необыкновенный и глубокое знаніе русскаго языка, а именно: рѣдкую правильность среди самыхъ своенравныхъ оборотовъ. Въ его могучихъ рукахъ языкъ этотъ такъ гибокъ, что боишься, какъ бы онъ не изломался въ куски. На дѣлѣ видишь другое — видишь разнообразнѣйшія и прелестныя формы тамъ, гдѣ боялся, чтобы рука поэта не измяла матеріалъ въ слишкомъ быстрой игрѣ—и видишь формы чисто русскія.

13. Сегодня принужденъ былъ ссориться съ правителемъ канцеляріи попечителя. У этого человѣка престранный нравъ и понятія. Онъ ничему не учился, но практикою набилъ руку въ канцелярскихъ дѣлахъ. Почитаетъ себя несчастнѣйшимъ человѣкомъ и всякому встрѣчному неизмѣнно разсказываетъ о какихъ то 50,000 рубляхъ, которыя долженъ былъ получить, но не получилъ. Въ обращеніи онъ престранный оригиналъ. Весьма неловокъ; въ разговорѣ его никогда не услышишь втораго и третьяго грамматическаго лица: *я* есть его тиранъ. Кто о чемъ бы ни говорилъ, а онъ всегда о себѣ: о своихъ болѣзняхъ, объ ученьѣ у какого-то нѣмецкаго пастора, о пребываніи своемъ въ домѣ орловскаго губернатора, наконецъ, о службѣ въ горномъ департаментѣ. Вдобавокъ онъ одержимъ страстью пересыпать свои разсказы нелѣпѣйшими анекдотами, почерпнутыми, разумѣется, изъ событій собственной жизни. Прибавьте къ этому еще дурной выговоръ и плоскія выраженія и вы получите понятіе о мукахъ, которыя долженъ испытывать всякій осужденный учтивостью на слушаніе его. Сверхъ всего этого, у него еще страшное самолюбіе и упрямство ослиное. Власть его не распространяется на меня и потому между нами до сихъ поръ не бывало столкновеній. Но за послѣдніе два мѣсяца я, по случаю болѣзни правителя канцеляріи, исполнялъ его должность и по истеченіи этого срока получилъ отъ попечителя лестную благодарность за порядокъ и быстроту дѣйствій. Это показалось обиднымъ настоящему правителю, который надняхъ опять вступилъ въ отправленіе своихъ обязанностей. Онъ сталъ упрекать меня, что, за его отсутствіе, дѣла пришли въ такой безпорядокъ, что онъ не отыщетъ многихъ бумагъ. Я попросилъ его указать, какихъ именно бумагъ онъ не находитъ. Указать онъ не могъ, ибо говорилъ неправду, но, не желая еще уступить, замѣтилъ, что моя физіогномія его всегда пугаетъ и заставляетъ бояться, что я когда нибудь вдругъ возьму, да нарушу правила общежитія по отношенію къ нему. Это заставило смѣяться меня и другихъ чиновниковъ въ канцеляріи и тѣмъ дѣло и кончилось.

16. Государь императоръ повелѣлъ отправить двадцать лучшихъ студентовъ за границу для усовершенствованія ихъ познаній съ тѣмъ,

чтобы, возвратясь, они могли занять профессорскія каѳедры. По философіи и правамъ будутъ отправлены въ Берлинъ, а по естественнымъ наукамъ въ Парижъ. Попечитель, совѣтуясь со мной сегодня о томъ, кого изъ нашихъ выбрать для сей цѣли, предложилъ и мнѣ отправиться съ прочими. Къ этому есть одно препятствіе—мое незнаніе иностранныхъ языковъ, но Константинъ Матвѣевичъ обѣщался мнѣ устранить его: онъ хочетъ поѣхать къ князю А. Н. Голицыну и просить его выхлопотать на сіе разрѣшеніе государя. Онъ далъ мнѣ на размышленіе нѣсколько дней и убѣждалъ ничѣмъ не стѣсняться въ моемъ окончательномъ рѣшеніи.

Вотъ оно, и я искренно ему выскажу его. По возвращеніи изъ за границы придется четырнадцать лѣтъ служить профессоромъ по назначенію правительства. Я люблю науку и жажду познаній, но не въ качествѣ ремесленника, а главное, не могу помириться ни съ чѣмъ, что хоть сколько нибудь отзываетъ закрѣпощеніемъ себя. Раны отъ неволи еще слишкомъ свѣжи во мнѣ для того, чтобы я добровольно согласился еще разъ испытать ее на себѣ, хотя бы и въ смягченномъ и облагороженномъ видѣ. Соблазнъ усовершенствоваться въ Германіи, конечно, великъ, но я предпочитаю свободно располагать своей будущностью въ Россіи. Да и выгоды отъ поѣздки врядъ ли еще такъ существенны, какъ представляются съ перваго взгляда. Это не путешествіе. Запрутъ на два года въ Дерптѣ, на три въ Берлинѣ—вотъ и все. Но не въ этомъ дѣло, а въ вышесказанномъ. Завтра же все это выскажу попечителю, который въ отношеніи меня является настоящимъ попечителемъ моей судьбы.

19. Вышло новое постановленіе: не принимать больше на статскую службу лицъ, подлежащихъ подушному окладу. Мѣра эта можетъ имѣть важныя послѣдствія. Съ одной стороны, она поведетъ къ усиленію дворянства, а съ другой къ тому, что люди другихъ сословій, которые иногда вступали на службу, но не могли быть на ней полезны по ограниченности своихъ дарованій, будутъ теперь обращены къ дѣятельности въ своемъ собственномъ кругу, начнутъ учиться ремесламъ и т. д. Для людей же съ дарованіями всегда открыты пути къ болѣе широкой гражданской дѣятельности черезъ университеты, которые по сему постановленію сохраняютъ всѣ свои права и преимущества. Сверхъ сего Россія перестанетъ наводняться чиновниками, сими привиллегированными тунеядцами, и будетъ ихъ лишь столько, сколько нужно для отправленія общественныхъ должностей.

Такъ полагаютъ почти всѣ, съ коими я говорилъ о настоящей мѣрѣ: дай Богъ, чтобы они были правы и чтобы новое постановленіе дѣйствительно повело лишь къ благимъ результатамъ.

20. Объявилъ попечителю о своемъ рѣшеніи не ѣхать за границу. Онъ внимательно выслушалъ меня, съ минуту помолчалъ, потомъ, ласково взявъ за руку, сказалъ:

— «Дѣлайте то, что вамъ говорятъ сердце и совѣсть. Если я въ настоящемъ случаѣ и не безусловно съ вами согласенъ, то все же настолько васъ понимаю и вамъ сочувствую, что не берусь вамъ совѣтывать. Итакъ, рѣшено, вы съ нами остаетесь!»

21. Читалъ мнѣнія членовъ комитета, учрежденнаго для преобразованія учебныхъ заведеній, о проектѣ академика Паррота. Не зная самаго проекта, не могу вполнѣ судить о достоинствѣ сихъ мнѣній. Впрочемъ, изъ нихъ можно заключить, что главная мысль его слѣдующая: «Всѣ университеты въ Россіи ничтожны и безполезны въ своемъ настоящемъ видѣ. Причина сего въ томъ, что они не имѣютъ хорошихъ профессоровъ. Чтобы водворить въ Россіи просвѣщеніе, надо уничтожить сію причину, т. е. всѣхъ профессоровъ въ Россійскихъ университетахъ удалить и замѣнить ихъ новыми, болѣе достойными сего званія, но непремѣнно изъ русскихъ же. Какимъ же образомъ сдѣлать это?—Оставить только три университета: Московскій, Харьковскій и Казанскій—ибо С.-Петербургскій, по мнѣнію г-на Паррота, ничѣмъ, однако, не доказанному, совершенно безполезенъ. Изъ трехъ вышеупомянутыхъ университетовъ надо выбрать отличнѣйшихъ студентовъ, на каждую каѳедру по одному (всѣхъ каѳедръ должно быть по 32 въ каждомъ университетѣ) и отправить ихъ всѣхъ на пять лѣтъ учиться въ Дерптѣ, а потомъ на два года въ Германіи. По возвращеніи ихъ, отставить всѣхъ старыхъ профессоровъ и замѣнить ихъ сими, вновь образованными.

Сперанскій и Строгоновъ противъ сего проекта. За него съ разными исключеніями и дополненіями: Ламбертъ, Блудовъ, Крузенштернъ и Шторхъ.

Послѣдніе, очевидно, стремятся сразу на цѣлый вѣкъ подвинуть въ Россіи ходъ просвѣщенія; первые же хотятъ на настоящемъ порядкѣ вещей основать постепенное приближеніе ея къ оному.

Парротъ несомнѣнно правъ въ томъ, что у насъ мало хорошихъ профессоровъ, частью по причинѣ равнодушія къ наукѣ, какъ говоритъ Шторхъ, а болѣе потому, что ихъ самихъ худо учили.

23. День рожденія жены нашего попечителя Бороздина. Послѣ обѣда я съ его семьей поѣхалъ на вечеръ къ его сестрамъ. Тамъ былъ генералъ Полѣновъ съ своимъ многочисленнымъ семействомъ, которое можетъ служить образцомъ согласія и добродушія. Удивительнѣе всего, что здѣсь мачиха является провидѣніемъ не только своихъ собственныхъ дѣтей, но и дѣтей своей предшественницы. Нѣж-

ность ея къ послѣднимъ такъ же велика и трогательна, какъ и къ первымъ. Вообще сердце этой женщины исполнено той плѣнительной доброты, которая приближаетъ особъ ея пола къ идеалу. Падчерицы или, лучше сказать, дочери ея сердца не отличаются яркой красотой, но въ нихъ есть что-то трогательное и милое, что, пробиваясь сквозь черты лица ихъ, сообщаетъ имъ выразительность и прелесть, заставляющія забывать объ отсутствіи положительной красоты.

Вечеръ въ обществѣ добрыхъ, умныхъ людей прошелъ быстро и пріятно. Часть его я провелъ за бостономъ съ генераломъ Полѣновымъ, съ нашимъ профессоромъ Сенковскимъ и съ братомъ попечителя.

Сенковскій весьма замѣчательный человѣкъ. Немного людей, одаренныхъ умомъ столь мѣткимъ и острымъ. Онъ необыкновенно быстро и вѣрно подмѣчаетъ въ вещахъ ту сторону, съ которой надо судить о нихъ въ примѣненіи къ разнымъ обстоятельствамъ и отношеніямъ. Но характеръ портитъ все, что есть замѣчательнаго въ умѣ его. Послѣдній у него подобенъ острію оружія въ рукахъ дикихъ азіятскихъ племенъ, съ которыми онъ сблизился во время своего путешествія по Азіи. Нельзя сказать, чтобы онъ былъ совсѣмъ дурной человѣкъ, но подобно инымъ животнымъ, неукротимымъ по самой природѣ своей, онъ точно рожденъ для того, чтобъ на все и на всѣхъ нападать — и это не съ цѣлью причинить зло, а просто чтобы, такъ сказать, выполнить предназначеніе своего ума, чтобы удовлетворить непреодолимому какому-то влеченію. Естественно, онъ не любимъ, на что самъ, однако, смотритъ безъ негодованія, какъ бы увѣренный, что между людьми нѣтъ другихъ отношеній, кромѣ безпрестанной борьбы, и онъ съ своей стороны воюетъ съ ними не за добычу, а какъ бы отправляя какую-то обязанность или ремесло. Въ обращеніи онъ жестокъ и грубоватъ, но говоритъ остроумно, хотя и рѣзко. Нельзя сказать, чтобы разговоръ его былъ пріятенъ, но онъ любопытенъ и увлекателенъ.

А. В. Никитенко.

Сообщ. С. А. Никитенко.

(Продолженіе слѣдуетъ).

НИКОЛАЙ ОНУФРІЕВИЧЪ СУХОЗАНЕТЪ

1860—1861.

Въ февральской книгѣ «Русской Старины» изд. 1889 г. (томъ LXI, стр. 355—369) помѣщена статья, подъ заглавіемъ: «Дѣтская пушка Людовика XVI въ Виленскомъ музеѣ древностей», изъ воспоминаній Теобальда. Въ статьѣ этой неизвѣстный авторъ, весьма энергически порицая дѣйствія бывшаго военнаго министра Николая Онуфріевича Сухозанета, сообщаетъ подробности производившагося въ 1860-мъ году военно-суднаго дѣла о бывшемъ командирѣ Динабургской крѣпостной артилеріи полковникѣ Ламанскомъ и артилерійскомъ чиновникѣ Соловьевѣ, судившихся по обвиненію въ растратѣ хранившагося въ Динабургскомъ арсеналѣ оружія, отобраннаго отъ нѣкоторыхъ жителей сѣверо-западнаго края. Въ статьѣ этой, между прочимъ, объясняется:

1) что изъ числа оружія, хранившагося въ Динабургскомъ арсеналѣ, генералъ-адъютантъ Сухозанетъ, подъ вліяніемъ родственныхъ отношеній къ графу Коссаковскому, приказалъ возвратить Коссаковскому отобранное отъ него оружіе;

2) что все оружіе, бывшее въ арсеналѣ, состояло изъ вещей никуда негодныхъ, обращенныхъ въ ломъ или на топливо, и что ни Ламанскій, ни Соловьевъ, завѣдывавшіе складомъ оружія, ничѣмъ изъ этого оружія не воспользовались, и если уступили разнымъ лицамъ нѣкоторыя вещи, не имѣвшія никакой цѣны, то безъ вознагражденія, при чемъ и ему подарена была маленькая дѣтская пушка, которую онъ, исправивъ, на свой счетъ, хранилъ на письменномъ столѣ, въ видѣ украшенія,

и 3) что Ламанскій и Соловьевъ присуждены были военнымъ судомъ къ незначительному наказанію, но въ Петербургѣ, по настоянію генералъ-адъютанта Сухозанета, имъ было усилено наказаніе и

оба они присуждены къ разжалованію въ рядовые—Ламанскій съ выслугою, а Соловьевъ безъ выслуги. Приговоръ этотъ приведенъ въ исполненіе.

Въ 1860 году я служилъ генералъ-аудиторомъ военнаго министерства и дѣло о Ламанскомъ и Соловьевѣ разсматривалось при непосредственномъ моемъ участіи. Хотя подробности этого дѣла изгладились изъ моей памяти, тѣмъ не менѣе, я былъ убѣжденъ, что воспоминанія г. Теобальда далеко не соотвѣтствуютъ истинѣ, и чтобы удостовѣриться въ этомъ, испросилъ разрѣшеніе начальства военносуднаго вѣдомства ознакомиться съ подлиннымъ дѣломъ, хранящимся въ архивѣ бывшаго аудиторіатскаго департамента.

По разсмотрѣніи этого дѣла оказалось:

1) Бывшій генералъ французской службы графъ Коссаковскій обратился къ генералъ-губернатору сѣверо-западнаго края генералъ-адъютанту Назимову, прося исходатайствовать соизволеніе на передачу отобраннаго отъ него и хранящагося въ Динабургскомъ арсеналѣ драгоцѣннаго оружія въ Виленскій музей. Такимъ образомъ иниціатива въ этомъ дѣлѣ принадлежала не генералъ-адъютанту Сухозанету, о родственныхъ отношеніяхъ котораго къ графу Коссаковскому я никогда не слыхалъ, но генералъ-адъютанту Назимову.

2) Когда по донесенію мѣстнаго начальства обнаружилось, что все оружіе, отобранное отъ жителей сѣверо-западнаго края, по совершенной будто бы негодности его, обращено въ ломъ, то военное министерство, безъ сомнѣнія, обязано было удостовѣриться въ справедливости этого показанія. Посланный съ этою цѣлью чиновникъ командированъ былъ по моему распоряженію и обнаружилъ, что чиновникъ Соловьевъ систематически торговалъ оружіемъ, хранившимся въ арсеналѣ, продавая его какъ мѣстнымъ жителямъ, такъ и офицерамъ квартировавшаго въ Динабургѣ тверскаго ополченія. Торговля эта производилась настолько гласно, что бывали дни, когда нижніе чины арсенала, по порученію Соловьева, выносили оружіе для продажи на рынокъ. Всѣ эти обстоятельства вполнѣ подтвердились произведеннымъ слѣдствіемъ, причемъ самъ Соловьевъ чистосердечно сознался въ своихъ преступленіяхъ. Гораздо затруднительнѣе было разъискать самыя вещи, купленныя разными лицами и въ разное время. Тѣмъ не менѣе, по произведеннымъ розыскамъ въ Динабургѣ и его окрестностяхъ, а также въ Тверской губерніи, удалось отыскать нѣсколько десятковъ вещей стариннаго и цѣннаго по артистической отдѣлкѣ оружія, изъ числа растраченнаго Соловьевымъ.

3) Комиссія военнаго суда приговорила Ламанскаго и Соловьева къ разжалованію въ рядовые съ лишеніемъ всѣхъ правъ состоянія.

Генералъ-аудиторіатъ, разсмотрѣвъ это дѣло, признавая Соловьева виновнымъ въ умышленной, изъ корыстныхъ видовъ, растратѣ ввѣреннаго его храненію имущества, приговорилъ его къ разжалованію въ рядовые, съ лишеніемъ правъ состоянія, а полковника Ламанскаго, какъ неизобличеннаго въ корыстныхъ видахъ, а виновнаго лишь въ преступномъ бездѣйствіи власти, присудилъ къ отставленію отъ службы.

Бывшій военный министръ генералъ-адъютантъ Сухозанетъ, представляя это рѣшеніе на высочайшую конфирмацію, испросилъ всемилостивѣйшее соизволеніе въ Бозѣ почившаго государя императора на ограниченіе Ламанскому наказанія увольненіемъ его отъ службы безъ прошенія (19-го мая 1860 г.), а въ сентябрѣ 1861 года и Соловьевъ, во вниманіе къ преклонности лѣтъ, съ высочайшаго соизволенія былъ уволенъ отъ службы.

Изъ всего этого видно, что участіе генералъ-адъютанта Сухозанета въ этомъ дѣлѣ выразилось исключительно въ ходатайствѣ предъ высочайшею властью о смягченіи участи подсудимыхъ.

Въ заключеніе замѣчу, что г. Теобальдъ въ разсказѣ своемъ рѣзко отозвался о личности покойнаго Николая Онуфріевича Сухозанета. Если по преклонности лѣтъ и слабости здоровья онъ не могъ выказывать той кипучей дѣятельности, которою ознаменовалось управленіе военнымъ министерствомъ высокодаровитымъ его преемникомъ — Д. А. Милютинымъ, то и въ непродолжительное пребываніе Сухозанета въ должности военнаго министра онъ успѣлъ оставить по себѣ память уничтоженіемъ военныхъ поселеній и упраздненіемъ кантонистовъ. Въ отношеніяхъ своихъ къ подчиненнымъ Н. О. Сухозанетъ отличался рѣдкою привѣтливостью и благодушіемъ. Послѣдняя черта его характера была мнѣ въ особенности извѣстна, такъ какъ мнѣ, по должности генералъ-аудитора, съ трудомъ удавалось удерживать его отъ порывовъ иногда излишней снисходительности при разсмотрѣніи военно-судныхъ дѣлъ.

Вл. Д. Философовъ.

НИКОЛАЙ ПЛАТОНОВИЧЪ ОГАРЕВЪ.

XXXVI [1]).

Осеннее чувство.

Ты пришло уже, небо туманное,
Ты разсыпалось мелкимъ дождемъ,
Ты повѣяло холодомъ, сыростью
Въ опечаленномъ краѣ моемъ.

Улетѣли куда-то всѣ пташечки;
Лишь ворона на голомъ суку
Сидя жалобно каркаетъ, каркаетъ
И наводитъ на сердце тоску.

Какъ-же сердцу-то грустно и холодно,
Какъ-же сжалось, бѣдняжка, въ груди!
А ему бы все въ даль, словно ласточкѣ,
Въ теплый край бы хотѣлось идти...

Не бывать тебѣ, сердце печальное,
Въ этихъ свѣтлыхъ и теплыхъ краяхъ,
Тебя сгубятъ подъ сѣрыми тучами
И схоронятъ въ холодныхъ снѣгахъ.

Н. П. Огаревъ.

Чертково. Августъ 1839 г.

Поправки.

Въ стихотв. Н. П. Огарева: «Тучкову», напечатанное въ март. книгѣ «Русск. Стар.» изд. 1889 г., стр. 644, вкрались опечатки:

	Напечатано:	Слѣд. читать:
строка 1-я сверху	Я не знаю	Я знаю
» 9 »	И знаемъ	И знаешь
» 2 снизу	горнаго	горняго

---

[1]) См. «Русскую Старину» изд. 1888 г., томъ LX, стр. 469—490, 601—616, изд. 1889 г., т. LXI, стр. 336, 352, 354, 430, 556 и 644.

БОЛГАРСКОЕ ОПОЛЧЕНІЕ И ЕГО СФОРМИРОВАНІЕ

въ 1875—1879 гг.

Замѣтки и воспоминанія.

Въ іюльской книгѣ „Русской Старины" изд. 1888 г. (томъ LIX, стр. 179—212) напечатано сообщеніе Д. Г. Анучина подъ заглавіемъ: „Князь Владиміръ Александровичъ Черкаскій, какъ устроитель Болгаріи", вызванное помѣщенными въ нѣсколькихъ книгахъ того же журнала за тотъ же годъ интересными очерками и замѣтками князя В. Д. Дабижа, подъ заглавіемъ: "Санъ-Стефанои Константинополь въ февралѣ 1878 года".

Такъ какъ въ сообщеніи Д. Г. Анучина переданы ошибочно нѣкоторые факты, въ особенности такой выдающійся фактъ, какъ Болгарское ополченіе, то я, какъ близко стоявшій къ болгарскому дѣлу, считаю прямымъ своимъ долгомъ, для возстановленія исторической истины, передать кое-что изъ моихъ замѣтокъ о тѣхъ же событіяхъ, о которыхъ писалъ Д. Г. Анучинъ.

Изложеніе свое, которое я начну нѣсколько съ болѣе отдаленнаго періода, считаю нужнымъ раздѣлить на нѣсколько небольшихъ главъ, въ которыя войдутъ: 1) пріѣздъ въ Кишиневъ М. Г. Черняева, поѣздка моя въ Сербію и вынесенныя оттуда впечатлѣнія, болгарскіе добровольцы въ Кладовѣ и дальнѣйшая ихъ роль въ Сербіи, во время Сербско-Турецкой войны 1876 года; открытіе въ Букарестѣ комитета для сбора пожертвованій на дѣло болгарское; 2) вербовка добровольцевъ въ Россіи и

отправленіе ихъ партіями въ Сербію, а также обратное ихъ возвращеніе въ Россію; 3) пребываніе въ Кишиневѣ болгарскихъ добровольцевъ и затѣмъ сформированіе изъ нихъ трехъ болгарскихъ кадровыхъ баталіоновъ въ Кишиневѣ и выступленіе ихъ въ Румынію — въ Плоэшты; 4) формированіе въ Плоэштахъ болгаръ въ ополченіе и выступленіе изъ Плоэштъ болгарскихъ дружинъ.

И. С. Ивановъ.

I.

Всѣмъ интересовавшимся сколько нибудь судьбою балканскихъ славянскихъ племенъ и, въ особенности, знакомымъ съ нею, безъ сомнѣнія, слишкомъ еще памятно то знаменательное въ исторіи Россіи и другихъ славянъ время въ 1875—1876 годахъ, когда вся Россія, безъ различія національностей, объята была мыслью и заботою какъ можно лучше обставить Боснію и Герцеговину, а затѣмъ и Сербію, для успѣшной борьбы ихъ съ Турціею. Душою движенія въ Россіи въ пользу Сербіи сталъ, въ половинѣ 1876 года, какъ извѣстно, выдававшійся военный авторитетъ М. Г. Черняевъ.

Въ виду предшествовавшаго сербско-турецкой войнѣ движенія въ Босніи и Герцеговинѣ, гдѣ фигурировалъ извѣстный въ то время Веселитскій-Божедаровъ, и въ южной Болгаріи, гдѣ результатомъ возгорѣвшагося тамъ недостаточно подготовленнаго движенія было поголовное истребленіе болгаръ турками въ Батакѣ, Перущицѣ, Панагюрищѣ и др., М. Г. Черняевъ задумалъ и рѣшилъ начать другое движеніе противъ турокъ, именно со стороны болѣе солидно вооруженной Сербіи, заручившись, безъ сомнѣнія, заранѣе содѣйствіемъ могущественнаго въ то время московскаго славянскаго комитета, въ лицѣ высокоавторитетнаго И. С. Аксакова. Получивъ въ Москвѣ паспортъ на выѣздъ за границу, М. Г. Черняевъ пріѣхалъ ко мнѣ въ Кишиневъ, подъ фамиліею Михайлова, съ письмомъ ко мнѣ отъ И. С. Аксакова, съ которымъ въ то время личнаго знакомства я еще не имѣлъ. Изъ Кишинева М. Г. Черняевъ направился на Кубей, гдѣ въ то время была таможня, снабженный мною письмами къ разнымъ лицамъ въ Болградѣ, Галацѣ, Букарестѣ и въ Бѣлградѣ; тамъ въ то время занимали высокое положеніе мои знакомые сербы, бывшіе мои товарищи по образованію въ Кіевѣ. По пріѣздѣ въ Бѣлградъ, М. Г. Черняевъ успѣлъ въ скоромъ времени поставить дѣло

такъ, что немедленно долженъ былъ отправиться въ Алексенацъ, откуда онъ писалъ мнѣ, указывая на географическое положеніе этого города. Въ скорости послѣ этого пріѣхалъ ко мнѣ въ Кишиневъ Н. А. Кирѣевъ изъ Варшавы, куда онъ ѣздилъ для свиданія съ Веселитскимъ-Божедаровымъ, чтобы передать ему значительную сумму денегъ на дѣло герцеговинцевъ и босняковъ. Здѣсь мы рѣшили отправиться въ Сербію, что и исполнили немедленно.

Въ Букарестѣ, куда мы прибыли 15-го мая 1876 г., шла въ то время большая разладица между старою и молодою болгарскими партіями собственно по политической цѣли о Болгаріи. Во главѣ старой партіи стояли самые солидные по своему положенію и матеріальнымъ средствамъ болгары, въ лицѣ болгарскаго митрополита Панарета Рашева, Евлогія Георгіева, докторовъ Протича и Атанасовича, Колони и другихъ,—между тѣмъ какъ молодую партію представляли молодые болгары, не имѣвшіе ровно никакого положенія, безъ всякихъ матеріальныхъ средствъ, но съ полною готовностью принести себя въ жертву для освобожденія Болгаріи отъ турецкаго господства—то были Киріякъ Цанковъ, служившій въ то время писцомъ въ конторѣ Евлогія Георгіева по акцизу, Олимпій Пановъ, только что пріѣхавшій изъ Парижа, гдѣ онъ воспитывался въ качествѣ стипендіата отъ Болграда, Святозаръ Мыларовъ, Пѣевъ и другіе [1]). Обѣ партіи сознавали необходимость образованія въ Букарестѣ комитета для сбора пожертвованій и оказанія матеріальнаго пособія несчастнымъ жертвамъ с. Батака, Перущицы и другихъ мѣстъ въ Болгаріи, но старая партія, т. е. такъ называемые болгарскіе нотабили, какъ они тогда величали себя, стояли за учрежденіе не комитета, а человѣколюбиваго общества [2]), безъ всякой политической цѣли, между тѣмъ какъ молодая партія не скрывала своей политической цѣли и открыла революціонный комитетъ, къ которому сочувственно относились тогдашніе передовые румыны. Между тѣмъ мы съ Кирѣевымъ отправились въ Турнъ-Северинъ, гдѣ узнали, что въ Кладовѣ, сербскомъ городкѣ, находящемся на правомъ берегу Дуная, стеклось много болгаръ, готовящихся составить

---

[1]) Въ Букарестѣ въ то время находился г. Іонинъ, братъ бывшаго въ Цетинѣ генеральнаго нашего консула, и энергически поддерживалъ молодую болгарскую партію въ начатомъ ею дѣлѣ.

[2]) На букарестскихъ болгарскихъ нотаблей, а на самомъ дѣлѣ только крѣпко богатыхъ купцовъ, одно названіе «Комитетъ» наводило ужасъ. Они даже не вѣрили въ хорошій исходъ послѣдней русско-турецкой войны 1877—1878 гг. Поэтому и тогда они уклонялись отъ всего, какъ это дальше мы увидимъ. И. С. И.

четы и отправиться противъ турокъ, на помощь изнемогавшимъ своимъ братьямъ. Дѣйствительно, тамъ оказалось до 600 болгаръ, во главѣ съ воеводами—Панаіота Хитова Желя, Филиппа Тотьева, Цока и другихъ. Всѣ они помѣщались тамъ въ зданіяхъ существовавшей когда-то въ Кладовѣ турецкой крѣпости, ждали полученія старыхъ бельгійскихъ ружей, высланныхъ два года тому назадъ изъ Россіи, но почему-то не выдававшихся имъ сербскимъ правительствомъ. Я обѣщалъ имъ, однако, похлопотать въ Бѣлградѣ по этому предмету и засимъ мы отправились на другой день въ Бѣлградъ и прибыли туда передъ вечеромъ, въ проливной дождь. Пока въ таможнѣ разсматривали наши вещи, я сталъ высматривать экипажъ, чтобы добраться въ городъ, но тамъ оказался только одинъ экипажъ. Въ это самое время, когда я озабоченъ былъ мыслью о средствахъ добраться въ городъ, ко мнѣ подходитъ молодой человѣкъ и спрашиваетъ меня—не знаю ли я имѣвшихъ пріѣхать въ Бѣлградъ съ этимъ пароходомъ Иванова и Кирѣева, на что я отвѣтилъ ему, что я Ивановъ, указывая ему въ то-же время и на Кирѣева, стоявшаго возлѣ меня. «Очень пріятно мнѣ познакомиться съ вами, господа, сказалъ по сербски молодой человѣкъ», обращаясь къ намъ, «я посланъ отъ ея свѣтлости княгини Наталіи предложить вамъ экипажъ, чтобы вы въ немъ поѣхали въ городъ». Мы усумнились, однако, въ этомъ, думая, нѣтъ ли тутъ какого либо недоразумѣнія; но молодой человѣкъ Николичъ, какъ онъ назвалъ себя, увѣрилъ насъ, что за нами, а не за кѣмъ либо другимъ, присланъ этотъ экипажъ, поэтому мы усѣлись въ тотъ экипажъ и поѣхали въ гостинницу. Оказалось, что о времени выѣзда нашего изъ Букареста телеграфировалъ въ Бѣлградъ, въ министерство иностранныхъ дѣлъ, сербскій консулъ въ Букарестѣ Петроновичъ, у котораго мы были тамъ и объяснили ему свою цѣль. На другой день явился къ намъ тотъ же Николичъ и передалъ мнѣ, что княгиня Наталія проситъ насъ къ себѣ въ тотъ же день, въ 11 часовъ утра. Но считая не совсѣмъ удобнымъ представляться ихъ свѣтлостямъ, не бывши еще у нашего русскаго генеральнаго консула, какимъ тогда былъ г. Карцевъ, мы отвѣтили, что въ этотъ день мы лишены всякой возможности имѣть честь представиться ихъ свѣтлостямъ, такъ какъ наши визитные туалеты не въ порядкѣ. Затѣмъ мы отправились къ г. Карцеву и сказали ему о сдѣланномъ намъ приглашеніи, но онъ намъ предложилъ свои услуги того же дня спросить князя Милана, когда будетъ ему угодно принять насъ. Пока мы еще оставались у г. Карцева, онъ успѣлъ съѣздить въ княжескій дворецъ и дать намъ знать о томъ, что князь Миланъ приметъ насъ на другой день въ 11 часовъ утра. Дѣйстви-

тельно, на другой день, къ удивленію нашему, за нами присланъ былъ дворцовый экипажъ, въ коемъ мы и отправились во дворецъ. Тамъ, въ салонѣ, мы были прелюбезно приняты княземъ Миланомъ и княгинею Наталіею. Намъ они подали руки и предложили сѣсть и тотчасъ намъ было подано, по восточному обычаю, вареніе и затѣмъ турецкое кофе въ турецкихъ чашечкахъ, съ золотыми футлярами. Разговоръ нашъ былъ политическаго свойства. На вопросъ, предложенный Н. А. Кирѣевымъ, почему Сербія такъ медлитъ съ началомъ войны противъ Турціи, князь Миланъ указалъ на затрудненія, противъ которыхъ ему не по силамъ будетъ бороться, въ случаѣ его войны съ Турціею, именно на затрудненія со стороны Австріи, тѣмъ болѣе, что онъ не можетъ разсчитывать на солидную помощь съ чьей либо стороны.

— «Тѣмъ не менѣе, сказалъ князь, я исполню свой долгъ; по дорогѣ къ Алексенацу вы будете встрѣчать массу моихъ войскъ, отправляющихся къ границѣ турецкой» [1]).

Отправясь въ тотъ же день въ Алексенацъ къ М. Г. Черняеву, мы, дѣйствительно, встрѣчали по дорогѣ къ турецкой границѣ цѣлыя колонны войскъ.

Въ Алексенацѣ, въ помѣщеніи М. Г. Черняева, мы провели цѣлыя двѣ недѣли, въ ожиданіи войны съ Турціею, объявленіе которой то назначалось, то отмѣнялось.

Въ это самое время шла переписка по вопросу о разрѣшеніи М. Г. Черняеву нашимъ правительствомъ вступить въ сербскую службу. Съ этою цѣлью, въ маѣ мѣсяцѣ 1876 г., дипломатическій агентъ нашъ при бѣлградскомъ дворѣ г. Карцевъ ѣздилъ въ Эмсъ къ князю А. М. Горчакову, гдѣ онъ въ то время находился съ императоромъ Александромъ Николаевичемъ; но возвратясь оттуда, онъ объявилъ, что Государь Императоръ ни подъ какимъ предлогомъ не разрѣшаетъ Черняеву ни воевать, ни тѣмъ болѣе вступать въ сербское подданство и на сербскую службу. Между тѣмъ въ это время генералъ Черняевъ уже стоялъ на турецкой границѣ, въ качествѣ начальника центра сербскихъ войскъ, гдѣ подъ его командою состояло слишкомъ

---

[1]) Тѣмъ не менѣе однако, болгарамъ, сгруппировавшимся въ Кладовѣ, съ цѣлью пробраться въ Болгарію и произвести тамъ возстаніе, не только что было отказано въ выдачѣ оружія, но даже противъ перехода ихъ въ Болгарію были приняты мѣры со стороны сербскаго правительства. Въ этомъ смыслѣ открыто высказывался бывшій тогда сербскій военный министръ полковникъ Николичъ, съ которымъ я лично объяснялся и убѣждалъ его въ необходимости пустить болгарскій отрядъ противъ турокъ. **И. С. И.**

40,000 человѣкъ [1]). Не зная еще съ какими войсками придется идти противъ турокъ, такъ какъ во все время пребыванія главной квартиры центра въ Алексенацѣ никто ни разу ни одного ученія не сдѣлалъ имъ, генералъ Черняевъ, однако, увѣрялъ, что до Софіи онъ считаетъ всего три перехода, съ чѣмъ не могли согласиться даже и не военные люди, знакомые болѣе или менѣе съ положеніемъ тѣхъ мѣстъ, черезъ которыя приходится идти на Софію. Я, между тѣмъ, за нѣсколько дней до перехода генераломъ Черняевымъ турецкой границы [2]), по его порученію, отправился въ Зайчаръ для сформированія изъ стоявшихъ тамъ болгаръ-добровольцевъ четъ или отрядовъ и назначенія имъ воеводъ, съ тѣмъ, чтобы они двинулись затѣмъ по указанію. Въ Зайчарахъ я встрѣтился съ г. Живковымъ [3]), нынѣшнимъ министромъ народнаго просвѣщенія, который вручилъ мнѣ письмо отъ М. Г. Черняева, спрашивавшаго меня, извѣстенъ-ли мнѣ Живковъ и съ какой стороны, такъ какъ онъ имѣетъ въ виду оставить его при себѣ въ качествѣ переводчика; я отвѣтилъ Михаилу Григорьевичу, что Живковъ мнѣ извѣстенъ какъ болгаринъ-патріотъ, и что онъ можетъ быть ему полезенъ не только какъ переводчикъ, но и какъ человѣкъ, знающій хорошо Болгарію и имѣющій съ передовыми болгарами связи.

Пока я еще формировалъ болгарскія дружины въ Зайчарахъ, пришло ко мнѣ другое письмо отъ генерала Черняева, съ извѣщеніемъ, что онъ переходитъ уже въ предѣлы Турціи и что война объявлена, съ тѣмъ, чтобы я поспѣшилъ къ Бабиной Главѣ съ болгарскими дружинами; но надъ ними команду принялъ Н. А Кирѣевъ и повелъ ихъ въ Болгарію, перейдя границу у Великаго Извора, съ намѣреніемъ пробраться на Бабину Главу. Много идеальныхъ плановъ было у этого прекраснаго человѣка, который по дорогѣ нашей изъ Кишинева до Бѣлграда то и дѣло что распредѣлялъ Турцію между сербами и болгарами и, видимо, желалъ заранѣе согла-

---

[1]) 100,000 сербскихъ войскъ, въ началѣ еще войны съ турками, распредѣлялись слѣдующимъ образомъ: на р. Доинѣ, подъ начальствомъ генерала Алимпича, 20,000; близъ Старой Сербіи, подъ начальствомъ генерала Заха, 20,000; въ долинѣ Бол. Моравы, подъ начальствомъ генерала Черняева, 40,000 и на р. Тимокѣ, подъ командою полковника Лешанина—20,000.

[2]) Война съ Турціею въ 1876 г., какъ и съ болгарами въ 1885 г., была объявлена послѣ вторженія сербскихъ войскъ въ предѣлы Болгаріи.

[3]) Живковъ пріѣхалъ въ то время въ Сербію съ цѣлью найти средства для новаго возстанія въ Болгаріи, но онъ не нашелъ ихъ у сербовъ.

И. С. И.

шенія между ними, какъ будто бы онъ и тогда еще предвидѣлъ предстоявшее столкновеніе между этими двумя братскими племенами; поразившая его на турецкой территоріи, недалеко отъ Великаго Извора, роковая турецкая пуля положила конецъ его мечтаніямъ.

Какъ теперь я помню энергическую рѣчь Н. А. Кирѣева у него въ квартирѣ въ Петербургѣ, въ декабрѣ 1875 года, въ присутствіи комиссіи по извѣстному сбору въ пользу герцеговинцевъ или, иначе сказать, на дѣло ихъ,—рѣчь, въ которой онъ доказывалъ необходимость дать и болгарамъ возможность начать у себя освободительное дѣло, вслѣдствіе чего рѣшено было негласно удѣлить часть денегъ и на болгарское дѣло изъ назначенной было суммы къ выдачѣ Веселитскому-Божедарову, но съ тѣмъ, чтобы эта сумма показывалась выданной на герцеговинское дѣло. Но, однако, это рѣшеніе не получило осуществленія, т. е. денегъ на болгарское дѣло не было выдано [1]... Засимъ, по передачѣ болгарскихъ дружинъ Кирѣеву, я направился чрезъ Княжавацъ къ Бабиной Главѣ. Здѣсь я засталъ М. Г. Черняева, который простоялъ еще тамъ, т. е. подъ Бабиною Главою, довольно продолжительное время. Наступать дальше къ Акъ-Паланкѣ, а тѣмъ болѣе къ Пироту, онъ уже не рѣшался, боясь возможнаго пораженія, стоявшаго на р. Тимокѣ съ 20,000 войскъ противъ турецкой дивизіи Османа-паши, полковника Лешанина. Между тѣмъ въ это время противъ Черняева проявились въ средѣ сербовъ неудовольствія, по крайней мѣрѣ, полковникъ русской службы, родомъ сербъ, Деспотовичъ, не стѣснялся высказывать гласно свое неодобреніе, даже въ очень рѣзкой формѣ. По поводу обнаруженныхъ интригъ противъ себя генералъ Черняевъ рѣшился, 25-го іюня 1876 г., отправиться изъ Бабиной Главы къ пріѣхавшему въ Алексенацъ князю Милану, съ заявленіемъ, что онъ останется въ сербскихъ войскахъ лишь при условіи, чтобы ему была подчинена вся сербская армія, на что князь согласился, и такимъ образомъ генералъ Черняевъ поѣхалъ обратно на Бабину Главу, въ качествѣ уже главнокомандующаго всѣми сербскими вооруженными силами. Но это уполномочіе не удержало его, однако, на Бабиной Главѣ, потому что 28-го іюня онъ уже началъ отступленіе къ сербскимъ границамъ и къ Княжевицу. Многіе не могутъ объяснить себѣ причинъ такого бездѣйствія генерала Черняева подъ Бабиною Главою и затѣмъ

---

[1]) Въ то время существовало мнѣніе, что болгары не обладаютъ воинственными качествами, поэтому считали безполезными и всякія средства, какія-бы ни были даны имъ на это дѣло. И. С. И.

послѣдовавшаго его отступленія; другіе, однако, ставятъ все это въ зависимость отъ сомнительнаго положенія дѣлъ на р. Тимокѣ и отъ несостоявшагося возстанія болгаръ, на что будто бы генералъ Черняевъ, главнымъ образомъ, разсчитывалъ. Послѣднее мнѣніе ошибочно, потому что генералъ Черняевъ никакъ не могъ разсчитывать на болгаръ, во 1-хъ, потому, что въ южной части Болгаріи, гдѣ было поднято знамя возстанія, они были задавлены совершенною рѣзнею въ Батакѣ, Перущицѣ и др. задолго до начатія войны генерала Черняева съ турками и, во 2-хъ, потому, что никто положительно не явился болгарамъ на помощь для того, чтобы можно было затѣмъ разсчитывать на нихъ, а напротивъ, сербское правительство силою задерживало въ Кладовѣ сгрупировавшихся тамъ до 600 болгаръ, съ ихъ воеводами, намѣревавшихся пробраться въ Болгарію на помощь своимъ изнемогавшимъ братьямъ.

Не надо было быть военнымъ человѣкомъ, чтобы понять, что успѣхъ сербскаго оружія, главнымъ образомъ, зависѣлъ отъ отвлеченія турецкихъ силъ, а этого можно было легко достигнуть произведеніемъ возстанія въ Тырновѣ или гдѣ либо въ центрѣ Болгаріи, но дѣло въ томъ, что на это никто не обращалъ вниманія, а это потому, что сербовъ въ то время считали слишкомъ храбрыми, а турокъ слишкомъ ничтожными; что касается болгаръ, то ихъ совсѣмъ не имѣли въ разсчетѣ [1]).

25 іюня 1876 г. я и Кирѣевъ поѣхали, въ сопровожденіи генерала Черняева, въ Алексенацъ и вмѣстѣ съ нимъ представились тамъ князю Милану и затѣмъ были приглашены къ княжескому обѣду. На другой день, т. е. 26 іюня, я, попрощавшись съ генераломъ Черняевымъ и съ Кирѣевымъ, отправился въ Бѣлградъ, а Кирѣевъ, хотя я и приглашалъ его ѣхать вмѣстѣ обратно, пожелалъ еще разъ побывать съ дружинами въ Турціи, гдѣ, какъ я уже извѣщенъ былъ въ Букарестѣ, спустя нѣсколько дней, онъ, къ глубокому сожалѣнію, сложилъ свою голову. Въ Бѣлградѣ я пробовалъ устроить болгарскій комитетъ, который бы принималъ пожертвованія въ пользу болгаръ и поддерживалъ бы болгарскихъ добровольцевъ; но моя попытка не удалась, такъ какъ тогдашнее сербское правительство не отнеслось сочувственно къ этому. Затѣмъ черезъ Букарестъ я поѣ-

---

[1]) Благодаря такому убѣжденію въ негодности болгаръ, какъ военнаго матеріала, въ военномъ совѣтѣ, бывшемъ у начальника полеваго штаба въ Плоэштахъ во время пребыванія тамъ главной квартиры, было рѣшено, чтобы не пускать въ дѣло болгарскихъ дружинъ, а оставлять ихъ въ занятыхъ городахъ для исполненія внутренней службы, хотя генералъ Столѣтовъ весьма энергически стоялъ за допущеніе ихъ въ бояхъ. **И. С. И.**

халъ въ Кишиневъ, вполнѣ убѣдившись, что генералъ Черняевъ кончитъ весьма печально.

II.

Спустя нѣсколько дней послѣ моего пріѣзда въ Кишиневъ, я получилъ письмо отъ М. Г. Черняева «о присылкѣ въ Сербію, какъ можно скорѣе и побольше, добровольцевъ, потому что дѣло идетъ плохо»... Какъ извѣстно, нужно было одного только воззванія М. Г. Черняева, чтобы въ Россіи стали за славянъ. Такъ оно и вышло. Отправленіе добровольцевъ партіями началось чуть-ли не со всѣхъ концовъ Россіи. Москва, съ И. С. Аксаковымъ во главѣ, стала душою движенія въ Сербію. Черезъ мои руки въ Кишиневѣ, гдѣ я волею неволею долженъ былъ взять на себя это дѣло, поглощавшее у меня все время отъ ранняго утра до поздней ночи, прошло присланныхъ ко мнѣ изъ разныхъ мѣстъ, преимущественно же изъ Москвы и мною въ Бессарабіи сформированныхъ, до пяти тысячъ добровольцевъ, въ числѣ которыхъ можно было насчитать однихъ болгаръ до 1,500 человѣкъ. Кромѣ весьма солидной суммы денегъ, присланныхъ также ко мнѣ изъ разныхъ мѣстъ Россіи на партіи добровольцевъ, была отправлена въ Сербію масса тюковъ съ разными вещами, съѣстными припасами, а также и съ разнаго рода оружіемъ. Это движеніе въ Сербію, въ іюлѣ и въ августѣ 1876 г., представляло замѣчательное явленіе. Въ числѣ русскихъ добровольцевъ попадались весьма интеллигентныя дѣвицы, отправлявшіяся въ Сербію, чтобы служить великому дѣлу возрожденія славянъ, въ качествѣ сестеръ милосердія; было множество юношей-студентовъ, слѣдовавшихъ туда-же съ цѣлью поступить въ ряды солдатъ и драться съ турками, ради свободы братьевъ-славянъ; туда-же шли съ воодушевленіемъ весьма интеллигентные и выдающіеся по своимъ боевымъ качествамъ офицеры, словомъ, Россія готова была, такъ сказать, душу свою вынуть и дать ее на помощь возставшимъ за свою свободу сербамъ. Вся эта масса людей изъ оставшихся въ живыхъ потянула обратно въ Россію, по окончаніи несчастной войны сербовъ съ турками, черезъ Кишиневъ, гдѣ я долженъ былъ вновь принимать ихъ и снабжать желѣзнодорожными билетами [1]) и деньгами на путевыя издержки до мѣстъ

[1]) Желѣзнодорожное вѣдомство оказывало въ этомъ дѣлѣ большое содѣйствіе выдачею массы безплатныхъ билетовъ и безплатною перевозкою разныхъ тяжестей до румынской границы. Да и кто въ самомъ дѣлѣ не содѣйствовалъ и не сочувствовалъ этому движенію, направленному въ Сербію!..

И. С. И.

ихъ жительства. Отрадно вспомнить эту славную и знаменательную въ исторіи Россіи эпоху въ 1876 году, какъ и еще болѣе знаменательную въ 1877—78 годахъ, когда вся Россія стала какъ одинъ человѣкъ, во главѣ съ своимъ вѣнценоснымъ вождемъ, чтобы освободить родственный ей болгарскій народъ отъ 500-лѣтняго турецкаго ига.... Сколько жертвъ и сколько доблестныхъ подвиговъ положено этою великою державою на дѣло возрожденія болгарскаго народа!....

III.

Въ числѣ возвращавшихся изъ Сербіи добровольцевъ были и болгары, положеніе которыхъ представлялось болѣе труднымъ, чѣмъ положеніе русскихъ добровольцевъ, возвращавшихся на мѣста своего постояннаго жительства. Это были совершенно безпріютные люди и безъ всякихъ при томъ средствъ къ жизни, такъ что надо было принять мѣры одѣть и прокормить ихъ, до устройства ихъ какимъ либо инымъ путемъ. Такихъ болгаръ явилось ко мнѣ въ Кишиневъ до 1000 человѣкъ. Частями кое гдѣ въ домахъ кишиневскихъ болгаръ они были размѣщены, а болѣе нуждавшимся изъ нихъ выдана была одежда изъ имѣвшихся еще въ вѣдѣніи моемъ запасовъ, оставшихся неотправленными въ Сербію. Затѣмъ часть изъ нихъ получала на продовольствіе въ день по 20 коп. на каждаго, а часть содержалась своими скудными средствами; но запасы, изъ которыхъ выдавались деньги на продовольствіе, съ каждымъ днемъ истощались, хотя и бывали порядочные сборы, то съ концертовъ, то съ любительскихъ спектаклей, такъ что я готовъ былъ бы объявить имъ разойтись по разнымъ мѣстамъ, если бы не поддерживала меня надежда въ томъ, что мы находимся наканунѣ великой войны съ Турціею. Я пытался передать этихъ людей на попеченіе полеваго штаба въ Кишиневѣ; но генералъ-адъютантъ Непокойчицкій объявилъ мнѣ, что онъ находитъ неудобнымъ принимать этихъ людей на попеченіе штаба, да къ тому—«эти люди не понадобятся намъ, сказалъ онъ, въ будущемъ, въ случаѣ войны съ Турціею, поэтому вы можете предложить имъ разойтись [1])». Въ виду этого мнѣ, дѣйст-

---

[1]) Дальнѣйшія, однако, отношенія генералъ-адъютанта Непокойчицкаго къ болгарскому ополченію, увеличенію численности котораго онъ всѣми мѣрами способствовалъ, вполнѣ убѣдили въ полной готовности его содѣйство-

вительно, ничего не оставалось, какъ предложить этимъ людямъ разойтись; но на это я никакъ не могъ рѣшиться потому, что по своему убѣжденію я считалъ ихъ людьми необходимыми въ Болгаріи, какъ знающими тамъ всѣ дороги, всѣ тропинки въ Балканахъ, и потому, что я увѣренъ былъ въ неизбѣжности войны. Наконецъ, къ особенному моему удовольствію, въ ноябрѣ мѣсяцѣ 1876 г., пріѣхалъ ко мнѣ съ письмомъ отъ И. С. Аксакова генералъ-маіоръ Н. Г. Столѣтовъ, состоявшій въ распоряженіи великаго князя главнокомандующаго, который впослѣдствіи былъ назначенъ начальникомъ болгарскаго ополченія. Отъ 6 часовъ вечера до 2 часовъ пополуночи просидѣли мы, у меня въ кабинетѣ, съ Н. Г. Столѣтовымъ въ первый день его пріѣзда въ Кишиневъ, въ задушевной бесѣдѣ, о томъ, будетъ ли война съ Турціею, о несомнѣнно счастливомъ ея исходѣ, о томъ, можно-ли составить болгарское ополченіе и проч. При этомъ Н. Г. Столѣтовъ подъ величайшимъ секретомъ сообщилъ мнѣ, что въ случаѣ составленія болгарскаго ополченія онъ будетъ назначенъ его начальникомъ. Еще болѣе обрадованный этимъ, я тотчасъ предложилъ ему принять отъ меня состоящихъ на моемъ попеченіи болгаръ-добровольцевъ, возвратившихся изъ Сербіи, такъ какъ я истощилъ почти имѣвшіяся въ моемъ вѣдѣніи средства и не въ силахъ болѣе содержать ихъ; но на это Н. Г. Столѣтовъ отвѣтилъ мнѣ положительною невозможностью, «въ виду того, сказалъ онъ, что дѣло это, въ такомъ случаѣ, получило бы огласку, а ея то въ настоящее время и должно избѣгать, потому что наши недоброжелатели придадутъ этому дѣлу характеръ явнаго возмущенія съ нашей стороны болгаръ, при чемъ усерднѣйше просилъ меня тѣмъ или другимъ путемъ продержать этихъ болгаръ въ Кишиневѣ, потому, что, прибавилъ онъ, они намъ очень и очень нужны будутъ». Такой точно взглядъ имѣлъ на это дѣло И. С. Аксаковъ, который не разъ писалъ мнѣ и просилъ «ни подъ какимъ предлогомъ не распускать болгаръ», обѣщая прислать мнѣ небольшое денежное пособіе на ихъ содержаніе, что онъ и исполнилъ присылкою мнѣ два раза по 1000 руб., а также заготовить для нихъ форменное платье и оружіе для обмундированія и вооруженія ихъ на случай войны. Такимъ образомъ, съ моей стороны были приняты всѣ усилія къ обезпе-

---

вать благоустройству возрождавшагося кадра будущаго болгарскаго войска. Всегда ровный, внимательный ко всему, часто разрѣшавшій многіе вопросы безъ всякой формальности, вполнѣ спокойный, не смотря на весьма серьэзныя занятія, А. А. Непокойчицкій всегда производилъ очень хорошее впечатлѣніе.

И. С. И.

ченію содержанія этихъ людей, а съ этою цѣлью нѣсколько разъ приходилось обращаться къ просвѣщенному кишиневскому обществу, принимавшему живѣйшее участіе въ концертахъ и любительскихъ спектакляхъ, устраиваемыхъ въ пользу этихъ добровольцевъ.

Наконецъ, наступилъ давно и горячо желанный всѣми нами, а тѣмъ болѣе болгарами-добровольцами, день 30-го марта 1877 года.

Пріѣхавъ ко мнѣ наканунѣ этого дня сіяющимъ отъ радости, Н. Г. Столѣтовъ сообщилъ мнѣ, все еще, однако, по секрету, что война уже рѣшена и надняхъ будетъ объявлена въ присутствіи государя императора, при чемъ просилъ о созывѣ на другой день утромъ въ такъ называемое Армянское въ Кишиневѣ подворье всѣхъ болгарскихъ добровольцевъ и о сдачѣ ему ихъ по спискамъ. Обнявшись отъ радости и поздравивши другъ друга съ предстоящимъ великимъ событіемъ, мы вновь завели задушевную бесѣду о будущемъ, завѣряя другъ друга о несомнѣнно блестящихъ результатахъ предстоящей великой войны. На другой день, т. е. 31-го марта утромъ, по заранѣе сдѣланному мною распоряженію, собрались въ подворье болгарскіе добровольцы, числомъ до 700 человѣкъ, и, поздравивъ ихъ съ предстоящимъ имъ въ скоромъ времени походомъ къ роднымъ мѣстамъ, я объявилъ, что они поступаютъ уже подъ команду генерала Столѣтова, какъ начальника имѣющаго образоваться болгарскаго ополченія. Въ восторгѣ отъ переданной имъ вѣсти, эти молодцы-болгары однимъ голосомъ закричали «ура, да живій русскій царь и мать Россія!» Вслѣдъ за симъ пріѣхалъ туда генералъ Столѣтовъ, котораго восторженно привѣтствовали болгары. Изъ 700 болгаръ, какъ оказалось въ день сдачи ихъ, вмѣстѣ съ русскимъ кадромъ генералъ Столѣтовъ сформировалъ три кадровые болгарскіе баталіона. Одѣтые въ тотъ же день въ форменную одежду и вооруженные ружьями системы Шаспо, эти болгары, подъ постояннымъ наблюденіемъ и руководствомъ генерала Столѣтова, съ того же дня стали усиленно обучаться разнымъ пріемамъ и въ это короткое время, именно въ теченіи не болѣе 10 дней, настолько они успѣли, что представленные генераломъ Столѣтовымъ на достопамятномъ высочайшемъ смотру 12-го апрѣля 1877 г. въ Кишиневѣ, вмѣстѣ съ другими войсками, эти три болгарскіе кадровые баталіона съ такимъ воодушевленіемъ прошли передъ государемъ императоромъ, что осчастливлены были милостивымъ вниманіемъ его величества и удостоены царской похвалы: «молодцы болгары!..»

IV.

Дальнѣйшее формированіе болгаръ въ Плоэштахъ великому князю главнокомандующему, по ходатайству генерала Столѣтова, горѣвшаго желаніемъ увеличить численность болгарскаго ополченія, благоугодно было возложить на меня и я, получивъ распоряженіе о состоявшемся прикомандированіи меня къ полевому штабу, отправился одновременно съ ополченіемъ, выступившимъ изъ Кишинева подъ командою генерала Столѣтова, 14-го апрѣля 1877 г., по направленію черезъ Яссы въ Плоэшты, гдѣ имѣлось въ виду сформированіе первыхъ 6 болгарскихъ дружинъ, для которыхъ всѣ офицеры уже были назначены. По дорогѣ въ Плоэшты я видѣлся съ болѣе интеллигентными и вліятельными болгарами въ Яссахъ, Галацѣ, Бранловѣ и др. городахъ и, ознакомивъ съ моею миссіею и важнымъ значеніемъ въ будущемъ болгарскаго ополченія, просилъ ихъ участія къ привлеченію молодыхъ болгаръ въ болгарскія дружины; затѣмъ съ такою же миссіею я объѣхалъ многіе другіе города въ Румыніи, въ которыхъ жили болгары, и заручился ихъ содѣйствіемъ.

Объѣздивъ, такимъ образомъ, всѣ города съ этою цѣлью, я засимъ приступилъ къ дѣлу, въ качествѣ предсѣдателя назначенной начальникомъ болгарскаго ополченія коммисіи по пріему болгаръ въ ополченіе. Подъ вліяніемъ общаго воодушевленія, которымъ особенно проникнуты были молодые болгары, вѣрившіе въ полное безусловное въ этотъ разъ освобожденіе Болгаріи отъ турецкаго владычества, хотя не совсѣмъ довѣрчиво относились къ этому болгарскіе, такъ называемые, нотабилы,—дѣло это сразу пошло чрезвычайно успѣшно [1]). Въ теченіе полутора-мѣсячнаго пребыванія въ Плоэштахъ мною принято было въ болгарское ополченіе 4,300 молодыхъ болгаръ и, такимъ образомъ, сформированы были всѣ шесть болгарскихъ дружинъ, командирами которыхъ назначены были, приказомъ великаго князя главнокомандующаго: № 1-й, состоящій по гвардейской пѣхотѣ подполковникъ К. И. Кесяковъ, № 2-й 68-го лейбъ-пѣхотнаго Бородинскаго его величества полка маіоръ Куртьяновъ, № 3-й 1-го Туркестанскаго стрѣлковаго баталіона подполковникъ Калитинъ, № 4-й

---

[1]) Успѣху этого дѣла особенно благопріятствовало привлеченіе въ ополченіе сыновей богатыхъ браиловскихъ и галацкихъ болгаръ, какъ то: Цѣновича, Аврамовича и др. **И. С. И.**

того же баталіона маіоръ Рѣдкинъ, № 5-й 2-го гренадерскаго ген.-фельдм. князя Барклая де-Толли полка, подполковникъ Нищенко, № 6-й 6-го гренадерскаго его императорскаго высочества великаго князя Михаила Николаевича полка, маіоръ Бѣляевъ [1]).

Еще въ началѣ формированія дружинъ городъ Самара почтилъ ихъ прекраснымъ своимъ знаменемъ, доставленнымъ въ Плоэшты, самарскимъ городскимъ головою Кожевниковымъ и гласнымъ самарской думы д. с. с. П. В. Алабинымъ. Это знамя, послѣ торжественнаго его освященія въ лагерѣ ополченія 6-го мая, въ присутствіи великаго князя главнокомандующаго, его высочествомъ было передано въ 3-ю дружину, которое, впослѣдствіи, въ бою съ Сулейманомъ подъ Ески-Загрою, мужественно отбито было отъ турокъ командиромъ ея, полковникомъ Калитинымъ. 8-го того мая было назначено въ 4-ю дружину еще одно знамя, изготовленное дочерью браиловскаго болгарина Стеліядою Параскевовою [2]).

Болгарское ополченіе, которое лагеремъ стояло въ двухъ верстахъ отъ Плоэшты, представляло такой живой интересъ для каждаго, а тѣмъ болѣе для болгаръ, что тамъ каждый день можно было видѣть массу посѣтителей разныхъ національностей, преимущественно болгаръ. Одни только букарестскіе болгары нотабилы ни разу не посѣтили его; они, видимо, избѣгали его, по мнѣнію однихъ, изъ боязни навлечь на себя подозрѣніе въ участіи составленія его, такъ какъ они не вѣрили въ хорошіе результаты предпринятой войны, а по мнѣнію другихъ, они не ѣздили въ Плоэшты, чтобы не пришлось имъ тамъ давать деньги на надобности болгарскаго ополченія. Одинъ только разъ посѣтилъ это ополченіе болгарскій митрополитъ Панаретъ. Въ числѣ посѣтителей ополченія оказался, однажды, пріѣхавшій въ

---

[1]) Въ исторіи образованія болгарскаго войска безспорно первое мѣсто должно принадлежать генералу Столѣтову, не только какъ организатору его, но и какъ человѣку, дисциплинировавшему это молодое войско, т. е., такъ сказать, воспитавшему его вполнѣ въ военномъ духѣ. Попеченіе генерала Столѣтова о болгарскомъ ополченіи не имѣло предѣловъ, онъ весь, такъ сказать, тѣломъ и душею былъ преданъ ему и только жилъ мыслью объ увеличеніи его.

[2]) Г. Параскевова и его дочь Стеліяду вмѣстѣ съ знаменемъ я лично имѣлъ честь представить въ Плоэштахъ августѣйшему главнокомандующему. Въ это самое время я докладывалъ великому князю о ходатайствѣ букарестскихъ браиловскихъ болгаръ представить два знамени—одно посвященное Александру Невскому въ честь государя императора, а другое—Николаю Чудотворцу въ честь августѣйшаго главнокомандующаго. «Я, изволилъ сказать его высочество, принимаю съ удовольствіемъ, надѣюсь, что и государь этому будетъ радъ». **И. С. И.**

Букарестъ изъ своего имѣнія, находящагося близъ Фокшанъ, весьма крупный тамъ землевладѣлецъ князь Эммануилъ Богориди, родной племянникъ князя Алеко Богороди, бывшаго впослѣдствіи генералъ-губернаторомъ Восточной Румеліи, или сынъ бывшаго каймакана Молдавіи до соединенія ея съ Валахіею. Князь Эммануилъ Богориди зашелъ въ палатку командира 1 дружины, подполковника Кесякова, какъ разъ въ то время, когда я сидѣлъ тамъ, и между нами шла рѣчь о томъ, что надо изыскать хоть небольшія денежныя средства на обратное отправленіе въ мѣста жительства тѣхъ изъ принятыхъ мною въ ополченіе молодыхъ болгаръ, которые оказались неспособными къ строевой, весьма трудной, походной военной службѣ. Познакомившись тамъ впервые со мною и съ подполковникомъ Кесяковымъ, князь Эммануилъ Богороди, узнавъ, что я принимаю болгаръ въ ополченіе, обратился ко мнѣ съ просьбою принять отъ него небольшое денежное пожертвованіе на нужды болгарскаго ополченія и тутъ же вручилъ мнѣ свертокъ, въ коемъ оказалось 49 полуимперіаловъ. Принявъ эти деньги, я сказалъ князю, что его пожертвованіе является очень кстати, именно въ это время, когда многимъ непринятымъ въ ополченіе болгарамъ приходится являться на помощь, чтобы дать возможность добраться до мѣстъ ихъ жительства; а затѣмъ на другой день, въ видѣ отчетности, я передалъ для напечатанія замѣтку объ этомъ пожертвованіи въ издававшуюся въ Плоэштахъ скудненькую газету «Секи дневни Новинарь». Съ княземъ Эммануиломъ Богориди я только и видѣлся въ лагерѣ ополченія въ Плоэштахъ въ то время, когда онъ сдѣлалъ это пожертвованіе, и никакихъ другихъ съ нимъ разговоровъ я не имѣлъ. Но князь А. В. Черкаскій взглянулъ на это дѣло нѣсколько иначе и заподозрилъ въ немъ политическую подкладку. Ему показалось, что болгары уже стали выдвигать князя Богориди въ будущіе князья Болгаріи. Подъ вліяніемъ такого опасенія, князь Черкаскій поспѣшилъ съ номеромъ этого «Новинаря» въ рукахъ къ начальнику полеваго штаба А. А. Непокойчицкому, съ заявленіемъ, что я будто бы выдвигаю въ князья Болгаріи князя Эммануила Богориди и просилъ, какъ слѣдуетъ полагать, о принятіи мѣръ противъ этого.... Не знаю, что̀ именно сказалъ генералъ Непокойчицкій князю Черкаскому по поводу такого неосновательнаго заявленія, но довольно, что въ тотъ же день, какъ кажется, 20-го или 22-го мая, пріѣхалъ ко мнѣ его адъютантъ съ предложеніемъ, чтобы я отправился къ начальнику штаба, вслѣдствіе чего я тотъ же часъ вмѣстѣ съ этимъ офицеромъ и отправился къ генералу Непокойчицкому. Буквально съ этими словами встрѣтилъ меня генералъ Непокойчицкій:

— «Васъ князь Черкаскій подозрѣваетъ въ какихъ-то политическихъ затѣяхъ, именно, что вы выдвигаете князя Богориди въ князья Болгаріи».

Но когда я, въ отвѣтъ на это, объяснилъ генералу Непокойчицкому какъ было дѣло, онъ, улыбаясь, сказалъ: «князь Черкаскій никогда не успокоится».

Затѣмъ А. А. Непокойчицкій перешелъ къ разспросамъ о ходѣ пріема болгаръ въ ополченіе, послѣ чего, раскланявшись съ нимъ, я вышелъ.

Вотъ какъ было это дѣло, которому Д. Г. Анучинъ въ своемъ дневникѣ придалъ иную окраску, далъ другое значеніе [1]). По разсказу Д. Г. Анучина выходитъ такъ, что будто-бы мнѣ и князю Богориди позволено было походить по лагерю ополченія — и будто бы я имѣлъ въ виду представить болгарскому ополченію князя Богориди и проч.... Принимая болгаръ въ ополченіе, я, по обязанности, бывалъ въ лагерѣ, куда постоянно отправлялъ принятыхъ мною болгаръ партіями, не только каждый день, но часто по нѣсколько разъ въ день; слѣдовательно, заявленіе г. Анучина, что мнѣ позволено было походить по лагерю является совсѣмъ непонятнымъ и далекимъ отъ истины. Точно также не справедливъ его разсказъ о томъ, что, будто-бы, князь Черкаскій звалъ меня къ себѣ и сдѣлалъ мнѣ очень рѣзкое замѣчаніе и даже будто-бы пригрозилъ удаленіемъ и проч. Неправдоподобность этого разсказа подтверждается отношеніями князя Черкаскаго ко мнѣ въ то время. Дѣло въ томъ, что въ это, именно, время я находился въ вѣдѣніи полеваго штаба и, какъ выше объяснилъ, занятъ былъ наборомъ или приглашеніемъ болгаръ въ ополченіе, другими словами, я не состоялъ въ какихъ либо служебныхъ отношеніяхъ къ князю Черкаскому, который поэтому и не могъ дѣлать мнѣ какія либо замѣчанія, а тѣмъ болѣе угрозы. Очевидно, что Д. Г. Анучинъ внесъ въ свой дневникъ, на этотъ разъ, свѣдѣнія, такъ сказать, изъ вторыхъ рукъ и по слухамъ. Въ гражданское же управленіе я поступилъ по окончаніи формированія ополченія и по выступленіи болгарскихъ дружинъ изъ Плоэшты, даже по переходѣ ихъ черезъ Дунай, именно въ концѣ іюня 1877 г., и это было еще въ Зимницѣ, гдѣ въ то время находилась канцелярія князя Черкаскаго.

По поводу сдѣланной княземъ В. Д. Дабижа [2]) характеристики

---

[1]) Стр. 185 и 186 въ „Русской Старинѣ“, томъ LIX, іюль 1888 года.

[2]) Князь В. Д. Дабижа—одно изъ тѣхъ просвѣщенныхъ лицъ, которыя съ теплою душою относились къ болгарамъ; онъ извѣстенъ болгарской интелли-

князя Черкаскаго и его управленія г. Анучинъ въ своемъ сообщеніи, между прочимъ, говоритъ, что до настоящаго времени въ печати не явилось никакихъ основательныхъ и сколько нибудь подробныхъ данныхъ о гражданскомъ управленіи въ Болгаріи, до учрежденія въ маѣ мѣсяцѣ 1878 г. управленія императорскаго комиссара, порицаній же ему и бездоказательныхъ на него обвиненій было не мало, что опровергать частныя обвиненія, исправлять нѣкоторыя невѣрности едва ли стоило, написать же правдивый разсказъ о дѣятельности князя Черкаскаго въ Болгаріи—еще не своевременно, что, наконецъ, князь Черкаскій занималъ слишкомъ выдающееся положеніе и стоялъ какъ разъ у самой сути дѣла, а потому говорить только о немъ недостаточно, говорить же обо всемъ еще рано и проч. Еще далѣе (стр. 182) Д. Г. Анучинъ говоритъ: «дѣйствительно, личный его (князя Черкаскаго) характеръ былъ не изъ симпатичныхъ, часто вредилъ ему и, во всякомъ случаѣ, не способствовалъ къ устройству хорошихъ отношеній. Если князь В. А. Черкаскій побѣждалъ многихъ изъ близко его звавшихъ, то онъ, дѣйствительно, достигалъ этого не непріятностью своего характера и способомъ обращенія, а своимъ глубокимъ умомъ».

Эта характеристика, которую г. Анучинъ сдѣлалъ о личныхъ свойствахъ князя В. А. Черкаскаго, является, я полагаю, вполнѣ достаточною, чтобы подтвердить все сказанное о томъ же княземъ В. Д. Дабижа. Всѣ близко знавшіе князя Владиміра Александровича были такого именно убѣжденія, что если этотъ безспорно государственный и вполнѣ русскій человѣкъ не пользовался и не могъ пользоваться не только въ средѣ своихъ сослуживцевъ почти что ничьимъ расположеніемъ, но даже въ главной квартирѣ, то причиною этому былъ, дѣйствительно, его личный «несимпатичный» характеръ, породившій ему, къ сожалѣнію, массу непріятностей и неудачъ, а совокупность ихъ и свела его преждевременно въ могилу [1]).

генціи своимъ горячимъ участіемъ въ дѣлѣ образованія болгаръ въ Новороссійскомъ краѣ. Нельзя не пожалѣть, что подобное лицо не попало въ гражданскомъ управленіи въ Болгаріи. **И. С. Ив.**

[1]) Послѣдній разъ я видѣлъ князя Черкаскаго 3-го февраля 1878 года въ Адріанополѣ, куда я былъ имъ вызванъ изъ Тырнова, такъ какъ послѣ взятія Плевны я былъ командированъ туда для исполненія нѣкоторыхъ порученій; въ то время онъ уже лежалъ въ постели; лицо у него было покрыто желтыми пятнами, говорилъ онъ съ большимъ трудомъ. Когда я вошелъ къ нему въ комнату, послѣ доклада ему обо мнѣ г. Анучинымъ, открывъ глаза, князь сказалъ: «Очень радъ видѣть васъ; я, какъ видите, умираю. Его высочеству, главнокомандующему, по моему докладу, угодно было назначить васъ пока на короткое время вицегубернаторомъ въ Филиппополѣ, чтобы помочь полковнику

Указаніе княземъ Черкаскимъ на 250 тысячъ русскихъ штыковъ, по поводу предложенія услугъ одесскаго болгарскаго настоятельства членомъ его Н. Х. Палаузовымъ обратиться съ воззваніемъ къ болгарскому народу, имѣло мѣсто не въ Плоэштахъ, какъ пишетъ Д. Г. Анучинъ, а въ Кишиневѣ, и это было 5-го мая 1877 года.

Вотъ какъ объясняетъ это дѣло Н. Х. Палаузовъ:

«По приглашенію князя Черкаскаго я былъ у него въ Кишиневѣ 5-го мая. Разговоръ нашъ заключался въ томъ, чѣмъ можетъ быть полезно болгарское настоятельство. Я объяснилъ, что средствъ денежныхъ у насъ нѣтъ и что мы агента выслать не можемъ, но въ состояніи указать лицъ, которыя могутъ быть полезны для дѣла, какъ для работы при немъ, такъ и въ Болгаріи. Тутъ я заявилъ князю Черкаскому о нашемъ намѣреніи обратиться къ народу болгарскому съ воззваніемъ, которое и было у меня въ карманѣ. Это воззваніе было составлено въ Одессѣ и одобрено преосвященнымъ Наѳанаиломъ, за неприбытіемъ еще въ то время преосвященнаго Платона. На это князь сказалъ:

— Вы думаете, что ваше воззваніе будетъ внушительнѣе 250 тысячъ русскихъ штыковъ?...

— Нѣтъ, я не смѣю думать объ этомъ, но имѣя въ виду, что злонамѣренные люди и наши враги всячески будутъ вселять въ народѣ недовѣріе къ русскимъ и т. п., мы находимъ полезнымъ объяснить ему, чѣмъ болгары могутъ быть полезны и какъ должны себя вести.

— Посмотримъ, сказалъ князь, а тамъ и поприжмемъ.

Г. Анучинъ это долженъ знать, прибавляетъ Н. Х. Палаузовъ, такъ какъ онъ докладывалъ обо мнѣ князю Черкаскому 5-го мая».

Послѣдствія событій, какъ нельзя лучше, показали, что такое воззваніе необходимо было, такъ какъ сила штыка внушаетъ страхъ, но не завоевываетъ симпатій. При самомъ главнокомандующемъ необходимо было состояніе пяти-шести подобныхъ авторитетныхъ болгаръ, которые разъясняли бы всякія недоразумѣнія и которые бы вообще способствовали сближенію съ народомъ, но

Шепелеву, назначенному тамъ губернаторомъ, въ устройствѣ гражданскаго управленія, такъ какъ въ гражданскихъ дѣлахъ онъ человѣкъ неопытный; затѣмъ вы въ самомъ непродолжительномъ времени будете назначены губернаторомъ въ Сливнѣ». Пожелавъ князю выздоровленія и откланявшись ему, я вышелъ отъ него и на другой день я съ г. Шепелевымъ были у г. Анучина и затѣмъ, въ сопровожденіи г. Н. Герова, выѣхали въ Филиппополь, гдѣ мы были прелюбезно встрѣчены почетными гражданами, во главѣ съ митрополитскимъ викаріемъ, епископомъ Герваcіемъ. И. С. И.

этого не допускалъ князь В. А. Черкаскій, какъ кажется, постоянно находившійся подъ вліяніемъ вынесенныхъ имъ взглядовъ на мятежный духъ поляковъ. Не разъ я докладывалъ князю Черкаскому, какъ въ Букарестѣ, такъ и въ городахъ Студнѣ и въ Боготѣ о необходимости привлеченія на службу по гражданскому управленію такого авторитетнаго человѣка, какъ извѣстный патріотъ Н. Х. Палаузовъ, состоявшій въ началѣ войны 1853 г. при князѣ М. Д. Горчаковѣ; Палаузову скорѣе чѣмъ кому либо другому можно и слѣдовало бы предоставить мѣсто губернатора въ Болгаріи. Продолжаю далѣе.

Въ половинѣ ноября 1877 г. пріѣхалъ изъ Браилова въ Боготъ извѣстный болгарскій патріотъ Василій Беронъ, весьма крупный землевладѣлецъ въ Румыніи, потратившій на довольствіе проходившихъ черезъ Румынію въ началѣ войны 1877 года нашихъ войскъ слишкомъ 200 тысячъ франковъ, съ единственною цѣлью видѣть свободною хотя часть Болгаріи. Остановился онъ у меня въ моей землянкѣ и отъ меня онъ отправился утромъ въ 10 часовъ къ князю Черкаскому, чтобы только представиться этому «высокосвѣтлому лицу», какъ выражался Беронъ, и устроителю судебъ Болгаріи. Но не прошло и полъ-часа какъ возвратился ко мнѣ г. Беронъ, со слезами на глазахъ.

— Что съ вами, г. Беронъ? спросилъ я его.

— «Не знаю что сказать и какъ объяснить постигшее меня несчастіе?»

— Да какое это несчастіе?

— «Вотъ что: пришелъ я въ землянку къ князю Черкаскому и, встрѣтивъ на дворѣ его казака, просилъ доложить князю, что я, Беронъ, желаю представиться ему. Казакъ, выйдя отъ князя, сказалъ мнѣ «идите», указывая на дверь. Но едва только я показался въ двери, какъ вдругъ князь недовольнымъ голосомъ крикнулъ: «allez vous en». Послѣ этого я, моментально схвативъ свое пальто въ руки, убѣжалъ изъ его помѣщенія».

Все это перенесъ г. Беронъ и я могу засвидѣтельствовать, что объ этомъ онъ передавалъ лишь очень близкимъ лицамъ, тѣмъ не менѣе Беронъ и до настоящаго времени остался самымъ преданнымъ Россіи человѣкомъ и признательнымъ ей за освобожденіе своей родины. Этотъ случай дословно записанъ въ мою памятную книжку, между тѣмъ г. Анучинъ передаетъ его иначе, именно, онъ говоритъ: «Опровергнуть анекдотъ съ Берономъ не могу, но такъ какъ князь Дабижа называетъ Берона «ветхимъ старцемъ», то можно предположить, что онъ не пріѣзжалъ за Дунай, а представлялся князю Черкаскому въ Плоэштахъ или въ Букарестѣ. «Зная обычай князя

Черкаскаго не имѣть при канцеляріи никакихъ лишнихъ денегъ, говоритъ далѣе г. Анучинъ, я допускаю, что онъ въ отвѣтъ на предложеніе Берона о пожертвованіи могъ отвѣтить, что это еще преждевременно, чѣмъ, можетъ быть, и огорчилъ жертвователя».

Обращаюсь къ такому крупному факту, какъ сформированіе болгарскаго ополченія.

V.

Выше было объяснено, что для болгарскаго ополченія я далъ генералу Столѣтову 700 болгаръ-добровольцевъ за нѣсколько дней до объявленія войны и изъ нихъ онъ составилъ съ русскимъ кадромъ три кадровые болгарскіе баталіона, а затѣмъ въ Плоэштахъ мною же было еще набрано 4,300 человѣкъ, что составило съ данными мною же въ Кишиневѣ генералу Столѣтову 700 человѣкъ, всего 5,000 человѣкъ болгаръ-ополченцевъ-дружинниковъ, съ которыми 31-го мая 1877 г. и выступилъ къ Дунаю генералъ Столѣтовъ; но оставшись еще нѣкоторое время въ Плоэштахъ, а потомъ въ Букарестѣ, я высылалъ генералу еще отдѣльныя партіи болгаръ на усиленіе ополченія. Въ числѣ высланныхъ ему въ слѣдъ былъ извѣстный Олимпій Пановъ, котораго я убѣдилъ въ Букарестѣ поступить въ ополченіе, такъ что зачисленный мною въ 1-ю дружину онъ изъ Букареста отправился догонять ополченіе. Это тотъ Пановъ, который во время сербско-болгарской войны былъ начальникомъ болгарской артиллеріи и который, къ глубокому сожалѣнію, подвергся растрѣлянію въ Рущукѣ въ началѣ 1886 года.

Чтобы еще яснѣе видѣть неточность разсказа Д. Г. Анучина о болгарскомъ ополченіи и о моей роли въ этомъ дѣлѣ, я считаю долгомъ привести нѣкоторыя выдержки изъ письма начальника этого ополченія, генерала Столѣтова, къ бывшему военному министру графу Д. А. Милютину послѣ войны, именно отъ 3-го января 1881 года....

— «Чтобы предварительно ознакомиться съ разными вопросами касательно моего тогда (въ ноябрѣ 1876 г.) содержавшагося въ секретѣ порученія, я сблизился въ Москвѣ съ предсѣдателемъ московскаго славянскаго комитета И. С. Аксаковымъ, который указалъ мнѣ на статскаго совѣтника И. С. Иванова (занимавшаго тогда должность кишиневскаго уѣзднаго исправника), какъ на дѣятеля, самаго благонадежнаго, имѣющаго въ продолженіи многихъ лѣтъ непосредствен-

ное сношеніе съ передовыми болгарами и пользующагося ихъ довѣріемъ. Въ Кишиневѣ же г. Ивановъ познакомилъ меня со всѣмъ меня интересовавшемъ относительно болгарской эмиграціи, при чемъ объявилъ мнѣ, что можетъ тотчасъ же дать мнѣ для начальнаго сформированія свыше 600 болгаръ-добровольцевъ, содержимыхъ имъ на скудные остатки отъ благотворительныхъ пожертвованій. Вслѣдствіе политическихъ обстоятельствъ, зима прошла такъ, что неизвѣстно было будетъ ли война или нѣтъ, безъ объявленія же войны приступать къ формированію ополченія считалось неудобнымъ; такъ что 600 болгаръ, послужившихъ мнѣ впослѣдствіи, вмѣстѣ съ русскимъ кадромъ, ядромъ для будущихъ дружинъ, всю зиму содержались и не разъѣзжались только благодаря находчивости г. Иванова и его твердой вѣрѣ, что начавшееся съ нашей стороны движеніе не остановится на полдорогѣ. Затѣмъ, въ концѣ марта 1877 года, когда уже было разрѣшено приступить къ формированію 700 человѣкъ, полученныхъ мною отъ г. Иванова, вмѣстѣ съ русскимъ кадромъ, были немедленно одѣты, вооружены, начали усиленно заниматься и на достопамятномъ высочайшемъ смотру, 12-го апрѣля 1877 г., въ Кишиневѣ, я имѣлъ счастіе представить три кадровые болгарскіе баталіона, обратившіе на себя милостивое вниманіе государя императора. Предъ выступленіемъ изъ Кишинева, 14 апрѣля 1877 г., въ гор. Плоэшты, гдѣ рѣшено было сформировать первыя 6 дружинъ, предвидя, что все время у меня будетъ поглощено работою по обученію, боевой подготовкѣ и устройству хозяйственныхъ частей дружинъ и что мнѣ будетъ рѣшительно невозможно, да и по многимъ причинамъ неудобно [1]), разъѣзжать по Румыніи для наблюденія за вербовкою эмигрантовъ, я просилъ разрѣшенія главнокомандующаго командировать временно въ мое распоряженіе И. С. Иванова. Въ Плоэштахъ мною была учреждена коммиссія для пріема добровольцевъ, предсѣдателемъ коей мною былъ назначенъ г. Ивановъ. Дѣятельность его въ этой должности была для меня неоцѣненною. Благодаря его энергіи, неутомимости, отличному знанію Румыніи, знакомству тамъ со множествомъ лицъ, къ 20 мая 1877 г. въ 6 дружинахъ у меня было 4,000 человѣкъ, а 31 мая я выступилъ изъ Плоэштъ къ Дунаю съ 5,000 человѣкъ, въ числѣ коихъ было много сыновей

[1]) Дѣйствовать въ этомъ смыслѣ оффиціально прежде было неудобно, потому что задѣвалась извѣстная щепетильность румынскаго правительства. Осторожность въ этомъ дѣлѣ сознавалась и самыми вліятельными букарестскими болгарами, которые первое время, да и послѣ, не рѣшались пріѣзжать въ Плоэшты, а тѣмъ болѣе въ лагерь болгарскаго ополченія.

И. С. И.

богатыхъ и весьма вліятельныхъ болгаръ, оказывавшихъ потомъ всюду благотворное вліяніе въ нашу пользу. Оставаясь въ Плоэштахъ, г. Ивановъ продолжалъ посылать мнѣ вслѣдъ значительныя партіи на усиленіе ополченія. Безъ всякаго преувеличенія я могу сказать, что только благодаря неутомимымъ трудамъ этого скромнаго дѣятеля, разъѣзжавшаго по всѣмъ городамъ Румыніи для ознакомленія живущихъ тамъ болгаръ съ высокою цѣлью предпринятой войны и съ необходимостью для болгарскаго народа заявить себя своимъ непосредственнымъ участіемъ въ этомъ великомъ дѣлѣ, мнѣ удалось сформировать 6 дружинъ и придать имъ военный видъ въ столь короткое время. Благодаря дѣятельности г. Иванова все дѣлалось быстро, но безъ шума и огласки; партіи добровольцевъ доставлялись въ Плоэшты, затѣмъ люди, признанные коммисіею неспособными къ военной службѣ, возвращались на мѣста жительства и на все это г. Ивановъ не только не требовалъ какихъ либо денежныхъ расходовъ, но самъ не получалъ никакого вознагражденія все время, до перехода его въ вѣдомство гражданскаго управленія въ Болгаріи, гдѣ онъ потомъ занималъ послѣдовательно должности: чиновника особыхъ порученій при князѣ Черкаскомъ, филипопольскаго вице-губернатора, затѣмъ должности сливенскаго и рущукскаго губернатора, до самаго упраздненія нашего управленія въ Болгаріи»....

Теперь, я думаю, станетъ понятнымъ, что я «не нѣкто», какъ Д. Г. Анучинъ выражается обо мнѣ въ своемъ сообщеніи, а нѣчто значущее въ дѣлѣ сформированія болгарскихъ дружинъ и вообще въ болгарскомъ дѣлѣ. Такой отзывъ тѣмъ болѣе удивляетъ, что г. Анучинъ упоминаетъ обо мнѣ, какъ кишиневскомъ исправникѣ и предсѣдателѣ тамошняго благотворительнаго комитета. Во всякомъ случаѣ странно, что г. Анучинъ игнорируетъ человѣка, который состоялъ въ гражданскомъ управленіи въ продолженіи войны и окупаціи и занималъ въ немъ видное положеніе. Но если Д. Г. Анучинъ не могъ познакомиться съ моею личностью за время войны и окупаціи, я считаю своимъ долгомъ дать ему свѣдѣнія для исправленія своего дневника, поэтому и объясняю: 1) что я, И. С. Ивановъ, состоя помощникомъ завѣдывающаго гражданскими дѣлами, въ началѣ войны состоялъ при полевомъ штабѣ и, по приказанію великаго князя главнокомандующаго, занимался формированіемъ болгаръ въ ополченіе; 2) что съ начала іюля 1877 г. я состоялъ уже чиновникомъ особыхъ порученій при князѣ Черкаскомъ, совершивъ весь походъ съ гражданскимъ управленіемъ; 3) что въ 1878 г. февраля 3-го его императорскимъ высочествомъ великимъ княземъ

главнокомандующимъ я былъ назначенъ филипопольскимъ вице-губернаторомъ; 4) что 1 іюня того года императорскимъ комиссаромъ я назначенъ былъ сливенскимъ губернаторомъ, гдѣ я пробылъ до самаго упраздненія русскаго управленія въ Восточной Румеліи, именно до 10 мая 1879 г., и 5) другимъ приказомъ императорскаго же комиссара отъ 10 мая того же года я назначенъ рущукскимъ губернаторомъ, въ каковой должности я пробылъ до окончательнаго упраздненія нашего управленія въ Болгаріи и образованія болгарскаго княжества.

Возвращаясь вновь къ болгарскому ополченію, я долженъ установить тотъ фактъ,что ни «устроитель Болгаріи», ни кн. В. А. Черкаскій его помощникъ, въ лицѣ Д. Г. Анучина, какъ говорится, и руки до этого ополченія не приложили, даже ни одинъ, ни другой ни разу не посѣтили его, во время лагернаго его пребыванія подъ Плоэштами. Изъ самаго сообщенія Д. Г. Анучина (стр. 192, «Русская Старина», іюль 1888 г.) видно, что онъ только по слухамъ зналъ кое-что относительно болгарскаго ополченія, доказательствомъ чего служатъ невѣрныя его свѣдѣнія объ этомъ ополченіи. Вотъ что, наприм., онъ говоритъ: «къ 16-му мая 1877 г., въ 6-ти дружинахъ, расположенныхъ въ Кишиневѣ, уже состояло на лицо 1 генералъ, 9 штабъ-офицеровъ, 72 оберъ-офицера, 7,206 строевыхъ и 238 нестроевыхъ нижнихъ чиновъ. Въ этомъ составѣ болгарскія дружины перешли за Дунай» и т. д.

Выставленныя Д. Г. Анучинымъ цифры о численности болгарскихъ дружинъ не точны.

Выше мы видѣли изъ выдержекъ письма начальника ополченія, генерала Столѣтова, что въ Кишиневѣ, въ концѣ марта 1877 г., изъ 700 болгаръ добровольцевъ, онъ могъ сформировать съ небольшимъ русскимъ кадромъ, въ числѣ не болѣе 100 человѣкъ нижнихъ чиновъ русскихъ, только три болгарскіе кадровые баталіона, съ коими онъ и выступилъ изъ Кишинева въ Плоэшты 14-го апрѣля, затѣмъ уже въ Плоэштахъ сформированы были 6 дружинъ, въ коихъ къ 20-му мая 1877 г. было всего только 4,000 человѣкъ, а уже къ 31-му числу того мѣсяца было во всѣхъ этихъ дружинахъ 5,000 человѣкъ, съ коими онъ и перешелъ Дунай. Откуда же г. Анучинъ набралъ 7,206 строевыхъ и 238 нестроевыхъ нижнихъ чиновъ, т. е. 7,444 человѣкъ, въ Кишиневѣ къ 16-му мая 1877 г., когда къ 31-му мая 1877 г. въ Плоэштахъ ихъ составилось всего только 5,000?

Кстати выпишу изъ моей памятной книжки одинъ случай.

Въ ноябрѣ мѣсяцѣ, 1877 г. во время нашей стоянки на Шипкѣ, генералъ Столѣтовъ, въ виду чрезмѣрнаго уменьшенія численности

болгарскаго ополченія, вслѣдствіе большихъ убылей его въ бояхъ подъ Ески-Загрою съ Сулейманомъ-пашою и на Шипкѣ, признавая необходимымъ не только пополненіе убыли, но и увеличеніе численности его до 12-ти дружинъ, т. е. до размѣра дивизіи, обратился съ рапортомъ къ начальнику полеваго штаба, прося его объ исходатайствованіи разрѣшенія великаго князя главнокомандующаго о произведеніи набора молодыхъ болгаръ въ занятыхъ уже частяхъ Болгаріи, съ тѣмъ, чтобы для производства этого набора была составлена коммисія изъ подполковника Кесякова и д-ра Бонева, подъ моимъ предсѣдательствомъ.

Когда ходатайство это было одобрено и разрѣшено его высочествомъ, ген. Столѣтовъ счелъ своимъ долгомъ сообщить объ этомъ князю Черкаскому письмомъ, въ которомъ просилъ зависящаго съ его стороны распоряженія къ начатію набора, а равно и объ откомандированіи меня въ коммисію по этому набору, съ письмомъ-же командировалъ въ Боготъ къ князю Черкаскому подполковника Кесякова и д-ра Бонева на самое короткое время. По пріѣздѣ въ Боготъ гг. Кесяковъ и Боневъ отправились къ князю Черкаскому, но не заставъ его дома, оставили тамъ письмо къ нему генерала Столѣтова, затѣмъ спустя нѣкоторое время вновь отправились къ нему, который этотъ разъ былъ у себя на квартирѣ. Принявъ ихъ, князь Черкаскій спросилъ ихъ, что̀ имъ отъ него нужно? На что они отвѣтили, что они привезли ему письмо отъ генерала Столѣтова, по предмету набора молодыхъ болгаръ въ ополченіе.

— «Вы привезли мнѣ отъ генерала Столѣтова, сказалъ кн. Черкаскій, не письмо, а предписаніе, но тѣмъ не менѣе и въ этомъ случаѣ я не могу заняться вашими проектами, поэтому обратитесь съ этимъ вопросомъ къ моему помощнику».

Къ сему послѣднему, кажется, отправился одинъ только д-ръ Боневъ; но Д. Г. Анучинъ такъ его принялъ, что онъ отъ него сѣлъ на коня и отправился обратно, ничего не добившись. Когда г. Боневъ явился къ г. Анучину и, объяснивъ ему цѣль своего пріѣзда, представилъ проектъ устава о привлеченіи молодыхъ болгаръ извѣстнаго призывнаго возраста къ исполненію воинской службы въ болгарскихъ дружинахъ, г. Анучинъ, не взявъ даже въ руки этого проекта, предложилъ Боневу вопросъ о томъ: какіе воинскіе уставы онъ знаетъ? на что онъ, Боневъ, отвѣтилъ, что онъ ни съ однимъ уставомъ о воинской повинности не знакомъ, но что изъ одного желанія поддержать болгарское ополченіе, такъ храбро зарекомендовавшее себя въ бояхъ съ Сулейманомъ и на Шибкѣ, проситъ гражданское управленіе принять такія мѣры, какія оно при-

знаетъ возможными, чтобы пополнить убыль молодыми болгарами. —«Я, отвѣтилъ г. Анучинъ, знаю русскій воинскій уставъ, французскій, нѣмецкій, англійскій и даже турецкій, а вы, не зная ни одного изъ сихъ уставовъ, осмѣливаетесь предлагать мнѣ составленный вами, ничего въ этомъ дѣлѣ не понимающимъ, проектъ воинскаго устава; не угодно-ли вамъ, милостивый государь, немедленно отправиться туда, откуда вы пріѣхали».

Невѣрно переданъ Д. Г. Анучинымъ и списокъ лицъ, состоявшихъ на высшихъ должностяхъ по гражданскому управленію въ Болгаріи за время князя Черкаскаго. Меня, напримѣръ, г. Анучинъ показалъ Сливенскимъ вице-губернаторомъ, между тѣмъ какъ я былъ Сливенскимъ губернаторомъ, вице-губернаторомъ-же я былъ короткое время въ Филипполѣ, по назначенію его высочества великаго князя главнокомандующаго, приказомъ отъ 3 февраля 1876 года, еще при жизни князя Черкаскаго, причемъ я съ полковникомъ Шепелевымъ передъ выѣздомъ въ Филиполь представлялись Д. Г. Анучину, какъ заступавшему мѣсто князя Черкаскаго, за болѣзнью сего послѣдняго. Губернаторомъ въ Варнѣ былъ вначалѣ не генералъ Акимовъ, какъ пишетъ г. Анучинъ, а полковникъ Кишельскій, котораго впослѣдствіи замѣнилъ статскій совѣтникъ Баумгартенъ, полковникъ-же Кишельскій былъ назначенъ губернаторомъ въ Видинѣ, послѣ статскаго совѣтника Л. Ф. Тухолки, бывшаго первымъ видинскимъ губернаторомъ, а въ Рущукѣ, какъ выше сказано, губернаторомъ былъ назначенъ я приказомъ императорскаго комиссара отъ 10 мая 1879 г., гдѣ я смѣнилъ генерала Акимова.

И. С. Ивановъ.

1 декабря 1888 года.
г. Кишиневъ.

НИКОЛАЙ ПЛАТОНОВИЧЪ ОГАРЕВЪ.

XL.

Пиръ безконечный, весна безъ исхода,
Прелести жизни найду ли я васъ?...
Грозный мнѣ слышится голосъ съ небесъ:
«Счастья не надо,—любовь да смиренье!».

XLI.

Маріи.

О, какъ хорошо это небо надъ нами,
Лазурное, тихо идущее вдаль,
И солнце, что теплыми свѣтитъ лучами
И гонитъ съ земли и туманъ и печаль;
О, какъ хороши: этотъ воздухъ волнистый,
Что дышетъ такъ тихо, отрадно, тепло,
И лугъ, что цвѣтетъ такъ, зеленый, душистый,
И гладкое водъ полу-сонныхъ стекло!
А какъ же хорошъ поцѣлуй твой, Марія,
Съ любовію тихо мнѣ данный тобой,
И какъ же прекрасны минуты такія,
Гдѣ сердце такъ полно любовью святой!
О Боже! Зачѣмъ Ты весь міръ въ наслажденье
Далъ людямъ, зачѣмъ поцѣлуй Ты намъ далъ?
О знаю, Ты хочешь,—любовь въ умиленьи
Чтобъ каждый на небо съ земли возсылалъ.

Н. П. Огаревъ.

Чертково. Августъ 1839 г.

---

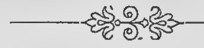
¹) См. „Русскую Старину“ изд. 1888 г., томъ LX, стр. 469—490, 601—616; изд. 1889 г., т. LXI, стр. 336, 352, 354, 430, 556, 644; т. LXII, стр. 134.

ИВАНЪ АЛЕКСѢЕВИЧЪ ШЕСТАКОВЪ

1820—1888.

Воспоминанія Л. И. Шестаковой,

рожден. Глинка.



21-го ноября 1888 г.

въ Севастополѣ.

[«Русская Старина» изд. 1889 г., т. LXII, апрѣль].

ИВАНЪ АЛЕКСѢЕВИЧЪ ШЕСТАКОВЪ

въ воспоминаніяхъ Л. И. Шестаковой,

рожденной Глинка,

1820—1888.

21-го ноября 1888 года скончался въ Севастополѣ одинъ изъ выдающихся современныхъ русскихъ государственныхъ дѣятелей. Не стало управляющаго морскимъ министерствомъ Ивана Алексѣевича Шестакова. Это былъ человѣкъ, одаренный большими способностями, энергіей и горячо любившій отечество.

«Русская Старина», съ обычнымъ ей уваженіемъ относясь къ таковымъ людямъ, съ удовольствіемъ даетъ мѣсто воспоминаніямъ объ опочившемъ,— воспоминаніямъ высокоуважаемой Людмилы Ивановны Шестаковой, рожденной Глинка, столь извѣстной преданностью ея и заслугами въ дѣлѣ распространенія и упроченія славы безсмертнаго русскаго композитора М. И. Глинки— ея друга и брата.

Воспоминанія Людмилы Ивановны вовсе не касаются государственной дѣятельности ея, по мужу, племянника, И. А. Шестакова. Она ограничивается почти исключительно характеристикой нравственной личности этого человѣка въ его отношеніяхъ къ отцу, роднымъ, женѣ, и приводимыми въ статьѣ письмами, дѣйствительно, ярко обрисовываетъ эту личность. Надо замѣтить, что съ 1835-го года И. А. Шестаковъ велъ дневникъ, который составляетъ шесть или семь томовъ; дневникъ этотъ, впрочемъ, какъ слышно, не будетъ напечатанъ ранѣе какъ чрезъ пятьдесятъ лѣтъ.

Иванъ Алексѣевичъ Шестаковъ родился 1820 года, 1-го апрѣля, въ родовомъ имѣніи отца своего, сельцѣ Смиловѣ, Краснинскаго уѣзда, Смоленской губерніи, гдѣ и провелъ все дѣтство до одинадцати лѣтъ, до опредѣленія его въ морской кадетскій корпусъ.

Печатаемыя здѣсь о немъ воспоминанія Людмилы Ивановны Шестаковой начинаются съ 1835-го года.

Ред.

I.

Кончина Ивана Алексѣевича Шестакова навела меня на мысль изложить на страницахъ уважаемой «Русской Старины» мои воспоминанія о немъ и его семьѣ и помѣстить его портретъ въ гравюрѣ извѣстнаго художника В. В. Маттэ.

Хотя мнѣ уже 72 года, но я хорошо сохранила въ памяти прошедшее и это естественно: въ тѣ годы, когда нѣтъ уже не только будущаго, но даже настоящаго, единственной отрадой служитъ переживать прошлое.

Способствуютъ составленію этихъ воспоминаній весьма обязательно присланныя мнѣ письма Ивана Алексѣевича къ родной его сестрѣ, Александрѣ Алексѣевнѣ, вдовѣ Краснопольской, и писанныя имъ къ мужу кузины его, князю Николаю Григорьевичу Друцкому-Соколинскому, вдова котораго, Марія Васильевна, рожденная Дровецкая, была такъ добра не отказала доставить мнѣ ихъ; также письма, полученныя отъ покойнаго Ивана Алексѣевича мною и другими лицами.

Въ 1835 году я вышла замужъ за Василія Илларіоновича Шестакова, двоюроднаго брата отца Ивана Алексѣевича, Алексѣя Антиповича Шестакова. Въ то время, особенно въ провинціи, это считалось близкимъ родствомъ, и наши двэ семейства были очень дружны.

Въ этомъ же 1835 году Иванъ Алексѣевичъ окончилъ блистательно курсъ морскаго корпуса, но по молодости (ему было тогда 15 лѣтъ) былъ оставленъ еще на годъ. Весьма понятно, что такому дѣятельному юношѣ, какимъ былъ Иванъ Алексѣевичъ, оставаться цѣлый годъ безъ дѣла—не легко, и онъ для развлеченія задумалъ устроить спектакль между товарищами и желалъ исполнить «Горе отъ ума»; роли уже были разучены, оставалось испросить разрѣшеніе начальства; вотъ тутъ-то и случилась исторія! Иванъ Алексѣевичъ сообщилъ свою затѣю дежурному офицеру (фамиліи не упомню), который отказалъ ему въ весьма невѣжливыхъ выраженіяхъ; Иванъ Алексѣевичъ вспылилъ, отвѣтилъ ему рѣзко; офицеръ пожаловался директору, адмиралу Крузенштерну, который, призвавъ Ивана Алексѣевича, началъ ему выговаривать; онъ, бывъ раздраженъ, не смолчалъ, и это рѣшило его участь.

«Ежели нѣмецъ окончательно на захочетъ держать его въ корпусѣ, то нечего дѣлать болѣе», отвѣчалъ М. П. Лазаревъ своему огорченному другу, «какъ прислать сюда твоего Ваню-Горюна, авось

перебѣсится! Я за нимъ присмотрю, сколько могу, и такъ какъ онъ не понюхалъ еще ни картъ, ни вина, то можетъ быть и пойдетъ еще по прямой дорогѣ».

Въ 1836 году Алексѣй Антиповичъ, ѣхавши съ нимъ въ Севастополь, чтобы поручить его товарищу своему, Михаилу Петровичу Лазареву, заѣхалъ къ намъ, и тогда я увидѣла Ивана Алексѣевича впервые. Они думали пробыть у насъ дня два, но Алексѣй Антиповичъ занемогъ и они прожили долѣе. Все это время Иванъ Алексѣевичъ былъ чрезвычайно грустенъ. Надо замѣтить, что въ началѣ этого года скончалась его мать, которую онъ боготворилъ; къ этому страшному горю прибавилась непріятность по службѣ, и я, не смотря на мое стараніе, не могла развлечь или успокоить его; но, наконецъ, случайно, мнѣ удалось вывести его изъ апатіи: у насъ были разные виды Чернаго моря, Севастополя, Николаева (ибо мой мужъ былъ тоже морякъ). Мнѣ вздумалось показать ихъ ему, и онъ оживился, началъ разсказывать мнѣ разныя подробности, читанныя и слышанныя имъ о флотѣ, увлекся, и послѣдніе дни уже былъ веселѣе. Тогда я поняла, что море—его жизнь!

Подъ руководствомъ опытнаго и серьезно относившагося къ своему дѣлу Михаила Петровича Лазарева, Иванъ Алексѣевичъ въ Севастополѣ съ любовью началъ свою службу, и извѣстно, что успѣхи его на избранномъ поприщѣ шли быстро.

Въ сентябрѣ 1836 г. адмиралъ извѣщалъ Алекс. Антипов., что: «Ваню-Горюна проэкзаменовали и послана просьба объ опредѣленіи его въ Черноморскій флотъ гардемариномъ».

Въ октябрѣ состоялось назначеніе, въ то время, когда всѣ его товарищи были уже офицерами.

Какъ образчикъ заботливости къ молодымъ Шестаковымъ М. П. Лазарева, говорившаго: «Ваня мнѣ нравится болѣе, нежели Николай, болѣе имѣетъ благородныхъ чувствъ и, кажется, можно ожидать, что современемъ будетъ хорошимъ офицеромъ», привожу содержаніе письма славнаго наставника къ заговорившему свысока мичману:

Николаевъ, 29-го марта 1840 г.

М. г—рь мой, Иванъ Алексѣевичъ! Письмо ваше изъ Севастополя отъ 21-го сего мѣсяца я получилъ, и сколько пріятно мнѣ было видѣть изъ онаго успѣхи ваши въ англійскомъ языкѣ и слышать о занятіяхъ вашихъ при переводѣ James's Naval History, столько же удивили меня и нескромныя выраженія ваши, которыя вы дозволили себѣ помѣстить въ письмѣ къ главному своему начальнику!—Выписываю ихъ слово въ слово:

«Служба моя на корветѣ болѣе продолжаться не можетъ, и какъ я уже сдѣлалъ пять полныхъ морскихъ кампаній, то по степени довѣренности ко мнѣ командира надѣюсь занять вахту на какомъ либо хорошемъ фрегатѣ; при нынѣшнемъ числѣ судовъ и множествѣ молодыхъ офицеровъ это, кажется, очень возможно, и проч.».

На это я долженъ вамъ напомнить, что вы два года и три мѣсяца только какъ офицеромъ, и что будущая служба ваша очень много будетъ зависѣть отъ той рекомендаціи, которую вы получите отъ командира корвета «Ифигенія», на которомъ вы служите. Имѣю честь быть готовый къ услугамъ М. Лазаревъ».

Нельзя не замѣтить, что письмо это ясно обрисовываетъ также характеръ обѣихъ личностей.

За время съ 1840 года до 1853 г. письма, къ сожалѣнію, затеряны, но я помню, что въ продолженіе этихъ 12-ти лѣтъ Иванъ Алексѣевичъ былъ три раза въ отпуску. Обыкновенно, какъ только пріѣзжалъ который нибудь изъ сыновей Алексѣя Антиповича на родину, насъ увѣдомляли объ этомъ, мы отправлялись въ Смилово, ихъ родовое имѣніе, и гостили тамъ не днями, а недѣлями; мы жили болѣе ста верстъ другъ отъ друга и ѣздить на короткое время не любили; къ тому же намъ было такъ хорошо всѣмъ вмѣстѣ, что насъ долго не отпускали, да надо правду сказать, и ѣхать оттуда не хотѣлось.

Во второй же пріѣздъ Ивана Алексѣевича мы провели нѣкоторое время въ Смоленскѣ, куда Алексѣй Антиповичъ пріѣхалъ съ семьей. Года не помню, но помню, что тогда родная сестра его, Прасковья Антиповна, была больна; она поселилась у нихъ послѣ кончины ихъ матери; недуги не позволяли ей выѣзжать съ племянницами, дочерьми Алексѣя Антипов., я замѣняла ее, и насъ сопровождалъ всегда Иванъ Алексѣевичъ.

Дочерей у Алексѣя Антиповича было двѣ: Марія и Александра; первая была замужемъ за княземъ Николаемъ Григорьевичемъ Друцкимъ-Соколинскимъ и, проживъ годъ съ небольшимъ, умерла отъ родовъ; эта кончина страшно огорчила всѣхъ и Ивана Алексѣевича особенно, онъ былъ очень друженъ съ нею, а впослѣдствіи князь женился на Маріи Васильевнѣ Дровецкой, которая по чувствамъ была имъ какъ родная сестра, потому что она съ самаго рожденія, лишившись матери, воспитывалась у нихъ.

Вторая дочь Алексѣя Антип., Александра Алексѣевна, нынѣ вдова Краснопольская. Сыновей было четыре: Николай, Иванъ, Дмитрій и Петръ; всѣ служили въ Черноморскомъ флотѣ. Первый умеръ отъ нервной горячки во время крейсерства у Абхазскихъ береговъ на

бригѣ «Меркурій», 27-го ноября 1839 года. Дмитрій умеръ въ Петербургѣ отъ холеры, а Петръ убитъ во время вылазки при защитѣ Севастополя.

Третій пріѣздъ Ивана Алексѣевича мнѣ особенно памятенъ; это было съ 1847 на 1848 годъ. Я съ братомъ моимъ, Мих. Ивановичемъ Глинкою, всю зиму съ сентября до марта провели въ Смоленскѣ и Алексѣй Антипов. съ семьей переѣхалъ изъ имѣнія въ городъ. Мы видались очень часто, братъ любилъ родныхъ моего мужа, особенно Шестаковыхъ; да невозможно было не любить и не уважать Алексѣя Антиповича, и вся семья была такъ образована и воспитана, что бывать съ нею было очень отрадно.

Я помню одинъ забавный случай: въ день ангела Алексѣя Ант. мы съ братомъ поѣхали провести у нихъ вечеръ. Все время въ присутствіи гостей было какъ-то чинно, но когда чужіе уѣхали, насъ оставили ужинать, и тутъ всѣ развеселились, разсказамъ и шуткамъ не было конца.

Когда мы собрались уѣзжать, братъ и я были уже въ шубахъ, Иванъ Алексѣевичъ сказалъ нараспѣвъ: «Прощайте, добрые друзья». Братъ, сбросивъ съ себя шубу, сѣлъ за инструментъ и спѣлъ всѣ любимые романсы Ивана Алексѣевича, всѣ остались довольны, а Иванъ Алексѣевичъ болѣе другихъ. И даже въ послѣдніе годы онъ вспоминалъ объ этомъ.

Въ концѣ декабря 1852 года братъ Ивана Алексѣевича, Дмитрій, о которомъ Михаилъ Петровичъ, словами англичанъ-стариковъ, говаривалъ: «If the devil does not get into his head, he may become a fine officer» и называлъ его третьимъ рекрутикомъ. А. А., какъ я сказала выше, умеръ отъ холеры въ Петербургѣ. Андрей Александровичъ Поповъ, нынѣ адмиралъ, который любилъ и уважалъ всю семью Шестаковыхъ и особенно былъ друженъ съ Димитріемъ, по пріѣздѣ его въ Петербургъ, пріютилъ его у себя на квартирѣ, гдѣ онъ скончался, о чемъ адмиралъ увѣдомилъ Ивана Алексѣевича. И вотъ отвѣтъ послѣдняго Попову:

«Добрый, благородный другъ мой, Андрей Александровичъ! Цѣлую мощную руку Провидѣнія, карающаго меня и кровныхъ моихъ, и съ теплотою чувствъ, свойственною только человѣку, пораженному неожиданною бѣдою, жму вашу, нанесшую мнѣ тяжкій ударъ.

«Вы знали насъ лучше, нежели мы знали другъ друга, знали, что во всю жизнь моего добраго Дмитрія между нами пронеслась однажды только черная тѣнь, и то скоро исчезла при вліяніи сильныхъ лучей взаимной любви; я старался всячески изгладить слѣды

кратковременнаго недоразумѣнія и, конечно, оно уничтожилось въ самомъ зародышѣ своемъ.

«Боже милосердый! Въ 1850-мъ году, опомнившись послѣ жестокаго кризиса горячки и замѣтивъ ослабѣвшимъ взоромъ плачущаго у моей постели Дмитрія, съ старикомъ адмираломъ, М. П. Лазаревымъ, смотрѣвшимъ на сцену своими нѣжными глазами, могъ ли я предугадать, что чрезъ два года обстоятельства измѣнятся такъ страшно. Блѣдный, изнеможенный остовъ, предметъ попеченій дышавшаго жизнью юноши и весело носившаго лѣта старика, теперь бодръ, свѣжъ и силенъ, а старавшійся вырвать его изъ когтей смерти—въ могилѣ.

«Спасибо вамъ, добрый другъ мой, за доказательство истиннаго дружества къ покойному, которое вы представляете, оставляя преждевременно милое семейство ваше для утѣшенія скорбящихъ друзей моихъ.

«Получивши ваше горькое письмо, я тотчасъ же отправился къ Брунову и просилъ его послать меня курьеромъ въ Варшаву, чтобы оттуда промчаться въ Смилово. Баронъ не рѣшился на то, но написалъ при мнѣ же Меньшикову; не знаю, что скажутъ мои власти, но кромѣ долга обществу, есть долгъ семейный, святой, сладкій долгъ, влекущій меня въ объятія моего неоцѣненнаго старца и громко взывающій къ моей раздробленной душѣ. Пишу теперь же къ Скачкову и прошу его представить князю мои причины въ должномъ свѣтѣ.

«Сестра Маша надѣется скоро быть матерью, и по мѣрѣ слабыхъ силъ смертнаго я хочу отвратить пагубныя послѣдствія новости.

«Контракты мною подписаны и до моего возвращенія врядъ ли начнутъ работу. Я прошусь всего на три недѣли, неужели есть сердце довольно черствое, чтобы не принять въ разсчетъ моихъ причинъ и оказать равнодушіе къ терзающимъ меня чувствамъ. Если получу согласіе, то черезъ три недѣли надѣюсь хотя нѣсколько облегчить семейное горе моимъ прибытіемъ. Желалъ бы васъ застать еще у насъ и горячо обнять за ваше расположеніе къ намъ. Если же эта пріятная надежда не сбудется, то исполните мою просьбу съ тѣмъ же благороднымъ рвеніемъ, съ которымъ вы взялись утѣшить старца. Узнайте, не осталось ли за покойнымъ долговъ и напишите мнѣ безъ отлагательства, чтобы я хотя этимъ могъ отблагодарить его за любовь ко мнѣ.

«Прощайте, живите для радости вашего добраго семейства и дай имъ Богъ не испытывать ничего подобнаго; съ этою теплою молитвою и всегдашнею благодарностью остаюсь вашимъ другомъ. Иванъ Шестаковъ».

Кстати тутъ помѣстить выписку изъ дневника отца Ивана Алексѣевича:

«Марта 31-го, 1853 года. Пріѣздъ любезныхъ друзей моихъ сыновей Ивана и Петра домой, въ дни семейной горести и скорби, старшаго изъ Лондона, за 4,000 слишкомъ верстъ, а младшаго изъ Севастополя, за 1,500, доставилъ нравственное и духовное мнѣ утѣшеніе, какъ живое доказательство примѣрной любви къ своему семейству. Ни отдаленность и важныя порученія по службѣ одному, ни недостатокъ средствъ къ пути другому, ничто имъ не могло препятствовать къ исполненію ихъ благороднаго, благочестиваго влеченія видѣть скорбныхъ отца и сестеръ, пораженныхъ внезапнымъ, сильнымъ несчастьемъ: потерею милаго, добраго нашего Дмитрія».

Въ томъ же году, въ ноябрѣ отъ 13-го (25-го), я получила изъ Лондона отъ Ивана Алексѣевича письмо въ два большихъ почтовыхъ листа, исписанныхъ мелко; въ немъ онъ откровенно описывалъ свое прошедшее и планы на будущую семейную жизнь. Оно интимнаго характера и я всего его не помѣщаю, но есть слѣдующая фраза: «Дѣятельность для меня необходима и я сложу руки развѣ только въ гробу»! И въ концѣ онъ пишетъ:

«Впрочемъ, можно ли теперь думать о безмятежномъ семейномъ счастьи, когда призываютъ на кровавый пиръ клики войны. Считая, что черепъ мой, столько же, сколько все, подъ нимъ находящееся, принадлежитъ отечеству, я просилъ, чтобы меня вызвали изъ этого несноснаго міра звонкой монеты, и жду съ нетерпѣніемъ отвѣта».

Въ маѣ 1854 г. Иванъ Алексѣевичъ встрѣтилъ меня въ Петербургѣ, на дебаркадерѣ Николаевской желѣзной дороги, и проводилъ до Царскаго Села, гдѣ была приготовлена для насъ большая удобная дача и куда пріѣхалъ вскорѣ братъ мой изъ Парижа.

Иванъ Алексѣевичъ бывалъ у насъ довольно часто, а иногда и гащивалъ, для чего былъ отданъ въ его распоряженіе большой кабинетъ.

Утрами каждый изъ насъ былъ занятъ отдѣльно, потомъ мы сходились, Ив. Ал. читалъ намъ что-нибудь интересное или братъ импровизировалъ, иногда и пѣлъ.

Въ августѣ мы переѣхали въ Петербургъ и Иванъ Алексѣевичъ продолжалъ бывать у насъ, когда былъ свободенъ отъ служебныхъ дѣлъ; онъ былъ тогда адъютантомъ великаго князя Константина Николаевича [1]).

Такъ продолжалось до 1855 года.

---

[1]) Необходимо замѣтить, что генералъ-адмиралъ съ тою проницательностью, которая Его Высочество всегда отличала, и съ обычнымъ ему сочувствіемъ къ даровитымъ русскимъ людямъ рано замѣтилъ въ рядахъ своихъ подчиненныхъ

II.

Женитьба —Кончина отца.

Зимой, съ 1854 на 1855 годъ, И. А. Шестаковъ не разъ ѣздилъ въ Москву, чтобы повидать свою дальнюю родственницу, Надежду Алексѣевну, которую ему очень хвалилъ братъ его Дмитрій; мать ея была рожденная княжна Оболенская и вышла замужъ за двоюроднаго брата нашего со стороны матери, Алексѣя Ивановича Михайловскаго. Они оба умерли почти въ одно время и Наденька, оставшись ребенкомъ, была взята на воспитаніе родною теткою ея, Натальей Петровной, княжной Оболенской.

Въ февралѣ 1855 г. Иванъ Алексѣевичъ былъ уже женихомъ Н. А. и вотъ письмо его къ единственной оставшейся въ живыхъ родной сестрѣ, Александрѣ Алексѣевнѣ:

11-го февраля 1855 года.

«На письмо твое, другъ мой Саша, спѣшу отвѣтомъ. Нашелъ его сегодня, возвратясь изъ Москвы, откуда писалъ тебѣ вмѣстѣ съ

энергичнаго, просвѣщеннаго и весьма ревностнаго къ службѣ Ивана Алексѣевича Шестакова. Когда Иванъ Алексѣевичъ, еще молодымъ офицеромъ, возвратился въ Россію изъ Англіи, гдѣ онъ выстроилъ фрегатъ, который, впрочемъ, въ виду войны въ 1854 г. былъ конфискованъ англичанами, генералъ-адмиралъ оставилъ Шестакова при себѣ и давалъ ему различныя важныя порученія, а именно сооруженіе канонерскихъ лодокъ (до 75 ихъ было выстроено въ два года); при этомъ, замѣтивъ способности и усердіе къ службѣ молодаго офицера, Великій Князь сдѣлалъ его, 21-го мая 1855-го года, своимъ адъютантомъ; въ 1859-мъ году, по возвращеніи Шестакова изъ Америки,—гдѣ онъ блистательно выполнилъ данное ему генералъ-адмираломъ порученіе, Иванъ Алексѣевичъ, по предстательству Великаго князя, былъ пожалованъ званіемъ флигель-адъютанта Его Величества, а затѣмъ сдѣланъ начальникомъ штаба въ Кронштадтѣ. Занимая этотъ постъ, Иванъ Алексѣевичъ имѣлъ столкновеніе съ генер.-адъют. Краббе, подробности коего не вполнѣ намъ извѣстны; столкновеніе произошло въ отсутствіе генералъ-адмирала въ Царство Польское.—Шестаковъ, по волѣ Государя Императора, былъ переведенъ въ Таганрогъ градоначальникомъ, а впослѣдствіи мы видимъ его на посту губернатора въ Вильнѣ. Здѣсь вслѣдствіе столкновеній съ генералъ-губернаторомъ А. Л. Потаповымъ — Шестаковъ долженъ былъ оставить службу, но для него было создано то положеніе представителя морскихъ силъ Россіи на берегахъ Средиземнаго моря, которое дало возможность Ивану Алексѣевичу, въ вполнѣ обезпеченной и почетной обстановкѣ, дождаться дальнѣйшаго своего возвышенія.

Ред.

моею невѣстою. Увѣдомь поскорѣе, какое вліяніе произвели на papa письма ея и Наталіи Петровны; онѣ поторопились, противно обычаямъ свѣта, написать первыми, чтобы выказать къ нему уваженіе и привязанность.

«Не безъ трудовъ достигъ я счастья. Поѣздъ нашъ отправлялся въ Москву, въ четвергъ, на масляницѣ. Страшная мятель и неисправность офицеровъ путей сообщенія задержали насъ на дорогѣ, въ семи верстахъ отъ Твери.

«Провидѣніе ниспослало намъ манну въ видѣ m-me Рахмановой, надъ которою мы смѣялись, когда она вошла въ вагонъ съ цѣлымъ рынкомъ провизіи. Позабывши сарказмы наши, хорошенькая вдовушка кормила насъ все время. Но участь остальныхъ пассажировъ была истинно бѣдственная. Въ 10-мъ часу ночи, тронувшись ихъ жалобными стонами, я отправился пѣшкомъ въ Тверь и тамъ поднялъ такую тревогу, что даже жесткія сердца офицеровъ путей сообщенія были тронуты, къ утру занесенный снѣгомъ поѣздъ отрыли и привели въ Тверь; но бо́льшая часть пассажировъ не ѣли въ теченіе 30 часовъ.

«Въ Твери насъ нагналъ знакомый мнѣ фельдъегерь, отправлявшійся въ Крымъ на экстренномъ поѣздѣ, и какъ фельдъегеря задерживать нельзя, то я и сѣлъ съ нимъ, надѣясь поспѣть въ Москву къ 4-мъ часамъ. Было воскресенье — послѣдній день масляницы, и ты можешь вообразить, какъ мнѣ не хотѣлось явиться къ Наденькѣ въ Великомъ посту. Отъѣхавши двѣ станціи, мы снова завязли въ сугробѣ, взяли лошадей и по шоссе достигли Клина, оттуда снова помчались въ вагонѣ и въ этотъ разъ съ бѣшеною скоростью. Я успѣлъ пріѣхать на Солянку за десять минутъ до полуночи и нашелъ тамъ все огромное семейство Оболенскихъ, ждавшее нашего прибытія съ 4-хъ часовъ.

«Не стану описывать тебѣ встрѣчи моей съ Наденькою, скажу только, что я теперь же беру на себя всякую отвѣтственность за наше счастье; конечно, не она будетъ виною, если случится иначе. Скажи papa, что я считаю союзъ нашъ особымъ милостивымъ воздаяніемъ Провидѣнія за мою любовь къ нему и за посильные труды мои на пользу службы.

«Вѣщунью Marie (Дровецкую, она шутя предсказывала Ив. Ал., что онъ женится на Наденькѣ) поцѣлуй за вѣсти такъ, какъ могутъ цѣловать только счастливцы. И передай papa, что великій князь при сегодняшней встрѣчѣ лобызалъ меня съ непритворною радостью и затѣмъ сказалъ: «Что-жъ? послѣ праздниковъ съ Богомъ и за

свадьбу?» Это есть желаніе Наденьки и вѣрно papa не станетъ тому противиться.

«Прощай, дружокъ мой; будь здорова и помни любящаго тебя брата и друга. И. Шестаковъ».

Въ апрѣлѣ онъ женился въ Москвѣ, всѣ родные были тамъ, поэтому я предложила Ив. Ал. присмотрѣть безъ него за устройствомъ его квартиры въ Петербургѣ, и тамъ же встрѣтила молодыхъ съ образомъ, хлѣбомъ-солью и цвѣтами.

Въ длинномъ письмѣ своемъ ко мнѣ изъ Лондона, въ 1853 году, Иванъ Алексѣевичъ описывалъ подробно, какія качества онъ желалъ-бы найти въ будущей женѣ своей, и Наденька удовлетворила всѣ его мечты; она была умна отъ природы, хорошо образована, главное, воспитана превосходно, съ большимъ тактомъ; понимала, любила и уважала Ивана Алексѣевича. Жизнь ихъ шла тихо, покойно, задушевно; у насъ они бывали часто, и иногда Ив. Ал., когда былъ занятъ по службѣ весь день (тогда у Красной горки стоялъ англійскій флотъ), оставлялъ жену у насъ.

Такъ шло время до 1856 года; въ 1856 году братъ мой уѣхалъ въ Берлинъ, я въ деревню и мы не видались съ Иваномъ Алексѣевичемъ до 1881 года, но я постоянно знала о немъ, и не смотря на перерывы между свиданіями нашими, мы всегда встрѣчались очень искренно и радушно.

Прилагаю письма его къ князю Ник. Григ. Друцкому-Соколинскому:

Нью-Іоркъ, 1858 г. 7 (19) мая.

«Получилъ я письмо ваше, добрѣйшій Николай Григорьевичъ, съ краткимъ извѣстіемъ о послѣднихъ минутахъ старца. Конецъ его мною былъ ожиданъ и можетъ считаться естественнымъ, поэтому, при утѣшеніи, доставляемомъ мнѣ женою, не поразилъ меня. Но я всегда уважалъ отца, горячо любилъ его и чувства эти питалъ бы къ нему, если бы и не былъ его сыномъ. На его мѣстѣ другой, столько лѣтъ проживши въ деревнѣ, овдовѣвши рано, разставшись съ дѣтьми и потерявши почти всѣхъ, давно палъ бы духомъ и умомъ, лишился бы всякой энергіи.

«Я разлучился съ нимъ съ 10-ти-лѣтняго возраста; онъ вполнѣ имѣлъ право на мою признательность за первоначальное воспитаніе и за постоянные дѣльные совѣты.

«Въ кругу сосѣдей, сколько я знаю, онъ пріобрѣлъ общее уваженіе. Итакъ, миръ его праху! Въ семьѣ нашей не было ссоръ и раздоровъ, какъ часто случающихся, за это мы должны быть ему

обязаны. Увѣренъ, что и теперь всѣ мы близкіе будемъ жить согласно и въ самыхъ лучшихъ отношеніяхъ, чему не мало будетъ способствовать частая переписка.

«Душевно благодарю васъ, любезный Николай Григорьевичъ, за участіе, принятое въ сестрѣ въ столь горькія тяжелыя минуты. Человѣкъ съ чувствомъ достоинства долженъ любить свободу; итакъ, не огорчаясь, что Саша отказывается отъ гостепріимнаго и родственнаго предложенія вашего, дайте ей приволье; испытаетъ и увидитъ, можетъ быть, что оно заманчиво тогда только, пока имъ не пользуешься. Прошу васъ поставить ее на ногу хозяйки въ Смиловѣ; увѣренъ, что вы понимаете вполнѣ деликатность чувствъ женщины и съумѣете уладить все къ удовольствію сестры. Я считаю это съ моей стороны первымъ и непремѣннымъ долгомъ. Преданный вамъ И. Шестаковъ».

Нью-Іоркъ, 1859 г. 4-го апрѣля нов. ст.

«Письмо ваше, любезный Николай Григорьевичъ, получилъ; радъ, что у васъ все благополучно.

«А я затѣялъ выстроить и вооружить небывалаго мамонта. Нашъ корабль не такъ-то легко спустить, а снарядить исправно, чтобы плылъ благополучно — и еще менѣе. Я въ большомъ волненіи, хотя дѣло не слишкомъ важно и затруднительно, и чѣмъ болѣе трудъ приближается къ концу, тѣмъ опасенія мои увеличиваются. Что-то изъ всего этого выйдетъ, и какъ-то окажется громадный «Генералъ-Адмиралъ», сплоченный и отдѣланный, просто не знаю. Чрезвычайно горько будетъ, если морскія качества его не будутъ соотвѣтствовать работѣ, труду и издержкамъ; но все это теперь очень скоро должно рѣшиться, и когда письмо до васъ дойдетъ, мы будемъ уже собираться въ путь на родину.

«Благодаря Бога, прожилъ благополучно въ этой странѣ болѣе двухъ лѣтъ, не сломавши шеи и не бывши подстрѣленнымъ, но не безъ непріятности, разумѣется, при предстоящихъ окончательныхъ разсчетахъ. Такихъ безсовѣстныхъ мошенниковъ въ денежныхъ сдѣлкахъ врядъ ли гдѣ найдешь и придется горячо воевать за каждый долларъ.

«Мнѣ велѣно зайти на пути въ Шербургъ и, вѣроятно, предстоитъ проѣхать до Парижа для встрѣчи съ Великимъ Княземъ, который располагаетъ быть тамъ въ іюнѣ. Все это было бы пріятно, если бы финансовые разсчеты мои оказались вѣрными, а то едва-едва сплетаемъ концы и хорошо, когда останется что нибудь на Парижъ.

«Еще ничего не знаю о будущемъ своемъ назначеніи
«Преданный вамъ И. Шестаковъ».

Кронштадтъ, 1859 г. 26 іюля.

«Вотъ я и въ отечествѣ, любезный Николай Григорьевичъ, послѣ блистательнаго и чрезвычайно удачнаго перехода изъ Нью-Іорка въ Шербургъ и оттуда сюда.

«Приняли меня здѣсь также блистательно, сдѣлали флигель-адъютантомъ и дали Владиміра на шею, а что не менѣе пріятно для меня, дали бывшимъ со мною шести офицерамъ все, что я просилъ, а просилъ я не мало. Вообще служебныя дѣла мои въ наилучшемъ положеніи.

«Очень хотѣлось бы сказать тоже о частныхъ, но, къ сожалѣнію, надежды мои видѣть васъ тотчасъ по приходѣ въ Россію, основанныя на положительныхъ обѣщаніяхъ, лопнули.

«Великій князь хвораетъ и долженъ былъ отправиться для морскаго купанья на островъ Вайтъ, куда я иду за нимъ дня черезъ три, путемъ, только что пройденнымъ.

«Кампанія наша будетъ коротенькая: къ 8-му сентября, дню совершеннолѣтія наслѣдника, мы непремѣнно должны быть назадъ; затѣмъ послѣдуетъ разоруженіе фрегата на долгую зиму; о такомъ цѣнномъ произведеніи стоитъ похлопотать, чтобы его не сокрушила наша суровая зима.

«Вслѣдствіе всѣхъ этихъ случайностей, я не могу обнять васъ ранѣе октября, заглянувши предварительно въ Калугу, куда жена отправляется тотчасъ по отплытіи моемъ. Весь вашъ И. Шестаковъ».

III.

Переписка. — Новое опредѣленіе на службу 1872—1881 г.—И. А. Шестаковъ къ А. А. Краснопольской.

Вѣна, 1872 г. 20-го марта (1-го апрѣля).

«Тотчасъ по возвращеніи изъ Петербурга, друзья мои, я отправилъ вамъ письмо, въ которомъ изъяснялъ причины, воспрепятствовавшія мнѣ обнять васъ и вашихъ малютокъ, увѣдомлялъ о переѣздѣ нашемъ въ Вѣну и выражалъ надежду, что мы тамъ свидимся, вспомнивъ, что вы мнѣ писали о намѣреніи вашемъ посѣтить выставку.

«Въ Петербургѣ были ко мнѣ чрезвычайно внимательны, не только опредѣлили вновь на службу, но выполнили, могу сказать,

мои прихоти. Противъ воли я поставилъ условіемъ службу за границею, такъ какъ здоровье жены не выноситъ нашего жосткаго климата.

«Захотѣли принять это въ соображеніе и выдумали для меня мѣсто агента отъ флота въ Австріи и Италіи.

«Итакъ, я опять въ настоящей своей колеѣ, внѣ всякихъ политическихъ треволненій; буду стараться по мѣрѣ силъ моихъ быть полезнымъ Царю и Россіи и съ Божьею помощью, умудренный опытомъ, надѣюсь не безцѣльно провести остатокъ назначенныхъ мнѣ дней. Весь вашъ И. Шестаковъ».

Ницца, 1876 г. 19-го апрѣля (1-го мая).

«Другъ мой Саша! Только что получилъ письмо твое отъ 11-го (23-го) апрѣля. Напрасно пишешь ты, что меня не занимаютъ подробности касательно будущаго твоихъ дѣтей.

«Не только меня утѣшаютъ твои хлопоты объ ихъ воспитаніи, но и радуетъ твоя рѣшимость окончить его въ Москвѣ, гдѣ, конечно, болѣе средствъ, а главное—другая среда. Перемѣны въ этомъ отношеніи просвѣтляютъ дѣтскій умъ. Что касается до опасности для нихъ дурнаго примѣра, вѣдь ты сама будешь постоянно наблюдать за ними и во-время устранять недолжныя вліянія. Fait ce que dois, advienne ce que pourra, говоритъ пословица. Нѣтъ причинъ опасаться, чтобы хорошо веденныя дѣти, на глазахъ матери, увлеклись даже въ наше время, столь обильное увлеченіями. Затѣмъ, съ твоей стороны, всегда останется сладкое убѣжденіе исполненія долга.

«Но куда же ты помѣщаешь сына? Весь твой И. Шестаковъ».

Ницца, 1877 г. 26-го іюля (7-го августа).

«Прости меня, добрый другъ Саша, что такъ надолго прервалъ всякую корреспонденцію съ тобою.

«Благодаря Бога, наше положеніе улучшилось и жена моя немножко оправилась. Мы проводимъ зимы въ Ниццѣ, а лѣтомъ, обыкновенно, набираемся силъ на какихъ либо водахъ. Чувствую себя совершенно здоровымъ и крѣпкимъ, хотя уже очень близокъ къ седьмому десятку. Все еще занимаетъ и кипятитъ, и отсюда съ сердечнымъ трепетомъ слѣжу за предпринятою нами войною. То радуюсь, то перехватываетъ духъ тревожными ожиданіями.

«Напиши мнѣ подробно о твоей семьѣ, какъ они ростутъ и куда направляются ихъ и твои желанія. Все ли у васъ хорошо въ матерьяльномъ отношеніи?

«А я, благодаря старому моему начальству, вспомнившему преж-

нюю мою службу и давшему спокойное мѣсто съ средствами къ жизни, могу существовать безбѣдно, иначе было-бы плохо. Что дѣлается въ родномъ, увы! навсегда покинутомъ мною Смиловѣ? Не поскупись на подробности самыя мелкія, онѣ еще болѣе свяжутъ меня съ тобою и твоими. Весь твой И. Шестаковъ».

Въ 1879 году скончалась жена Ивана Алексѣевича; узнавъ объ этомъ отъ нашихъ общихъ родныхъ, я немедленно написала ему, и получила отвѣтъ изъ Ниццы, съ приложеніемъ Наденькиной и его карточекъ, въ которомъ онъ подробно описывалъ ходъ ея болѣзни и кончины, она умерла отъ чахотки; Ив. Ал. былъ въ отчаяніи, жаловался, что онъ сталъ совершенно одинокъ, и къ сожалѣнію ни сестра его, ни кузина, по семейнымъ дѣламъ, не имѣли возможности ѣхать къ нему.

Въ 1881 году Иванъ Алексѣевичъ пріѣхалъ и поселился въ Петербургѣ. Онъ немедленно посѣтилъ меня; встрѣча наша была радостная и горькая: столько жертвъ близкихъ сердцу были взяты уже неумолимою смертью; намъ отрадно было говорить о нихъ и мы видались часто.

IV.

Назначеніе управляющимъ морскимъ м—ствомъ.—Болѣзнь.—Кончина.

1882—1888.

Въ 1882 году Ив. Ал. былъ назначенъ управляющимъ морскимъ министерствомъ; помѣщаю письмо его къ сестрѣ этого времени:

1882 года, 14-го января.

«Другъ мой Саша! Собирался написать тебѣ на праздникахъ, но переговоры по новому моему назначенію и неразлучная съ ними суета отнимали все мое время.

«Сегодня уже являлся къ государю какъ управляющій морскимъ министерствомъ, и нашелъ минутку, чтобы побесѣдовать съ тобою.

«Тяжкая подъ старость выпала мнѣ доля; напрягу всѣ силы, какія Богъ оставляетъ еще мнѣ, чтобы оправдать довѣріе нашего Царя, такъ ревностно пекущагося объ истинномъ благѣ Россіи. Надя моя поможетъ мнѣ своими молитвами и проститъ мнѣ, что отвыкну отъ постоянной о ней думы на пользу, какъ надѣюсь, флота, который любилъ съ дѣтства. Преданный тебѣ братъ, И. Шестаковъ».

19-го января 1882 г.

«Совсѣмъ замотался, другъ мой Саша, и до сихъ поръ не поздравлялъ тебя съ Новымъ годомъ. Дай Богъ, чтобы онъ принесъ тебѣ спокойствіе и утѣшеніе въ твоемъ горѣ. Скоро три года, что я понесъ такую же потерю, и, не смотря на то, что нѣтъ почти минуты, принадлежащей себѣ, не смотря на цѣлебное свойство времени, память о дорогой усопшей не покидаетъ меня и грусть вкрадывается въ краткіе промежутки между занятіями дѣломъ.

«У тебя нѣтъ такого сильнаго отвлеченія, но за то есть видимыя утѣшенія въ дѣтяхъ, а утѣшенія сердечныя большой и необходимый рессурсъ. Въ свѣтѣ, здѣсь, напримѣръ, всѣ ласковы и любезны, но сердцу нѣтъ пищи, потому что все это условно, формально, такъ слѣдуетъ по занимаемому мною положенію, но не съ кѣмъ отвести душу и радостно ухватываешься за все, что носитъ признакъ истинной привязанности. Вотъ почему рѣдкія встрѣчи съ Людмилой Ивановной для меня особенно пріятны и даже отрадны. Ей ничего не нужно; она также живетъ воспоминаніями и мы проводимъ время въ бесѣдахъ о бывшемъ Смиловѣ [1]).

«Напиши, какъ тебѣ живется, что дѣлаетъ дочь и чего ждешь отъ сына.

«Я все въ работѣ и хлопотахъ. Слава Богу, всѣмъ здоровъ, только долгое пребываніе въ тепломъ климатѣ сказывается постоянною простудою и несноснымъ, по временамъ, кашлемъ.

«Со времени потери моей, ушелъ отъ меня живительный сонъ, но странно, это меня ни мало не ослабляетъ, такъ что въ отношеніи къ дѣламъ безсонница только выгодна. Весь твой И. Шестаковъ».

Въ 1882 году 30-го августа Иванъ Алексѣевичъ былъ назначенъ генералъ-адъютантомъ къ Его Величеству; онъ поспѣшилъ меня извѣстить, съ просьбою пообѣдать съ нимъ въ этотъ день. Я не могла исполнить его и свое желанія по нездоровью, поздравила его двумя словами и получила отвѣтъ:

30-го августа 1882 г.

«Искренно благодарю васъ, добрая родная, за ваше привѣтствіе. Я поистинѣ счастливъ милостью государя.

«Для каждаго подобное назначеніе весьма лестно; для меня же

---

[1]) Жалѣю, что не знала объ этомъ письмѣ ранѣе, тогда, конечно, не смотря ни на что, я бывала бы у него такъ часто, какъ онъ того желалъ.

Л. И. Ш.

оно и знаменательно: тринадцать лѣтъ назадъ, по рознямъ враговъ моихъ [1]), я былъ исключенъ изъ военнаго дома [1]), сегодняшній день для меня день публичнаго возстановленія моей чести, de ma reabilitation.

«Не могъ не вспомнить мою Надю: бѣдняжка переносила съ необычайною твердостью все—потерю моей карьеры, нашего состоянія и собственныя многолѣтнія страданія. Я религіозенъ по своему и убѣжденъ, что Надя радуется за меня въ мірѣ неизвѣстномъ; а въ этомъ добрые родные. Весь вашъ И. Шестаковъ».

До 1886 года мы видались довольно часто; онъ бывалъ у меня, какъ только имѣлъ свободную минуту. Я помню, что въ 1881 году, въ первый день Пасхи, Иванъ Алексѣевичъ далъ слово вечеромъ пить чай со мною, и когда кучеръ, запрягая, упустилъ лошадей, то Ив. Ал. пріѣхалъ въ курьерской телѣжкѣ.

Онъ настоятельно желалъ, чтобы два или хотя одинъ день въ недѣлю я проводила у него съ утра до вечера; я виню себя, что не исполнила его просьбы.

Въ 1886 году, въ январѣ мѣсяцѣ, съ Иваномъ Алексѣевичемъ сдѣлался ударъ; я немедленно поѣхала къ нему и была очень встревожена; спустя нѣсколько дней онъ написалъ мнѣ карандашемъ слѣдующую записку:

«Слава Богу, все идетъ лучше и лучше».

Въ мартѣ, по высочайшей волѣ, Ив. Ал. отправился въ Ливадію для того, чтобы совершенно окрѣпнуть до предстоявшихъ церемоній спуска кораблей. И онъ пишетъ объ этомъ сестрѣ своей.

Ливадія, 8-го апрѣля 1886 г.

«Другъ мой Саша! Благодареніе Богу, выпавшая на мою долю случайность ни на минуту не лишила меня сознанія, а только ослабила на нѣкоторое, надѣюсь, время. Добрый нашъ Государь послалъ меня сюда на предварительный отдыхъ и вообще выказалъ такое вниманіе, какого я, конечно, не успѣлъ еще, при всемъ желаніи моемъ, заслужить. Я сказалъ предварительный отдыхъ, потому что располагаю, по окончаніи церемоній въ Севастополѣ и Николаевѣ, тотчасъ пуститься въ дальній путь, именно, отплыть въ Китай, наши владѣнія на Амурѣ, Японію и возвратиться черезъ Соединенные Штаты къ ноябрю мѣсяцу.

«Доктора полагаютъ, и я думаю также, что продолжительное плаваніе по морю совершенно возстановитъ мои силы, и я снова

---

[1]) То есть изъ свиты Его Величества.

примусь за исполненіе моего долга къ Государю и Россіи! Надѣюсь не быть еще лишеннымъ этого счастья и надежды мои подкрѣпляются готовностью (какъ мнѣ, по крайней мѣрѣ, кажется) предстать предъ Вышнимъ судьею и цѣнителемъ нашихъ земныхъ дѣйствій; но Онъ далъ намъ жизнь, слѣдовательно, мы обязаны цѣнить этотъ даръ и съ нашей стороны брать мѣры для сохраненія его. Говорятъ, письменный столъ и умственныя тревоги довели меня до ослабленія; вотъ я и отрываюсь отъ стола и усиленныхъ умственныхъ занятій, хотя много предстоитъ интереснаго и во многое придется вникнуть.

«Но ты подумаешь, что я совсѣмъ никуда не годенъ. По наружности, говорятъ мнѣ, я смотрю лучше, нежели прежде; довольно силенъ, чтобы выносить здѣшнюю жизнь, ставшую хлопотливою со времени прибытія сюда двора, и дѣлать многія распоряженія къ предстоящему торжеству.

«Для меня это будетъ, дѣйствительно, торжествомъ. Судьбѣ угодно было доставить мнѣ случай работать на возрожденіе и продолженіе исполненія замысловъ покойнаго М. П. Лазарева. Принимая происшедшія со времени его смерти перемѣны въ разсчетъ, стараюсь все возобновлять по его планамъ, отступая только по необходимости и сколько можно менѣе.

«Удача въ предстоящихъ спускахъ кораблей и удовольствіе Царя будутъ для меня особенно отрадны. Преданный братъ И. Шестаковъ».

Долгое плаваніе принесло Ивану Алексѣевичу видимую пользу, и пробывъ потомъ два мѣсяца въ Парижѣ, онъ возвратился въ Петербургъ бодрымъ и почти здоровымъ, только кашель тревожилъ его.

Онъ всю зиму, съ 1886 на 1887 годъ, выѣзжалъ довольно много, бывалъ у меня; мы вмѣстѣ присутствовали на 50-ти-лѣтнемъ юбилеѣ «Жизнь за Царя», и потомъ слушали «Руслана». Ив. Ал. очень любилъ музыку и, не смотря на то, въ адмиралтействѣ онъ былъ лишенъ этого большаго удовольствія, о чемъ въ свободныя минуты онъ высказывалъ не разъ сожалѣніе.

Весною 1887 г. Иванъ Алексѣевичъ уѣхалъ въ Севастополь и оттуда на Кавказъ; возвратился въ началѣ іюня уже больнымъ и страшно усталымъ. Когда я пріѣхала навѣстить его, онъ сказалъ: «Я чувствую, что поѣздка на Кавказъ была мнѣ не подъ силу». И точно, всю зиму 1887—1888 гг. онъ хворалъ, временами былъ очень слабъ.

У меня былъ всего одинъ разъ 17-го ноября 1887 г. Въ этотъ день, благодаря доброму расположенію и любезности Ѳедора Игнатье-

вича и Анны Кириловны Стравинскихъ, мнѣ удалось доставить случай Ив. Ал. слышать его любимые романсы, сочиненія Глинки, которые братъ самъ пѣвалъ для него.

Въ іюнѣ минувшаго года, наканунѣ послѣдняго отъѣзда Ивана Алексѣевича за границу, я пріѣхала проститься съ нимъ; онъ встрѣтилъ меня словами: «Вы до конца хотите меня баловать, я только распорядился, чтобы ѣхать къ вамъ, какъ мнѣ сообщили о вашемъ пріѣздѣ».

Это былъ послѣдній разъ, когда я его видѣла; онъ былъ веселъ, любезенъ, и когда я уѣзжала, онъ провелъ меня черезъ всю залу и хотѣлъ выйти на лѣстницу, но я остановила его, простилась еще, и, оставивъ его въ залѣ, вышла и затворила дверь.

Иванъ Алексѣевичъ писалъ мнѣ изъ Эмса и Гастейна, постоянно жаловался на погоду, здоровье, докторовъ и неудобства, но, возвратясь въ Ливадію, одна мысль оживляла его, это поѣздка въ Батумъ на встрѣчу Государю, и онъ исполнилъ ее.

Послѣ роковой катастрофы, 17-го октября 1888 г., я послала телеграмму въ Ливадію узнать объ Ив. Ал., потомъ написала ему и получила слѣдующій отвѣтъ:

Ливадія, 1-го ноября 1888 г.

«Дорогая, родная Людмила Ивановна! Письмо ваше, отъ 26-го октября застало насъ также въ сырости и холодѣ, до того мѣшающихъ правильному моему леченію и выздоровленію, что мы почти рѣшили перебраться въ Севастополь, гдѣ квартиры устроены болѣе по зимнему и гдѣ, можетъ быть, я отдѣлаюсь отъ лихорадочныхъ припадковъ.

«Больной, но собравши силы, я ходилъ на встрѣчу Государю и былъ, поистинѣ, счастливъ видѣть Его и Императрицу.

«Прощаясь въ Севастополѣ, я никакъ не воображалъ, что на другой день Россія едва не лишится всей царской семьи.

«Вы правы, что вѣсть о несчастьи, устраненномъ однимъ Божьимъ велѣніемъ, сильно охватила меня, нашелъ какой-то столбнякъ.

«Представьте, въ какомъ краѣ мы живемъ! Событіе 17-го октября, могшее довести до безумія всю Россію, сдѣлалось извѣстнымъ только 19-го. Оффиціальная депеша появилась тогда уже, когда въ публикѣ громко и много толковали о разныхъ ужасахъ. Впрочемъ, намъ остается только усердно благодарить Бога.

«Состояніе моего здоровья очень плохо; если оно продолжится, какъ бы ни хотѣлось послужить еще нашему несравненному Владыкѣ, придется повиниться въ неспособности. Преданный И. Шестаковъ».

10-го ноября Иванъ Алексѣевичъ переѣхалъ въ Севастополь; здоровье его все шло хуже и хуже, и 21-го ноября 1888 года онъ скончался.

Я просила адъютанта его, Андрея Августовича Эбергарда, сообщить мнѣ о послѣднихъ дняхъ Ив. Ал. и онъ не отказалъ мнѣ въ просьбѣ; прилагаю выписки изъ его письма:

Севастополь, 27-го ноября 1888 г.

«Многоуважаемая Людмила Ивановна! Въ первыхъ числахъ ноября замѣчено было, что покойный нашъ Иванъ Алексѣевичъ сталъ очень слабѣть. Онъ чувствовалъ перемѣну къ худшему, но не унывалъ и говорилъ, что рѣшилъ, во что бы то ни стало, вернуться въ Петербургъ, гдѣ продолжать леченіе въ болѣе удобной обстановкѣ. Ив. Ал. сдѣлалъ слѣдующее росписаніе: 10-го переѣхать въ Севастополь, а 27-го ноября выѣхать въ Петербургъ, чтобы прибыть туда 1-го декабря.

Переѣздъ изъ Ялты выдался чудесный, была тихая, почти лѣтняя погода. Завернутый въ шинель, онъ не сошелъ съ верхней палубы, откуда любовался видомъ крымскаго берега, вдоль котораго мы шли около четырехъ часовъ.

Въ Севастополѣ Ив. Ал. прошелъ пѣшкомъ съ пристани на квартиру и былъ въ отличномъ настроеніи.

12-го ноября ноги почти отказались служить. Я убѣдилъ адмирала позволить спустить его на улицу въ креслѣ; тамъ онъ пересѣлъ въ удобный porte-chaise, сдѣланный для него еще въ 1886 г. Мы отправились осмотрѣть морскіе соборы, Петра и Павла и тотъ, въ которомъ онъ погребенъ. Иванъ Алексѣевичъ не могъ оторваться, на разныхъ пунктахъ приказывалъ остановиться и смотрѣлъ съ восторгомъ, разсказывая мнѣ и бывшему съ нами инженеру много интереснаго.

Вернулся онъ домой крайне взволнованный и, дѣлая предположенія о будущемъ величіи Севастополя, со слезами на глазахъ, закончилъ:

— «Только не увижу я этого».

Каждое утро Ив. Ал. занятъ былъ служебными вопросами, давалъ приказанія, призывалъ для переговоровъ служащихъ.

20-го же ноября, вечеромъ, на телеграмму синопцевъ, адмиралъ, прерывающимся голосомъ, диктовалъ мнѣ слѣдующую отвѣтную:

«Благодарю за лестное для меня вниманіе. Съ Божьею помощью, надѣюсь, что истинная сила Лазаревскаго флота—преданность дѣлу и чувство долга—осѣнитъ создаваемый по волѣ Государя современный

Черноморскій флотъ, чему много могутъ способствовать старые черноморцы, живущіе въ средѣ новаго поколѣнія».

Привожу эту телеграмму, чтобы показать, какъ свѣтелъ былъ умъ его до послѣдней минуты. Болѣе подходящаго отвѣта на депешу, въ которой ему желали, чтобы современный броненосный флотъ превзошелъ бы Лазаревскій, нельзя придумать.

21-го ноября (день кончины) утромъ я читалъ Ивану Алексѣевичу газеты; онъ слушалъ внимательно, дѣлалъ замѣчанія, смѣялся...

Въ 9½ часовъ вечера того же дня (1888) онъ почувствовалъ сильный холодъ. «Холодно, накройте меня халатомъ», сказалъ онъ. Безъ пяти минутъ 10 часовъ вечера Иванъ Алексѣевичъ сильно раскашлялся и въ это время сдѣлался у него параличъ сердца. Преданный А. Эбергардъ».

Государь Императоръ соблаговолилъ позволить похоронить Ивана Алексѣевича въ Севастополѣ, въ соборѣ св. Владиміра.

Этимъ грустнымъ событіемъ заканчиваю мои записки. Много помню разговоровъ съ покойнымъ, но не помѣщаю ихъ, ибо они завлекли бы меня далеко. Цѣль моя была уяснить личность Ивана Алексѣевича и показать въ какихъ онъ былъ отношеніяхъ къ своимъ родственникамъ. Что же касается до значенія его, какъ государственнаго дѣятеля и моряка, это дѣло предстоитъ біографу, который, безъ сомнѣнія, найдетъ что нибудь извлечь изъ приведенныхъ выше его писемъ.

Мнѣ же остается повторить слова Шекспира: человѣкъ онъ былъ!

Людмила Шестакова,

рожденная Глинка.

ЗАПИСКИ АЛЕКСАНДРА МИХАЙЛОВИЧА ТУРГЕНЕВА

1796—1810.

LXV [1]).

Первые дни послѣ кончины Екатерины II. — Конфедератка а-ля-Костюшко. — Воспоминаніе о Суворовѣ. — Преслѣдованіе прежней одежды. — Ѳедулъ и его злоключенія.—Коллежскій совѣтникъ Щекатихинъ.—Фельдъегеря.—Ссылки.— Князья Куракины. — Сперанскій и Дроздовъ. — Сандуновъ и Пшеничный. — Откупщикъ Злобинъ. — Ящикъ для принятія прошеній и жалобъ.

I [2]).

7-го ноября 1796 г. было приказано не отлучаться. Приказаніе быть въ квартирѣ, не отлучаться—мнѣ, равно и товарищамъ моимъ, вахмистрамъ, весьма не нравилось. Мы привыкли къ свободѣ, отлучались, ходили, куда хотѣли, не спрашивая дозволенія у дежурнаго вахмистра (правящій ротою вахмистръ назывался дежурный).

---

[1]) См. „Русскую Старину" изд. 1885 года, томъ XLVII, стр. 365—390; т. XLVIII, стр. 55—82, 247—282, 473—486; изд. 1886 г., т. XLIX, стр. 39—62; т. LII, стр. 45—76, 259—284; изд. 1887 г., т. LIII, стр. 77—106, 329—342; изд. 1889 г., т. LXI, стр. 209—230.

[2]) Настоящая глава собственноручныхъ Записокъ д. ст. сов. А. М. Тургенева, написанная въ 1831—1834 гг., представляетъ значительно подробнѣйшее изложеніе автора съ нѣсколькими существенными и весьма интересными дополненіями къ его же разсказу, напечатанному по другой рукописи автора въ «Русской Старинѣ», изд. 1885 г., т. XLVII, стр. 382 и слѣдующія. Мы уже объясняли, что подлинная рукопись Записокъ А. М. Тургенева получена была нами отъ С. И. Кирѣевскаго лишь въ 1886-мъ году, когда уже былъ напечатанъ въ «Русской Старинѣ» сокращенный текстъ этихъ Записокъ, переданный намъ внукомъ А. М. Тургенева—г. Сомовымъ. Ред.

8-го числа ноября, послѣ завтрака, думалъ я: вчера при вечерней зарѣ приказанія не отлучаться изъ квартиръ сказано не было, такъ почему же я обязанъ сидѣть дома!

Любопытство видѣть, чтò происходитъ у дворца, на улицахъ, въ городѣ, не давало, какъ голодъ, мнѣ ни на минуту покоя. Рѣшился, надѣвъ теплый сюртукъ (въ царствованіе Екатерины мундиры надѣвали тогда только, когда кто былъ нараженъ къ исправленію должности, напримѣръ: въ караулъ, дежурить при ротѣ), на голову конфедератку а-ля-Костюшко—конфедератка а-ля-Костюшко на головѣ русскаго въ Петербургѣ! — шапка, которую въ Польшѣ носили въ почесть искуснаго, храбраго полководца, который въ это время томился еще въ сыромъ, темномъ казематѣ Петропавловской крѣпости. Павелъ чрезъ нѣсколько дней освободилъ генерала Костюшко, но освободилъ не по уваженію невинности его, а потому единственно, что онъ былъ заключенъ въ казематъ по велѣнію Екатерины.

Также было поступлено и съ русскими, бывшими въ тюрьмахъ и подъ судомъ по повелѣнію предшественницы Павла; многихъ наградили, въ числѣ сихъ былъ казанскій губернаторъ Желтухинъ, судимый при Екатеринѣ за грабежъ и взятки въ Казанской губерніи. Желтухинъ освобожденъ въ 1797 г. отъ суда и пожалованъ званіемъ сенатора.

Находившійся болѣе 30-ти лѣтъ исключеннымъ изъ военнаго списка генералъ-поручикъ Свиньинъ также переименованъ въ сенаторы.

Блаженной памяти Петръ Сергѣевичъ Свиньинъ едва, едва умѣлъ подписывать свой чинъ, имя и фамилію.

Я носилъ конфедератку потому, что всѣ тогда носили конфедератки (армейскіе—генералитетъ, штабъ и оберъ-офицеры носили конфедератки, будучи въ должности, на службѣ, въ полномъ мундирѣ), но конфедератка на головѣ русскаго! По мнѣнію моему нынѣ (1831—1834 гг.), тогда мнѣ и въ мысль этого не приходило, да я и не былъ способенъ тогда такъ мыслить,—есть самая жесткая укоризна русскому: 200 тысячъ воиновъ, вооруженныхъ штыками, посланы подъ предводительствомъ Александра Васильевича Суворова въ Польшу...

Суворовъ, по дымящемуся отъ крови человѣческой пути,

вступилъ въ Варшаву; въ короткое время съ войскомъ его то-же совершилось въ Варшавѣ, что было съ Сципіоновыми легіонами въ Капуѣ. По именнымъ повелѣніямъ высылали изъ Варшавы мужей въ Россію къ забытымъ ими женамъ ихъ!

Но куда увлекла меня конфедератка а-ля-Костюшко!

Надѣвъ теплый сюртукъ и шапочку,—боюсь повторить ея названіе, оно меня поведетъ опять не туда, куда я, дѣйствительно, 8-го числа ноября 1796 г., пошелъ, то есть по Невской набережной къ Зимнему дворцу. Взойдя у Лѣтняго сада на перекинутый крутою дугою мостъ черезъ канаву, протекающую изъ Невы въ Мойку, увидѣлъ я въ довольно не близкомъ отъ моста разстояніи, близь Мраморнаго дворца, толпу полицейскихъ, служителей и будочниковъ, которые дѣйствовали нагло, оскорбительно, причиняя испугъ, убытокъ и вмѣстѣ со всѣмъ тѣмъ доставляли забавное зрѣлище. Полицейскіе и будочники срывали съ проходящихъ круглыя шляпы, рвали ихъ въ куски и кидали на улицу; у фраковъ, шинелей и сюртуковъ обрѣзывали отложные воротники и, изорвавши у проходящаго шляпу, окорнавши фракъ, сюртукъ, шинель, горделиво объявляли потерпѣвшимъ обиду и убытокъ особенное на то повелѣніе.

Мнѣ въ ту-же минуту вспомнились слова капрала Синтякова: „отжили мы добрые дни, кому дадутъ покой"!

Въ ту-же минуту помыслилъ я, что когорта, усердно исполнявшая особое велѣніе, приближалась ко мнѣ и была уже въ нѣсколькихъ отъ меня саженяхъ; вспомнилъ, что у сюртука моего воротникъ соболій, тогда купленный за 80 рублей; что красивая, чернаго англійскаго казимира, съ мушковымъ околышемъ а-ля-Костюшко шапка стоила мнѣ 8 рублей, и что воротникъ и а-ля-Костюшко увеличатъ рвеніе и усердіе въ исполнителяхъ особаго повелѣнія.

Первый домъ по набережной стоялъ Бецкаго (потомъ принадлежавшій женѣ Рибаса, дочери Бецкаго—побочной, Бецкій не былъ женатъ); въ немъ помѣщалась типографія друга моего и родственника В. А. Плавильщикова, и онъ самъ тутъ же жилъ; дверь спасенія была близка, я юркнулъ въ сѣни, захлопнулъ за собою дверь и побѣжалъ на лѣстницу. Но мнѣ послышалось, что въ дверь, крѣпко захлопнувшуюся, толкали, порывались уже находившіеся въ авангардѣ когорты.

Я вошелъ въ комнату друга моего, нашелъ его погруженнымъ въ созерцаніяхъ о преобразованіи круглой своей шляпы въ треугольную! Шило и дратва были вспомогательными ему средствами, и онъ былъ уже близко къ цѣли своей. Неожиданное появленіе мое предъ нимъ живо отразилось на лицѣ его и первое его слово ко мнѣ было: „не въ бѣдѣ ли вы, Александръ Михайловичъ?"

— „Что такое значитъ, какую бѣду предполагаешь?" вмѣсто отвѣта спросилъ я.

— Какъ какая бѣда! Вы въ службѣ не въ мундирѣ, а въ сюртукѣ, съ отложнымъ воротникомъ! да знаешь ли, любезный другъ, сказалъ В. А. въ полголоса и съ большимъ безпокойствомъ: „со вчерашняго дня начали уже за то, что военнослужащій не въ мундирѣ, отсылать на заточеніе въ крѣпость. Видишь, что я самъ преобразился въ преобразователя—круглой шляпы въ треугольную! Несправедлива пословица: не учась грамотѣ въ попы не ставятъ!—Посмотри, пожалуй, я геометріи не ученъ, во всю жизнь мою никогда никакого плана даже и углемъ на стѣнѣ не черчивалъ, а кругъ преобразилъ въ треугольникъ, хоть куда преузорочно!"

Но когда я ему наскоро пересказалъ причину посѣщенія моего, и что мнѣ послышался стукъ въ захлопнувшіяся за мною двери, В. А. измѣнился въ лицѣ, взялъ меня за руку, повелъ меня въ другую комнату и сказалъ мнѣ:

— Сбрось съ себя сюртукъ, надѣнь шлафоръ мой и колпакъ, возьми книгу и сиди, не шевелись, будто читаешь.

Я все по сказанному въ минуту выполнилъ, сюртукъ и а-ля-Костюшко мои В. А. Плавильщиковъ кинулъ въ шкафъ съ платьемъ, въ углу стоявшій, и, выходя изъ комнаты, громко позвалъ Ѳедула.

Ѳедулъ артельщикъ, уроженецъ ярославскій, служилъ у В. А.; о Ѳедулѣ будетъ въ свою очередь; человѣкъ необыкновенный, по приключенію, съ нимъ случившемуся, и по характеру заслуживаетъ, чтобы разсказать о немъ.

В. А. сказалъ Ѳедулу: „Посмотри, мнѣ послышалось—стучатся, толкаются въ дверь".

Ѳедулъ отправился, по приказанію, посмотрѣть кто толкалъ, стучался въ дверь.

Оставимъ Өедула въ сѣняхъ состязаться съ внѣшними дѣйствователями и разскажемъ о Өедулѣ.

II.

Өедулъ былъ ростомъ 2 арш. 9 вершковъ, волосы на головѣ русые, бровь черная, голубые свѣтлые глаза, пригожее продолговато-овальное лицо, широкая грудь, стройный станъ, словомъ—настоящій русскій, безъ примѣси.

Въ Ярославской области, что нынѣ именуется губерніей, татарскаго твердаго владычества никогда не было, и настоящія черты лица русскаго, чистая кровь русская сохранились въ уроженцахъ ярославскихъ.

Өедулъ былъ парень лѣтъ 18, какъ сказывалъ, когда отецъ его, казенный крестьянинъ, привезъ къ знакомому ярославскому богатому купцу и отдалъ въ работники, съ платою въ годъ 15 рублей за службу, харчь и одежда хозяйскія. Два года безъ малаго Өедулъ жилъ у купца въ работникахъ и былъ за послушаніе, готовность на услугу, за трудолюбіе хозяиномъ, хозяйкою и всѣми домашними любимъ. Өедулъ вошелъ уже у хозяина въ довѣренность, ему ввѣрялись товары для отвоза въ палатку на гостиномъ дворѣ (хозяинъ Өедуловъ былъ фабрикантъ).

Въ ноябрѣ мѣсяцѣ, наканунѣ имянинъ хозяйскихъ, хозяйка наказала Өедулу привезть съ рѣки поранѣе двѣ бочки воды,— „гостей будетъ много, стряпня большая. Владыко и губернаторъ обѣщались пожаловать“, прибавила она къ приказанію.

Өедулъ, лишь только начало свѣтать, запрегъ бураго въ дровни, поставилъ сороковую бочку на повозку, отперъ ворота, съѣхалъ со двора; но какъ въ купеческихъ домахъ и до нынѣ еще (1831—1834 гг.) сохраняется обычай держать ворота на запорѣ, Өедулъ, заложивъ возжу за оглоблю, чтобы лошадь не могла побѣжать, вошелъ на дворъ запереть ворота со двора замкомъ, къ калиткѣ подвелъ цѣпную собаку—въ домѣ всѣ еще спали, вышелъ въ калитку, затворилъ ее и шелъ отвернуть возжу отъ оглобли, чтобы ѣхать на рѣку за водою.

Въ это время видитъ онъ, что напротивъ двора его хозяина, у сосѣда, черезъ заборъ перелѣзали три человѣка, а трое, стоявшіе нѣсколько поодаль, были навьючены мѣшками. Это были воры: дожидавшіеся упрекали перелѣзшихъ въ медленности; одинъ изъ нихъ отвѣчалъ на упрекъ: „да пиво-то, братъ, знатное, жаль было разстаться“.

— „Обрадовался пиву! видишь, свѣтаетъ. Вонъ парень-то съ бочкою, у сосѣднихъ воротъ, вѣрно насъ видитъ“.

На это замѣчаніе отозвался голосъ: „да это Ѳедулка—работникъ фабрикантовъ“.

Надобно знать приказанія,—завѣтъ, данные Ѳедулу, когда отецъ оставилъ его у купца-фабриканта. Разставаясь, сказалъ ему:

— „Ѳедулушка, Богъ благословитъ тебя, дитятко! живи, другъ, смирно, честно, слушайся хозяина, хозяйку и всякаго добраго человѣка; трудись, работай, вставай рано—на зарѣ, да за дѣло; чужаго, другъ, волоса не тронь; коли что и подымешь, потерянное принеси къ хозяину, какъ онъ прикажетъ; что другіе дѣлаютъ—не зарься на нихъ, не твое дѣло, твой отвѣтъ — „видѣлъ не видалъ, слышалъ не слыхалъ“, цѣлѣе будешь; наше дѣло крестьянское, Ѳедулушка,—говорятъ, для насъ и законъ не писанъ“.

Ѳедулъ свято исполнялъ завѣтъ родителя; но въ это утро, когда поѣхалъ за водою и видѣлъ воровъ, нарушилъ заповѣдь.

Возвращаясь съ рѣки съ другою уже бочкою воды, бурый попріусталъ, лѣниво тянулъ дровни; на дворѣ поободняло, и Ѳедулъ, понукая коня, шедши возлѣ повозки, видѣлъ издалека толпу людей у воротъ противо-сосѣдняго двора; подъѣхавъ ближе, слышалъ гамъ, толки, догадки, заключенія какимъ образомъ, какъ воры умудрились перелѣзть чрезъ высокій заборъ?

Въ срединѣ толпы стояли и умствовали хозяинъ дома, въ которомъ сдѣлалась покража, и полуотрезвившійся блюститель общественнаго спокойствія, тишины и благочинія, квартальный офицеръ, — стояли, толковали, умствовали, доискивались того, какъ воры вошли и вышли со двора, хотя средство и неоспоримое доказательство находилось у всѣхъ предъ глазами: веревка, привязанная или накинутая мертвой петлей на верхушку заборнаго столба и, брошенная въ нѣсколькихъ шагахъ отъ воротъ

на улицѣ, жердь, посредствомъ которой воры накинули на верхушку столба веревку.

Ѳедулъ, отложивъ лошадь и поставивъ къ корму въ конюшнѣ, поспѣшилъ выбѣжать на улицу послушать, что̀ происходитъ предъ сосѣдними воротами. Подошелъ къ толпѣ толковавшихъ, удивлявшихся и услышалъ ихъ недоумѣнія, какъ воры вошли и вышли! Самолюбіе выказать умъ свой, похвастать смышленностію въ минуту изгладили въ памяти его завѣтъ родительскій: „видѣлъ не видалъ, слышалъ не слыхалъ". Ѳедулъ, протолкавшись въ средину толпы, гдѣ находились обкраденный купецъ и безпросыпный стражъ народнаго спокойствія, назвавъ сосѣда по имени и отчеству, сказалъ:

— „Да какъ это вы не видите, какъ они перелѣзли черезъ заборъ? Развѣ не видите веревки, на верхушкѣ заборнаго столба, накинутой мертвой петлей, да вонъ подъ заборомъ и жердь лежитъ, съ помощью которой воры на столбъ накинули веревку".

При сихъ словахъ поникшія красныя очи отъ пьянства квартальнаго надзирателя прояснѣли, засверкали, какъ у ястреба, когда онъ готовъ схватить когтями своими горлицу. Квартальный тряхнулъ раза два головой, откашлялъ нѣсколько разъ, чтобы прочистить, сколько ему было возможно, запекшееся отъ вина горло и съ послѣднимъ „гмъ" въ горлѣ длани блюстителя тишины, спокойствія и порядка производили ужаснѣйшій безпорядокъ на ланитахъ Ѳедула.

Прежде нежели успѣлъ злополучный Ѳедулъ, пораженный ударами квартальнаго, перевести духъ отъ испуга, сказать: „помилуйте, ваше благородіе! за что, знать не знаю!" кровь лилась у страдальца изъ носа, рта и ушей. Съ словомъ Ѳедуловымъ „знать—не знаю" остервенившійся, разсвирѣпѣвшій, запыхавшійся отъ рукопашнаго дѣйствія, квартальный заревѣлъ хриплосиповатымъ голосомъ: „какъ, мошенникъ, знать — не знаешь! Вотъ какъ мы знать не знаемъ, такъ болѣе двухъ часовъ здѣсь толкуемъ, да никому и въ домекъ не пришло посмотрѣть на заборный столбъ, а ты, мошенникъ, какъ разъ тутъ! ты знаешь? ты видѣлъ? А! что скажешь?"

Ѳедулъ, оцѣпенѣвшій отъ страха, избитый, отвѣчалъ: „ваше благородіе, знаю, видѣлъ".

Квартальный заревѣлъ громчѣй прежняго: „Вяжите ему руки

назадъ, да въ полицію", и, обратясь къ купцу—хозяину покраденнаго, сказалъ: „дѣло въ шляпѣ, все изъ-подъ земли вырою!"

Купецъ и прочіе, въ толпѣ бывшіе, изъявили одобреніе свое подвигамъ г-на полицейскаго офицера,—„ну, исполать, ваше благородіе! вотъ какъ коршунъ цыпленка отъ насѣдки, такъ вы Ѳедулку-то изволили выхватить!"

Полицейскій, утирая отсырѣвшее лицо свое отъ сильнаго дѣйствія руками, окинувъ съ гордымъ сознаніемъ прозорливости своей вокругъ стоявшихъ людей, пошелъ съ важностію въ полицію, а за нимъ повели со связанными на спинѣ веревкою руками невиннаго Ѳедула.

Какъ дѣйствовали при допросахъ ярыги и опричные въ царствованіе Грознаго Ивана Васильевича, такъ и нынѣ [1]) дѣйствуютъ ярыги, то есть полицейскіе! При царѣ Иванѣ IV допросъ начинался тѣмъ, что допрашиватель ударялъ въ ступень ноги приведеннаго къ допросу копьецомъ, насаженнымъ на трость, и какъ гвоздемъ приковывалъ его къ мѣсту; техническое выраженіе сего дѣйствія означалось словами „обварить". Такой приступъ къ допросамъ продолжался въ царствованія Петра и его преемниковъ престола до царствованія Екатерины II; во второй половинѣ XVIII вѣка хотя и написанъ законъ — „безъ суда никто да не накажется",— но это было только написано, напечатано, оглашено во всей Европѣ, за деньги, поэтами, учеными, философами того вѣка. Тогда же уничтожили тайную канцелярію, адскій сигналъ къ мученіямъ „слово и дѣло",—на дѣлѣ же и пытки, и тайная канцелярія точно также существовали, какъ и прежде! Подъ глазами ея въ Петербургѣ—Терскій, Шишковскій, въ Москвѣ—Черединъ пытали и мучили.

И нынѣ (въ 1831 году, въ наиболѣе глухихъ мѣстахъ нашего отечества) вмѣсто техническаго слова „обварить" нѣкоторые допрашиватели употребляютъ выраженія „озадачить, огорошить"; почитающіе себя просвѣщеннѣйшими прочихъ думали облагородить старинную технику и говорятъ вмѣсто обварить, озадачить, огорошить—слово „офрапировать".

---

[1]) Писано въ 1831 году.

III.

Въ царствованіе Павла, не упомню въ 1798 или 1799 году, предъ великимъ постомъ, въ сырную недѣлю, пріѣхалъ къ фельдмаршалу гр. Салтыкову, главноначальствовавшему тогда въ Москвѣ, оглашенный во всей Европѣ, а можетъ быть и въ Америкѣ и въ Азіи, г. коллежскій совѣтникъ Щекатихинъ, о которомъ Авг. Коцебу въ сочиненіи своемъ „L'année mémorable de ma vie" говоритъ со всею подробностію. Щекатихинъ былъ присланъ изъ Петербурга къ фельдмаршалу — съ именнымъ повелѣніемъ, въ которомъ было написано: „содѣйствовать и всячески вспомоществовать Щекатихину въ открытіи и преслѣдованіи похитителей изъ дворца иконы въ золотомъ окладѣ и серебра" — не помню какого числа фунтовъ или пудовъ.

Щекатихинъ предложилъ фельдмаршалу употребить для поисковъ въ Москвѣ кого-либо изъ ловкихъ, расторопныхъ служителей полиціи, самъ же онъ (Щекатихинъ) отправился въ Ростовъ на ярмарку, въ надеждѣ не успѣетъ ли въ Ростовѣ отыскать, схватить кого-либо изъ соучастниковъ въ учиненномъ похищеніи. Щекатихинъ не имѣлъ никакого свѣдѣнія, даже подозрѣнія о томъ, кто были воры, но былъ уполномоченъ особымъ повелѣніемъ брать и пытать всякаго, кто ему подозрительнымъ покажется. Фельдмаршалъ долженъ былъ согласиться на предложеніе г. Щекатихина. Въ 1797—1800 гг. не было начальника, какой бы степени онъ ни былъ, не говоря уже о частныхъ людяхъ, который бы ни дрожалъ отъ страха, когда входилъ къ нему фельдъегерь съ запечатаннымъ кувертомъ.

Много было случаевъ, что фельдъегеря, получивъ изустное велѣніе, отправлялись въ мѣстожительство обреченной жертвы, брали несчастнаго и везли въ крѣпость, въ ссылку, везли—куда хотѣли, да куда—хотѣли!

Въ 1797—1800 гг. часто случалось, что вызывался дежурный фельдъегерь и получалъ изустное повелѣніе: „поѣзжай въ такой-то городъ или село, возьми такого-то и отвези его въ крѣпость, въ Сибирь", при чемъ зачастую не указывалось названіе мѣста заточенія.

Это называлось въ фельдъегерскомъ корпусѣ—экстраординарное особое повелѣніе.

Въ такомъ случаѣ выдавались фельдъегерю прогоны и порціонныя на пищу деньги до мѣста, гдѣ находилось обреченное лицо, а на дальнѣйшее слѣдованіе въ пути давали отправленному съ экстраординарнымъ велѣніемъ открытый листъ во всѣ казначейства государства русскаго—требовать на прогоны и порцію по надобности. Фельдъегерю порціонныхъ въ пути выдавалось 3 рубля въ сутки, прогоны въ оба пути туда и обратно на три лошади; въ подорожной писали: „таковому отправленному давать по три лошади безъ малѣйшаго задержанія, везть—куда укажетъ—безотговорочно".

На всѣхъ станціяхъ и донынѣ (1831 г.) съ посланнаго фельдъегеря ямщики прогоновъ не берутъ, но еще фельдъегеря дарятъ, чтобы не билъ ямщика и не уморилъ гнавши лошадей. Такимъ образомъ участь несчастнаго зависѣла отъ корыстолюбія фельдъегеря, присланнаго взять и отвезть въ крѣпость, въ ссылку; но куда въ ссылку, то есть въ которое именно мѣсто Сибири—это было оставлено на произволъ фельдъегеря.

Какія же были послѣдствія таковыхъ велѣній? Кто были выполнители оныхъ?

Унтеръ-офицеры и всякая (мелюзга), принятая въ фельдъегерскій корпусъ—фельдъегерями, въ посланцы и исполнители особыхъ повелѣній. Сколько содѣлалось въ 1797—1800 гг. жертвъ, погибшихъ безвозвратно, оставшихся въ заточеніяхъ и ссылкѣ, которыя, если жизнь ихъ не прекратилась еще и донынѣ (1831 г.), томятся въ тюрьмахъ или влачатъ остатки дней ненавистной имъ жизни гдѣ-либо въ пустыняхъ, покрытыхъ снѣгомъ и туманами, которыхъ и отыскать невозможно—почему? Разскажу, что дѣлали [въ концѣ прошлаго столѣтія] посланные фельдъегеря, и это обнаружитъ вопросъ—почему невозможно [было] отыскать томящихся въ заточеніи, въ ссылкѣ?

Если присланный фельдъегерь находилъ во ввѣренномъ ему лицѣ человѣка богатаго, онъ за деньги предоставлялъ обреченному подъ наказаніе избрать себѣ мѣсто ссылки, перемѣнить крѣпостное казематное заточеніе на ссылку; это было весьма удобно сдѣлать: фельдъегерь письменнаго повелѣнія не имѣлъ, получилъ непосредственно, изустно особый приказъ; спросить

его, что ему повелѣно, куда, къ кому или за кѣмъ онъ посланъ— никто не осмѣливался, да и фельдъегерь никому того сказать не смѣлъ: данное ему особое повелѣніе должно было оставаться непроницаемою тайною до выполненія и по исполненіи его должно было быть покрыто вѣчнымъ забвеніемъ; сдѣлать измѣненіе въ полученномъ повелѣніи фельдъегерь могъ безъ всякаго опасенія, во-первыхъ, потому, что нерѣдко бывали дни, въ которые 15—20 фельдъегерей было отправлено въ разныя мѣста съ экстраординарными повелѣніями. Могла ли власть вспомнить, что каждому изъ фельдъегерей приказано, кого назначили въ ссылку, кого въ крѣпость, а мѣста ссылки или названія крѣпости и самъ отправлявшій въ ссылку не изволилъ знать и ничего не могъ вспомнить объ этомъ, ибо самъ при приказаніи сказалъ фельдъегерю только одно изъ двухъ словъ: „въ крѣпость“,—„въ Сибирь!“.

О принятомъ комендантомъ или губернаторомъ арестантѣ, къ которымъ фельдъегерь его привозилъ, всеподданнѣйшаго рапорта непосредственно чрезъ того же фельдъегеря не доходило, но, по установленной формѣ, въ срочное время, т. е. 1-го числа каждаго мѣсяца, коменданты показывали въ линейкахъ своихъ рапортовъ прибыль и убыль цифрами. Губернаторскія мѣсячныя и полумѣсячныя донесенія о состояніи ввѣренныхъ имъ губерній и о всѣхъ случившихся въ оныхъ событіяхъ не удостоивались (въ 1796—1800 гг.) высочайшаго воззрѣнія. Донесенія или вѣдомости губернаторскія по тогдашнему доставлялись генералъ-прокурору и оставались въ его канцеляріи; оставались часто, по лѣности правителя канцеляріи и прочихъ чиновниковъ, нераспечатанными; самъ же генералъ-прокуроръ считалъ выслушивать докладъ сихъ донесеній для себя обременительнымъ, ничтожнымъ,—ему было некогда......

А какъ жилъ, въ XVIII в., тогдашній вельможа? Онъ увивался предъ фавориткою, чуть ни ползалъ предъ Иваномъ Павловичемъ Кутайсовымъ,—спѣшилъ затѣмъ въ свою очередь насладиться жизнью, повеличаться, погордиться предъ толпящимися въ залахъ его дома прихвостниками.

Возвращался домой--игорный столъ былъ уже готовъ, и удостоенные быть ему партнерами ожидали прибытія его изъ дворца, какъ жиды ожидаютъ въ синагогѣ, въ называемый ими страшный день, пришествія Мессіи.

Въ 9 час. вечера, по окончаніи партіи, камердинеръ докладывалъ: „карета вашего высокопревосходительства готова". Вельможа покидалъ карточную игру и отправлялся къ своей фавориткѣ, вѣроятно, также на игру, а государственныя дѣла лежали въ канцеляріи его на столахъ, въ углахъ неприкосновенными.

Правители канцелярій сообразовались въ образѣ жизни сановнику, а съ ними сообразовались въ родѣ жизни и всѣ прочіе мелкіе чиновники, словомъ отъ перваго до послѣдняго никто ничего не дѣлалъ!

Нынѣ [1]), однако, при министрахъ много (неудобнѣе) потому, что отъ множества подраздѣленій, какъ-то директоровъ, начальниковъ отдѣленій, столоначальниковъ, чиновниковъ для разныхъ порученій, приключеній и сочиненій, коммиссій, комитетовъ и пр., и пр. ни отъ кого ни о чемъ толку не добьешься. Горе тому, кто имѣетъ нынѣ (1831 г.) какое либо дѣло у гг. министровъ, достойна сожалѣнія участь несчастнаго.

Просителя пересылаютъ изъ департамента въ департаментъ, а въ департаментахъ изъ одного отдѣленія въ другое, отъ одного стола къ другому, подобно тому, какъ полиція пересылаетъ (1831 г.) изъ части въ часть невинныхъ обывателей, которыхъ обокрали, для очныхъ ставокъ съ ворами, которыхъ, разумѣется, воровъ, изъ предосторожности, чтобы не имѣли случая сговориться (техническое слово—сдѣлать стачки), размѣщаютъ въ разныхъ частныхъ домахъ, какъ можно далѣе одинъ отъ другаго находящихся. Результатъ столь благо, столь разумно придуманнаго и зрѣло обдуманнаго распоряженія полиціи—есть тотъ, что обокраденный обыватель, утомившись отъ переходовъ изъ части въ часть и оскорбленный сопровожденіемъ почетной полицейской гвардіи, которая ему изъ одного частнаго дома въ другой сопутствуетъ, броситъ искъ свой, отступится отъ найденнаго похищеннаго ворами его имущества, и тѣмъ дѣло получитъ свое окончаніе.. ..

---

[1]) Писано въ 1831 году, т. е. болѣе полувѣка тому назадъ и задолго до тѣхъ реформъ, которыя совершенно измѣнили къ лучшему весь строй механизма внутренняго управленія въ Россіи.

Ред.

Еще доказательство: фельдъегерь, привозившій арестанта и передававшій его, въ концѣ XVIII в., мѣстному военному или гражданскому начальству, называлъ арестанта или, лучше сказать, давалъ ему званіе, имя, отчество, прозваніе по произволу, изъ предосторожности, чтобы уклонить себя на будущее время отъ всякой отвѣтственности, могущей возникнуть въ случаѣ возвращенія сосланнаго въ Сибирь или въ крѣпость.

Если получившій фельдъегерь „экстренное“ изустное особое повелѣніе, взять и отвезть въ ссылку, находилъ въ обреченной жертвѣ человѣка бѣднаго, не могшаго удовлетворить корыстолюбія его, или и богатаго, но упрямаго, не соглашавшагося, не искавшаго у него за деньги милостиваго снисхожденія, въ такомъ случаѣ фельдъегерь смотрѣлъ въ мѣсяцесловѣ таблицу, показывающую разстояніе, число верстъ городовъ и крѣпостей отъ столицъ, избиралъ по произволу дальнѣйшее мѣсто и везъ туда несчастнаго; число верстъ умножало число прогонныхъ денегъ, отдаленность умножала число дней проѣзда и вмѣстѣ число порціонныхъ по 3 рубля въ сутки; деньги прогонныя и порціонныя оставались всѣ у фельдъегеря, ибо, какъ я сказалъ уже, ямщики съ фельдъегерей не требовали прогоновъ, а на станціяхъ смотрители, въ городахъ полиціймейстеры, городничіе, въ губернскихъ городахъ губернаторы старались угощать гг. фельдъегерей, какъ почтенныхъ, знаменитыхъ посѣтителей, отнюдь не смѣя любопытствовать кого везетъ.

Переданный арестантъ подъ другимъ именемъ не могъ никоимъ образомъ обнаружить ложь фельдъегеря, толико пагубную на весь остатокъ дней несчастнаго. Мѣстное начальство не могло и не должно было на основаніи (тогдашняго) узаконенія внимать и уважать показаніе арестанта, онъ—преступникъ, изринутый, оторванный членъ отъ общества, въ политическомъ быту своемъ болѣе не существующій, морально—мертвецъ, ему оставлено одно ненавистное, гнусное, скаредное для него физическое существованіе, безличное, безусловно отданное безотвѣтной прихоти, произволу начальнику того мѣста, гдѣ ссыльный находился.

Бывалъ произволъ мѣстныхъ правителей и въ царствованіе премудрой, премилосердой, человѣколюбивой матери отечества Великой Екатерины II,—какъ называли и говорили ея пане-

гиристы и поэты, и въ ея время. Тобольскій губернаторъ Чичеринъ, по благоусмотрѣнію и изволенію своему, приказывалъ и весьма часто сосланныхъ въ Тобольскъ плѣненныхъ польскихъ конфедератовъ и другихъ сосланныхъ привязывать къ толстымъ бревнамъ по дюжинѣ и болѣе, смотря по длинѣ и толщинѣ дерева, и сталкивать ихъ съ крутизны надъ оврагомъ въ 3-хъ или 2-хъ верстахъ отъ Тобольска. Разбитые, размозженные члены сверженныхъ уносились волнами Иртыша, омывавшими берегъ оврага [1]).

IV.

Но всего не опишешь, не выскажешь; обратимся къ прибывшему въ Москву съ порученіемъ Щекатихину.

Я уже разсказалъ, съ какимъ уваженіемъ, съ какою боязнію встрѣчали посланцевъ съ особыми повелѣніями, а фельдмаршалъ графъ Ив. Петров. Салтыковъ, забывая знатность рода своего, забывая, что онъ внукъ знаменитаго вельможи въ царствованіе императрицы Анны и близкаго ей человѣка Салтыкова, прозваннаго по чернымъ и густымъ бровямъ императрицею соболемъ, забывая, что онъ сынъ фельдмаршала, побѣдителя Фридриха Великаго, что онъ самъ фельдмаршалъ, морщился, хмурился, отворотясь, но въ лицо Щекатихину улыбался и одобрялъ предложеніе сего ярыги, изъявлялъ готовность выполнить все, что Щекатихинъ за лучшее находитъ къ достиженію своей цѣли.

Призванъ бывшій тогда въ Москвѣ оберъ-полиціймейстеромъ Павелъ Никитичъ Каверинъ,—опять отступленіе отъ разсказа, считаю необходимымъ ознакомить читателя, увѣдомить его, что̀ такое Каверинъ.

Каверинъ былъ маіоръ въ отставкѣ, развратнѣйшаго поведенія, сколь возможно о развратѣ и всякаго рода неистовствахъ составить себѣ идею—все это представлялъ Каверинъ въ себѣ олицетвореннымъ; словомъ, Павелъ Никитичъ былъ преемникомъ всѣхъ и всякой нечистоты безъ изъятія. Пригожая наруж-

---

[1]) Чичеринъ по отношенію къ конфедератамъ былъ, дѣйствительно, весьма жестокъ, что видно изъ мемуаровъ одного изъ этихъ ссыльныхъ въ Тобольскѣ, при Чичеринѣ, см. въ «Русскомъ Архивѣ», изд. 1886 г. Ред.

ность, довольно большой ростъ, крѣпкія мышцы, широкая грудь, ручавшіяся за благонадежность въ силахъ и продолженіи дѣйствія, доставляли ему средства въ избыткѣ къ удовлетворенію его прихотей и вести жизнь съ роскошью, равняться съ богачами, баричами, быть въ кругу тѣхъ, которые себя сами почитаютъ лучшими людьми общества (le beau monde, la haute volée). Въ продолженіе трехъ, четырехъ лѣтъ Каверинъ успѣлъ раззорить болѣе полудюжины богатыхъ женщинъ въ обществѣ лучшихъ людей, и репутація его гремѣла въ Москвѣ. Братъ жены Ивана Петровича Архарова—Катерины Александровны, Корсаковъ (имя его забылъ), богачъ, оставилъ послѣ себя побочныхъ сына и дочь, обезпечилъ на будущее время жизнь ихъ, надѣливъ обоихъ значительнымъ достояніемъ; по смерти его, дѣти поступили подъ опеку и покровительство въ домъ Архарова.

Анна Петровна, безфамильная дочь умершаго Корсакова, была рѣдкой красоты дѣвица, отлично образованная, одаренная талантами, съ большимъ умомъ и съ большою неопытностью. Отецъ ея, Корсаковъ, не щадилъ ничего, платилъ большія деньги за ученіе Анны Петровны. Она все переняла, чему ее учили, казалась прелестнымъ ангеломъ и, дѣйствительно, была ангелъ по врожденному ей расположенію къ добру, но ей не было дано правилъ нравственности, и отъ кого было ей получить сіи наставленія: она была сирота, она не знала матери своей!

Домъ Ив. Петр. Архарова былъ кабакъ для такъ называющихся благородныхъ, то-же самое, что впослѣдствіи (1831 г.) въ Москвѣ англинской клубъ. Чтобы поступить членомъ въ клубъ, надобно (было) имѣть для игры въ карты деньги, чтобы быть принятымъ въ домѣ Архарова были надобны деньги.

Катерина Александровна была очень скупа; изъ доходовъ съ имѣнія своего она Ивану Петровичу ничего не давала, можетъ быть, хорошо дѣлала; но Ивану Петровичу хотѣлось пожить, надобно было пожить, онъ былъ братъ любимца Екатерины, извѣстнаго Николая Архарова, бывшаго оберъ-полиціймейстера въ Москвѣ, а впослѣдствіи генералъ-губернатора въ Твери, Новѣгородѣ и, наконецъ, за 3 или 2 года предъ кончиной императрицы былъ главнокомандующимъ въ Петербургѣ. Иванъ

Петровичъ открылъ—безъ объявленія—картежный домъ. Картежное ремесло приноситъ большія выгоды, при случаяхъ бываютъ неудачи, да отъ неудачъ терпѣли прожеціонисты. Иванъ же Петровичъ никогда въ потерѣ не былъ. Онъ, по праву хозяина, давшаго благороднымъ людямъ и для благороднаго занятія пріютъ, былъ у всѣхъ игроковъ въ долѣ; сверхъ сего сборъ за карты покрывалъ всѣ расходы на содержаніе дома, угощеніе, прислугу и пр. Въ кабакахъ, трактирахъ, въ домахъ содержателей карточныхъ игръ, въ домахъ содержательницъ (домовъ) „препровожденія времени", въ домахъ знатныхъ вельможъ, князей, графовъ, министровъ, даже въ палатахъ для тѣхъ, у которыхъ есть деньги, всегда двери отверсты! всегда имъ рады! Можно смѣло утверждать, что владычествующій въ Римѣ папа растеряетъ священныя туфли свои, выбѣгая на встрѣчу жиду Ротшильду, если бы этому врагу ученія Христова заблагоразсудилось удостоить его святѣйшество посѣщеніемъ, и въ таковомъ поступкѣ святѣйшаго папы ничего не было бы предосудительнаго, да, ничего, ни на волосъ!....

Послѣ сего удивительно ли будетъ, что отставной, развратнаго поведенія, маіоръ Каверинъ былъ благосклонно принятъ въ домѣ Ивана Петровича Архарова. Каверинъ въ домѣ почтеннаго хозяина израсходовалъ полудюжину значительныхъ большихъ имѣній, перешедшихъ къ нему отъ благотворительныхъ даятельницъ и по благопроизвольному со стороны ихъ побужденію. Хитрый, ловкій, пригожій Каверинъ скоро всѣмъ въ домѣ Архарова понравился, всѣ его полюбили, онъ сдѣлался душею общества, безъ него было скучно! Невинная, неопытная, но прекрасная, какъ ангелъ, Анна Петровна скоро содѣлалась жертвою, попала, какъ молодой чижикъ, въ разставленный силокъ,—ее выдали въ замужество за Каверина. Девятьсотъ или тысяча душъ крестьянъ, болѣе полусотни тысячъ наличныхъ денегъ, кромѣ серебряной утвари, брилліантовъ и жемчуговъ, она принесла ему съ собою въ приданое. Каверинъ зажилъ, какъ говорятъ, бариномъ! Но моту этого ненадолго стало; прошло не болѣе года послѣ бракосочетанія—все имѣніе было уже почти промотано; недвижимое хотя еще и числилось за Анною Петровною, но было покрыто неоплатными долгами! Надобно было жить и по сдѣлавшейся привычкѣ жить (роскошно), жить

барски! Надобно было сыскать службу, которая доставляетъ средства для роскошной жизни, что-же лучше, помыслилъ Каверинъ, службы полицейской!

На то время, когда супругъ Анны Петровны такъ размышлялъ и пріискивалъ себѣ службу, прибылъ въ Москву погулять, позабыться сладострастный Валеріанъ Зубовъ, человѣкъ такихъ качествъ, какими былъ обильно одаренъ Каверинъ; по одному этому былъ онъ уже по плечу Валеріану Зубову и, сверхъ соврожденныхъ достоинствъ, у Каверина была прекрасная жена: мила, любезна, какъ майское утро, свѣжа, какъ распускающаяся роза! Каверинъ въ одну минуту смекнулъ дѣло, вывелъ разсчетъ свой и самъ споспѣшествовалъ событію того, чего Валеріанъ искалъ, добивался, терялъ надежду достигнуть своей цѣли и, конечно, безъ содѣйствія супруга Анны Петровны остался бы безъ удовлетворенія желанія своего. Наградою или благодарностію pour cette complaisance было, по возвращеніи Зубова въ Петербургъ, назначеніе Каверина полиціймейстеромъ въ Москвѣ.

По восшествіи на царство Павла I-го и по прибытіи его въ Москву для священнаго мѵропомазанія, Каверинъ провелъ въ свой домъ Кутайсова, и вотъ Каверинъ чрезъ нѣсколько дней былъ опредѣленъ въ Москвѣ оберъ-полиціймейстеромъ и изъ маіоровъ поступилъ въ V-й классъ, чинъ статскаго совѣтника.

Фельдмаршалъ Салтыковъ явившемуся къ нему оберъ-полиціймейстеру Каверину объявилъ привезенную ему Щекатихинымъ высочайшую волю и приказалъ слѣдовать всѣмъ распоряженіямъ посланца и удовлетворять всѣмъ его требованіямъ относительно сыска воровъ.

У Каверина было два помощника-полиціймейстера: бригадъ-маіоръ Петръ Алексѣевичъ Ивашкинъ, примѣрной глупости человѣкъ, прослужившій, однако-же, въ полиціи болѣе 20 лѣтъ и бывшій, наконецъ, московскимъ оберъ-полиціймейстеромъ и въ чинѣ генералъ-лейтенанта. Другой его сотрудникъ Петръ Ивановичъ Давыдовъ, горькая пьяница, не дуракъ, но уже безъ самомалѣйшаго образованія. Павелъ Петровичъ самъ (вызвалъ) его изъ подъ рогожки и назначилъ въ Москву полиціймейстеромъ.

Павелъ прибылъ для коронаціи въ Москву въ мартѣ мѣсяцѣ 1797 г. и въ ожиданіи пріуготовленій къ торжественному

вшествію въ Москву, которое послѣдовало въ недѣлю Ваій или по просту Лазарево Воскресеніе, изволилъ жить со всѣмъ дворомъ въ подъѣзжемъ Петровскомъ дворцѣ, въ 4-хъ верстахъ отъ Тверской заставы.

Императрицѣ Маріи Ѳеодоровнѣ было необходимо нужно пріѣзжать всякой день въ Москву, видѣть сиропитательный домъ, учреждать и распоряжать тамъ по ея желанію. Ея величество была начальницею всѣхъ заведеній, принадлежащихъ воспитательнымъ домамъ въ Петербургѣ и въ Москвѣ. Дорога отъ Петровскаго дворца такъ была дурна отъ множества ухабовъ и рытвинъ, происшедшихъ въ снѣгѣ отъ таянія, что не было возможности провезть императрицу въ большой осьмистекольной каретѣ.

Въ разрѣшеніе доклада повелѣно, чтобы московская полиція въ тотъ же еще день счистила снѣгъ и сколола съ дороги ледъ до земли. Полиція, кто только ей на улицахъ ни попадался, кромѣ людей, одѣтыхъ въ мундиръ, брала подъ арестъ и гнала за тверскую заставу очищать путь для (устройства) проѣзда. Въ нѣсколько часовъ отъ заставы и до дворца Петровскаго дорога представляла маскарадъ: люди въ разныхъ одеждахъ неудобныхъ для черной работы, разныхъ сословій, скалывали ледъ, счищали, сметали съ дороги снѣгъ, который отъ дороги отвозили въ городовыхъ саняхъ, колясках. Блюстителемъ за точнымъ исполненіемъ повелѣнія былъ назначенъ Петръ Ивановичъ Давыдовъ, квартальный надзиратель, который на срединѣ дороги устроилъ себѣ изъ привязанной на шестъ рогожки шатеръ и, укрываясь отъ непогоды подъ рогожную защиту, подкрѣплялъ силы свои смѣсью ямайскаго рома съ горячею водою, у него уже и самоварецъ завелся,—полицейскій вездѣ сыщетъ и средство, и возможность.

Въ это время Павелъ Петровичъ шествовалъ изъ Москвы въ обратный путь во дворецъ Петровскій. Половина дороги, до рогожнаго шатра, была уже очищена, оставалось дочистить другую, на которой люди дѣйствовали какъ муравьи. Вѣтеръ дулъ, къ несчастью Давыдова, отъ Москвы и начальникъ очищенія дороги, защищаясь отъ вѣтра рогожнымъ шатромъ, не видалъ, какъ государь, подъѣхавъ къ его стойбищу, изволилъ громко закричать:

— Эй, кто тутъ? поди сюда!

Давыдовъ, не ожидая, чтобы то былъ императоръ, оскорбился этимъ призывомъ и былъ готовъ, выступивъ изъ-за рогожи, крикнуть на того, кто осмѣлился звать къ себѣ его, квартальнаго надзирателя, но недопитый стаканъ пуншу, съ которымъ Давыдову было жалко разстаться, спасъ его отъ бѣдъ: онъ, прихлебывая пуншъ изъ стакана, вышелъ изъ-за рогожки и увидѣлъ императора верхомъ, на любимомъ его конѣ Фрипонѣ и, ни мало не потерявшись, сказалъ: „Виноватъ, государь! переломало!“ указывая на стаканъ въ рукѣ съ пуншемъ.

Государь всемилостивѣйше изволилъ отвѣчать:

— Чарка въ худую погоду нужна солдату. Я доволенъ — скоро очистили. Кто ты таковъ?

Получивъ отъ Давыдова въ отвѣтъ: „квартальный надзиратель Давыдовъ“, изволилъ шествовать къ Петровскому дворцу.

На другой день послѣдовало именное повелѣніе о назначеніи Давыдова въ Москвѣ полиціймейстеромъ.

V.

Щекатихинъ, обнюхавшись съ Каверинымъ и съ Давыдовымъ, котораго ему рекомендовалъ Каверинъ, какъ извѣстнаго мудреца, одареннаго чутьемъ для отысканія воровъ, какъ собака, чующая подъ землею труфели. Сдѣлавъ нужныя Щекатихину съ Давыдовымъ совѣщанія, первый, по предположенію своему, поскакалъ въ Ростовъ на ярмарку, а второй, то есть Давыдовъ, пустился отыскивать воровъ въ Москвѣ.

Черезъ четыре, пять дней Каверинъ съ самодовольствіемъ донесъ фельдмаршалу, что Давыдовъ открылъ воровъ и производитъ слѣдствія и допросы. Всѣ изумились такой неожиданной, небывалой, неслыханной дѣятельности. Въ Москвѣ былъ у всѣхъ одинъ разговоръ объ открытыхъ ворахъ; всѣ поздравляли Каверина, хвалили, восхищались его расторопностію, не постигали, какимъ образомъ онъ стяжалъ такое всевѣдѣніе. Каверинъ, слушая хвалы, небрежно, съ самодовольствіемъ понюхивалъ табакъ.

Чрезъ мѣсяцъ полиція представила, что по слѣдствію оказалось и при допросахъ содержавшіеся сознались въ преступленіи,

но что покраденныя вещи посланы ими съ московскимъ мѣщаниномъ для распродажи на Донъ.

Для преслѣдованія и отысканія посланнаго мѣщанина съ покраденными вещами на Донъ отрядили чиновника, а сознавшихся въ воровствѣ, на основаніи воинскихъ процессовъ, что собственное сознаніе есть паче всего свѣта свидѣтельство, предали суду, скоро осудили, приговорили наказать нещадно кнутомъ и, вырвавъ ноздри, сослать на вѣчную каторжную работу.

Донесли кому слѣдуетъ о сыскѣ воровъ и о поступленіи съ ними по законамъ. Каверинъ, Давыдовъ получили за дѣятельность и искусство отыскивать воровъ награжденія. Посланный чиновникъ на Донъ отыскивать отправленнаго для распродажи покраденныхъ вещей мѣщанина его не нашелъ потому, что никого туда не было отправлено.

Щекатихинъ, явившись на Ростовской ярмаркѣ, собралъ тысячъ тридцать и болѣе съ купцовъ, потому что имѣлъ открытое повелѣніе брать всякаго, кого признаетъ подозрительнымъ.

Черезъ три мѣсяца настоящіе похитители открыты въ Петербургѣ. Сознавшіеся же московскіе мѣщане показали на себя, не вытерпѣвъ мучительныхъ отъ Давыдова допросовъ, ложно. „Что за важность, что 3 или 4 человѣка мѣщанъ московскихъ пострадали невинно; за то какая мѣткая, исправная полиція—все отыскала, подъ водой отъ нея не скроешься“,— такъ продолжали говорить и разсуждать въ Москвѣ о семъ событіи.

VI.

Я забылъ совсѣмъ злополучнаго Ѳедула, что съ нимъ дѣлали? Когда онъ былъ приведенъ въ ярославскую полицію, полуотрезвившійся квартальный послалъ взять полштофъ Ерошки, фунтъ паюсной икры, луку и его началъ сѣчь нещадно распаренными ивовыми розгами! Ѳедула во все время завтрака его благородія сѣкли розгами, но несчастный вытерпѣлъ пытку, не сознался; его понесли на рогожкѣ въ тюрьму, а квартальный, допивавшій послѣдній стаканъ Ерофѣича, кричалъ вслѣдъ:

— Допытаюсь, дружокъ, допытаюсь, скажешь. У меня и не такіе въ передѣлкѣ бывали, какъ ты, втрое тебя дюжѣе, да было и тѣмъ, какъ продерну, такъ небо съ овчинку покажется!

Θедулъ, пересказывая о случившемся съ нимъ злополучіи, всегда говаривалъ, что Богъ его помиловалъ, ради молитвы матери его. „Я не могъ надивиться, говорилъ Θедулъ, когда на другой день я еще не совсѣмъ пришелъ въ себя отъ нестерпимой боли изсѣченный розгами, увидавъ четырехъ человѣкъ, заключенныхъ со мною въ тюрьму; эти 4 чел. были тѣ воры, которые обокрали купца", и въ числѣ ихъ находился тотъ самый, который отозвался товарищамъ своимъ на улицѣ, увидавъ Θедула, словами: это Θедулка—работникъ фабрикантовъ. Но болѣе всего Θедулъ не могъ того постигнуть, что пойманные воры, уличенные найденными у нихъ украденными вещами, послѣ трехмѣсячнаго въ тюрьмѣ содержанія освобождены по приговору суда: „освободивъ, оставить на грядущее время въ вящшемъ подозрѣніи". А онъ, не имѣвшій никогда помысла на воровство, что никогда во снѣ ему подобнаго событія не представлялось, содержался въ тюрьмѣ 10 мѣсяцевъ, и на освобожденіе его отъ наказанія старикъ отецъ его истратилъ болѣе трехъ тысячъ рублей! и что въ приговорѣ суда о немъ сказано: „освободивъ его, оставить на грядущее время въ наивящшемъ подозрѣніи".

Θедулъ, какъ уже знаемъ, былъ посланъ В. А. посмотрѣть на лѣстницѣ, въ сѣняхъ, кто стучится въ дверь. Θедулъ нашелъ двери съ улицы крѣпко привязанными веревкою, но какъ и кѣмъ, того онъ не могъ видѣть сквозь дверь. Когда изнутри хотѣлъ двери отворить, ему съ угрозами закричали: „погоди, не мѣшай", на что онъ изъ-за дверей отвѣчалъ: „хозяинъ его послалъ"; ему кричали: „велика фигура хозяинъ твой, что послалъ тебя, насъ (начальство) послало, вотъ окончимъ, сдѣлаемъ—ходи тогда, сколько хочешь".

Θедулъ, знавшій уже на опытѣ сколь много непріятно и опасно разговаривать съ блюстителями порядка, тишины и спокойствія, господами полицейскими служителями, услышавъ слова „насъ (начальство) послало", оробѣлъ и думалъ, возвратясь, что̀ и какъ сказать хозяину; „начальство послало"—вымолвить страшно; въ эти минуту услышалъ Θедулъ на улицѣ предъ дверью знакомый ему голосъ, спрашивающій у дѣйствовавшихъ: „что, ребята, взяли съ двери?"

— „Мы годовые работники, а слышали, хозяинъ взялъ 30 р.

съ двери. Да вотъ всю ночь работали, изъ силъ выбились; приказано, чтобы къ тремъ часамъ пополудни всѣ двери окрасить, шистидесятую дверь пестримъ“.

Спрашиватель, чей голосъ казался Ѳедулу знакомымъ, былъ театральный эфоръ (купчина), которому В. А. поручилъ отыскать для него какую нибудь треугольную шляпу, который и отыскалъ въ театральномъ гардеробѣ негодящуюся на сцену за ветхостію заношенную треугольную шляпу. Отвѣчавшіе на вопросы эфора были маляры, подряженные по особому повелѣнію и посланные перекрасить всѣ двери, ворота, ставни, столбы фонарные, будки, прилавки—словомъ все, что было деревянное и показывалось на улицу, пестрыми, какъ нынѣ (1834 г.) видимъ раскрашенными будки часовыхъ.

Чрезъ полчаса пестрительная операція надъ вхожею дверью по особому повелѣнію совершилась, и къ намъ вошли эфоръ съ треугольною шляпою для В. А. и Ѳедулъ съ объясненіемъ о совершившемся преобразованіи дубовой двери въ пеструю.

В. А. предложилъ мнѣ остаться съ нимъ обѣдать, на что я ему отвѣчалъ:

— „Да если бы ты не оставлялъ, если бы высылалъ меня, я не пойду вонъ прежде 8 часовъ вечера, когда нельзя будетъ разсмотрѣть стоячій или отложной воротникъ у сюртука“.

VII.

Павелъ Петровичъ въ продолженіе 8 часовъ царствованія своего успѣлъ прекратить войну и (разсѣять) большую часть стотысячной россійской арміи, находившейся тогда въ Персіи подъ начальствомъ графа Валеріана Зубова.

Онъ послалъ, помимо главнокомандующаго, каждому полковнику особенное повелѣніе, въ сихъ словахъ состоящее: „съ полученія сего выступить на непремѣнныя квартиры такой то губерніи въ такой то городъ“.

Одному драгунскому полку досталось по сему росписанію изъ окрестностей Баку слѣдовать въ Иркутскъ. Главнокомандовавшій графъ Зубовъ и весь генералитетъ остались въ непріятельской землѣ и могли быть взяты въ плѣнъ, что неминуемо и

случилось бы, если бы атаманъ Платовъ съ казаками, вопреки особому велѣнію, не остался охранять графа Зубова и при немъ весь генералитетъ.

Платовъ за этотъ поступокъ, по возвращеніи въ Россію, былъ посаженъ въ Петропавловскую крѣпость, въ которой содержался болѣе трехъ годовъ.

Объявлена война въ Россіи круглымъ шляпамъ, отложнымъ воротникамъ, фракамъ, жилетамъ, сапогамъ съ бѣлыми отворотами и совершенная одержана побѣда надъ многочисленнѣйшими непріятелями. Учреждены по прежнему, какъ было при Петрѣ Первомъ, юстицъ, камеръ и ревизіонъ-коллегіи, которымъ было дѣлать нечего потому, что юстицъ-коллегію въ каждой губерніи замѣняетъ гражданская и уголовная палаты, камеръ и ревизіонъ-коллегіи—казенная палата.

Уничтожены всѣ учрежденные Екатериною уѣздные города и назначено новое раздѣленіе губерній, отчего произошло, что уѣздные жители для подачи въ судъ какого либо объявленія и купить соли въ городѣ принуждены были ѣздить за 200 и 300 верстъ; поповъ нарядили въ ордена, дамъ въ фишбейны; обрили у всѣхъ военныхъ бакенбарды и съ сокрушеннымъ сердцемъ видѣли совершенную невозможность всему войску въ арміи вдругъ привить косы и приставить букли! Перемѣнены въ войскѣ русскія командныя слова: вмѣсто ступай — маршъ, вмѣсто заряжай—шаржируй, вмѣсто взводъ—плутонгъ, вмѣсто отрядъ—деташементъ, вмѣсто пѣхоты — инфантерія, и оборотили все верхъ дномъ...

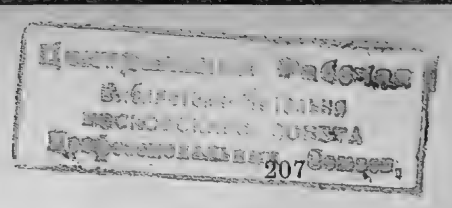
Безбородко наморщился, а генералъ-адъютантъ Нелидовъ, братъ камеръ-фрейлины Катерины Ивановны Нелидовой, по особому повелѣнію написалъ приказъ, чтобы во всей гвардіи и арміи изъ замочныхъ курковъ, ружей, пистолетовъ, штуцеровъ вынуть кремни и вмѣсто ихъ вставить деревянные крючки дерева, обдѣланные на подобіе въ видѣ кремней; всѣ боевые заряды съ пулями отъ всѣхъ полковъ отослать въ арсеналы или артиллерійскія депо (должно замѣтить — артиллерійскихъ депо не было еще учреждено); артиллерійскіе боевые снаряды съ ядрами, картечами, гранатами и пр. препроводить туда же, т. е. въ арсеналы и не существовавшія еще депо! оставивъ, однако же, при полкахъ и пушкахъ зарядные ящики, въ патронныхъ сумкахъ гренадеръ, мущ-

кетеръ и фузилеръ оставить по 30 боевыхъ съ пулями зарядовъ, но не держать ихъ въ сумахъ у солдатъ, а каждые 30 зарядовъ, назначенный комплектъ для сумы, обернуть въ картузную бумагу и, запечатавъ, хранить въ зарядныхъ ящикахъ или у комендантовъ и на главной гауптвахтѣ; палашей, сабель у кавалеріи, тесаковъ у инфантеріи не отпущать и штыковъ не отвастривать; привесть немедленно въ оборонительное состояніе крѣпости прежде въ Санктъ-Петербургѣ Петропавловскую и Адмиралтейскую, въ Москвѣ Кремль и кругъ города Китая, потомъ всѣ прочія во всей Имперіи; устроить во всѣхъ городахъ государства нашего на въѣздахъ шлагъ-баумы, гауптъ-вахты и пестрыя будки для часовыхъ. Въ степныхъ мѣстахъ лежащіе города: на Оренбургской линіи, на Сибирской вверхъ по Иртышу, въ Березовѣ, гдѣ строевыхъ чиновъ вовсе не существуетъ, жители были принуждены выписывать шлагъ-баумы, будки для часовыхъ и обточенныя сошки для пристава ружей изъ отдаленнѣйшихъ мѣстъ, какъ выписываютъ экзотическія растенія изъ Африки, Америки и прочихъ отдаленныхъ краевъ ботаники въ оранжереи.

Приказано было, чтобы во всѣхъ городахъ государства русскаго, селахъ и деревняхъ, начиная съ 9-ти часовъ послѣ полудня, ходили непрестанно по улицамъ, нахтъ-вахтеры и громко кричали по пробитіи каждаго часа: столько то часовъ било, гасите огонь, запирайте ворота, ложитесь спать!

Въ Петербургѣ ревъ нахтъ-вахтеровъ услышали въ тотъ же вечеръ; всѣ были перепуганы, не знали, не понимали, что значатъ слова „гасите огонь, запирайте ворота, ложитесь спать“; долго, очень долго продолжалось, что въ Петербургѣ въ 9 часовъ вечера въ домахъ окнами на улицу ни одной зажженой свѣчки не видали.

Для мастеровыхъ и преимущественно портняжнаго ремесла, сугубо тогда обремененнаго кроеніемъ и шитьемъ одежды по новымъ особо утвержденнымъ формамъ, послѣдовало, вслѣдствіе доклада военнаго губернатора генерала отъ инфантеріи Архарова, изъятіе: портные, сапожники и прочіе ремесленники, дѣйствовавшіе и содѣйствовавшіе скорѣйшему приведенію особаго повелѣнія въ исполненіе, имѣли право зажигать свѣчи, сколько имъ было потребно, и продолжать освѣщеніе до самаго разсвѣта.



Еще велѣніе: Павелъ Петровичъ, видѣвъ всегда въ благородномъ русскомъ дворянствѣ твердый и непоколебимый оплотъ, увѣренный въ присягѣ и преданности, повелѣть соизволилъ сформировать 6 эскадроновъ кавалергардовъ, въ которыхъ кромѣ литаврщика, трубачей и прочихъ чиновъ унтеръ штаба всѣ рядовые должны быть дворяне; шефомъ-же сего дворянскаго полка назначилъ происшедшаго въ полковники, отданнаго въ солдаты, однодворца Давыдова и въ тотъ же день на вахтъ-парадѣ соизволилъ благоволить вступавшаго въ караулъ лейбъ-гвардіи Преображенскаго полка развода унтеръ-офицеровъ дворянъ строго наказывать.

VIII.—IX.—X.

Нѣтъ дѣйствія безъ причины, нѣтъ зла, въ которомъ не было бы добра, добра большаго, пользы общей, послѣдствій благотворныхъ. Девять тысячъ генераловъ, штабъ-и оберъ-офицеровъ, исключенныхъ (въ 1797—1800 гг.) изъ службы, были принуждены жить въ деревняхъ, въѣздъ въ столицы исключеннымъ былъ воспрещенъ. Если одна девятая, то есть одна тысяча исключенныхъ, для разсѣянія мрачныхъ мыслей о понесенномъ оскорбленіи, отъ скуки, отъ нечего, какъ говорятъ, дѣлать—занялась настоящимъ дѣломъ, занялась сельскимъ домоводствомъ, начала читать и потомъ разсуждать, какая существенная произошла оттого польза для цѣлаго! Названіе „исключенный изъ службы“ содѣлалось (въ 1797—1800 гг.) титло почтенное, отличающее въ обществѣ человѣка, возвышающее его во мнѣніи другихъ; всѣхъ влекло къ нему и во всѣхъ возбуждало желаніе принять въ немъ участіе, сострадать о немъ, всячески ему вспомоществовать и во всемъ, наконецъ, содѣйствовать. Ревностные исполнители особыхъ велѣній, исключая Черединa, преслѣдовали „исключенныхъ“ нехотя, дозволяли имъ многое и такое, за что сами могли пострадать. И никто не видалъ, никто не чувствовалъ того, сколь ничтожна, сколь безсильна жестокость противу мнѣнія общаго. Тогда еще люди русскіе не взошли на ступень верхнюю, не ступили на мѣсто лобное, чтобъ увидѣть, чтобъ почувствовать, сколь много значитъ, сколь сильно мнѣніе общее.

Въ 57 лѣтъ жизни моей[1]), изъ коихъ 40 лѣтъ назову я жизнію,—до 17 лѣтъ жизнь незначительна,—я видѣлъ три эпохи:

1-я. Девять тысячъ изгнанныхъ изъ службы! Девять тысячъ оскорбленныхъ, озлобленныхъ, болѣе или менѣе одинъ другаго наклонныхъ, готовыхъ къ (недовольству). У нихъ родственники, ближніе и свойственники, друзья—добрые съ дѣтства пріятели, и того, взявъ всѣхъ вмѣстѣ, составится число болѣе 100 тысячъ. Этого недовольно.

Павелъ учредилъ 25-ти лѣтній вспомогательный банкъ, и вдругъ, въ теченіи двухъ, трехъ мѣсяцевъ, 500 милліоновъ рублей, монеты представительной, по ходившей тогда al pari, безъ всякаго лажа, были розданы изъ банка упомянутымъ, оскорбленнымъ, выгнаннымъ съ поношеніемъ изъ службы.

Чего съ деньгами не можно сдѣлать? Что сдѣлало (тогда) оскорбленное дворянство всероссійское?

Взятыя подъ залогъ недвижимаго имѣнія деньги пропило, проиграло, промотало, распутствуя; издержало на подарки: Кутайсовымъ, Обольяниновымъ, женѣ князя Лопухина,—мачихѣ фаворитки, которая ничего не могла сдѣлать, будучи нелюбима падчерицею, но деньги брала охотно и каждому искателю обѣщала покровительство. Любовница цирюльника Кутайсова, французской труппы актриса, Шевалье, многія сотни тысячъ перебрала за то, чтобы исходатайствовать прощеніе изъ опалы и принятіе по прежнему въ службу....

2-я. 1812 годъ. Испытаніе, пріобрѣтенное въ продолженіе четырехъ-лѣтняго (суроваго) царствованія Павла І-го; безхарактерность (?) Александра І-го до 1813 года; возникшее вельможеправленіе, подъ названіемъ—министерствъ....

.... Слѣдующій случай даетъ понятіе, какъ было расположено войско. Графъ Строгановъ при отступленіи первоначально къ Смоленску съ границы отъ мѣстечка Трокъ всегда находился въ арріергардѣ, который къ утѣшенію себя называли авангардомъ, что давало понятіе читателямъ бюллетеней, что армія россійская идетъ, какъ ходятъ раки. Когда гренадерская дивизія, подъ командою Строганова состоявшая, проходила Порѣчье,

---

[1]) Писано около 1830 года; главы въ тетрадяхъ Записокъ А. М. Тургенева писаны всѣ въ разные годы между 1830 и 1844 годами. Ред.

уѣздный городокъ на рубежѣ древней границы царства русскаго, Екатеринославскаго гренадерскаго полка головной съ фланга рядовой, 44 года прослужившій и не хотѣвшій оставить рядовъ, обдержанный булатъ въ бояхъ, котораго не только весь корпусъ гренадеръ, но и вся армія уважала, по имени Иванъ Семеновъ, проходя передъ графомъ, дивизіоннымъ командиромъ его, поздоровался съ генераломъ: „Здравія желаю вашему сіятельству!" Графъ любилъ заслуженнаго гренадера и скомандовалъ въ отвѣтъ на привѣтствіе: „Семеновъ, ко мнѣ!" Гренадеръ оставилъ ряды, подошелъ къ дивизіонеру, графъ приказалъ взять съ плеча и, увидавъ, что гренадеръ плачетъ, спросилъ его: „Что это значитъ, Семеновъ?"

„Ваше сіятельство!" отвѣчалъ гренадеръ,—„какъ не плакать, 44 года служу отечеству, Богъ привелъ быть на многихъ штурмахъ и въ сраженіяхъ, не чаялъ я дожить, ваше сіятельство, до несчастія видѣть врага на Святой Руси! Что мы скажемъ народу православному: стыдно будетъ намъ глаза поднять. Согрѣшили! Богъ наказываетъ насъ! Ахъ! въ царствованіе блаженной памяти государыни Екатерины Алексѣевны—не потерпѣла бы она, матушка, чтобы кто стоялъ на землѣ ея!"

Графъ, ободривъ храбраго воина, подарилъ ему полуимперіалъ и приказалъ идти въ свое мѣсто.

Замѣтить должно и со вниманіемъ слова гренадера: „что мы скажемъ народу православному!" Солдаты, ретируясь по приказанію, думали, однако-же, что они обязаны дать отчетъ въ своихъ дѣйствіяхъ—и кому же? народу православному.

3-я. Горестно, когда подумаешь о томъ, что уже болѣе 20 лѣтъ существуютъ въ Россіи десять университетовъ, довольное число другихъ наименованій учебныхъ заведеній, и что мы ни на одинъ шагъ не подались впередъ къ просвѣщенію, все попрежнему вязнемъ въ тинѣ невѣжества, варварства, все попрежнему остаемся въ состояніи народа полудикаго [1]).

Можно ли слышать съ хладнокровіемъ, что мы ни мало не заботимся о томъ, чтобы стать на ряду съ прочими народами Европы, нѣтъ!....

---

[1]) Писано около 1830-го года, т. е. 59 лѣтъ тому назадъ. Ред.

Доктора утверждаютъ, что тѣло человѣка, разслабленное отъ накопленія въ желудкѣ кислотъ, отъ загустѣнія крови, укрѣпится и получитъ силы свои, когда весь застой въ немъ будетъ приведенъ лихорадкою въ движеніе. Лихорадку эту доктора называютъ благотворною лихорадкою. Время 1797—1800-хъ годовъ въ отношеніи цѣлаго состава имперіи должно признать благотворительною лихорадкою!

XI.

Послѣдніе годы царствованія Екатерины, начиная со дня кончины единственнаго искренняго и безкорыстнаго (??) друга ея, князя Потемкина, человѣка необразованнаго, но великаго генія, человѣка выше предразсудковъ, выше своего вѣка, желавшаго истинно славы отечества своего, прокладывавшаго пути къ просвѣщенію и благоденствію народа русскаго, привели государство въ совершенное изнеможеніе отъ слабаго правленія и безнаказанности за преступленія. Фаворитъ Платонъ Зубовъ съ прекраснымъ лицомъ, но не болѣе, забавлялъ, украшалъ чертоги, какъ цвѣтущій нарцисъ въ горшкѣ, поставленномъ на окошко.

Екатерина много заботилась о томъ, чтобы научить, образовать Платона Зубова, сдѣлать изъ него человѣка государственнаго, и ничего не могла сдѣлать. Мы видѣли послѣ кончины императрицы, когда весь блескъ, озарявшій Зубова, померкъ, что̀ изъ него вышло! Свѣтлѣйшій князь, повелѣвавшій незадолго обширнѣйшею имперіею, цари сосѣдственные искали его благорасположенія себѣ, князь, поселившись жить въ имѣніи, подаренномъ ему Екатериною, на границахъ Курляндіи, принадлежавшемъ герцогу Бирону, вступилъ въ сотоварищество съ жидами, вошелъ въ подряды, бездѣльничалъ съ провіантскими коммиссіонерами и промышлялъ съ товарищами своими, жидами, контрабандою на границѣ.

Генералъ-губернаторы, губернаторы, военные начальники дѣлали, что хотѣли. Тѣ и другіе (рѣчь, конечно, не о всѣхъ) грабили государство по произволу, какъ кто могъ....

.... У князя Платона Зубова — Грибовской, по военной части у вице-президента военной коллегіи Николая Ив. Салтыкова—племянникъ его оберъ-секретарь военной коллегіи Дмитрій Михайловичъ Волынскій; у генералъ-прокурора гр. Самойлова—правитель канцеляріи Петръ Алексѣевичъ Ермоловъ за деньги дѣлали изъ чернаго бѣлое, изъ бѣлаго черное!

Всѣмъ было хорошо, всѣмъ казалось превосходнымъ такого рода (порядки), всѣмъ, говорю, всѣмъ, кто бралъ, могъ платить, а у кого расплачиваться было нечѣмъ, тому было весьма худо!....

За губернаторство или губернаторское мѣсто платили у Зубова Грибовскому. За полкъ или назначеніе начальникомъ полка платили у Салтыкова Д. М. Волынскому. За вице-губернаторскія мѣста, за предсѣдательскія и всѣ прочія, отъ короны наполняемыя, платили у Самойлова—Петру Алексѣевичу Ермолову. По части провіантской—кривой Новосильцевъ—Петръ Петровичъ, генералъ-провіантмейстеръ, бралъ самъ обѣими руками. Генералъ-кригскоммиссаръ Николай Дмитріевичъ Дурновъ также бралъ, да былъ — богобоязливъ, биралъ по христіански, не раззорялъ православныхъ. Въ иностранной коллегіи и по управленію почтоваго департамента у Безбородко черезъ женщинъ было можно все получить, кто что хотѣлъ. Что же принадлежитъ до духовенства въ Россіи, то оно, съ уничтоженіемъ Петромъ I-мъ патріарха, было въ XVIII-мъ вѣкѣ (слабымъ), въ составѣ правительства.... .

Наказанія въ 1797—1800 гг. набѣгали, какъ духъ бурный, какъ падаетъ громъ, мгновенно разитъ и удушаетъ! Ужасъ быть пораженнымъ неожиданно, не имѣть никакой возможности уклониться, ускользнуть отъ стрѣлы пущенной: фельдъегеря, развозившіе (особыя) велѣнія, подобны были стрѣламъ, которыхъ ничто не останавливало, не возвращало съ пути, имъ назначеннаго,—произвелъ во всѣхъ служащихъ, во всѣхъ сословіяхъ народа русскаго потрясеніе, какъ ударъ силы электрической!

Поставленъ предъ дворцомъ ящикъ съ прорѣзанною крышкою, въ который сквозь прорѣзъ было предоставлено всѣмъ и каждому опускать прошенія, жалобы, извѣты, доносы—словомъ, кто что хотѣлъ. Ящикъ каждый вечеръ приносили къ Павлу Петровичу. Его величество самъ изволилъ сламывать печать, отпирать

ключемъ, который всегда носилъ въ карманѣ, вынималъ вложенныя бумаги, потомъ попрежнему запиралъ его, обвязывалъ снуркомъ и, приложивъ печать съ императорскимъ гербомъ, повелѣвалъ ставить ящикъ на назначенное ему мѣсто.

Первый любимецъ, первый сановникъ его, знатный вельможа, царедворецъ и послѣдній ничтожный рабъ, житель отдаленной страны отъ столицы—равно страшились ящика. Лишеніе дворянства, чиновъ и сосланіе въ Сибирь, въ каторжную работу генераловъ, князя Сибирскаго и Турчанинова за взятки и сдѣлку ихъ съ поставщиками коммиссаріата, о чемъ императоръ свѣдалъ чрезъ ящикъ, омертвили руки лихоимственныя. Генералы и полковники не отваживались удержать горсть муки у солдата, изъ полка ему ежемѣсячно отпускаемаго,—отнять гарнецъ овса у казенной лошади; перестали грабить жителей, у которыхъ были постояльцами. Правосудіе и безкорыстіе въ первый разъ послѣ Петра I-го ступили чрезъ порогъ въ храмины, гдѣ творили судъ и расправу вѣрноподданнымъ. Народъ былъ восхищенъ, былъ обрадованъ, и приказанія чтилъ благодѣяніемъ, съ небесъ посланнымъ.

Шесть обрѣзовъ доски сосновой, длиною аршинъ съ четвертью, изъ которыхъ былъ сколоченъ ящикъ—другъ царя, стоившій царству полтора рубля, въ продолженіе года трехъ мѣсяцевъ указывалъ самодержцу зло, гдѣ и какъ оно творилося, и вѣрнѣй, и справедливѣй, чѣмъ жандармы-назидатели, чѣмъ наемные лазутчики.

Слѣдующее происшествіе положило начало уничтоженія ящика.

Два брата—близнецы Хитрово, служили гвардіи въ Преображенскомъ полку капитанами; одинъ — нельзя наименовать старшимъ—они увидѣли свѣтъ въ одну минуту времени—одинъ былъ уменъ, трезвъ; другой также не глупъ, но любилъ, стомаха ради, частыхъ недугъ, сырой погоды и холода,—пріобщаться ликеромъ жерофе, то есть Ерофѣичемъ!—напитокъ, милліонами народа русскаго чтимый, здравію и тѣлу преполезнѣйшій. Оба Хитрово были лицомъ, ростомъ, поступью весьма другъ на друга похожи, до того, что товарищи, увидавъ одного, не умѣли сказать, который то былъ: Иванъ или Петръ. Оба брата отлично разумѣли премудрое искусство вступать въ караулъ,

мастерски кричать слова командныя, выкидывать салютъ экспантономъ. Императоръ обоихъ соизволялъ любить и жаловать, но никогда не умѣлъ узнать въ Иванѣ Ивана, въ Петрѣ Петра, всегда ошибался: когда хотѣлъ назвать одного, называлъ именемъ другаго.

Пьянюшкѣ Хитрово послѣ обильнаго утоленія Ерофѣичемъ недуговъ, котораго пары, изъ стомаха поднявшись въ голову, столицу разума, согрѣли, какъ у поэта, застылое на вахтъ-парадахъ воображеніе его, и пьянюшка вздумалъ написать Павлу Петровичу посланіе, въ которомъ, въ выраженіяхъ самопреданнѣйшихъ вѣрноподданнѣйшаго сына, преподалъ совѣтъ беречь болѣе драгоцѣнное для всѣхъ подданныхъ здравіе его, не ходить въ холодъ на вахтъ-парадъ, не учить разводъ, когда дождь ливьмя льетъ.

Написалъ и опустилъ хартію въ ящикъ.

На другой день братъ пьянюшки вступилъ во дворецъ на караулъ. Павелъ, явясь на вахтъ-парадъ, началъ учить разводъ, выдумывалъ новыя построенія, крутилъ строй всячески, желая найти ошибку, придраться, наказать, но капитанъ и солдаты двигались, какъ машина. Павелъ по обыкновенію, когда гнѣвался, (тяжело дышалъ); всѣ ежеминутно ожидали несчастія капитану, офицерамъ, солдатамъ развода и, можетъ быть, цѣлому полку; Фрипонъ (уже на себѣ испыталъ раздраженіе всадника), и Павелъ кричалъ:

— „Хорошо, сударь! Хорошо, ребята! По чаркѣ вина, по фунту говядины“.

Всѣ ломали себѣ голову, доискивались узнать, что было-бы причиною тому, что Павелъ во гнѣвѣ милуетъ и жалуетъ; всѣ перешептывались, каждый боялся за себя, ожидалъ, чѣмъ все кончится. Разводъ кончился благополучно, всѣ радовались, благодарили Бога!

Капитанъ гордился искусствомъ своимъ въ дѣлѣ вахтпарадномъ, товарищи поздравляли его и никто не воображалъ о томъ, что ожидаетъ несчастнаго. Пьянюшка — сочинитель увѣщательной хартіи — относилъ, приписывалъ себѣ благополучное окончаніе ученья, съ самодовольствомъ спѣшилъ въ казармы

подкрѣпить утомленныя силы Ерофѣичемъ. Вступившій капитанъ въ главный дворцовый караулъ былъ обязанъ чрезъ часъ или два, какъ то было удобно, явиться въ кабинетъ императора и рапортовать его величеству, что главный и всѣ прочіе караулы приняты исправно, шинелей, кенегъ и караульныхъ будокъ столько-то, сошки и подтоки въ цѣлости, засимъ не по регистру, а на память высказать поименно всѣхъ арестантовъ, содержащихся на всѣхъ гауптвахтахъ города. Это послѣднее обстоятельство было самотруднѣйшее, ибо рѣдко случалось менѣе 150 человѣкъ, находившихся подъ арестомъ; бывали дни, въ которые число арестованныхъ превышало 300.

Капитанъ устоялъ и на этомъ камнѣ преткновенія, высказалъ имена содержавшихся, чисто, не запинаясь. Какъ вдругъ Павелъ Петровичъ далъ волю своему гнѣву.....

— Я васъ научу, сударь, меня учить! Какъ, сударь, осмѣлились вы писать ко мнѣ, чтобы я оставилъ вахтъ-парады?

Капитанъ, павъ на колѣна, отвѣчалъ:

— Всемилостивѣйшій государь! знать не знаю! Въ мысли не погрѣшилъ, государь, не только чтобы осмѣлился писать вашему величеству!

Павелъ вытащилъ письмо пьянюшкино изъ кармана, показалъ его капитану....

— Государь! говорилъ капитанъ, воля ваша, но это не я писалъ.

— Кто-же?

— Почеркъ писанья походитъ очень на почеркъ руки роднаго брата моего.

Павелъ отступилъ назадъ шага на два, подумалъ и...... капитану, говоритъ ему:

— Я виноватъ, сударь. (Даю вамъ волю) вы дворянинъ, вы офицеръ!

Капитанъ палъ опять на колѣна и молилъ его величество помиловать и простить брату его дерзновеніе, имъ содѣянное.

Павелъ, поднявъ съ колѣнъ капитана, говорилъ ему:

— Простите, сударь, меня, Бога ради. Я виноватъ. Честное слово даю вамъ, ничего брату вашему не сдѣлаю. Скажите мнѣ, требуйте отъ меня, чего хотите.

На другой день, у развода, Павелъ, увидавши брата (пострадавшаго) капитана, изволилъ при всѣхъ упрекать ему безъ гнѣва, но милостиво:

— Вы, сударь, ввели меня въ грѣхъ, Богъ вамъ судья!

Происшествіе это не могло остаться неизвѣстнымъ; самъ Павелъ Петровичъ соизволилъ на вахтъ-парадѣ объявить о немъ, сказавъ брату (пострадавшаго): „Вы, сударь, ввели меня въ грѣхъ. Богъ вамъ судья!“ Пересказывали другъ другу съ восхищеніемъ о томъ—сколь много Павелъ милосердъ и премудръ: самъ соизволилъ сознать свою ошибку ...... Царедворцы и люди разсчетливые осуждали капитана, что онъ не умѣлъ воспользоваться случаемъ и не попросилъ (себѣ) четырехъ или трехъ тысячъ душъ крестьянъ. „Государь не отказалъ бы ему въ минуту милосердія и сознанія ошибки своей“, такъ говорили они; но люди, имѣвшіе причины болѣе прочихъ страшиться неодушевленнаго друга царскаго—ящика съ прорѣзанною крышкою и, не находя никакихъ средствъ къ преклоненію его на свою сторону, умыслили повергнуть вѣрнаго слугу въ опалу.

Каждый вечеръ, по распечатаніи ящика, Павелъ находилъ въ немъ по десяти и болѣе язвительнѣйшихъ сатиръ на дѣйствія свои, гнусные пасквили и тому подобное; прочитывалъ ихъ, приходилъ въ гнѣвъ, повелѣвалъ розыскивать, чего никоимъ образомъ было невозможно розыскать и, наконецъ, чрезъ десять или 15 дней послѣ случая съ капитаномъ Хитрово,—ящикъ, по волѣ Павла, съ назначеннаго ему мѣста сняли и, вѣроятно, сожгли, хотя на это и не воспослѣдовало—повелѣнія.

Если бы Павелъ Петровичъ былъ такъ же премудръ, какъ Фридрихъ II, и вмѣсто гнѣва повелѣлъ бы самоязвительнѣйшую сатиру на особу его, найденную имъ въ ящикѣ, напечатать, обнародовать и прибить на перекресткахъ для прочтенія любопытнымъ, его величество въ продолженіе царствованія своего научился бы посредствомъ непристрастнаго ящика весьма многому и вполнѣ пригодному, дабы царствовать ко благоденствію милліоновъ народа, отъ него зависѣвшихъ.

Въ продолженіе существованія ящика, какъ я уже сказалъ, невѣроятно какое существовало правосудіе, во всѣхъ сословіяхъ правдолюбіе и правомѣрность. Откупщикъ не смѣлъ вливать

въ вино воду; купецъ—въ муку, соляной приставъ—въ соль присыпать песокъ. Вѣсъ и мѣра были вѣрные.

Дозволяю себѣ, смѣю безбоязненно сказать, что въ первый годъ царствованія Павла I народъ блаженствовалъ, находилъ судъ и расправу безъ лихоимства; никто не осмѣливался грабить, угнетать его, всѣ власти предержащія страшились—ящика!

Съ паденіемъ въ опалу ящика — пресѣченъ былъ путь правдѣ доходить къ Павлу Петровичу. Онъ былъ ежеминутно всѣми и всегда обманываемъ. Одни не говорили государю правды, страшась гнѣва его; если не понравится ему истина, онъ мгновенно (придетъ въ гнѣвъ). Другіе въ обманахъ находили свои выгоды, выдумывали ложь, страшили его, предваряя о злыхъ на особу его замыслахъ, губили людей тысячи, чтобы тѣмъ содѣлаться (якобы) необходимо - нужными, чтобы имѣть полную его довѣренность, брать чины, титулы, ордена и много тысячныя волости. Учреждены были шпіоны. По званію моему и должности адъютанта у фельдмаршала мнѣ были извѣстны почти всѣ лица, изъявившія готовность свою быть орудіемъ....

XII.

Скоро по восшествіи Павла на тронъ, князь Алексѣй Борисовичъ Куракинъ назначенъ генералъ-прокуроромъ сената, а братъ его князь Александръ Борисовичъ по дипломатической части и оберъ-камергеромъ. Въ канцеляріи князя Алексѣя началъ служеніе свое Михаилъ Михайловичъ Сперанскій.

Князь Куракинъ просилъ митрополита Гавріила дать ему студента духовной академіи для обученія дѣтей его русскому языку. Чудо, небывалое дотолѣ у вельможъ—учить дѣтей своихъ природному языку по правиламъ грамматическимъ. Знатнаго происхожденія люди знали (въ тѣ времена) языкъ русскій наслышкою, красоты и силу языка природнаго изучали отъ псарей, лакеевъ и кучеровъ своихъ. Должно отдать имъ въ томъ справедливость, что они изученное наслышкою краснорѣчіе у псарей и лакеевъ знали совершенно. Я зналъ (въ XVIII вѣкѣ) толпу князей—

Трубецкихъ, Долгорукихъ, Голицыныхъ, Оболенскихъ, Несвитцкихъ, Щербатовыхъ, Хованскихъ, Волконскихъ, Мещерскихъ, — да всѣхъ не упомнишь и не сочтешь, которые не могли написать на русскомъ языкѣ двухъ строчекъ, но всѣ умѣли краснорѣчиво говорить по русски....

Митрополитъ отвѣчалъ князю Алексѣю Борисовичу Куракину, чтобы онъ завтра прислалъ къ нему служителя,—онъ съ нимъ пришлетъ двухъ студентовъ, и который князю понравится, того онъ, митрополитъ, уволитъ изъ духовнаго званія. На другой день дворецкій князя Куракина прибылъ въ раззолоченной каретѣ къ преосвященному; самъ дворецкій былъ одѣтъ въ бархатный съ галунами кафтанъ французскаго покроя, не доставало шляпы и шпаги, всякій почелъ бы дворецкаго за камергера, да и высокопреосвященнѣйшій владыко, не будучи предувѣдомленъ, что отъ его сіятельства кн. Куракина присланъ къ нему дворецкій, принялъ бы его за царедворца и, по крайней мѣрѣ, титуловалъ бы его ваше высокородіе,—всегдашнее привѣтствіе духовныхъ лицъ тѣмъ, о которыхъ они еще не знаютъ, кто они таковы.

Владыко приказалъ позвать двухъ студентовъ — Михайлу Михайловича Сперанскаго и Петра Ивановича Дроздова.

Оба были первые въ богословіи, оба намѣченные во владыки, то есть во архіереи. Митрополитъ Гавріилъ соглашался пожертвовать одного въ учителя дѣтей княжескихъ—желая угодить князю Куракину; а что однимъ архіереемъ ученымъ и умнымъ въ Россіи менѣе—бѣда не велика, ибо три доли владыкъ, тогда (въ концѣ XVIII вѣка), на епархіяхъ властвовавшихъ, были люди не ученые......

Ввели ко архіерееви двухъ студентовъ въ длиннополыхъ, толстаго синяго сукна, сюртукахъ, съ волосами на головѣ не остриженными. Студіозы повалились предъ владыкою ницъ, пріяли благословеніе святителя и со страхомъ и трепетомъ, послушникамъ довлѣющимъ, ожидали велѣнія высокопреосвященнѣйшаго.

— „Послѣдуйте“, указывая на дворецкаго, „ему,—онъ васъ приведетъ ко князю Алексѣю Борисовичу Куракину. Котораго изъ васъ будетъ угодно его сіятельству избрать для наученія дѣтей его княжескихъ глаголу русскому и Закону Божію, того увольняю отъ иноковъ“.

Сперанскій и Дроздовъ опять пали ницъ предъ владыкою, пріяли благословеніе и изошли во слѣдъ дворецкаго. Когда дѣло дошло до сажанья въ карету, то дворецкій не успѣлъ еще поставить ногу на ступеньку каретную, какъ Сперанскій и Дроздовъ торчали уже на лакейскомъ мѣстѣ, сзади кареты. Лакей, усадивъ въ карету дворецкаго, затворялъ дверцы, какъ дворецкій спросилъ его:

— „Да гдѣ-же гг. студенты?"

Лакей отвѣчалъ: „Не знаю; двое влѣзли сзади на карету и мнѣ мѣста не будетъ стать сзади".

Стоило большаго труда дворецкому убѣдить Сперанскаго и Дроздова сѣсть съ нимъ въ карету,—долго оба кланялись въ поясъ и говорили дворецкому: „не подобаетъ, не подобаетъ намъ сидѣть въ каретѣ, златомъ и муссикіею украшенной".

Разсказывая событіе сіе, должно упомянуть о томъ, что студіозъ, не осмѣливавшійся сѣсть въ карету, златомъ и муссикіею украшенную, рядомъ съ дворецкимъ князя Куракина, по постриженіи своемъ, то есть по вступленіи въ чинъ иноческій, чрезъ нѣсколько мѣсяцевъ могъ быть нареченъ и поставленъ во архіереи; ему ввѣрялась бы епархія, то есть (сонмъ) священниковъ, надъ коими предоставлено ему властвовать по произволу, разъѣзжать уже въ своей каретѣ, златомъ и муссикіею украшенной, видѣться, за однимъ столомъ кушать съ представителями высшей власти—и они стали бы цѣловать руку его.

Князь Куракинъ избралъ М. М. Сперанскаго, вѣроятно, по привлекательной наружности его. Мы знаемъ, что̀ вышло изъ Сперанскаго.

Петръ Иван. Дроздовъ, не терпѣвшій чина иноковъ, не соглашавшійся вступить въ монашество, прогнѣвившій непослушаніемъ архипастыря, былъ исключенъ изъ духовнаго званія и отправленъ гражданскому вѣдомству для опредѣленія его въ военную службу. Бѣдою, несчастіемъ это не могло бы быть, но Дроздовъ, къ злополучію своему, поступилъ на службу въ лейбъ-гренадерскій полкъ, которымъ командовалъ желчный, злой, полуученый полковникъ Петръ Ѳедоровичъ Желтухинъ. Будучи небольшаго роста, Дроздовъ назначенъ былъ въ писаря. Желтухинъ, кичась ученостію своею, хотя весьма плохо зналъ кое-

что, началъ Дроздова переучивать по солдатски, билъ его нещадно палками, довелъ до отчаянія, до пьянства. Въ походѣ 1812 года противу французовъ нашелъ я Дроздова разжалованнымъ въ фурлейты. Я взялъ его въ канцелярію дивизіоннаго начальника для письма; узналъ его и былъ столь много счастливъ, что Петръ Ивановичъ Дроздовъ послушалъ совѣта моего—пересталъ пить. Я испросилъ ему у графа П. А. Строгонова прощеніе: его возвели попрежнему въ чинъ унтеръ-офицера. По окончаніи войны посчастливилось мнѣ исходатайствовать Дроздову увольненіе изъ военной службы и, посредствомъ друга моего, почтеннѣйшаго Ивана Осиповича Тимковскаго, бывшаго директоромъ санктъ-петербургской гимназіи, опредѣлить учителемъ въ уѣздномъ училищѣ.

Долго-ли М. М. Сперанскій преподавалъ дѣтямъ княжескимъ русскую грамоту и поучалъ ихъ Закону Божію—того не знаю, видимъ только (1832 г.), что князь Борисъ Алексѣевичъ, сынъ князя Алексѣя Куракина, не словесникъ; дщери князя, сестры Бориса, изъ коихъ одна была въ замужествѣ за Салтыковымъ, оставила его и вышла за Чичерина въ замужество, другая была въ замужествѣ за графомъ Зотовымъ, не знаю—жива ли еще или нѣтъ (1831 г.), но кто не зналъ графиню Зотову....

Сперанскій поступилъ въ канцелярію генералъ-прокурора экспедиторомъ; товарищами его были геніальный, честный и справедливый Н. Н. Сандуновъ и подьяческое сѣмя нѣкто Пшеничный. Сандуновъ не могъ долго остаться въ канцеляріи генералъ-прокурора князя Куракина; онъ былъ очень правдолюбивъ, говорилъ прямо безъ оборотовъ,—вышелъ и былъ опредѣленъ оберъ-секретаремъ сената въ Московскихъ департаментахъ. Одинъ только онъ (въ то время) и былъ оберъ-секретарь, который съ задняго крыльца у себя въ домѣ никого не принималъ, и руки его были чисты отъ взятокъ.

М. М. Сперанскій благую часть избралъ. Тонкій, гибкій, большой умъ его въ короткое время сдѣлался господствующимъ. Сперанскій содѣлался необходимымъ и умѣлъ еще болѣе утвердить себя на мѣстѣ, имъ занимаемомъ. Онъ женился на англичанкѣ, жившей въ домѣ кн. Куракина; вошелъ въ родственное свойство съ знаменитымъ въ тогдашнее время откупщикомъ

Злобинымъ, другомъ и по связямъ дѣлъ прибыльныхъ близкимъ человѣкомъ князю Алексѣю Куракину. На публичной продажѣ имущества Злобина я самъ видѣлъ портретъ кн. Алексѣя Борисовича Куракина съ подписью внизу: „Другу моему Василію Алексѣевичу Злобину“,—проданный безъ рамы за семь рублей 40 коп., а рама была продана особо за 147 рублей. Рѣдкій случай здѣсь: la valeur intrinsèque porta moins de value que l'externe. По мнѣнію моему, продажа портрета князя Алексѣя Борисовича Куракина съ молотка есть лучшая біографія князя.

Если съ многихъ живыхъ портретовъ снять accessoire, — за внутреннее достоинство и по 7 рублей 40 коп. не дадутъ.

А. М. Тургеневъ.

ПУТЕВЫЕ ОЧЕРКИ, ЗАМѢТКИ И НАБРОСКИ.

Поѣздка по Россіи въ 1888 г.

II [1]).

Москва.

I.

Тридцать три года тому назадъ, въ октябрѣ 1855-го года, впервые познакомился я съ Москвою; восемнадцатилѣтнимъ юношей явился я тогда въ нее и рекомендательное письмо покойнаго Я. И. Ростовцева къ давно извѣстному уже и въ то время всей учащейся юной Россіи А. Д. Галахову открыло мнѣ двери, чрезъ доброе и участливое ко мнѣ отношеніе Алексѣя Дмитріевича, въ литературные и профессорскіе кружки. Подъ гостепріимною сѣнью дома г. Галахова и его доброй покойной супруги Зинаиды Львовны — впервые встрѣтился я и познакомился съ Ѳ. И. Буслаевымъ, С. М. Соловьевымъ, М. Н. Катковымъ—наканунѣ изданія имъ «Русскаго Вѣстника», сотрудникомъ котораго мнѣ и довелось на нѣкоторое время сдѣлаться, именно въ 1859 и 1860-хъ годахъ; у Ѳедора Ивановича Буслаева, одного изъ наидостойнѣйшихъ профессоровъ московскаго университета, имѣлъ я истинное удовольствіе бывать и слушать его увлекательную бесѣду. Переходъ отъ литературно-ученыхъ бесѣдъ на вечерахъ кружковъ Ѳ. И. Буслаева и А. Д. Галахова къ московскому университету былъ чрезвычайно простъ и естественъ: я рѣшительно не припомню, кто меня туда направилъ, да и направлялъ ли кто: что-то влекло незамѣтно туда и вотъ я

[1]) См. „Русскую Старину“ изд. 1888 г., т. LIX, августъ, стр. 421—448.

сталъ посѣщать лекціи С. М. Соловьева, С. П. Шевырева, О. М. Бодянскаго, И. Д. Бѣляева и друг., а послѣ лекцій просиживать цѣлыми днями въ бывшемъ на углу, въ зданіи университета, книжномъ магазинѣ Улитина, да поглощать тамъ въ чтеніи все, что относилось до родной исторіи и отечественной словесности, въ особенности XVIII-го вѣка. И никого не дивилъ въ стѣнахъ университета мундиръ юнаго гвардейскаго прапорщика, напротивъ, всѣ, къ кому доводилось обращаться, относились ко мнѣ привѣтливо, радушно — былъ ли я на лекціи, бесѣдовалъ ли я съ своими сверстниками, по молодости, студентами между лекціями, обращался ли къ профессорамъ, усаживался ли за чтеніе въ университетской библіотекѣ... Итакъ, прошелъ 1855-й годъ, прошла значительная часть 1856-го года. Я болѣе и болѣе втягивался въ родную старину и считалъ себя счастливымъ, изучая ее на лекціяхъ, да на памятникахъ въ самомъ сердцѣ Россіи. Не могу не вспомнить, напр., съ какимъ наслажденіемъ доискался я въ моихъ скитаніяхъ по Москвѣ и при изученіи ея историческихъ памятниковъ, доискался, на задворкахъ какого-то дома, до какой-то не то бесѣдки, не то часовни, весьма замусоренной: то оказался памятникъ на могилѣ боярина Артамона Сергѣевича Матвѣева, сооруженный нѣкогда однимъ изъ его потомковъ графомъ Николаемъ Петровичемъ Румянцевымъ, знаменитымъ ревнителемъ отечественной старины и исторіи... А толкучка по воскресеньямъ, подъ Сухаревой башней! Сколько наслажденія доставила ты мнѣ 33 года тому назадъ своимъ книжнымъ хламомъ! Здѣсь я находилъ изданія эпохи Петра Великаго, либо времени Елисаветы Петровны, каковыя эпохи уже тогда намѣтилъ, какъ предметы для изученія; подъ Сухаревкой, на рогожахъ, да на ларяхъ сталъ я пріобрѣтать буквально на гроши рѣдкія, въ библіографическомъ отношеніи, книги и несъ ихъ на Басманную, въ домъ Миняева, въ которомъ въ двухъ высокихъ покояхъ, совершенно безъ всякой мебели, стояли три походныя койки, моя, да двухъ добрыхъ товарищей моихъ, офицеровъ славнаго лейбъ-гвардіи Павловскаго полка [1]), да прибиты были къ стѣнамъ полки изъ простыхъ досокъ, на которыя одна за другою взмащивались книги въ толстыхъ кожаныхъ переплетахъ XVIII-го вѣка.... Гдѣ вы, мои добрые товарищи? Чай помните, если живы, какъ хвалился я своими находками предъ вами, какъ весело передавалъ о своихъ знакомствахъ въ ученыхъ да литературныхъ кружкахъ! А меня все тянуло, да тянуло къ нимъ. Досугу

---

[1]) Баронъ Зейдлицъ — тогда поручикъ, и Николай Алексѣевичъ Ѳедоровъ — прапорщикъ.

у оберъ-офицера гвардіи того времени было вдоволь. Тогда еще далеко было до того времени, когда по волѣ Державнаго Вождя, государя Александра II, и подъ ближайшимъ руководительствомъ истинно просвѣщеннаго военнаго министра Д. А. Милютина всѣ русскіе офицеры, отъ генераловъ до прапорщика, были призваны къ труду и труду неустанному, ежедневному въ сферѣ чисто военнаго дѣла, какъ то и слѣдовало, и слѣдуетъ. Во время моего кратковременнаго пребыванія въ рядахъ гвардіи (1855—1859 гг.), дѣйствительный трудъ для офицера начинался лишь въ званіи ротнаго командира; хожденіе въ караулы, да часа на два на ученье—нельзя было и назвать трудомъ. Стоянка же въ караулѣ на большинствѣ постовъ была обыкновенно тѣмъ днемъ, въ который я, да обыкновенно и многіе изъ моихъ товарищей, читали запоемъ книги, принесенныя въ мѣшкѣ вѣстовымъ, обыкновенно состоявшимъ при караульномъ офицерѣ.

Итакъ, досугу было много, а чтеніе непрестанное вызывало желаніе знакомиться съ людьми пишущими.... И вотъ однажды я направился къ корифею молодой редакціи «Москвитянина», къ Александру Николаевичу Островскому. Предъ могучимъ талантомъ автора «Свои люди сочтемся», «Бѣдная Невѣста», «Не въ свои сани не садись», «Бѣдность не порокъ» и «Не такъ живи, какъ хочется», тогда только и были еще имъ написаны эти комедіи, я благоговѣлъ еще со времени пребыванія на школьной скамьѣ.... Долго и не безъ робости выбиралъ я время, когда явиться къ знаменитому писателю и, наконецъ, отправился чуть не ночью, въ ноябрѣ 1855 года, въ девять часовъ вечера. Для перваго визита это, конечно, было поздновато. Робко взошелъ я во второй этажъ деревяннаго домика, бывшаго въ приходѣ Никола Воробьина (такъ кажется), и, конечно, не мало смутилъ столь позднимъ приходомъ хозяина. Чело Александра Николаевича было нахмурено, но обычное ему добродушіе скоро прояснилось и онъ отнесся вполнѣ привѣтливо, когда узналъ въ вошедшемъ одного изъ самыхъ горячихъ, почти фанатическихъ своихъ поклонниковъ....

И сколько удовольствія доставило мнѣ это знакомство! Здѣсь, въ самыхъ скромныхъ комнаткахъ квартирки А. Н. Островскаго (то былъ, кажется, его собственный домикъ, въ нижнемъ этажѣ котораго помѣщался какой то трактирчикъ), познакомился я съ обычными тогда гостями и друзьями великаго писателя, то были: П. М. Садовскій, А. А. Григорьевъ, Е. Н. Эдельсонъ, Т. И. Филиповъ, артистъ Васильевъ (слѣпецъ, скоро скончавшійся), И. Ѳ. Горбуновъ и другіе. Помню превосходный голосъ Тертія Ивановича, который охотно

пѣлъ народныя пѣсни, бойкую игру на гитарѣ А. А. Григорьева, разсказы Садовскаго, Горбунова.... И сколько веселости, ума, самаго добродушнаго юмора было въ этихъ бесѣдахъ... Вообще, пребываніе въ Москвѣ въ 1855—1856 гг. оставило во мнѣ самыя отрадныя воспоминанія. До чего былъ милъ, простъ въ обращеніи и добродушенъ самъ А. Н. Островскій, уже тогда занимавшій высокое положеніе въ кругу первоклассныхъ отечественныхъ писателей, служитъ слѣдующее обстоятельство. Однажды я испросилъ, чтобы онъ поискалъ у себя хотя лоскутокъ изъ оригинала «Свои люди сочтемся».

— «Да постойте, я вамъ дамъ всю рукопись, если желаете»,— сказалъ Александръ Николаевичъ. Кликнулъ онъ затѣмъ свою хозяюшку, предобродушную, милую, чисто русскую женщину, имѣвшую на его творчество, какъ тогда говорили, самое доброе вліяніе (она уже давно скончалась) и, вмѣстѣ съ нею порывшись въ ящикѣ, какъ теперь помню, платянаго шкапа, именно въ ящикѣ, въ которомъ лежала обувь, вытащилъ оттуда толстую рукопись съ названіемъ «Банкрутъ» и отдалъ ее мнѣ: то былъ оригиналъ одного изъ геніальныхъ произведеній нашего драматурга, комедіи, переименованной имъ въ «Свои люди сочтемся».

Легко представить себѣ, съ какимъ благоговѣніемъ я принялъ этотъ даръ и, конечно, храню его, какъ драгоцѣнное воспоминаніе о дружеской пріязни великаго писателя, и къ кому же, еще лишь только къ 18-ти-лѣтнему тогда юношѣ.... Эта рукопись легла въ основаніе моего обширнаго собранія автографовъ русскихъ дѣятелей...

Всѣ эти и многія другія воспоминанія всплыли предо мною о житьѣ моемъ въ Москвѣ, когда чрезъ 33 года я опять ее посѣтилъ.... Правда, въ этотъ истекшій большой періодъ времени былъ я въ ней два раза, именно въ 1881 и 1882-хъ годахъ, но въ оба пріѣзда, одинъ разъ на юбилей Н. И. Пирогова, другой разъ — на промышленную выставку, въ каждый пріѣздъ оставался я въ Бѣлокаменной два — три дня не болѣе, и занятый непосредственною цѣлью поѣздокъ: участіемъ въ юбилеѣ и осмотромъ выставки, не обозрѣвалъ города и его достопримѣчательностей. Теперь погостилъ я въ Бѣлокаменной недѣлю и съ ранняго утра до поздняго вечера объѣзжалъ ее, да любовался.... И есть чѣмъ: въ послѣднюю четверть вѣка вообще, а ко дню коронованія благополучно царствующаго Государя Императора въ особенности (май 1883 г.), Москва куда какъ поубралась, да украсилась. Кремль съ его башнями вполнѣ оправился; главнѣйшія улицы въ Китай-городѣ обтянулись громаднѣйшими зданіями; мостовыя хотя и не вездѣ, но стали лучше; движеніе вагоновъ по желѣзноконнымъ дорогамъ придало много жизни и напоминаетъ заграничные города;

дивитъ только обозъ бочекъ вокругъ бассейновъ и водоемовъ, дивитъ, какъ это до сихъ поръ Москва-матушка не можетъ устроиться въ самомъ жизненномъ для себя дѣлѣ, въ надлежащемъ снабженіи всего города, въ каждомъ изъ его домовъ, свѣжею, чистою водою....

II.

Первый визитъ въ Императорскій Россійскій историческій музей. Громаднѣйшее зданіе на Красной площади, у Иверскихъ воротъ, какъ разъ противъ бывшей когда-то такъ называвшейся ямы, долговой тюрьмы, гдѣ еще въ 1855—1856 гг. доводилось намъ стоять въ караулѣ и охранять своею командою—разныхъ «банкрутовъ»—прототиповъ комедіи А. Н. Островскаго. Музей историческій зданіе вполнѣ грандіозное и оно, всеконечно, сдѣлается однимъ изъ наилучшихъ украшеній Москвы, какъ скоро вся его наружность, нынѣ краснаго кирпича, съ массою пустыхъ гнѣздъ для всевозможныхъ украшеній изразцами и лѣпною работою, восполнится вполнѣ художественными украшеніями по мысли и рисункамъ талантливаго зодчаго, создателя этого зданія. Но когда наше государственное казначейство выйдетъ изъ «стѣсненнаго положенія» и дастъ средства для довершенія этого монументально-художественнаго зданія—Аллахъ вѣдаетъ! Надо полагать, что наше поколѣніе не доживетъ до этого времени, а будетъ на своемъ вѣку съ недоумѣніемъ глядѣть на это недовершенное, все еще вчернѣ стоящее зданіе....

Оно и внутри потребуетъ еще для своей обдѣлки многихъ лѣтъ труда и многіе десятки тысячъ рублей денегъ; но и то, что сдѣлано, поражаетъ своею грандіозностью и полно самаго живаго для любителя отечественной старины интереса. Въ настоящее время одинадцать залъ уже окончены въ этомъ музеѣ, но всѣхъ будетъ сорокъ; какъ видите до конца еще далеко. Въ этихъ первыхъ одинадцати залахъ нижняго этажа все памятники какъ до-исторической эры въ жизни народовъ, населявшихъ площадь нынѣшней Россіи, такъ затѣмъ времени язычества и первой эпохи по введеніи христіанства. Подлинные памятники языческой Россіи, какъ, напримѣръ, въ высшей степени интересный языческій жертвенникъ, громадныя каменныя «бабы», привезенныя изъ степей южной Россіи, массы предметовъ курганныхъ раскопокъ, цѣлыя модели кургановъ (керченскихъ и друг.) съ ихъ внутреннимъ драгоцѣннымъ для археологіи содержаніемъ. Предметы быта отдаленнѣйшихъ, теряющихся въ сумракѣ легендарной жизни,

предковъ нашихъ, восполняются превосходными громадными на стѣнахъ картинами, воскрешающихъ жизнь славянъ IX-го—X-го вѣковъ. Таковы картины: Г. И. Семирадскаго—погребальное сожженіе Русса въ Булгарахъ и сожженіе павшихъ въ бою воиновъ Святослава; Васнецова: сцены изъ быта дикарей каменнаго вѣка, зала № II; картина И. К. Айвазовскаго—видъ съ Чернаго моря на его берега, усѣянные греческими поселеніями, и проч.

Всѣ одинадцать палатъ музея наполнены множествомъ соотвѣтственныхъ ихъ названіямъ памятниковъ: такъ, напримѣръ, въ двухъ залахъ соединены предметы каменнаго вѣка, при чемъ самыя украшенія зала взяты изъ гончарныхъ издѣлій той эпохи; коллекціи при этомъ сгруппированы по бассейнамъ рѣкъ; въ залахъ III и IV соединены предметы эпохи бронзы и начала желѣзнаго вѣковъ,—тутъ цѣлая коллекція вещей изъ могильника «Кобань» въ Осетіи и находки г. Филимонова близь станціи Казбекъ. Предметы кургановъ распредѣлены по водоемамъ главныхъ рѣкъ Россіи. Въ V-й палатѣ вы находите памятники желѣзнаго вѣка; въ VI-й – эллино-скифскіе; въ VII-й—памятники отъ 988-го до 1054—тутъ масса рисунковъ кіевской въ особенности софійской древней святыни; въ VIII-й—памятники отъ 1054 до 1125-го года, тутъ, между другими, превосходные громадные снимки съ памятниковъ кіевской XI и XII вѣковъ святыни, снимки профессора А. В. Прахова; картонная копія извѣстнаго уже намъ по тверскому музею камня изъ погоста Стержа, Осташковскаго уѣзда; тутъ же много предметовъ и снимковъ изъ новгородскихъ монастырей. Въ этой же залѣ посѣтитель невольно останавливается передъ подвижными рамами, въ которыхъ соединена коллекція превосходныхъ акварелей извѣстнаго рисовальщика г. Мартынова; въ теченіи двадцати лѣтъ, онъ, по желанію императора Александра II, изготовлялъ рисунки съ главнѣйшихъ по древности церквей и старинныхъ вещей, хранящихся въ ризницахъ — храмовъ и монастырей центральной и сѣверной Россіи. Тутъ же копіи съ рисунковъ Даля, изображающихъ древнія деревянныя уцѣлѣвшія церкви... Нынѣ приступаютъ къ отдѣлкѣ новыхъ двухъ залъ—Новгородской и Владиміро-Суздальской... Главнѣйшимъ украшеніемъ этой залы будетъ древній желѣзный вызолоченный крестъ съ Успенскаго собора во Владимірѣ. Крестъ этотъ украшенъ мѣднымъ прорѣзнымъ оригинальнымъ орнаментомъ; будетъ онъ водруженъ посреди круглой залы, а стѣны залы будутъ украшены копіями съ прилѣпъ, встрѣчающихся въ храмахъ древней Владиміро-Суздальской области.

Палата А, напоминающая планъ храма св. Софіи въ Константинополѣ, заключаетъ въ себѣ христіанскіе памятники до VI-го вѣка;

здѣсь, напримѣръ, рядъ слѣпковъ статуй, какова, сидящая статуя св. Ипполита, епископа III-го вѣка,—одинъ изъ древнѣйшихъ памятниковъ искусства ваянія христіанской эры; различные саркофаги III—V вѣковъ и проч. Тутъ и стѣнопись залы и собранныя въ ней коллекціи представляютъ научный матеріалъ для изученія символики древне-христіанскаго искусства и первоначальнаго вліянія на это искусство традицій искусства классическаго. — Вообще зало это, вмѣщая въ себѣ много интереснаго, представляетъ своимъ убранствомъ и памятниками какъ бы колыбель христіанскаго искусства въ Россіи, идущаго изъ того же начальнаго источника... Половая мозаика этой палаты представляетъ точную копію пола катакомбы Св. Елены. Въ залѣ Б соединены памятники древнѣйшихъ поселеній грековъ на берегахъ Чернаго моря; здѣсь виситъ на стѣнѣ превосходная, громадная картина И. К. Айвазовскаго: берегъ Чернаго моря съ греческими на немъ поселеніями, обрамлявшими берегъ нынѣшняго Керченскаго пролива; тутъ же картина Левицкаго: катакомбы св. Климента.... Въ залѣ В собраны архитектурные христіанскіе памятники въ фрагментахъ, слѣпкахъ и фотографіяхъ изъ Крыма, Кавказа и Византіи, начиная съ VI-го по XI в.; здѣсь много предметовъ изъ Херсониса, здѣсь же будетъ на стѣнѣ картина, изображающая крещеніе Св. Владиміра въ Херсонисѣ. Эскизъ картины принадлежитъ академику Бронникову; съ этимъ почтеннымъ художникомъ пишущій эти строки имѣлъ удовольствіе познакомиться въ Римѣ, въ 1878 году; это одинъ изъ лучшихъ русскихъ художниковъ - знатоковъ жизни древне-римской вообще и христіанской въ особенности... Въ І-й залѣ обозрѣватель музея невольно останавливается предъ отличнымъ экземпляромъ клыковъ допотопнаго мамонта....

Интересно было зайти въ нѣкоторые неотдѣланные залы музея; здѣсь я видѣлъ какъ бы питомникъ этого превосходнаго въ будущемъ хранилища памятниковъ отечественной старины! Чего, чего тутъ только нѣтъ: и картины Айвазовскаго, даръ августѣйшаго высокаго покровителя музея, и превосходное собраніе изразцовъ изъ древнихъ приволжскихъ монастырей (между прочимъ, Макарьевской обители) и множество живописныхъ портретовъ русскихъ людей XVII и XVIII-го вѣковъ; между ними наидрагоцѣннѣйшія, по времени, большія картины, изображающія бракосочетаніе Марины Мнишекъ съ дьякомъ Власьевымъ, замѣнявшимъ персону мнимаго царя Димитрія, и въѣздъ Марины Мнишекъ въ Москву; эти картины имъ современны; тутъ же модели нѣкоторыхъ памятниковъ Александру II... Собираніе портретовъ историческихъ русскихъ лицъ, а также и

просто старинныхъ портретовъ, какъ изображенія костюмовъ прежняго времени,—составляетъ одну изъ особенныхъ заботъ музея. Не ограничиваясь живописными портретами, музей обладаетъ большимъ собраніемъ гравированныхъ портретовъ русскихъ людей (коллекціи М. Н. Похвиснева и друг.).

Здѣсь среди разнообразныхъ предметовъ устраиваемаго музея, среди массы предметовъ стариннаго русскаго быта [1]), встрѣтилъ я высокоуважаемаго ближайшаго хозяина музея, Ивана Егоровича Забѣлина. Съ большой сѣдой бородой чуть не по поясъ—почтенный историкъ смотритъ весьма бодрымъ, полнымъ силъ и энергіи. Принялъ насъ Иванъ Егоровичъ вполнѣ привѣтливо и съ видимымъ удовольствіемъ познакомилъ съ сокровищами, соединенными подъ сѣнью ввѣреннаго ему, какъ «товарищу предсѣдателя», императорскаго россійскаго историческаго музея; на этомъ посту г. Забѣлинъ находится съ 6-го апрѣля 1885 года. Много, очень много дѣла предстоитъ Ивану Егоровичу и небольшому кружку его сослуживцевъ по музею [2]), но дѣло это спорится подъ его умѣлымъ руководительствомъ. Вообще нельзя не порадоваться, что дѣло устроенія музея, начало которому положено незабвеннымъ археологомъ, покойнымъ графомъ А. С. Уваровымъ, ввѣрено, за его кончиною, именно одному изъ самыхъ трудолюбивыхъ, самыхъ даровитыхъ знатоковъ отечественной археологіи и исторіи; труды г. Забѣлина въ области русской-исторической литературы занимаютъ весьма почетное мѣсто. Кстати отмѣтимъ здѣсь, заглянувъ въ нашъ альбомъ «Знакомые», который провожаетъ насъ и въ путешествіи, что Иванъ Егоровичъ Забѣлинъ—родился въ Твери, въ 1820-мъ году, 17-го сентября. Первый его историческій трудъ (о троицкихъ походахъ царей) напечатанъ былъ въ «Московскихъ Губернскихъ Вѣдомостяхъ» 1842 года, апрѣль....

Библіотека россійскаго историческаго музея въ Москвѣ громадная;

---

[1]) Особенно богато собраніе сундуковъ, укладокъ, головниковъ, ларцовъ—украшенныхъ желѣзной узорчатой оковкой, рѣзьбой изъ кости, расписанныхъ; всѣхъ сундуковъ XVII и XVIII вѣковъ болѣе сотни; множество подевѣчниковъ и чернильницъ самой оригинальной формы и съ затѣйливымъ прорѣзнымъ орнаментомъ; много сосудовъ для питья, а также рукомои и проч. Женскій обиходъ нашихъ предковъ представленъ также весьма разнообразно: нѣкоторыя зеркала, гребни, серьги, пуговицы, перстни, кресты—восходятъ, по времени ихъ выдѣлки, къ XVI, а быть можетъ и еще болѣе отдаленному времени. Изъ старой мебели указываютъ на интересныя по орнаменту столъ и кресло изъ кельи царевны Софіи, изъ Новодѣвичьяго монастыря и проч.

[2]) Изъ нихъ назовемъ ученаго секретаря музея—архитектора Владиміра Ильича Сизова и библіотекаря Алекс. Иванов. Станкевича.

въ нее, между нѣсколькими (8) книгохранилищами (180 т. томовъ), вошли знаменитыя библіотеки Черткова (все, что писано о Россіи), фельдмаршала кн. А. И. Барятинскаго (въ нее, въ свою очередь, вошло хорошее собраніе книгъ знаменитаго слависта, покойнаго А. Ѳ. Гильфердинга, библіофила В. И. Касаткина и др.); еще недавно музей пріобрѣлъ библіотеку профессора К. К. Герца (книги объ искусствѣ) около 20 т. томовъ (6,150 названій); здѣсь же книгохранилище князя Александра Николаевича Голицына, принесенное имъ въ даръ Москвѣ; Д. М. Щепкина, П. В. Щапова (старопечатныя книги, а также изд. Новикова, равно книги массонскія и проч.); М. Д. Хмырова—богатая собраніемъ статей изъ журналовъ; Н. Н. Муравьева-Карскаго (книги военныя) и друг. Значительное собраніе книгъ уже заняло (іюнь 1888 г.) надлежащія мѣста въ превосходной, свѣтлой, такъ сказать, трехъ-этажной залѣ, но груды книгъ еще сортируются по надлежащимъ отдѣламъ и эти груды подъемлются на полу въ громадныхъ неотдѣланныхъ палатахъ музея. Усердно и неустанно трудится надъ этимъ дѣломъ г. Станкевичъ и помогаетъ ему не кто другой, какъ два три толковыхъ русскихъ солдатика,—музейные сторожа уже мастера разъяснять, частью на свой ладъ, достопримѣчательности музея.

Что еще замѣчательно хорошо въ обозрѣваемомъ нами музеѣ—это аудиторія для публичныхъ лекцій. Скамьи ея подъемлются крутымъ и весьма высокимъ амфитеатромъ; обширный экранъ для волшебнаго фонаря, акустика залы, при особаго устройства стеклянномъ потолкѣ—не оставляютъ желать ничего лучшаго. Едва ли это, дѣйствительно, не лучшая аудиторія въ Россіи; вмѣстить она въ себѣ можетъ болѣе 600 слушателей....

Число вещей, собранныхъ въ настоящее время музеемъ, доходитъ до 20,000 предметовъ, не считая монетъ. Предсѣдатель музея, Е. И. В. Великій Князь Сергій Александровичъ; Его Высочество принесъ музею въ даръ нѣсколько драгоцѣнныхъ для археологіи предметовъ.

Вообще зданіе музея, плодъ высокаго таланта зодчаго, художника Владиміра Осиповича Шервуда [1]), составляетъ одно изъ такихъ достопримѣчательностей въ современной Москвѣ, что не посѣтить его невозможно. Оно заслуживаетъ подробнаго осмотра... Мы, однако, не претендуемъ на то, чтобы хотя въ общихъ чертахъ ознакомить съ нимъ читателей, такъ какъ краткость времени не позволяетъ намъ

---

[1]) Внутренняя отдѣлка залъ музея исполнена покойнымъ профессоромъ архитектуры А. П. Поповымъ.

долго въ немъ оставаться; мы спѣшимъ въ другой музей, за которымъ держится названіе Румянцевскаго, хотя книгохранилище знаменитаго графа Н. П. Румянцева давно уже составляетъ лишь не болѣе, какъ одинъ изъ отдѣловъ этого необыкновенно быстро разросшагося, съ перенесеніемъ его въ Москву, древлехранилища.

III.

Въ Румянцевскомъ музеѣ посѣтитель обращаетъ вниманіе на обширное собраніе манекеновъ типовъ всѣхъ народовъ, населяющихъ Россію, и типовъ всѣхъ славянскихъ племенъ,—извѣстное собраніе, составленное иждивеніемъ и заботами дѣйств. тайн. сов. Дашкова. Всѣ эти куклы въ надлежащихъ костюмахъ и въ натуральный ростъ, со многими орудіями и принадлежностями обыденнаго быта, хранятся бережно подъ стеклянными чехлами, но многія изъ нихъ, сдѣланныя еще въ 1860-хъ годахъ, невольно напоминаютъ, что въ настоящее время искусство выдѣлки таковыхъ манекеновъ несравненно подвинулось впередъ и ихъ выдѣлываютъ гораздо изящнѣе, вообще всю эту натуру воспроизводятъ куда какъ лучше, художественнѣе.

Громадное собраніе поясныхъ портретовъ русскихъ достопамятныхъ, почившихъ сномъ смерти, дѣятелей, черною манерою исполненныхъ, изъ года въ годъ постоянно увеличивается. Теперь на лицо около 300 портретовъ, при чемъ имѣется путеводитель по этому собранію съ обозначеніемъ именъ художниковъ, писавшихъ портреты, и съ указаніемъ оригинальныхъ портретовъ, съ которыхъ списаны копіи. Конечно, далеко не всѣ портреты одинаково хороши, причемъ не мало и пробѣловъ, что и указано оставленіемъ свободныхъ мѣстъ для ихъ замѣщенія,—но во всякомъ случаѣ большое спасибо достоуважаемому г. директору музея, почетному опекуну г. Дашкову, что онъ неуклонно продолжаетъ увеличивать это собраніе ликовъ достопамятныхъ россіянъ, которымъ отведено уже нынѣ особое, хорошо освѣщенное, зало. Изъ портретовъ послѣдняго времени мы замѣтили здѣсь покойныхъ редакторовъ «Московск. Вѣдомостей»—П. М. Леонтьева (1822—1875 гг.) и М. Н. Каткова (1818—1887 гг.); Ник. Петр. Гиляровъ-Платоновъ самъ передъ смертію прислалъ музею свой портретъ.

Музей вмѣщаетъ въ себѣ обширнѣйшее собраніе всѣхъ предметовъ, напоминающихъ бытіе въ Россіи массонскихъ ложъ. Отдѣлъ рукописей замѣчательно обширенъ и при пособіи акуратно составляемыхъ

каталоговъ и, благодаря просвѣщенной готовности хранителей музея (г. Лебедева) и директора (г. Дашкова) содѣйствовать каждому труду на пользу наукѣ, доступъ къ пользованію рукописями, конечно, тутъ-же въ музеѣ, въ опредѣленные часы, чрезвычайно легокъ. При бѣгломъ просмотрѣ новѣйшихъ пріобрѣтеній музея, по части рукописей, мы замѣтили: Записки Ив. Петровича Липранди (№ 2584), рукопись А. А. Саблукова (№ 2696), Андрея Нартова—пропущенные въ «Москвитянинѣ» анекдоты и разсказы, собранные имъ о Петрѣ Великомъ (2,747). Подъ № 2,905 находится рукопись графа Л. Н. Толстаго на 38 листкахъ, это разсказъ его «Севастополь въ августѣ мѣсяцѣ»; собственноручный оригиналъ автора заключаетъ въ себѣ одну лишнюю противъ печатнаго текста главу и нѣкоторыя другія отличія противъ извѣстнаго въ печати текста. Подъ №№ 3,016, 3,017, 3,020, 3,021 находятся автографы другихъ сочиненій того-же геніальнаго нашего писателя. Любопытны собранія бумагъ А. С. Норова, С. Д. Полторацкаго; съ нѣкоторыми изъ послѣднихъ читатели «Русской Старины» знакомы изъ интересныхъ сообщеній талантливой нашей писательницы Е. С. Некрасовой... Въ высокой степени драгоцѣнны здѣсь для каждаго образованнаго человѣка бумаги А. С. Пушкина; все собраніе ихъ весьма подробно описано въ «Русской Старинѣ» трудолюбивымъ профес. В. Е. Якушкинымъ. Чрезвычайно важно для отеч. науки рукописное собраніе всѣхъ работъ незабвеннаго А. Е. Викторова (см. жизнь и характеристику въ превосходномъ очеркѣ Е. С. Некрасовой, «Рус. Стар.» 1884 г., т. XLIII, 425—448); тутъ обширные матеріалы для описанія церковно-славянскихъ старопечатныхъ книгъ, отличнымъ знатокомъ которыхъ былъ этотъ ученый и прекраснодушный русскій дѣятель († 1883 г.), переписка Викторова со множествомъ славянскихъ и русскихъ, свѣтскихъ и духовныхъ, ученыхъ и писателей, почти за всю жизнь нашего труженика, оставившаго при томъ, и какъ хранитель рукописей въ этомъ музеѣ, самую добрую память постоянною готовностью помочь каждому обращавшемуся за его содѣйствіемъ при трудахъ въ Музеѣ. Печатные отчеты Московскаго публичнаго и Румянцевскаго музеевъ, появляясь въ три года разъ (почему не ежегодно?), знакомятъ съ ихъ пріобрѣтеніями, и къ этимъ отчетамъ мы отсылаемъ читателей нашихъ бѣглыхъ замѣтокъ... Кстати напомнимъ, что въ «Русской Старинѣ» (1883 г. т. XXXVII, 87—116) помѣщено интересное сказаніе В. В. Стасова—о переводѣ Румянцевскаго музея изъ Петербурга въ Москву, въ 1860—1861 гг.

IV.

Но гдѣ мы провели три часа и провели ихъ не замѣтивъ, какъ единый мигъ, такъ это въ картинной галлереѣ г. Третьякова. Она помѣщается во дворѣ его дома, за Москвой-рѣкой, въ саду, въ особо выстроенномъ двухъ-этажномъ каменномъ зданіи. Послѣ 1881 г., когда я въ послѣдній разъ былъ въ этой галлереѣ, она значительно увеличилась. И что это за прелесть! Вотъ уже гдѣ Русь живетъ, гдѣ Русью пахнетъ! Кругомъ васъ Русь и только Русь, т. е. русскій талантъ, русскій геній. Слезы, горе, радость, героизмъ, страданія, побѣды, ликованія, утраты, лишенія, — сцены чисто русской жизни отъ самыхъ обыденныхъ, комическихъ до сценъ высокаго историческаго значенія изъ минувшихъ судебъ русскаго народа. Вы смотрите, вы упиваетесь видимымъ, глаза ваши оторваться не могутъ—такъ много предъ вами превосходнаго, высоко-художественнаго и по замыслу, и по выполненію. И все это—исполнили наши, русскіе, все это исполнено мощнымъ талантомъ и геніемъ русскаго человѣка художника. Это сознаніе несказанно увеличиваетъ наслажденіе каждаго образованнаго русскаго посѣтителя этого вполнѣ національнаго музея.

Каталога нѣтъ; почему это и какъ—понять трудно; г. Третьякову стоило бы лишь не поскупиться на издержку немногихъ сотень рублей и любой изъ нашихъ знатоковъ художествъ составилъ бы обстоятельный каталогъ его превосходнѣйшей галлереи...

Но что это за прелесть, невольно восклицаемъ мы, вновь заглядывая въ свою карандашную записную тетрадку, съ которою въ рукахъ мы провели много минутъ предъ тою или другою картиною, тѣмъ или другимъ портретомъ этой галлереи! И ничего-то въ нихъ не было для насъ новаго: всѣ эти дивныя, лучшія произведенія русскихъ художниковъ въ послѣднюю четверть вѣка были украшеніемъ различныхъ выставокъ въ С.-Петербургѣ, въ Москвѣ, нѣкоторыя даже на международныхъ выставкахъ въ Парижѣ, въ Берлинѣ,—но это не мѣшаетъ вновь и вновь стоять предъ ними, не сводить глазъ и восхищаться... Позвольте хотя въ безпорядкѣ отмѣтить здѣсь нѣкоторыя произведенія галлереи г. Третьякова.

Въ первыхъ же залахъ нижняго этажа предъ вами лучшія и многія картины геніальной кисти В. В. Верещагина: изъ эпохи войны 1877—1878 гг., изъ природы и быта Индіи, изъ странствій и боевой жизни художника въ средне-азіятскихъ степяхъ и городахъ. Вы переходите отъ картины къ картинѣ и не вѣрите, просто не

вѣрите, чтобъ это дивное воспроизведеніе на полотнѣ природы, людей, животныхъ,—чтобы нерѣдко вся драма, весь ужасъ человѣческаго изувѣрства—и на ряду съ этимъ высокія доблести, все это было бы плодомъ труда и таланта одного человѣка. И мы знаемъ его: вотъ онъ—средняго роста, съ благородными, тонкими, выразительными чертами лица, съ пріятнымъ, симпатичнымъ голосомъ, простой и живой въ обращеніи, вполнѣ понимающій самобытность и силу своего таланта. Да, В. В. Верещагинъ—это гордость современнаго русскаго общества, одинъ изъ достойнѣйшихъ по мощи и силѣ дарованія, русскихъ художниковъ славной эпохи Александра II, когда, при общемъ возбужденіи русскаго общества и къ свободѣ, свѣту, знанію далеко двинулись впередъ отечественныя художества и искусства [1]). Многочисленныя произведенія кисти другаго даровитаго русскаго художника той же эпохи Александра II—Крамскаго служатъ драгоцѣннѣйшимъ достояніемъ галлереи г. Третьякова. Здѣсь—Спаситель въ пустынѣ, кисти Крамскаго; здѣсь изображенія русскихъ писателей, сохраненныя на полотнѣ кистью того же великаго художника: гр. Л. Н. Толстой, М. Е. Салтыковъ, Ив. С. Тургеневъ, И. А. Гончаровъ, Д. В. Григоровичъ, Ю. Ѳ. Самаринъ, А. П. Кошелевъ, С. Т. Аксаковъ, В. В. Самойловъ (даръ музею по духовному завѣщанію артиста), М. П. Погодинъ, А. Н. Островскій, А. А. Потѣхинъ, Н. А. Некрасовъ въ двухъ видахъ, онъ же и на смертномъ одрѣ, Ѳ. М. Достоевскій... Изъ картинъ В. И. Якобія—здѣсь одна изъ первыхъ его по времени и едва-ли не самая лучшая: «Привалъ арестантовъ»; Перовъ: «Царевна Софія», «Тройка» и знаменитая его картина «Птицеловъ», столь мастерски переданная профессоромъ И. П. Пожалостинымъ въ извѣстной его гравюрѣ на мѣди; Флавицкій—Княжна Тараканова; Невровъ—портретъ М. С. Щепкина; Прянишниковъ—французскіе плѣнные въ 1812 году; Мясоѣдовъ: «Самосожигатели»—потрясающаго трагизма картина; А. Свѣдомскій. Много прелестныхъ жанровыхъ картинъ В. Е. Маковскаго; произведенія дивной кисти безспорно крупнѣйшаго по таланту современнаго русскаго живописца И. Е. Рѣпина: «Крестный ходъ»; его-же портреты А. Ѳ. Писемскаго, И. Р. Забѣлина, И. С. Аксакова,—Рѣпина-же царевна Софія

---

[1]) Извѣстно, какой громъ похвалъ и восторга сопровождаетъ выставки картинъ В. В. Верещагина не только въ нашемъ отечествѣ, не только въ главнѣйшихъ центрахъ цивилизаціи на западѣ, но и въ Новомъ Свѣтѣ, въ массахъ практическихъ янки. Довольно сказать, что въ 1889 г. В. В. Верещагинъ получилъ часть гонорара за выставку своихъ картинъ, въ Нью-Іоркѣ 100,000 руб.; въ Чикаго направлялись спеціальные по дешевой цѣнѣ поѣзда исключительно по случаю выставки тамъ картинъ В. В. Верещагина.

въ заточеніи въ 1699 году, его-же—Н. И. Пироговъ (1881 г.). Между прочимъ его Бурлаки (эскизъ ихъ головъ); неподражаемый К. Е. Маковскій, Гунъ; картины: А. Литовченко, В. Сурикова (Марѳа Посадница въ цѣпяхъ); Стрѣльцы, ведомые на казнь въ 1699 году; Меншиковъ въ Березовѣ; Васнецова (поле витязя Руслана); Васильева; А. П. Боголюбова, Айвазовскаго, путешествіе по востоку—въ картинахъ В. Д. Полѣнова; П. Ковалевскаго; Бронникова, Корзухина, Ярошенко; Н. П. Ге—портреты А. И. Герцена, Н. И. Костомарова ...

Изъ произведеній прежнихъ русскихъ живописцевъ мы останавливались предъ произведеніями К. П. Брюлова—портретъ Кукольника и друг.; А. И. Волкова—превосходный портретъ Крылова; Угрюмова—отличный портретъ купца Ивана Водовозова, отца знаменитаго русскаго педагога и писателя В. И. Водовозова; Тропинина—портреты Карамзина и Пушкина; Моллера—Гоголь; Яненко (1794 года)—портретъ Павла I-го; произведенія Боровиковскаго; прелестныя, полныя неподражаемаго юмора, жанровыя картинки П. А. Ѳедотова; обширное собраніе эскизовъ знаменитаго Иванова....

Невозможно перечислить сокровищъ галлереи г. Третьякова. А про него еще говорятъ, что онъ не очень таровать, что онъ медлителенъ въ своихъ пріобрѣтеніяхъ, что онъ торгуется до слезъ, что онъ при этомъ «бѣдняется» предъ художникомъ, что, галлерея его еще бы быстрѣе разрослась, есла бы онъ чуточку былъ бы не такъ скупъ.... Кто знаетъ, быть можетъ, почтенный собиратель и впрямь бережливъ болѣе, нежели какъ то желали бы нѣкоторые изъ нашихъ художниковъ, большинство которыхъ, не смотря на ихъ крупныя дарованія и усидчивость труда, увы, не отличаются матеріальнымъ достаткомъ; за всѣмъ тѣмъ г. Третьяковъ настоящимъ собраніемъ произведеній русскихъ художниковъ выполняетъ великую службу Отечеству, и нѣтъ словъ, чтобы достаточно благодарить этого просвѣщеннаго москвича за его ревность къ художеству отечественному, за его, какъ разсказываютъ, да и какъ это видно на дѣлѣ, его фанатическую страсть къ привлеченію въ галлерею если не всего, что производятъ лучшіе современные отечественные художники, то многаго. Кстати, почему-бъ г. Третьякову не озаботиться пріобрѣтеніемъ извѣстнаго альбома 300-тъ акварелей профессора Ѳ. Г. Солнцева: головные уборы и костюмы русскихъ людей едвали не двадцати губерній Россіи. Альбомъ этотъ состоитъ изъ акварелей, исполненныхъ на мѣстѣ, съ натуры, въ теченіе многолѣтнихъ странствій маститаго художника по Россіи съ археологическою и художественною цѣлями; Ѳедору Григорьевичу теперь 88 лѣтъ и хотя онъ бодръ,

трудится еще неустанно безъ очковъ, но въ жизни и смерти Богъ воленъ и, сохрани Богъ, послѣ его кончины альбомъ достаться можетъ маклакамъ-торговцамъ, да еще расползется въ розбить. Гдѣ же, какъ не въ музеяхъ московскихъ у гг. Третьякова или Дашкова всего приличнѣе быть этому драгоцѣнному, этому—во всѣхъ отношеніяхъ единственному—собранію изображеній русскихъ людей въ ихъ мѣстныхъ, народныхъ костюмахъ и головныхъ уборахъ.—Объ альбомѣ Ѳ. Г. Солнцева см. въ «Русской Старинѣ» изд. 1887 г. X томъ LVI, стр. 851 [1]).

Въ случаѣ кончины г. Третьякова (пошли ему Господь долгіе годы жизни) галлерея его, какъ говорятъ, по составленному имъ завѣщанію, дѣлается достояніемъ общественнымъ,—города Москвы.

V.

Въ ряду учрежденій, живо интересовавшихъ меня въ Москвѣ, я посѣтилъ архивъ министерства юстиціи на Дѣвичьемъ полѣ. Это обширное зданіе создано энергіей и усиліями знаменитаго архивиста нашего и, можно сказать, иниціатора въ устроеніи всего архивнаго дѣла въ нашемъ отечествѣ—Н. В. Калачова. При созданіи этого громаднѣйшаго дома было принято во вниманіе послѣднее слово устроенія архивовъ. Покойный Калачевъ, какъ извѣстно, неоднократно посѣщалъ столицы Европы и тамъ внимательно изучалъ это дѣло. Зданіе архива министерства юстиціи едва ли оставляетъ желать что либо лучшее. Обходя всѣ этажи его по галлереямъ, бѣгущимъ вдоль и поперекъ у стѣнъ зданія, вы ничего не видите предъ собою, кромѣ камня, желѣза и чугуна; дерева почти нѣтъ, и такимъ образомъ опасность пожара совершенно устранена. Въ этомъ отношеніи дѣло доведено даже до крайности: стѣнки съ полками подъемлются съ самаго основанія зданія на высоту всѣхъ этажей, и между тѣмъ, ни въ одномъ этажѣ между этими стѣнками не настланы полы, дабы избѣжать употребленія досокъ. Архиваріусъ, желая достать то или другое дѣло, становится на маленькую платформу и катится на ней по рельсамъ, подобно тому, какъ катаются по желѣзнымъ дорогамъ на дрезинахъ; но желѣзнодорожникъ летитъ по полотну, а архиваріусъ министерства юстиціи ползетъ надъ зіяющей подъ нимъ бездной въ два, въ три,

---

[1]) Сообщаемъ адресъ почетн. чл. И. Ак. Художествъ, д. ст. сов. Ѳедора Григорьевича Солнцева: Спб., Пески, 5 улица, д. Семенова.

въ четыре этажа. Я бы ни за что не рѣшился совершать такія прогулки, но все дѣло привычки, и обязательные подвижники этого хранилища юридическихъ и историческихъ актовъ безпрестанно передвигаются на этихъ платформахъ за тѣми или другими дѣлами. Случается при этомъ, какъ они же намъ разсказывали, что колесико соскакиваетъ съ рельса, но провала быть не можетъ, такъ какъ желѣзныя оси телѣжки-платформы остаются и при этомъ случаѣ на рельсахъ. Въ добрый часъ! Искренне желаемъ, чтобы никто изъ здѣшнихъ архиваріусовъ, въ память незабвеннаго Николая Васильевича Калачева, не сломалъ бы себѣ шею. Что до дѣлъ, то они приведены въ большой порядокъ: всѣ лежатъ по губерніямъ, по городамъ и по тѣмъ судебнымъ учрежденіямъ, изъ архивовъ которыхъ свезены сюда со всѣхъ концовъ Россіи. Это вполнѣ архивъ старыхъ дѣлъ судебнаго вѣдомства, охватывающій время до начала текущаго столѣтія. Есть множество дѣлъ XVII вѣка, и нѣкоторые свитки, тщательно свернутые и установленные на полкахъ, имѣютъ болѣе полъ-аршина въ діаметрѣ, слѣдовательно, многіе десятки аршинъ въ длину, если терпѣливый изслѣдователь развернетъ ихъ для прочтенія и изученія.

Вотъ какъ характеризуетъ содержаніе этой сокровищницы историческихъ и бытоописательныхъ матеріаловъ В. И. Семевскій (нынѣ докторъ русской исторіи), въ числѣ прочихъ ученыхъ много здѣсь поработавшій: «Архивъ министерства юстиціи въ Москвѣ, несомнѣнно, самый важный для исторіи внутренняго быта, не только въ XVIII вѣкѣ, но и въ предшествовавшія эпохи, особенно въ XVI—XVII столѣтіяхъ. Здѣсь, между многими другими матеріалами, хранятся боярскія книги и списки, десятни, жилецкіе списки, дѣла конторъ герольдмейстерской, печатной и друг., приказовъ малороссійскаго, разряднаго, сибирскаго и множества другихъ, родословныя, разряды, множество жалованныхъ грамотъ монастырямъ и церквамъ; дѣла канцелярій конфискаціи, тайной и друг., камеръ, ревизіонъ и юстицъ-коллегій, коллегіи экономіи и нѣкоторыхъ конторъ, комиссіи о моровой язвѣ 1771 года, нѣкоторыхъ магистратовъ, разныхъ судовъ, розыскной экспедиціи, книги записныя, отказныя, писцовыя, наконецъ, обширное производство разныхъ учрежденій (съ начала XVII столѣтія по 1867 г.), расположенное по мѣстностямъ. Однихъ сенатскихъ дѣлъ здѣсь находится 7,428 книгъ и 1,186 связокъ»...

Интересно въ зданіи этого архива обширное помѣщеніе для библіотеки и московскаго археологическаго института, мысль объ учрежденіи котораго не оставляла Николая Васильевича Калачева. Останься онъ живъ, при его энергіи и при всеобщемъ къ нему уваженіи въ сферахъ лицъ, у власти стоявшихъ, Калачевъ, всеконечно, осуществилъ бы

свое желаніе; но онъ умеръ, и какъ сплошь да рядомъ у насъ бываетъ, дѣло, связанное съ волей и энергіей одного человѣка, потухло подъ обычной фразой «стѣсненныхъ средствъ государственнаго казначейства».

Библіотека довольно значительна, а всего пріятнѣе, что въ личномъ составѣ служащихъ есть нѣсколько лицъ, усердно трудящихся не только по исполненію непосредственныхъ обязанностей, на нихъ лежащихъ, но и по изысканію и обнародованію, съ надлежащаго разрѣшенія, интересныхъ историческихъ актовъ. Таковы: гг. Гоздаво-Голомбіевскій, Ардашевъ, Шимко, Востоковъ, Голубевъ. Почтенные труды этихъ архивистовъ, въ особенности по исторіи разныхъ архивовъ, вошедшихъ въ составъ обозрѣваемаго, напечатаны въ извѣстномъ «Описаніи документовъ и бумагъ, хранящихся въ московскомъ архивѣ министерства юстиціи», пятый объемистый томъ каковаго изданія вышелъ въ свѣтъ въ 1888 г. Во главѣ учрежденія поставленъ, послѣ кончины сенатора Калачева, профессоръ московскаго университета Н. А. Поповъ, авторъ нѣсколькихъ капитальныхъ трудовъ по отечественной исторіи, какъ, напр., извѣстнаго труда о дѣятельности историка В. Н. Татищева и проч. Должно, однако-же отмѣтить тотъ фактъ, что служащіе здѣсь, кромѣ директора архива, получаютъ довольно скромное жалованье, а это тѣмъ неладно, что едва ли болѣе способные изъ нихъ будутъ подолгу оставаться на архивной службѣ: нужда заставитъ ихъ искать болѣе обезпеченнаго положенія, какъ-то: занять каѳедры въ университетахъ и т. п. И тутъ сказывается характерная личность покойнаго Калачева: отстаивая каждый рубль и выпрашивая его въ подлежащихъ вѣдомствахъ на устроеніе этого центральнаго архива, онъ поступился даже штатами для служащихъ, только чтобъ выпросить средства на созданіе археологическаго института, подобнаго тому, каковой основалъ онъ столь счастливо въ Петербургѣ. Но археологическій институтъ въ Москвѣ, за смертью Калачева, не возникъ, а чиновники получаютъ «малое довольство». Надо надѣяться, однако, что съ теченіемъ времени и при энергіи нынѣшняго директора «довольство» это будетъ увеличено въ новыхъ штатахъ.

Изъ оконъ архива намъ показали домикъ, въ которомъ жилъ и скончался Михаилъ Петровичъ Погодинъ, этотъ «дѣдушка Русской Старины», какъ онъ самъ назвалъ себя, и вполнѣ справедливо, посѣтивъ насъ въ Петербургѣ въ 1872 году. Какъ бы порадовалось сердце этого старца, всю жизнь трудившагося для родной исторіи, когда бы въ виду его оконъ и при немъ возникло такое роскошное хранилище памятниковъ отечественной старины, какъ архивъ мини-

стерства юстиціи. Но Михаила Петровича нѣтъ, его домикъ проданъ, въ немъ устроился какой-то частный пріютъ-лечебница для душевнобольныхъ и тѣмъ пріятнѣе намъ встрѣтить оживленіе его памяти въ обширномъ и прекрасномъ изслѣдованіи о жизни и трудахъ этого ревнителя старины, издаваемомъ Николаемъ Платоновичемъ Барсуковымъ.

VI.

Осматривая архивы и музеи въ Москвѣ, мы заглянули въ художественно-промышленный музеумъ при Строгоновскомъ центральномъ училищѣ техническаго рисованія, на Мясницкой (основанъ въ 1864 г.). Музей, однако, очень не великъ—всего лишь 4 небольшихъ комнаты—и далеко не соотвѣтствуетъ тому городу, въ которомъ онъ возникъ; впрочемъ, надо и то сказать, что за недостаткомъ мѣста, въ ожиданіи когда сооружено будетъ спеціальное для музея зданіе, много предметовъ хранятся въ ящикахъ. Всѣхъ нумеровъ до 3,000—во всѣхъ трехъ отдѣлахъ; художественномъ, художественно-промышленномъ и въ историческомъ. Кто бывалъ въ Германіи и посѣщалъ таковые музеи не только въ Берлинѣ, гдѣ они представляются въ видѣ громаднѣйшихъ дворцовъ, обставленныхъ въ высшей степени интересными предметами и богатѣйшими ихъ коллекціями, но даже въ маленькихъ городкахъ, тотъ подивится, что Москва до сихъ поръ не создала въ этомъ отношеніи болѣе соотвѣтствующаго учрежденія. Во главѣ Строгоновскаго училища послѣдніе годы поставленъ почтенный Ѳ. Ѳ. Львовъ, любящій и прекрасно знающій свое дѣло, человѣкъ, извѣстный еще въ 1860-хъ годахъ по реформамъ, введеннымъ его почином и энергіей въ императорской академіи художествъ, въ которой онъ былъ конференцъ-секретаремъ [1]); надо надѣяться, что упоминаемый нами музей въ близкомъ будущемъ разовьется и обогатится и средствами, и коллекціями [2]).

---

[1]) См. интересныя Воспоминанія Ѳ. Ѳ. Львова о годахъ реформъ въ Императорской академіи художествъ (1859—1864 гг.). «Русская Старина», изд. 1880 г., т. XXIX. стр. 385—416; изд. 1881 г., т. XXXI, стр. 633—654.

[2]) Интересенъ сторожъ при музеѣ—Никита Степановичъ Южанинъ, отставной унтеръ-офицеръ. Перочиннымъ ножемъ и стамеской онъ съ большимъ вкусомъ выдѣлываетъ разныя деревянныя вещи.

VII.

Посѣщая учрежденія, мы сдѣлали объѣздъ и многихъ уважаемыхъ нами лицъ, имѣющихъ то или другое отношеніе къ предметамъ, насъ занимающимъ. Такимъ образомъ мы были у уважаемыхъ профессоровъ Д. И. Иловайскаго, В. О. Ключевскаго, Н. С. Тихонравова, Стороженко, В. Е. Якушкина, посѣтили сочлена нашего по археографической комиссіи Г. Ѳ. Карпова, И. Е. Забѣлина, Е. В. Барсова, нашего же сочлена по комиссіи М. А. Веневитинова, общественныхъ дѣятелей М. Г. Черняева, Д. Ѳ. Самарина, Д. А. Хомякова (сына), были также у Д. И. Гиппіуса, А. А. Мартынова, В. И. Шенрока, П. Н. Свистунова—«послѣдняго изъ декабристовъ», остававшагося въ 1888 г. въ живыхъ,—и нѣкоторыхъ другихъ лицъ.

Разцвѣтъ весны сказывался при моемъ объѣздѣ: многія изъ лицъ, выше мною поименованныхъ, уже выѣхали на дачи, но многихъ я засталъ и воспользовался ихъ радушнымъ пріемомъ. У нѣкоторыхъ изъ нихъ имѣются значительныя собранія рукописныхъ историческихъ и историко-литературныхъ памятниковъ. Богатыя залежи сихъ послѣднихъ находятся у Николая Савича Тихонравова. Таковы подлинныя бумаги Д. И. Фонъ-Визина, изысканіе почтеннаго профессора о рукописяхъ Гоголя и проч. Если Николай Савичъ поборетъ нѣкоторую медлительность въ изданіи своихъ въ высшей степени солидныхъ трудовъ, то исторія русской литературы, въ дополненіе къ извѣстнымъ уже въ печати его трудамъ, обогатится многими полезными его вкладами. Это тѣмъ болѣе необходимо, что всѣ мы старѣемъ, а съ кончиною нашею слишкомъ часто бываетъ, что скопленный и собранный матеріалъ расползается Богъ вѣсть по какимъ рукамъ.

У В. Е. Якушкина мы съ величайшимъ интересомъ перелистывали большое собраніе подлинныхъ писемъ представителей лучшаго русскаго общества первой четверти текущаго столѣтія. Я говорю о письмахъ А. С. Грибоѣдова, А. А. Бестужева, В. К. Кюхельбекера, А. О. Корниловича, поэтовъ: Баратынскаго и Дениса Давыдова; барона В. И. Штейнгеля, Петра Ал. Муханова, Ѳ. Н. Глинки, Андросова и многихъ другихъ. Читая эти письма, я невольно воскрешалъ въ своей памяти всю эту группу русскихъ людей, которые пламенно любили свое отечество, горячо желали ему преуспѣянія, мечтали объ освобожденіи его отъ крѣпостныхъ путъ, о дарованіи ему

гласности и исцѣленія отъ тѣхъ язвъ, который давно снѣдали нашу родину; ихъ образы носились въ моемъ воображеніи, чему, конечно, много способствовало и то близкое знакомство съ ними по множеству перечитанныхъ о нихъ литературныхъ и историко-біографическихъ данныхъ. Впрочемъ, читатели «Русской Старины» исподоволь прочтутъ помянутыя бумаги, случайно доставшіяся В. Е. Якушкину и имъ въ «Русской Старинѣ» печатаемыя.

А вотъ мы и у Д. И. Гиппіуса (род. 1813 г.); почтенный старецъ, одинъ изъ искуснѣйшихъ юристовъ старой дореформенной Москвы, кандидать московскаго университета (выпуска 1833 г.), одинъ изъ двухъ оставшихся еще въ живыхъ товарищей по выпуску извѣстнаго публициста А. И. Герцена [1]). Дмитрій Ивановичъ Гиппіусъ прошелъ свою служебную карьеру подъ сѣнью главнаго архива министерства иностранныхъ дѣлъ въ Москвѣ (1839—1856), юристъ, переводчикъ съ нѣмецкаго и англійскаго нѣсколькихъ трудовъ и, между прочимъ, записокъ Флетчера и княгини Е. Р. Дашковой.

Достойно вниманія, что за прекрасный переводъ извѣстнаго сочиненія Флетчера о Московіи XVI вѣка, по представленію своего начальника князя Д. А. Оболенскаго, переводчикъ получилъ чинъ [2]), а нѣсколько времени спустя, по извѣтамъ подвижниковъ реакціи въ Петербургѣ, изданіе перевода этой книги признано было преступленіемъ и послужило однимъ изъ поводовъ къ увольненію попечителя графа С. Г.

---

[1]) Одновременно кончили курсъ въ московск. университетѣ: Д. И. Гиппіусъ, А. И. Герценъ, М. Б. Чистяковъ, Ѳ. Кони, И. Я. Горловъ, Я. М. Невѣровъ, Вадимъ Пассекъ, И. Д. Бѣляевъ, Каменскій.... См. нашъ альбомъ «Знакомые», Спб. 1888, стр. 188—189.

[2]) Доношеніе кн. Оболенскаго госуд. канцлеру, мартъ 1845 г. Изъ него видно, что Д. И. Гиппіусъ много трудился для предполагавшагося къ изданію сборника—«Архива историческихъ свѣдѣній», какъ сочиненіемъ оригинальныхъ статей, такъ поправкою переводовъ, изготовленныхъ другими, менѣе опытными въ языкахъ, чиновниками. «Не ограничиваясь сими трудами, писалъ Оболенскій, Гиппіусъ самъ много переводилъ и переводитъ съ этою цѣлію». Въ доказательство этого кн. Оболенскій представилъ канцлеру сдѣланный Гиппіусомъ, по порученію князя, «переводъ съ англійскаго весьма важнаго для русской исторіи и чрезвычайно рѣдкаго сочиненія Флетчера о Россіи въ царствованіе Ѳеодора Іоанновича 1591 года, важность котораго призналъ и нашъ исторіографъ Карамзинъ, а трудность въ переводѣ разныхъ старинныхъ словъ и русскихъ названій можно видѣть изъ его исторіи. При всей начитанности старинныхъ русскихъ памятниковъ, продолжаетъ князь Оболенскій, и съ знаніемъ англійскаго языка нашъ исторіографъ не могъ избѣжать многихъ ошибокъ и неточностей. Поэтому переводъ Флетчера, по моему мнѣнію, гораздо труднѣе и важнѣе всякаго оригинальнаго сочиненія». Согласно сему представленію, Д. И. Гиппіусъ получилъ за отличіе чинъ коллежскаго ассесора.

Строгонова, увольненію изъ редакціи «Чтеній московскаго общества исторіи и древностей россійскихъ» О. М. Бодянскаго, словомъ сказать, произвело препорядочную сумятицу, а трудъ Флетчера, служившій еще Карамзину однимъ изъ капитальныхъ источниковъ, все еще ждетъ подлежащаго о немъ доклада для освобожденія его изъ-подъ спуда. Кто знакомъ съ этимъ трудомъ, тотъ знаетъ, какъ серьезно и достойно полнаго вниманія историка его содержаніе. Не менѣе извѣстно и то, что въ русской печати давнымъ давно появились такіе историческіе источники, которые рѣзкостью своего содержанія и изложенія далеко оставляютъ за собой Флетчера. Но поживемъ и подождемъ доклада, либо вмѣшательства «Императорскаго Рус. историческ. общества» въ Петербургѣ, которое обогатило отечественную исторію нѣсколькими десятками томовъ наидрагоцѣннѣйшихъ историческихъ матеріаловъ. Въ нѣкоторыхъ изъ нихъ, какъ, напр., въ томахъ, вышедшихъ подъ редакціей почтеннаго Г. Ѳ. Карпова, Общество это углубляется въ XV и XVI столѣтія, а потому есть основаніе этому Обществу принять на себя изданіе полнаго перевода сочиненія Флетчера, испросивъ на то подлежащее разрѣшеніе.

Отмѣчу здѣсь бытовую черту города Москвы, которая невольно бросается петербуржцу, съ ней мало знакомому. Большинство видныхъ дѣятелей Москвы живетъ особняками въ маленькихъ домикахъ одноэтажныхъ, или двухъэтажныхъ. Нерѣдко домики эти составляютъ ихъ собственность. Все это чрезвычайно удобно и привлекательно, въ особенности какъ сравнишь съ нашимъ Петербургомъ, въ которомъ академики, профессора, общественные и административные дѣятели ютятся въ квартирахъ различныхъ этажей, въ домахъ тѣсныхъ, громадныхъ, при недостаткѣ нерѣдко свѣта и уютности, и кажется намъ, что Москва сохранитъ эту особенность, множества маленькихъ отдѣльныхъ домиковъ-особняковъ, на весьма долгое время.

Въ числѣ лицъ, мною посѣщенныхъ въ Москвѣ, упомяну объ Ельпидифорѣ Васильевичѣ Барсовѣ. Составивши себѣ извѣстность весьма почтенными, обширными изслѣдованіями, каковы «Слово о полку Игоревѣ», этотъ, не получающій за труды свои жалованья, ученый секретарь «Императорскаго общества исторіи и древностей россійскихъ» живетъ въ высочайшей степени скромно, чтобы не сказать болѣе. Онъ представляетъ собою человѣка, въ полномъ смыслѣ преслѣдующаго только научные интересы. Матеріальные достатки его до такой степени малы, что послѣдній годъ или два,—если бы не временное пособіе отъ министер. народн. просвѣщенія, если не ошибаюсь, въ 1,500 руб., то Ельпидифору Васильевичу довелось бы питаться только однѣми рукописями; да проститъ онъ намъ нашу нескромность

въ обнаруженіи этого факта, но онъ слишкомъ характеренъ, чтобы о немъ умолчать... Кстати о рукописяхъ: Е. И. Барсовъ едва-ли не последній по времени собиратель рукописей до-Петровской Россіи, именно собиратель въ буквальномъ смыслѣ—съ мѣдными грошами въ карманѣ.

Во время службы своей въ Сѣверной Россіи, именно въ Олонецкой духовной семинаріи, Ельпидифоръ Васильевичъ собралъ массу драгоцѣннаго этнограф. матеріала прямо изъ устъ народа, а также свѣдѣнія по исторіи раскола, и, наконецъ, собралъ манускриптовъ нѣсколько сотенъ, получая по службѣ своей весьма небольшое жалованье. Нѣкоторая часть его собранія принесена имъ въ даръ кіевской духовной академіи, въ трудахъ которой и описаны его рукописи. Въ Москвѣ, куда перешелъ въ 1870 г. [1]), онъ собралъ библіотеку старообрядческихъ писателей, до 1,500 рукописей и книгъ.

Мы уже сказали, что Е. В. Барсовъ едва ли не послѣдній по времени бѣднякъ-собиратель, бѣднякъ на деньги, но съумѣвшій въ 20 лѣтъ составить рукописное собраніе, по своей систематичности не уступающее собранію Ундольскаго, а по количеству №№ близкое къ собранію Погодина [2]). Обширныя научныя свѣдѣнія г. Барсова въ старинной русской словесности замѣчательны. Теперь, однако, невозможно составить никакой подобной коллекціи. Дѣло въ томъ, что въ послѣднее десятилѣтіе повсюду въ Россіи распространились знанія отечественной старины настолько, что едва ли можно производить покупки съ ничтожными деньгами; да при томъ съ желѣзными дорогами уничтожается глушь, куда можно было бы забраться и съ полнымъ успѣхомъ производить пріобрѣтенія по части рукописей и, въ особенности, старинныхъ книгъ. А еще недавно было время, когда, повторяемъ, на ловца-собирателя такъ и бѣжалъ звѣрь.

Въ Москвѣ разыскали мы Николая Васильевича Губерти (род. 1818 г.), въ какомъ-то переулочкѣ, въ самой дальней части города. Этотъ человѣкъ по своему образованію, какъ бывшій офицеръ, былъ мало подготовленъ къ библіографіи, но продолжитель-

---

[1]) См. интересную автобіографическую замѣтку Е. В. Барсова въ нашемъ Альбомѣ: «Знакомые», Спб., 1888 г., стр. 235.

[2]) Профессору Цвѣтаеву принадлежитъ весьма обстоятельная «Записка объ ученыхъ трудахъ Е. В. Барсова. Москва, 1887 г., въ 8 д. Изъ этой записки видно, что Ельпидифоръ Васильевичъ много потрудился въ области исторіи древней русской литературы и по отношенію къ народному творчеству. Ему принадлежатъ до 240 изслѣдованій, статей, замѣтокъ, сообщеній въ ученыя общества, рѣчей и сборниковъ, между ними «Причитанія сѣвернаго края», 3 тома, 2 тома изслѣдованія о Словѣ о полку Игоревѣ, а также изданныя подъ его редакціей книги «Чтенія москов. общ. исторіи».

нымъ чтеніемъ и изученіемъ отечественной литературы онъ превосходно ознакомился съ библіографіей въ области отечественной исторіи и русской литературы, и съ полнѣйшимъ успѣхомъ, въ теченіе длиннаго ряда годовъ, составилъ громаднѣйшее собраніе весьма рѣдкихъ книгъ, да мало того, что собралъ, а обстоятельно описалъ ихъ въ трехъ томахъ библіографическаго изслѣдованія, помѣщеннаго на страницахъ «Чтеній въ обществѣ исторіи и древностей россійскихъ» подъ заглавіемъ: «Матеріалы для русской библіографіи», 2 тома. Третій томъ въ рукописи представленъ составителемъ въ академію наукъ на соисканіе преміи. Замѣтьте при этомъ, что матеріальныя средства почтеннаго Николая Васильевича были, большею частью, до того ничтожны, что самая квартира не позволяла ему разставить и десятой доли тѣхъ книжныхъ сокровищъ, которыя онъ отыскивалъ и пріобрѣталъ въ разныхъ лавчонкахъ и приносилъ съ толкучихъ рынковъ города Москвы. Мы посѣтили Н. В. Губерти и увидѣли предъ собою въ крайне скромной квартиркѣ 70-лѣтняго старца, уже ослабленнаго недугомъ, но съ видимымъ увлеченіемъ готоваго толковать о библіографическихъ рѣдкостяхъ и даже вновь взять на себя подобную работу, которая имъ совершенно безмездно выполнена.

Намъ неизвѣстно, удостоила ли академія наукъ своимъ просвѣщеннымъ вниманіемъ этого библіографа, самое сотрудничество котораго преимущественно относится къ немногимъ органамъ этой спеціальности, но должны сказать, что горькая нужда заставила Н. В. Губерти продать свое книгохранилище, такъ какъ и пользоваться имъ представлялось довольно затруднительнымъ, ибо оно все было заключено въ ящики, а за помѣщеніе ихъ доводилось платить деньги. Результатомъ, однако, собиранія этого книгохранилища, какъ мы уже сказали, остался весьма почтенный его трудъ, съ которымъ всегда будетъ справляться каждый интересующійся отечественной библіографіей.

Въ условіяхъ совершенно противоположныхъ поставленъ другой мой, также какъ Н. В. Губерти, давній сотрудникъ «Руск. Стар.», сочленъ по археографической комиссіи—М. А. Веневитиновъ, родной племянникъ поэта Д. Веневитинова—этого созвѣздія великаго Пушкина. По женской линіи преемникъ и наслѣдникъ всѣми уважаемой въ свое время фамиліи Віельгорскихъ, Михаилъ Андреевичъ Веневитиновъ въ своей изящной квартирѣ имѣетъ обширныя коллекціи художественныхъ и книжныхъ рѣдкостей. Къ нему перешли отъ графовъ Віельгорскихъ различные альбомы, портреты, акварели, рѣдкія литографіи и проч., и проч. Цѣлое утро провелъ я у моего уважаемаго сочлена, любуясь на его замѣчательное собраніе. Все это приведено

въ строжайшій порядокъ, но особенно мы обратили вниманіе на имѣющійся у г. Веневитинова альбомъ графа Матвѣя Юрьевича Віельгорскаго. Читатели «Русской Старины», конечно, хорошо помнятъ, что покойный графъ былъ средоточіемъ въ свое время петербургскаго музыкальнаго міра; онъ имѣлъ безчисленные случаи встрѣчаться со всѣми знаменитостями Европы, артистами, пѣвцами и композиторами; между прочими,—черезъ своего брата Михаила Юрьевича,—Матвѣй Вьельгорскій былъ въ близкихъ сношеніяхъ со многими русскими литераторами. Сообщимъ нѣсколько замѣтокъ о видѣнныхъ нами у М. А. Веневитинова художественныхъ сокровищахъ.

Альбомъ графа Матвѣя Юрьевича Віельгорскаго. Вращаясь постоянно въ кругу выдающихся талантовъ, устраивая у себя музыкальные вечера, на которыхъ пріѣзжіе заграничные артисты подвергали себя оцѣнкѣ и выслушивали совѣты предварительно появленія на театральной сценѣ и на концертныхъ подмосткахъ, графъ Матвѣй Юрьевичъ любилъ оставлять у себя воспоминанія о встрѣченныхъ имъ знаменитостяхъ. Плодомъ этой любви остался любопытный альбомъ, наполненный портретами и автографами знаменитыхъ писателей, музыкантовъ - композиторовъ, скрипачей, віолончелистовъ, піанистовъ, пѣвцовъ. Большинство этихъ портретовъ состоятъ изъ болѣе или менѣе извѣстныхъ гравюръ, работы, между прочимъ, Крихубера (Kriehuber), но въ числѣ ихъ есть нѣсколько прелестныхъ по работѣ акварелей Петра Соколова, извѣстнаго въ 1840-хъ годахъ портретиста. Альбомъ составленъ преимущественно въ тѣхъ же годахъ. Вотъ имена лицъ, въ немъ изображенныхъ:

Піанистъ Леопольдъ Майеръ, віолончеллисты Серве (François Adrieu Servais, 1807, † 1866) и Ромбергъ (Bernard Romberg, 1767, † 1841), скрипачъ Беріо (Charles de Beriot, 1802, † 1870), Ал. Ѳ. Львовъ, авторъ русскаго народнаго гимна, живописецъ Брюлловъ, писатели Вас. Андр. Жуковскій и Ив. Андр. Крыловъ, братья Антонъ и Николай Рубинштейны. Названныя знаменитости изображены П. Ѳ. Соколовымъ и ихъ портреты составляютъ особенныя драгоцѣнности альбома. Особенно хороши портреты Серве и Ромберга. Жуковскій и Крыловъ нарисованы съ ихъ извѣстныхъ портретовъ масляными красками. Но перлъ акварелей Соколова составляетъ портретъ, изображающій обоихъ Рубинштейновъ въ дѣтскомъ возрастѣ, именно въ 1844 году; Антонъ Григорьевичъ одѣтъ въ желтоватую блузу и повязанъ пестрымъ галстукомъ, Николай Григорьевичъ—въ курточкѣ и жилетѣ.

Изъ портретовъ рисованныхъ весьма замѣчательно изображеніе

А. С. Пушкина, сдѣланное въ 1837 г. сепіей Райтомъ (Wright). Это послѣдній портретъ, снятый въ годъ смерти Пушкина, и чуть ли не оригиналъ знаменитой гравюры этого художника. Портретъ этотъ долженъ былъ быть очень похожъ и отличается чрезвычайною мягкостью и тонкостью работы.

Въ числѣ гравированныхъ изображеній въ альбомѣ находятся портреты Бетховена, А. Гр. Рубинштейна, піаниста Тальберга (Sigismund Thalberg, 1812, † 1871), скрипачей Блазъ (Joseph Blaez), Сивари (Camillo Sivari, род. 1817), Эрнста (Henri Guillaume Ernst, 1814, † 1865), Віетана (Henri Vieuxtemps, 1820, † 1881). Изъ пѣвцовъ находимъ портреты знаменитыхъ итальянцевъ, пѣвшихъ въ Петербургѣ въ 1840-хъ—1860-хъ годахъ, славныхъ пѣвицъ Малибранъ (Marie Félicité Malibran, 1808, † 1836), Ю. Гризи (Julie Grisi, 1811, † 1869), Бозіо, дивная пѣвица; П. Віардо, пріятельница И. С. Тургенева (Pauline Viardot-Garcia, 1821). Изъ пѣвцовъ-теноровъ: Рубини (Jean Baptiste Rubini, 1795, † 1854), Маріо (Joseph Mario, 1808) и басъ Лаблашъ (Luigi Lablache, 1794, † 1858). Большинство этихъ портретовъ, помимо факсимилей, снабжены автографическими надписями ихъ оригиналовъ. Въ числѣ ихъ любопытна также литографія М. И. Глинки, относящаяся къ 1845 г., гдѣ онъ изображенъ статнымъ и стройнымъ молодымъ человѣкомъ въ короткихъ усахъ и такой же бородѣ.

Затѣмъ, двѣ группы изображаютъ: первая Франца Листа, играющаго на фортепіано среди своихъ друзей, Эрнста, сидящаго со скрипкой въ рукахъ, и стоящихъ за инструментомъ Берліоза и Герке; другая—четырехъ братьевъ Мюллеровъ, дававшихъ въ Петербургѣ квартетные вечера, въ которыхъ они отличались, какъ исполнители, одинаковымъ совершенствомъ техники и поразительнымъ согласіемъ игры.

Этотъ высоко художественный альбомъ заключается фотографіей извѣстнаго Москвѣ скрипача Фердинанда Лаубе.

Всѣ эти имена далеко не исчерпываютъ области тѣхъ представителей міра музыки, литературы и искусства, съ которыми графу Матвѣю Юрьевичу Віельгорскому удалось сталкиваться въ теченіе своей жизни.

Нѣтъ сомнѣнія, что альбомъ, нынѣ принадлежащій М. А. Веневитинову, послужитъ надолго собраніемъ замѣчательно художественныхъ оригиналовъ для воспроизведенія ихъ въ фотографіяхъ, въ гравюрахъ на деревѣ и даже на мѣди.

VIII.

Быть въ Москвѣ и не посѣтить Архива Министерства Иностранныхъ Дѣлъ, конечно, невозможно. Вотъ опять-таки памятникъ, и какой грандіозный памятникъ, просвѣтительному царствованію незабвеннаго Государя Александра II Освободителя. Кто изъ занимающихся русской исторіей и бывавшихъ въ старину въ Москвѣ не помнитъ зданія стараго Главнаго архива, болѣе или менѣе трущобнаго характера, въ которомъ не было ни малѣйшихъ удобствъ для занятій, ни малѣйшаго приспособленія для надлежащаго и дѣйствительнаго сохраненія сокровищъ отечественной исторіи. Потребность въ новомъ зданіи была чрезвычайная. На страницахъ «Русской Старины» сообщены подробности, какъ зачалось дѣло сооруженія новаго Архива и съ какой заботливостью оно было проведено. Душой всего этого дѣла, по крайней мѣрѣ въ самые первые и самые главные для сего годы, былъ Андрей Ѳеодоровичъ Гамбургеръ, высоко просвѣщенный любитель отечественной старины и нынѣ представитель нашего правительства въ Швейцаріи. Но, разумѣется, ни добрая воля, ни энергія Гамбургера ничего не могли бы сдѣлать, если бы не отзывчивость въ Бозѣ почивающаго Государя Императора на все, что клонилось ко славѣ дорогаго нашего отечества; князь А. М. Горчаковъ испросилъ подлежащія суммы, послѣдовало разрѣшеніе, Государь живо заинтересовался самой постройкой, и вотъ явилось зданіе Главнаго Архива на углу Воздвиженки и Моховой улицы, близь Кремля, въ Бѣломъ городѣ, по улицѣ, нѣкогда именовавшейся Смоленской, на мѣстѣ, принадлежавшемъ въ XVII-мъ вѣкѣ—Стрѣшневымъ, а затѣмъ Нарышкинымъ [1]). Первымъ владѣльцемъ этого мѣста былъ бояринъ Вас. Ив. Стрѣшневъ—дипломатъ, посолъ въ Польшѣ; затѣмъ мѣсто перешло въ казну и въ 1675 г. вмѣстѣ съ дворомъ было подарено царемъ Алексѣемъ своему тестю Кириллу Полуэктовичу Нарышкину, для котораго и были здѣсь выстроены каменныя палаты, подвалы которыхъ со сводами остались подъ теперешнимъ зданіемъ Архива. Послѣ Кирилла Полуэктовича владѣльцемъ палатъ былъ сынъ его, Левъ Кирилловичъ, родичъ Великаго Петра и начальникъ посольскаго

---

[1]) См. Московскій главный архивъ мин—ства иностранныхъ дѣлъ во время управленія мин—ствомъ князя А. М. Горчакова. «Русская Старина» 1884 г., т. XLII, стр. 199—218.

приказа; затѣмъ палаты во все XVIII-е столѣтіе оставались въ родѣ Нарышкиныхъ до пожара 1812 г., когда онѣ сгорѣли [1]).

Зодчимъ нынѣшняго зданія для помѣщенія въ немъ архива былъ академикъ Яковъ Реймерсъ, человѣкъ весьма талантливый и, какъ зачастую у насъ бываетъ, печально кончившій свою жизнь: чѣмъ-то обиженный, многими огорченный, Реймерсъ покончилъ свою жизнь въ полномъ разстройствѣ умственныхъ способностей († 1877 г.). Зданіе по внѣшности, башенками, своимъ обширнымъ дворомъ, своимъ превосходнымъ входомъ — словомъ всею своею отдѣлкой бросается въ глаза каждому, и не мудрено, что пріѣзжій—русскій ли, или иностранецъ, осматривающій достопримѣчательности Москвы,—непремѣнно посѣтитъ эти палаты. Во главѣ архива, какъ извѣстно, стоитъ дѣйств. тайный совѣтникъ баронъ Ѳ. А. Бюлеръ, почетный членъ Императорской Академіи Наукъ и членъ многихъ ученыхъ обществъ и учрежденій. Подробная и интересная автобіографическая записка барона Ѳедора Андреевича напечатана въ нашемъ альбомѣ «Знакомые» (Спб. 1888 г., стр. 281—292). Изъ этой біографіи видно, что Бюлеръ въ теченіе многолѣтней своей чиновничьей службы никогда не былъ чуждъ интересамъ науки и литературы; онъ въ особенности живо интересовался отечественной исторіей, для которой составлено было имъ нѣсколько любопытныхъ очерковъ, явившихся въ различныхъ повременныхъ изданіяхъ, между прочими и на страницахъ «Русской Старины».

Барону Бюлеру принадлежитъ заслуга перенесенія и водворенія обширнѣйшаго и важнѣйшаго архива въ нашемъ отечествѣ, расположенія его, съ помощью своихъ усердныхъ сотрудниковъ и подчиненныхъ, въ порядокъ, вполнѣ удобный для занятій. Но главная заслуга барона Бюлера та, что онъ являетъ полную готовность содѣйствовать каждому учрежденію и каждому отдѣльному лицу, имѣющему надобность для научныхъ изслѣдованій въ сокровищахъ, ввѣренныхъ его храненію: онъ, по возможности, не стѣсняетъ формальностями, и какъ онъ, такъ его сотрудники вполнѣ предупредительны. Повидимому, всѣ эти качества чисто отрицательныя, потому что пора же, наконецъ, понимать, даже и у насъ, на Руси, что не публика или лица отдѣльныя, занимающіяся изъ ея среды, существуютъ для учрежденія, какъ, напр., въ данномъ случаѣ, для архива, но что архивъ для того и содержится и устраивается, чтобы пользоваться его содержимымъ. Да, вездѣ это,

---

[1]) Свѣдѣнія о домовой церкви при Московскомъ Главномъ архивѣ мин—ства иностранныхъ дѣлъ, собранныя И. Ѳ. Токмаковымъ», М. 1882.

конечно, такъ и понимается, у насъ же очень долго это не сознавалось. Не желаемъ хвалить одного на счетъ другаго, но нельзя здѣсь кстати не помянуть не вполнѣ добрымъ словомъ предмѣстника барона Бюлера, князя М. А. Оболенскаго. Правда, въ послѣдніе годы князь хворалъ, но капризы, его нелюбезность къ занимающимся лицамъ и неотзывчивость его къ людямъ работающимъ, наконецъ, какая-то особенная ревность къ тому, что хранилось у него подъ замкомъ, стяжали ему не совсѣмъ завидную извѣстность; что же касается до его сотрудниковъ и сослуживцевъ, то онъ ихъ положительно держалъ въ черномъ тѣлѣ, а когда выпадала на долю того или другаго его сотрудника какая нибудь, хотя бы случайная, непріятность, покойный начальникъ Главнаго архива Министерства Иностранныхъ Дѣлъ прямо ихъ выдавалъ на жертву; стоитъ, наприм., вспомнить въ этомъ отношеніи поступокъ его съ Александромъ Николаевичемъ Аѳанасьевымъ, который, служа подъ начальствомъ князя М. А. Оболенскаго, много потрудился въ области отечественной науки; нѣсколько трудовъ своихъ собственныхъ онъ позволилъ прикрыть именемъ покойнаго князя, а въ концѣ концовъ, по совершенно случайному обстоятельству, былъ выброшенъ имъ на улицу и умеръ чуть не голодною смертью; Афанасьевъ былъ человѣкъ замѣчательныхъ заслугъ, авторъ нѣсколькихъ превосходныхъ изслѣдованій въ области исторіи отечественной литературы, собиратель народныхъ сказокъ и легендъ, человѣкъ, потрудившійся для отечественной исторіи, литературы и этнографіи. Но Господь съ нимъ — князя Оболенскаго отпѣли, въ некрологахъ воздана ему обычная похвала чуть не превыше облакъ ходячихъ, его недостатки забыты [1]), а для оправданія князя Оболенскаго можно развѣ лишь сказать, что архивная атмосфера на иныхъ архивистовъ дѣйствуетъ какъ-то весьма своеобразно, въ особенности, если архивистъ самъ пускается въ печать: въ немъ возбуждается необыкновенная ревность, въ буквальномъ смыслѣ уподобляющая его Крыловской собакѣ: «сама не ѣстъ и другимъ не даетъ».

Такимъ былъ одинъ изъ весьма почтенныхъ и просвѣщенныхъ архивистовъ въ Петербургѣ, сошедшій съума и освободившій свое мѣсто въ 1872 г. преждевременною кончиною...

---

[1]) Достоинства же и заслуги кн. М. А. Оболенскаго сводятся лишь къ слѣдующему: онъ издалъ на свой счетъ 18 книгъ и брошюръ, заключающихъ дѣйствительно не маловажные историческіе матеріалы, и подобно знаменитымъ предшественникамъ своимъ, директорамъ архива, завѣщалъ ему всѣ пріобрѣтенныя имъ книги и рукописи. При многолѣтнемъ сидѣніи въ мѣстѣ почетномъ, злачномъ и покойномъ, при значительномъ достаткѣ и большихъ связяхъ—сдѣланнаго довольно мало.

Пройдемтесь, однако, по московскому главному архиву.

Онъ занимаетъ въ двухъэтажномъ обширномъ зданіи 24 большія залы, по 12 въ каждомъ этажѣ. Стѣны, между и въ виду превосходно устроенныхъ шкаповъ, заняты большимъ собраніемъ живописныхъ поясныхъ портретовъ русскихъ достопамятныхъ дѣятелей; нѣкоторые изъ этихъ портретовъ безспорно хороши; не мало, однако, плохихъ, а есть даже и такіе, о которыхъ хранители архива не могутъ сказать, кого они изображаютъ, такъ какъ князь М. А. Оболенскій, изъ собранія котораго большинство этихъ портретовъ поступило въ архивъ, не сохранилъ надлежащаго къ нимъ указателя. «Ты мнѣ ихъ окрести», сказалъ шутливо покойный государь обходя, 22-го авг. 1874 г., архивъ въ сопровожденіи барона Бюлера и указывая на эти портреты. Въ этой шуткѣ покойный государь императоръ далъ указаніе разслѣдовать о томъ, кого изображаетъ тотъ или другой портретъ. Такое разслѣдованіе понемногу и воспроизводится.

Въ шкапахъ архива намъ бросился одинъ недостатокъ, который мы и передали сопровождавшимъ насъ сотрудникамъ уважаемаго барона. (Самъ баронъ отсутствовалъ, занятый выѣздами на безчисленные экзамены и осмотры ввѣреннаго ему, какъ почетному опекуну, сиротскихъ заведеній въ Москвѣ, вѣдомства императрицы Маріи). Итакъ, недостатокъ въ устройствѣ шкаповъ этого архива состоитъ въ отсутствіи сквозныхъ дырочекъ въ дверцахъ шкаповъ и въ картонахъ, въ которыхъ помѣщаются особенно старинные документы. Такіе форточки или вентиляторы въ шкапахъ архивовъ Германіи мы повсюду встрѣчали, именно потому, что тамъ давно замѣчено слѣдующее: старинные акты и, въ особенности, пергаменты, спрятанные въ глухихъ картонкахъ или въ глухихъ шкапахъ, безъ доступа въ нихъ воздуха, неминуемо покрываются особенною влажностью, мелкою плѣсенью и, измѣняя цвѣтъ, постепенно портятся.

Чрезвычайно интересна въ этомъ архивѣ особая палата — это государственное древлехранилище. Сюда перенесены наидрагоцѣннѣйшіе акты, подобные, напр., акту объ избраніи на престолъ царя Михаила Ѳедоровича, хранившіеся весьма доло въ дворцовыхъ теремахъ Кремля. Эта палата, за особыми затворами и особыми несгараемыми дверями, по истинѣ святая святыхъ осматриваемаго архива. Мы не распространяемся о немъ, потому что какъ это отдѣленіе, такъ и вообще весь архивъ многократно описанъ. Мы сдѣлаемъ лишь нѣсколько самыхъ бѣглыхъ отмѣтокъ изъ нашей записной книжки.

Въ сѣняхъ, на стѣнѣ, читаемъ золотую надпись:

«Державною волею государя императора Александра Николаевича, въ благополучное царствованіе котораго вскрываются сокровища рус-

ской исторіи, при государственномъ канцлерѣ князѣ Александрѣ Михайловичѣ Горчаковѣ, устроено сіе зданіе изъ древняго двора бояръ Нарышкиныхъ, на храненіе государственныхъ грамотъ и памятниковъ отечественнаго бытописанія. 1874 г., іюня 22-го дня. Строилъ академикъ Яковъ Реймерсъ».

Надпись эта, какъ намъ объяснили, составлена покойнымъ историкомъ Сергѣемъ Михайловичемъ Соловьевымъ. Нѣкоторые находятъ, что здѣсь сказано слишкомъ много выраженіемъ «вскрываются сокровища русской исторіи», «что-де они вскрывались задолго до царствованія въ Бозѣ почивающаго монарха Александра II»; но намъ кажется, что надпись историка С. М. Соловьева совершенно вѣрна, ибо «вскрытіе» до Александра II памятниковъ отечественнаго бытописанія было, во многихъ отношеніяхъ, не такъ удовлетворительно, не такъ полно, а нерѣдко вскрывались эти сокровища съ цѣлію извращенія исторической истины. Стоитъ лишь вспомнить, напр., труды оффиціальнаго историка Николая Герасимовича Устрялова — его учебники отечественной исторіи, или, напр., запрещеніе такого капитальнаго источника отечественнаго бытописанія, какъ сказанія Флетчера. А сколько такихъ актовъ и историческихъ документовъ, которые явились до Александра II, но съ пропусками, въ неполномъ видѣ, и лишь въ его эпоху отпечатаны вполнѣ! Даже исторія Петра Великаго сдѣлалась возможна лишь въ эпоху Царя-Освободителя.... Словомъ, въ эпоху Александра II для отечественной исторіи содѣлано то, что содѣлано при немъ же для другихъ сторонъ въ жизни русскаго общества и народа.

Интересна въ этомъ архивѣ картина посольскаго двора XVII вѣка, портреты — королевы виртембергской, Екатерины Павловны, какъ покровительницы историка Карамзина, картина посольства Арцыбушева и Сухарскаго въ XVI в. къ римскому императору Максимиліану II, виды древней Москвы, портреты Петра I, царевича Алексѣя Петровича, А. П. Бестужева-Рюмина, превосходныя изображенія нѣкоторыхъ лицъ, какъ, напр., Карамзина и другихъ, посвящавшихъ свои труды на изысканія въ области отечественной исторіи. Интересенъ для насъ портретъ царицы Авдотьи Өедоровны Лопухиной, лучшій портретъ царя Алексѣя Михайловича, подлинное уложеніе царя Алексѣя Михайловича, лучшій портретъ царя Михаила Өедоровича, подлинникъ судебника царя Іоанна III Васильевича, законы Іоанна III 1497 г., правда русская въ рукописи XIII вѣка, пергаментная, длинная, золотомъ написанная, весьма широкая грамота (столбецъ) объ избраніи на престолъ царя Михаила Өедоровича въ маѣ 1613 года, грамота замѣчательно четко написанная, длины аршинъ 5 или 6;

повѣшена она въ стоячей витринѣ такъ, что ее можно видѣть съ двухъ сторонъ. Палата особенно важныхъ актовъ государственныхъ въ главномъ архивѣ устроена по рисунку талантливаго московскаго архитектора Чичагова.

Хорошо устроена и богата библіотека архива (болѣе 32,000 томовъ книгъ и 1,650 рукописей), въ составъ которой вошли книгохранилища посольскаго приказа XVII вѣка, книги А. С. Матвѣева, исторіографа Герарда Миллера, Н. Н. Бантыша-Каменскаго, А. Ѳ. Малиновскаго, князя М. А. Оболенскаго и другихъ; вообще прежніе начальники архива завѣщали свои собранія книгъ и рукописей въ этотъ архивъ; нынѣшній его директоръ, баронъ Ѳедоръ Андреевичъ Бюлеръ, передалъ сюда свою библіотеку, которая занимаетъ здѣсь шкапы во всю стѣну [1]).

Не всѣ, впрочемъ, предметы въ обозрѣваемомъ архивѣ древніе: вотъ предметъ, который напоминаетъ лучшіе годы великихъ реформъ незабвеннаго царствованія,—мы говоримъ о громадномъ столѣ Николая Алексѣевича Милютина, на которомъ онъ трудился при выполненіи воли Царя-Освободителя, при составленіи проектовъ различныхъ законоположеній, прославившихъ эпоху 1860-хъ годовъ.

Порядокъ и удобство пользованія архивомъ не оставляютъ желать ничего лучшаго; въ архивѣ устроены, между прочимъ, двѣ прекрасныя читальныя комнаты для лицъ занимающихся.

Передъ нашимъ умственнымъ взоромъ, въ бытность въ обширныхъ покояхъ архива, прошли въ длинномъ ряду почтенные труженики науки. Здѣсь, на этихъ креслахъ сиживалъ Сергѣй Михайловичъ Соловьевъ, эта олицетворенная акуратность и самая строгая систематичность въ распредѣленіи своихъ занятій: все, что онъ ни дѣлалъ въ своей жизни, онъ дѣлалъ отъ извѣстнаго часа до извѣстной минуты, и этимъ объяснялось то, какъ могъ онъ поспѣвать дѣлать такъ много: онъ былъ и администраторъ, по отношенію къ университету, и начальникъ оружейной палаты, и усердный профессоръ, и историкъ, выпускавшій «Исторію Россіи съ древнѣйшихъ временъ», съ 1850 года, въ теченіи 29 лѣтъ, по тому каждый годъ; въ теченіи того-же каждаго года онъ обыкновенно печаталъ монографіи въ различныхъ журналахъ, не забывалъ при этомъ и «Русскую Старину», въ которую также сообщилъ нѣсколько своихъ очерковъ и замѣтокъ... Въ виду такой акуратности и выдержки въ его занятіяхъ, всѣ полагали, что С. М. Соловьевъ проживетъ до маститой старости, а между

[1]) Обстоятельное обозрѣніе этой библіотеки помѣщено въ «Сборникѣ Московск. Главн. Архива», выпуски 3 и 4., М. 1883, приложеніе, стр. 1—21, статья И. Токмакова.

тѣмъ коса смерти сразила этого могучаго,—по учености и трудолюбію,—пахаря на нивѣ отечественной исторіи и унесла его въ могилу на 59-мъ лишь году отъ рожденія. Подивились мы, что не встрѣтили въ этомъ архивѣ бюста Сергѣя Михайловича Соловьева, или его портрета. Историки: М. П. Погодинъ, Д. И. Иловайскій, Н. А. Поповъ, В. О. Ключевскій, академики: А. Ѳ. Бычковъ, Я. К. Гротъ, Н. Ѳ. Дубровинъ; членъ археогр. комиссіи Г. Ѳ. Карповъ, военный историкъ Масловскій, историкъ А. Г. Брикнеръ, докторъ русской исторіи В. И. Семевскій, составитель обширнаго труда по исторіи крестьянскаго вопроса въ Россіи, и многіе другіе работали въ стѣнахъ этого архива съ 1874 года, т. е. со времени его устроенія въ этихъ палатахъ; а сколько магистрантовъ и докторантовъ побывали въ его стѣнахъ, изслѣдуя отечественную старину въ памятникахъ, здѣсь хранящихся, и составляя свои труды на ученыя степени; всѣ они, конечно, выносили и выносятъ благодарное воспоминаніе о богатствѣ и доступности этого хранилища отечественныхъ памятниковъ.

Весьма важно, что хотя въ небольшомъ штатѣ служащихъ въ этомъ архивѣ, но мы встрѣчаемъ нѣсколько, сравнительно молодыхъ лишь, лицъ съ высшимъ, даже научнымъ образованіемъ. Мы имѣли удовольствіе здѣсь познакомиться съ Владиміромъ Антоновичемъ Уляницкимъ, В. К. Трутовскимъ, И. Ѳ. Токмаковымъ и другими. Первый изъ нихъ—магистръ международнаго права, членъ археографической комиссіи министерства народнаго просвѣщенія, приватъ-доцентъ императорскаго московскаго университета, служитъ въ архивѣ дѣлопроизводителемъ съ 1878-го года. В. К. Трутовскій—кандидатъ восточныхъ языковъ, секретарь императорскаго московскаго археологическаго общества и правитель дѣлъ комиссіи печатанія государственныхъ грамотъ и договоровъ при московскомъ главномъ архивѣ; Иванъ Ѳедоровичъ Токмаковъ завѣдуетъ библіотекой московскаго главнаго архива, служитъ здѣсь съ 1874 г.; онъ принадлежитъ къ числу трудолюбивѣйшихъ и неутомимыхъ изыскателей старины; съ прочими лицами, здѣсь служащими, мы не успѣли познакомиться. Вообще поименованные архивисты суть труженники, стяжавшіе уже себѣ имя въ литературѣ отечественной исторіи дѣльными монографіями и разными открытіями въ залежахъ историческихъ сокровищъ, ввѣренныхъ ихъ храненію. Конечно, для архива весьма важно, чтобы какъ можно долѣе именно таковые работники науки оставались въ стѣнахъ архива, такъ какъ на нихъ и ихъ товарищахъ лежитъ не только исполненіе обязанностей, непосредственно съ положеніемъ чиновниковъ Архива соединенныхъ, но и участіе въ различныхъ научныхъ трудахъ. Вотъ почему мы дивимся, что штаты содержанія служащихъ

здѣсь лицъ довольно малы; высшій окладъ (не упоминая о директорѣ, который получаетъ, впрочемъ, не много, $3^{1}/_{2}$ тысячи, при готовой квартирѣ)—окладъ дѣлопроизводителя всего лишь 1500 рублей и ниспадаетъ для другихъ до 35 рублей въ мѣсяцъ. Мудрено ли, что ни одинъ изъ этихъ господъ, въ концѣ концовъ, не пожелаетъ остаться подъ сѣнью этого архива до преклонныхъ лѣтъ, ибо жить, обзаведясь семьей, впроголодь—едва ли кому доставляетъ большое удовольствіе. Да, жаль, что у насъ стараются выгадать копѣйки, а отъ этого теряется самое дѣло; дѣло же предстоитъ громадное, хотя бы для этого архива; напр., мы встрѣтили въ шкапахъ его канцеляріи описи этихъ древлехранилищъ, состоящія изъ 370-хъ книгъ. Это трудъ, за время цѣлаго столѣтія, прежнихъ начальниковъ сего архива, каковы были Герардъ Миллеръ, Николай Николаевичъ Бантышъ-Каменскій, А. Ѳ. Малиновскій, кн. М. А. Оболенскій. Нынѣшнему личному составу московскаго главнаго архива, съ директоромъ его во главѣ, положительно надлежитъ напречь всѣ усилія къ изданію столь грандіознаго труда, конечно, приготовивъ его надлежащимъ образомъ къ появленію въ печати. Только тогда, когда эти каталоги архива будутъ обнародованы, можно будетъ сказать, что вся сокровищница главнаго архива въ Россіи сдѣлается достояніемъ всего образованнаго міра. Но гдѣ суммы для приступа къ такому монументальному изданію, въ высшей степени необходимому? Гдѣ и наличныя силы работниковъ, которыя состоятъ въ настоящее время при Главномъ архивѣ изъ 5 дѣлопроизводителей и ихъ помощниковъ и 5 писцовъ?

Еще два, три слова.

О значеніи для исторіи московскаго древлехранилища главнаго архива министерства иностранныхъ дѣлъ—вотъ что пишетъ работавшій здѣсь В. И. Семевскій: «Какъ показываетъ самое названіе этого древлехранилища, архивъ этотъ имѣетъ преимущественно значеніе для исторіи дипломатическихъ сношеній: тутъ хранятся трактаты съ европейскими державами, договоры съ азіатскими владѣтелями, дѣла министерской корреспонденціи по европейской и азіатской экспедиціямъ; но здѣсь же есть очень много источниковъ и для исторіи внутренняго быта: разныя государственныя книги, грамоты и договоры съ древнѣйшихъ временъ, жалованныя грамоты, письма государей, секретныя дѣла, не мало документовъ Елисаветинскаго царствованія, дѣла верховнаго тайнаго совѣта, дѣла о въѣздѣ въ Россію иностранцевъ, о донскихъ казакахъ, духовныя дѣла (о поставленіи патріарховъ и проч.), матеріалы о духовенствѣ иностранныхъ исповѣданій, кабинетныя дѣла Анны Іоанновны, малороссійскія дѣла (1522—1775 гг.), дѣла князя Меншикова, почтовыя, Смоленскаго приказа,

монастырскія конца XVII ст., и проч. Здѣсь есть также нѣкоторые документы, касающіеся Екатериненской комиссіи для составленія новаго уложенія и сношенія государей съ разными правительственными мѣстами и должностными лицами по дѣламъ внутреннимъ; доклады по дѣламъ финансовымъ второй половины XVIII в.; дѣла о раскольникахъ, самозванцахъ и проч.».—Въ составъ архива вошло не мало частныхъ и служебныхъ архивовъ тѣхъ или другихъ лицъ, у власти стоявшихъ; между таковыми собраніями бумагъ особенно обширенъ семейный архивъ вице-канцлера императрицы Екатерины II—князя А. М. Голицына, занимающій десять шкаповъ..

Съ цѣлью распространенія и обобщенія свѣдѣній о внутреннемъ содержаніи московскаго главнаго архива, состоящею при архивѣ (съ 1811 г.) комиссіею печатанія грамотъ и договоровъ выпускается съ 1880 г. «Сборникъ московскаго главнаго архива мин-ства иностр. дѣлъ». До настоящаго времени, если не ошибаюсь, вышло пять выпусковъ. Но намъ кажется, чѣмъ печатать монографіи, статьи и замѣтки, такъ сказать, случайнаго характера, по попавшимся подъ руку матеріаламъ, а такихъ статей не мало въ «Сборникѣ» [1]), было бы гораздо цѣлесообразнѣе приступить къ изданію описей и каталоговъ этого древлехранилища, составленныхъ съ конца XVIII вѣка. До чего эти описи, плодъ труда ученыхъ и дѣльныхъ, для своего времени, архивистовъ, интересны и полезны—служитъ доказательствомъ одна, именно № 318, тетрадь изъ 370 имѣющихся здѣсь старинныхъ каталоговъ, алфавитовъ и реестровъ этого архива, не считая библіотечныхъ. Эта тетрадь изъ объяснит. каталога (catalogue raisonné), возвращенная въ архивъ изъ семейныхъ бумагъ покойнаго академика Полѣнова, напечатана въ первомъ выпускѣ помянутаго «Сборника» и представляетъ описаніе нѣкоторыхъ, довольно важныхъ въ историческомъ отношеніи, актовъ, договоровъ, грамотъ и проч.

---

[1]) См., напр., въ I томѣ «Сборника»: Янтарная комната въ Царскосельскомъ дворцѣ, «Русскіе великаны въ прусской службѣ», «Первые русскіе гардемарины» и т. п.

IX.

Не совсѣмъ случайно въ тотъ же день, когда мы обозрѣвали главный архивъ министерства иностранныхъ дѣлъ, довелось намъ посѣтить могилу одного изъ трудолюбивѣйшихъ архивистовъ, нѣкогда начальника именно этого архива, Николая Николаевича Бантыша-Каменскаго. Онъ погребенъ въ Донскомъ монастырѣ, за Москвой-рѣкой, гдѣ почіетъ прахъ и его дяди, архіепископа Амвросія Зертисъ-Каменскаго, мученически убіеннаго обезумѣвшею чернью во время чумы въ Москвѣ въ 1771 году. Дѣло въ томъ, что мнѣ интересно было провѣрить, по просьбѣ добрыхъ моихъ знакомыхъ, А. Д. Бантышъ-Каменской и С. Д. Казиной, внучекъ Н. Н. Бантыша-Каменскаго, въ какой мѣрѣ справедливъ слухъ о томъ, будто бы памятникъ на могилѣ ихъ прадѣда Амвросія, въ одномъ изъ храмовъ Донскаго монастыря (именно въ церкви Донской Божьей матери, что строена при царѣ Өедорѣ Іоанновичѣ), памятникъ-де совершенно испорченъ.

Памятникъ этотъ состоитъ изъ громаднаго камня, лежащаго на могилѣ убіеннаго архіепископа, въ самомъ храмѣ, каковая могила помѣщается между иконостасомъ предъалтарнымъ и лѣвымъ клиросомъ. Громадный и красивой формы, родъ нѣкоего ложа, камень оказался распиленнымъ пополамъ; половина его, дѣйствительно, по фантазіи покойнаго намѣстника монастыря (мертвые бо сраму не имутъ)—убрана была и монолитъ обратили, за урѣзкою его, въ какой-то табуретъ, равно и сняли украшенія съ камня; но когда потомки Амвросія забили тревогу въ Петербургѣ, когда на ихъ жалобу весьма благосклонно отозвались высшія власти, тогда распиленныя половины камня сдвинуты, а убранныя было украшенія оказались заново высеребренными и укрѣпленными на мѣстѣ. Украшенія эти состоятъ въ мѣдной, хорошо высеребрянной, а мѣстами и вызолоченной подушкѣ, положенной на головной части памятника; подушка эта съ металлическими же кистями; на ней архіерейская митра и по бокамъ митры, въ лежачемъ видѣ, трикирій и дикирій; ниже на изголовьи, на сторонѣ, обращенной къ клиросу, прикрѣплена мѣдная, позолоченная квадратная доска съ надписью въ два столбца, въ первомъ—русская, во второмъ—латинская; сверху надписей, по срединѣ, вычеканенъ фамильный гербъ, съ архіерейскими эмблемами.

Вотъ эта надпись:

АМВРОСІЮ
Архіепископу Московскому,
пастырю Церкви Христовой знаменитому,
любителю отечества истинному,
во время свирѣпствовавшей въ Москвѣ язвы
отъ возмутившейся черни
внѣ вратъ Донскаго монастыря
на 63 году отъ рожденія своего
16 Сентября 1771 года
за искорененіе суевѣрія
безчеловѣчнымъ образомъ
УБІЕННОМУ
сія гробница
сооружена.

AMBROSIO
Archiepiscopo Mosquensi
Pastori Ecct. Chr. rerum divin peritissimo,
civi erga partiam propensissimo
gravissima pestt Lentiaevi Mosquam depascente
á barbara, motu correpta, Furente que plebecula
extra portas caenobii Donensis
aetatis suae LXIII annum decurrenti
die XVI Septemb. MDCCLXXI anni
quod strenuam extirpandae superstitionis navaret operam
miserum in modum
PEREMPTO
hoc sepulchrum
positum est.

Въ томъ храмѣ, въ отдѣлѣ, именуемомъ трапезою, на южной сторонѣ, позади праваго клироса, у столба, на полу чугунная плита, на коей читаемъ:

Здѣсь погребено тѣло г. Дѣйств. Стат. Совѣт. Николая Николаевича
Бантыша-Каменскаго

1737 года, декабря 16 дня въ городѣ Нѣжинѣ родившагося, усердіемъ къ церкви, отеческими благотвореніями къ ближнимъ, неусыпнымъ трудолюбіемъ,

истинною мудростію и житіемъ добродѣтельнѣйшимъ въ сей временной жизни прославившагося и по продолжительной тяжкой болѣзни, съ твердымъ на Всемогущаго упованіемъ, 1814 года Генваря 20 дня на семьдесятъ седьмомъ году отъ рожденія въ вѣчную жизнь преселившагося».

Внѣ храма, на кладбищѣ монастырскомъ, подъ навѣсомъ почіетъ тѣло сына знаменитаго архивиста-историка: «Тайнаго Совѣтника и кавалера Дмитрія Николаевича Бантыша-Каменскаго, род. 5 ноября 1788 г., скончался 25 генваря 1850 г.». На другой сторонѣ небольшаго обелиска надпись:

Прямою дорогой
Своему девизъ слѣдовалъ.

Авторъ «Словаря достопамятныхъ людей земли русской», «Исторіи Малороссіи» и многихъ другихъ трудовъ Дмитрій Николаевичъ оказалъ обширныя заслуги отечественной исторіи и притомъ исторіи новѣйшей, такъ какъ событіеея онъ касается во множествѣ біографій русскихъ дѣятелей, и это тогда, когда цензура едва выпускала въ области русской исторіи пишущихъ людей за околицу оффиціальнаго Устряловскаго учебника, слѣдовательно при обстоятельствахъ въ высшей степени неблагопріятныхъ.—Въ настоящихъ путевыхъ замѣткахъ, гдѣ мы даемъ много мѣста чисто личнымъ впечатлѣніямъ, мы не можемъ несказать о томъ благоговѣйномъ чувствѣ признательности, съ каковымъ мы преклонили колѣно на могилѣ Д. Н. Бантыша-Каменскаго. Дѣло въ томъ, что чтеніе его «Словаря» достопамятныхъ людей въ 1852—1853 гг. до того насъ увлекло, что мы уже тогда рѣшились отдать себя на служеніе отечественной исторіи... Тогда же сталъ составлять пишущій эти строки біографическіе очерки (первымъ изъ таковыхъ оставшихся въ рукописи трудовъ — была чисто юношеская работа, біографія Андрея Ивановича Остермана), а въ 1857 году, едва 20-ти лѣтнимъ юношей, мы уже выступили въ печать... Такое сильное впечатлѣніе производитъ книга составленная толково, дѣльно, интересно...

Донской монастырь содержится замѣчательно чисто и заботливо; стѣны, башенки и надстѣнная галерея — все это хорошо ремонтировано; на кладбищѣ много лежитъ дѣятелей нѣкогда крупныхъ. Между ними мы замѣтили могилу князя Сергѣя Николаевича Урусова, † 13-го января 1883-го года. Этого небольшаго роста, съ весьма своеобразными ужимками и глубоко низкими поклонами, человѣкъ, занимавшій высокій постъ Главноуправляющаго II-мъ Отдѣленіемъ, былъ человѣкъ замѣчательнаго ума, высокой честности, отличный юристъ; но князь Сергѣй Николаевичъ не отличался однако ни гражданскимъ мужествомъ, ни твердостью... Это былъ человѣкъ по преимуществу

компромисса, чтобы была та и другая сторона по возможности довольна...

Но мы отвлеклись къ людямъ нашего времени, между тѣмъ могила архіепископа Амвросія Зертисъ-Каменскаго—переноситъ насъ къ страшнымъ днямъ мятежа московской черни 15-го и 16-го сентября 1771 г.

Въ громадномъ архивѣ «Русской Старины» имѣется нѣсколько списковъ съ весьма распространеннаго въ тотъ годъ письма очевидца объ этомъ мятежѣ. Одинъ изъ таковыхъ списковъ, кажется, былъ даже напечатанъ (въ «Русскомъ Архивѣ», 1863 г., декабрь); появлялись таковые и въ другихъ изданіяхъ, но мы беремъ на выдержку, одинъ изъ принадлежащихъ нашему собранію рукописей,—списокъ, несомнѣнно того же 1771 года, и приводимъ изъ него двѣ—три страницы.

Послѣ извѣстнаго распоряженія архіепископа о снятіи съ Варварскихъ воротъ иконы, привлекавшей массы народа, здѣсь же и подвергавшагося чумной заразѣ, когда команда, изъ коммисіи присланная, стала исполнять повелѣніе,—продолжаемъ далѣе словами составителя письма отъ 21-го октября 1771 года о московскомъ бунтѣ, — «вдругъ ударили (15-го сентября 1771 г.) въ набатъ въ приходскихъ церквахъ, потомъ на Спаскихъ воротахъ въ городской набатъ, а наконецъ и по всѣмъ приходскимъ церквамъ,—и во всемъ городѣ народъ бѣжалъ къ Варварскимъ воротамъ съ дубинами, копьями, съ топорами и другими убивственными орудіями. О таковомъ стеченіи и бунтѣ услышалъ владыко, немедленно поѣхалъ изъ Чудова со мною и въ моей каретѣ къ Михайлѣ Григорьевичу Сабакину, въ надеждѣ тамъ переночевать у холостаго человѣка. Мы его застали больнаго, въ постелѣ, и отъ набатовъ въ великой страхъ пришедшаго; мы принуждены его оставить, совѣтъ положили оттуда ѣхать къ г. Еропкину. Но какъ только отъ господина Сабакина со двора выѣхали, то онъ (архіепископъ) приказалъ мнѣ везть себя въ Донской монастырь. Ни просьбы, ни представленія мои не могли успѣть, чтобъ туда, то есть въ Донской, не ѣхать. И поѣхавъ по улицамъ ночью, какое мы видѣли зрѣлище! Толпами народъ бѣжалъ, крича, будто грабятъ Боголюбскую Богоматерь. Всѣ были даже до ребятъ вооружены и всѣ какъ сумашедшіе, въ чемъ стояли, бѣжали. Куда ихъ стремленіе? ко убивству и грабительству! Въ 10 часовъ пріѣхали мы въ Донской монастырь. Въ ожиданіи конца начавшемуся въ городѣ смятенію, я и не воображалъ, чтобъ на Чудовъ было нападеніе. Но владыкинъ духъ все сіе предвѣщалъ, нравъ народа ему извѣстенъ былъ. Въ тотъ же вечеръ обратившаяся отъ Варварскихъ

воротъ чернь устремилась, ночью, на Чудовъ монастырь и, разломавъ ворота, искали вездѣ архіерея, грозя убить его. Все, что ни встрѣчалось ихъ глазамъ, похищаемо и разоряемо и до основанія истребляемо было. Верхнія и нижнія архіерейскія кельи и тѣ, гдѣ я съ братомъ имѣлъ квартиру, экономскія и консисторскія, и всѣ монашескія, также и казенная палата со всѣмъ, что въ оной ни было, разграблено: окны, двери, печи и всѣ мебели разбиты и разломаны; картины и иконы, портреты, и даже въ самой домовой архіерейской церкви съ престола одѣяніе, сосуды, утварь и самой антиминсъ въ лоскутки изорваны и ногами топтаны были отъ такого народа, которой по усердію будто за икону вооружался. Тому же жребію подвержены были наши библіотеки и бумаги. Въ то-же время жилъ въ Чудовѣ для излеченія болѣзни пріѣхавшей архимандритъ Воскресенскаго монастыря **Никонъ**, меньшой родной братъ владыки покойнаго. Чернь, нашедъ его и почитая архіереемъ, не токмо совсѣмъ ограбили и хотя до смерти не убили, однако онъ отъ страху въ умѣ помѣшался и скоро умеръ. Наконецъ, какое было зрѣлище, когда разбиты были чудовскіе погреба, въ наемъ Птицыну и другимъ купцамъ отданные, съ французскою водкою и разными винами и англицкимъ пивомъ! Не токмо мущины, но женщины приходили тутъ пить и грабить; однимъ словомъ, цѣлые сутки разграбленъ и расхищенъ былъ Чудовъ, и никто никакой помочи дать не могъ. Гдѣ тогда были полицейскіе офицеры съ командами ихъ? Гдѣ полкъ Великолуцкой, для защищенія оставленный города? Гдѣ, напослѣдокъ, градодержатели? Изъ сего заключить можешь [1]), что городъ оставленъ былъ и брошенъ безъ всякаго призрѣнія; одинъ только господинъ **Еропкинъ**, и того убійцы искали жизни, прочіе же по деревнямъ всѣ разъѣхались. Ѳедоръ Ивановичъ **Мамоновъ** пріѣхалъ на гобвахту просить хотя десять солдатъ, съ коими могъ бы всѣхъ выгнать изъ Чудова, но капитанъ отозвался на то неимѣніемъ указа. Итакъ, до тѣхъ поръ дрался съ чернью въ Чудовѣ, пока и самъ почти до смерти прибитъ былъ каменьемъ.

«О семъ происшествіи свѣдали мы на другой день, то есть 16-го числа (сентября), чрезъ посланнаго въ Чудовъ Донскаго монастыря одного служителя. Въ такомъ случаѣ не оставалось намъ иного дѣлать, какъ поскорѣе удалиться изъ города; мы бы тотчасъ уѣхали, но безъ билета никто изъ города не былъ выпущаемъ. Владыка приказалъ мнѣ немедленно дать знать о сихъ горестныхъ обстоятельствахъ письменно г. Еропкину съ таковымъ представленіемъ, что

[1]) Письмо адресовано «любезному другу».

посланная съ общаго ихъ согласія къ Варварскимъ воротамъ для извѣстнаго дѣла команда, отъ приставленныхъ у Варварскихъ воротъ баталіоновъ, солдатъ разбита, что устремившаяся на Чудовъ чернь все разграбила, и однѣ только голыя остались стѣны; что оная же чернь, хотя вездѣ искала его убить, но особливымъ Божіимъ Провидѣніемъ въ чемъ стоялъ спасся, и что угрозы разсвирѣпѣвшей черни принуждаютъ его искать убѣжища выѣздомъ изъ города; окончаніе письма состояло же въ просьбѣ, чтобы данъ былъ ему билетъ, для свободнаго изъ города выпуску, и чтобъ Чудовъ монастырь, съ чудотворцомъ и оставшеюся братіею, принялъ онъ, Еропкинъ, въ свое призрѣніе и чтобъ о таковомъ плачевномъ его состояніи благоволилъ въ С.-Петербургъ представить. Вмѣсто же билета присланъ былъ отъ г. Еропкина конной гвардіи офицеръ, чтобъ владыко поскорѣе выѣхалъ изъ Донскаго монастыря и чтобъ переодѣлся, дабы его не узнали. Сказавъ сіе, побѣжалъ отъ насъ, давъ знать, что онъ насъ ожидать будетъ въ концѣ сада князя Трубецкаго и оттуда велитъ его проводить на Хорошево, въ Воскресенскій монастырь, куда и имѣлъ намѣреніе владыко уѣхать. Между тѣмъ какъ владыко переодѣвался и пока сыскали платье, заложили кибитку и дѣлали къ пути приготовленія,—услышали шумъ, крикъ и пальбу около Донскаго монастыря. Чернь, отбивъ карантины и Даниловъ монастырь и другіе карантинные домы, спѣшили къ Донскому монастырю. Какимъ образомъ свѣдали они о нашемъ здѣсь убѣжищѣ, до сихъ поръ закрыта сія тайна: или посланный по утру въ Чудовъ монастырь для развѣдыванія служитель разгласилъ неосторожно, или монастырскіе слуги Донскіе разсказали; послѣднее вѣроятнѣе. Уже была подвезена кибитка, въ которую лишь только хотѣлъ владыко, переодѣвшись въ простое поповское платье, сѣсть и выѣхать изъ монастыря, какъ вдругъ начали убійцы ломать монастырскіе со всѣхъ сторонъ ворота. Страхъ и отчаяніе всѣхъ насъ и тутъ постигло; всѣ, кто ни былъ въ монастырѣ, искали себѣ спасенія. Владыко съ Никольскимъ архимандритомъ Епифаніемъ пошелъ прямо въ большую церковь, гдѣ пѣли обѣдню. Разсѣевшаяся по монастырю чернь, состоящая изъ дворовыхъ людей и фабричныхъ и разночинцевъ, имѣя въ рукахъ рогатины и топоры и всякія убивственныя орудія, искали вездѣ архіерея. Всѣхъ, кто имъ тутъ ни попадался, били, домогаясь вѣдать, гдѣ скрылся архіерей. Злодѣи еще въ Чудовѣ знали, по единогласному отъ всѣхъ признанію, что владыко со мною и въ моей каретѣ уѣхалъ. Тутъ они ее на монастырѣ увидѣли. Повѣришь ли, любезный другъ, что одинъ изъ подъячихъ нашей канцеляріи тутъ же былъ, объявилъ о моей каретѣ. Кучеръ и лакеи смертно биты были, чтобъ

объ архіереѣ и обо мнѣ объявили. Свѣдали, наконецъ, они, что архіерей въ церкви, а я скрылся въ бани, ибо мой малый, посадя меня тутъ, самъ ушелъ и попался ворамъ въ руки, и притомъ въ то время сидѣло въ банѣ двое монастырскихъ слугъ, кои и топили баню. Злодѣи, ворвавшись въ церковь, ожидали конца обѣдни. Страдалецъ изъ алтаря увидѣвъ, что народъ со орудіемъ и дреколіемъ вошелъ въ церковь, исповѣдался у служащаго священника и, пріобщившись святыхъ таинъ, пошолъ на хоры позади иконостаса; между тѣмъ какъ злодѣи, не ожидая конца обѣдни, ворвались въ алтарь и искали тамъ покойнаго владыку. Одна изъ нихъ партія нашла меня въ банѣ. Боже мой! Въ какомъ былъ я тогда отчаяніи жизни моей! Поднятые на меня смертные удары отражены были часами и табакерками, при мнѣ тогда находившимися. Просилъ я ихъ о нечиненіи мнѣ зла; вдвое того просили не знаю еще какіе сторонніе, называя меня по имени и приписывая мнѣ имя добраго и честнаго человѣка, въ числѣ коихъ былъ и вышепомянутый подъячій нашъ. Меня потащили изъ бани и стремившаяся другая злодѣйская партія лишила бы меня жизни, хотя двѣ и получилъ отъ нихъ контузіи, еслибы первые мои злодѣи не приняли меня подъ свое защищеніе—такое то дѣйствіе золота и серебра! Едва взошелъ я съ ними на церковную паперть, какъ вдругъ увидѣлъ провожаема изъ церкви, съ крикомъ и шумомъ радостнымъ, покойнаго страдальца. Роковая встрѣча! Злодѣи мои, закричавъ: «вотъ онъ!» бросили меня полумертва. Представь себѣ, любезной другъ, что со мною въ такомъ горестномъ приключеніи происходило. Сидя еще въ бани, приготовилъ я себя къ смерти и спокойно ожидалъ убійцевъ, радуясь, что достигну мученическаго вѣнца. Тутъ уповалъ, что неминуемо, вмѣстѣ со владыкою, потащатъ и меня изъ монастыря, но Божіе правосудіе сохранило меня цѣла и невредима. Въ древнія времена церковь служила убѣжищемъ и для самыхъ винныхъ и порочныхъ людей; въ нынѣшнее же—безвинный архіерей и пастырь вытащенъ былъ отъ своихъ овецъ на убіеніе, вотъ плоды преосвященнаго владыки!

«Но что я медлю и не приступаю къ повѣствованію жесточайшей для меня въ жизни минуты, въ которую я услышалъ, что владыка убитъ до смерти? Злодѣи, вмѣняя за грѣхъ осквернить монастырь, а паче церковь кровію, вывели и страдальца въ заднія монастырскія ворота, гдѣ колокольня, у самой рогатки. Сначала дѣлали ему нѣсколько вопросовъ, а потомъ мучительскимъ образомъ до тѣхъ поръ били и терзали его, пока уже увидѣли умирающа. Спустя четверть часа скончался новой московской мученикъ, и тѣло избитое и обагренною кровію лежало на распутіи день и ночь цѣлую, пока сино-

дальной конторы члены, чрезъ полицейскую команду, заблагоразсудили поднять [1]).

«Вотъ ночная трагедія, коея былъ я зрителемъ! Проливъ неповинную кровь, убійцы побѣжали къ господину Еропкину, угрожая и его лишить жизни, такъ и всѣхъ доктуровъ. Можетъ быть, сіе исполнилось бы, если бы г. Еропкинъ не собралъ великолуцкаго полку, за тридцать верстъ расположившагося отъ Москвы. Помощію сего полка выгнаны были того же вечера всѣ грабители и разорители Чудова, очищенъ кремль и переловлены многіе со штофами и другими вещами. Въ субботу и графъ Петръ Семеновичъ (Салтыковъ) пріѣхалъ въ Москву, также господинъ Юшковъ и оберъ-полицеймейстеръ съ протчими собрались и усмирили бунтующій народъ, домогавшійся о распечатываніи бань и уничтоженіи карантиновъ, о дозволеніи погребать при церквахъ и о выдачѣ захваченныхъ ихъ братей.

«Изъ убійцовъ покойнаго двое главнѣйшими холопъ Раевскаго и цѣловальникъ, но ни одни они, многіе были. По разоренію Чудова и по учиненномъ пастыреубивствѣ, написали попы на воротахъ желѣзныхъ надгробную надпись: «и память его съ шумомъ погибе». Изрядное добродѣтели награжденіе! Вотъ возмездіе за его (архіепископа) труды и толиколѣтнія заслуги! Ни санъ архіерейской, ни сѣдины, ни ученіе, ни добродѣтельная его жизнь не могли удержать рукъ отъ кровопролитія...

«4-го октября было погребеніе обоихъ страдальцевъ, Амвросія въ Донскомъ монастырѣ, въ трапезной церкви, по приказанію графа Григорія Григорьевича, (Орлова) а другой дядя мой, архимандритъ Никонъ, въ Воскресенскомъ монастырѣ».

Этимъ интереснымъ разсказомъ мы заключимъ пока наши замѣтки—до слѣдующей книги.

М. И. Семевскій.

(Продолженіе слѣдуетъ)

---

1) На мѣстѣ убіенія Амвросія долго стоялъ большой крестъ, нынѣ его нѣтъ. М. С.

ДВОРЯНСКІЙ ПОЛКЪ.

82-я годовщина его учрежденія

1807 марта 14-го 1889 [1]).

День годовщины учрежденія Дворянскаго полка отпразднованъ 14-го марта 1889 г. сходкою товарищей-однокашниковъ за дружескимъ столомъ. Въ нынѣшнемъ году, подъ предсѣдательствомъ безсмѣннаго «фельдфебеля дворянскаго регимента», ген.-ад. М. И. Драгомирова, собралось особенно многочисленное общество. Въ числѣ явившихся были генералы М. Г. Черняевъ, Г. Д. Саханскій, Лейхтъ, Кононовичъ, Тилло, Давыдовъ, Дукмасовъ, Н. П. Петровъ, Зарубаевъ, Гавриловъ, Гольмдорфъ, Макавѣевъ, Мевесъ, Васютинскій, Боголюбовъ, тайн. сов. М. Семевскій, Н. Писаревскій, А. Путята, докторъ Ѳ. Ростковскій и мн. др., всего до 60 лицъ [2]).

---

[1]) Настоящая статья была помѣщена въ газетѣ «Новости» 1889 г., марта 16-го дня; перепечатываемъ ее съ нѣкоторыми дополненіями и приложеніями.

Г. П.

См. о годовщинахъ учрежденія Дворянскаго полка и вообще объ этомъ учебномъ заведеніи съ преемственными ему Константиновскими кадетскимъ корпусомъ и военнымъ училищемъ въ «Русск. Старинѣ» изд. 1882 г., т. XXXIV, стр. 797; изд. 1887 г., т. LIII, стр. 791—802; т. LIV, стр. 712; изд. 1888 г., т. LVIII, апрѣль, стр. 273.

[2]) Приводимъ списокъ участниковъ товарищеской сходки однополчанъ, располагая фамиліи по выпускамъ, начиная съ младшихъ:

1882 года—Чевакинскій Николай; 1880 г.—Дандре Левъ; 1871 г.—Безгинъ Илья; 1870 г.—Шиффъ Петръ; 1869 г.—Рудановскій Константинъ; 1867 г — Медвѣдевъ Иванъ; 1865 г.—Богаевскій Михаилъ и Ростковскій (докторъ); 1861 г.—Керсновскій Иванъ; 1860 г.—Нуджевскій; Шпицбергъ Ростиславъ; Борисовъ Михаилъ; Шуляченко Алексѣй; Боголюбовъ Андрей; 1859 г.—Лукошковъ Петръ; Исуповъ Владиміръ; Биронъ Людоміръ; Васютинскій Василій;

Провозглашенный предсѣдателемъ тостъ за здравіе Государя Императора и Августѣйшей Фамиліи былъ встрѣченъ восторженнымъ «ура» и сопровождался, вслѣдъ за гимномъ, пропѣтымъ всѣми присутствовавшими, прочтеніемъ стихотворенія «17 октября»; это отъ сердца вылившееся стихотвореніе принадлежитъ одному изъ бывшихъ воспитанниковъ Дворянскаго полка. Н. Н. Гавриловъ прочиталъ письмо протоіерея А. Соколова, въ теченіи многихъ лѣтъ бывшаго законоучителемъ и настоятелемъ церкви въ Дворянскомъ полку. Достойный пастырь въ трогательныхъ выраженіяхъ прислалъ «благословеніе и привѣтъ» дворянамъ и константиновцамъ и помянулъ тѣхъ многихъ, которые пали на ратномъ полѣ — бывшихъ питомцевъ этого военно-учебнаго заведенія.

М И. Семевскій сообщилъ весьма интересную справку объ этихъ павшихъ на поляхъ сраженій «дворянахъ и константиновцахъ»; оказывается, что «волонтерный» корпусъ, основанный 14-го марта 1807 г. и переименованный въ слѣдующемъ году въ Дворянскій полкъ, уже въ томъ же 1808 г. далъ русской арміи значительный контингентъ офицеровъ, изъ которыхъ въ войнѣ со Швеціею (1808—1809 гг.) пало смертію въ битвахъ 4 офицера, а затѣмъ въ послѣдовавшихъ войнахъ до 1878 г. включительно, легли за Царя и Отечество—486 офицеровъ, выпущенныхъ изъ Дворянскаго полка и преемственныхъ ему Константиновскихъ кадетскаго корпуса и военнаго училища. Любопытно, что изъ этого числа въ войну 1812—1814 гг. убито и умерло отъ ранъ—159 офицеровъ, въ Крымскую войну, 1853—1855 гг.,—116 и въ послѣднюю кампанію, 1877—1878 гг.,—32. Слагали свои головы офицеры разныхъ чиновъ, въ томъ числѣ было нѣсколько командировъ полковъ, бригадъ и даже начальниковъ дивизій.

Штевенъ Иванъ; 1858 г.—Хоменко Николай; Мевесъ Ричардъ; Ермолаевъ Григорій; 1857 г.—Баевъ Михаилъ; Надѣинъ Митрофанъ; 1856 г.—Христичъ Павелъ; Дукмасовъ Павелъ; 1855 г. Бетаки Петръ; Макавѣевъ Александръ; Германъ Николай; Гавриловъ Николай; Гольмдорфъ Михаилъ; Линевичъ Иванъ; Пановъ Николай; Семевскій Михаилъ; Петровъ Николай; 1854 г.—Штрикъ Викторъ; Онопріенко Викторъ; Коверскій Петръ; 1853 г.—Фрезе Николай; 1851 г.—Ритчеръ Эдуардъ; Шемякинъ Николай; 1850 г.—Петровъ Батуричъ; Лейхтъ Степанъ; 1849 г.—Копыловъ Өедоръ; Драгоміровъ Михаилъ; 1848 г.—Давыдовъ Өедоръ; 1847 г.—Путята Александръ; Лось-Рошковскій Юлій; Черняевъ Михаилъ; 1845 г.—Ибрагимовъ Борисъ; Пустошкинъ Александръ; Шлейферъ Николай; Сохансвій Георгій; Зарубаевъ Валеріанъ; 1844 г.—Шелгуновъ; 1841 г.—Кононовичъ Казиміръ; Писаревскій Николай; 1838 г.—Ляпуновъ Висаріонъ.

А. Тилло присутствовалъ на обѣдѣ, но мы не знаемъ, какого года онъ выпуска; Тухолка, вып. 1860 г., подписался, но на обѣдѣ не присутствовалъ.

«Кашеваръ» М. Гольмдорфъ.

Изъ послѣднихъ г. Семевскій назвалъ генералъ-лейтенантовъ Лисенко, убитаго въ 1828 г., Сельвана, павшаго подъ Силистріей въ 1854 г., и Соймонова—на Инкерманскихъ высотахъ, подъ Севастополемъ.

Вслѣдъ за этой «справкою» обычная пѣснь Дворянскаго полка въ честь павшихъ воиновъ, сложенная въ 1840 г., была пропѣта всѣмъ собраніемъ съ глубокимъ чувствомъ.

За поминками павшихъ на полѣ чести послѣдовало доброе слово предсѣдателя М. И. Драгомирова, о товарищахъ, опочившихъ въ истекшемъ году, со времеми послѣдней сходки. Таковы были усердные служаки на военномъ поприщѣ, генералы: Калакуцкій — знаменитый артиллеристъ, Пороховщиковъ — директоръ Сибирскаго кадетскаго корпуса, между прочимъ горячо участвовавшій въ основаніи въ 1882 г. ежегодныхъ, 14-го марта, сходокъ бывшихъ питомцевъ Дворянскаго полка;—Штейнъ, бывшій начальникъ офицерской кавалерійской школы, Проценко, баронъ Фредериксъ (нѣкогда генералъ губернаторъ Восточной Сибири), генералъ генеральнаго штаба Рыбкинъ и др. Собраніе почтило ихъ память вставаніемъ.

Восторженному тосту за процвѣтаніе Константиновскаго военнаго училища предпослана была М. И. Семевскимъ новая справка, въ которой напоминались боевыя заслуги представителей георгіевскихъ кавалеровъ изъ питомцевъ Дворянскаго полка. Таковы были: Хрулевъ, Лабинцовъ, Черняевъ, Драгомировъ, Тимофѣевъ, Парчевскій, Гурчинъ, Абрамовъ, Щеголевъ, Левицкій, Гродековъ, Броневскій, Алихановъ, Баженовъ и мн. др., имена которыхъ вѣдомы на Руси всѣмъ, кому дорога боевая слава русскаго воинства. Независимо отъ заслугъ на ратномъ полѣ, Дворянскій полкъ, какъ значилось изъ «справки», потрудился, въ лицѣ своихъ питомцевъ, для науки и образованія. Довольно сказать, что высокіе посты начальниковъ военныхъ академій: генеральнаго штаба, артиллерійской и военно-юридической заняты въ настоящее время питомцами Дворянскаго полка (М. И. Драгомировъ, Н. А. Демьяненковъ и П. О. Бобровскій). Любопытно, что директоръ Императорскаго Александровскаго лицея Н. Н. Гартманъ также получилъ свое образованіе въ Дворянскомъ полку (выпуска 1844 г.). В. П. Коховскій, директоръ Педагогическаго музея, учрежденія, которое стяжало себѣ извѣстность не только въ Россіи, но и далеко за ся предѣлами, также воспитанникъ Дворянскаго полка. Воспитателемъ Наслѣдника Цесаревича имѣетъ счастье быть также питомецъ Дворянскаго полка—Г. Г. Даниловичъ (выпуска 1843 г.).

Предсѣдатель собранія напомнилъ присутствовавшимъ о предложеніи, возникшемъ на прошломъ обѣдѣ, 14-го марта 1888 г.,

о составленіи въ библіотекѣ Константиновскаго военнаго училища особаго отдѣла трудовъ бывшихъ «Дворянъ и Константиновцевъ» за 82 года бытія этихъ учебныхъ заведеній, трудовъ въ областяхъ наукъ, литературы, военно-научнаго дѣла, художествъ и искусствъ. Въ этотъ отдѣлъ уже доставляются книги и изданія бывшихъ воспитанниковъ Дворянскаго полка и нынѣ предсѣдатель пригласилъ всѣхъ тѣхъ, кто еще не принесъ въ даръ помянутой библіотекѣ свои труды, прислать таковые, адресуя ихъ на имя начальника училища, генерала Александра Карловича Водара.

Приглашеніе это было принято весьма сочувственно и многіе изъ присутствовавшихъ выразили готовность въ скоромъ времени доставить свои труды [1]).

Не обошлась дружеская пирушка безъ добраго дѣла: въ фуражку, обошедшую сотрапезниковъ, собрано 130 р.; эта сумма присоединена къ капиталу въ 2,248 р., собранныхъ на предыдущихъ обѣдахъ «Дворянъ и Константиновцевъ»; на проценты съ этого капитала предполагается воспитывать одного или двухъ дѣтей лицъ, вышедшихъ изъ Дворянскаго полка и преемственныхъ ему учрежденій.

Прекрасно прочитанное М. Г. Гольмдорфомъ его собственное стихотвореніе «Исповѣдь кашевара» и стихотвореніе И. Линевича «14-е марта» вызвали всеобщее удовольствіе, равно какъ весьма пріятное впечатлѣніе произвело стихотвореніе доктора Ростковскаго, имъ самимъ прочтенное; общей веселости содѣйствовали шутливая рѣчь М. Г. Гольмдорфа—пересыпанная особенно изысканными выраженіями, и старинное стихотвореніе-шутка П. А. Каратыгина, прочитанное генераломъ В. Зарубаевымъ.

Тосты «за фельдфебеля»—М. И. Драгомирова, М. Г. Черняева,

---

[1]) Кстати, по поводу сочувствія къ этому предпріятію. Годъ тому назадъ, когда мысль о немъ была впервые нами высказана въ средѣ товарищей однокашниковъ,—на обѣдѣ 14-го марта,—на нашъ призывъ откликнулся извѣстный ученый и писатель Мих. Ив. Венюковъ, бывшій воспитанникъ Дворянскаго полка, нынѣ генералъ-маіоръ въ отставкѣ, многіе годы уже посвятившій себя всецѣло наукѣ и публицистикѣ по научнымъ вопросамъ. Вотъ что онъ писалъ намъ изъ Парижа, 19-го апрѣля 1888 г.: «М. г. Михаилъ Ивановичъ! Съ большимъ сочувствіемъ узналъ я изъ апрѣльской книжки «Русской Старины» о вашемъ предложеніи, сдѣланномъ на годовомъ обѣдѣ бывшихъ воспитанниковъ Дворянскаго полка. Поставленная вами задача, мнѣ представляется, однако, очень трудною, вслѣдствіе многочисленности и крайней разбросанности въ пространствѣ и времени бывшихъ учениковъ Дворянскаго полка, когда либо занимавшихся научными и литературными трудами. Кто, напримѣръ, догадается, что историкъ Бессарабіи Алексѣй Накобурдо былъ воспитанникомъ Дворянскаго полка.... М. Венюковъ». Ред.

Г. Д. Саханскаго, старѣйшаго изъ присутствовавшихъ—Ляпунова (вып. 1838 г.), М. И. Семевскаго и М. Г. Гольмдорфа—усерднаго и энергичнаго кашевара этихъ дружескихъ трапезъ—закончили товарищескую пирушку, на которую отозвались сочувственными телеграммами однокашники изъ городовъ: Петербурга, Тифлиса, Вильны, Дорогобужа, Кіева, Умани, Грузино и Ташкента.

Г. П.

Приложенія.

I [1].

Пѣснь въ память павшихъ воиновъ.

14-го марта 1840 г., по поводу постановки въ Дворянскомъ полку первыхъ 50-ти черныхъ мраморныхъ досокъ, съ именами убитыхъ и умершихъ отъ ранъ въ сраженіяхъ бывшихъ воспитанниковъ полка, сложена была слѣдующая пѣснь:

Братья! всѣ въ одно моленье
Души Русскія сольемъ!
Нынѣ день поминовенья
Падшихъ въ полѣ боевомъ!
Но не вздохами печали
Память храбрыхъ мы почтимъ,
А въ нетлѣнныя скрижали
Имена ихъ начертимъ!
Вотъ какимъ дѣеписаньемъ
Царь-Отецъ намъ повелѣлъ
Сохранять воспоминанья
Православныхъ ратныхъ дѣлъ!
Вотъ нетлѣнные уроки!
Братья! Мы-ль ихъ не поймемъ?
Къ этимъ строкамъ новы строки
Мы-ли всѣ не принесемъ?
Братья! всѣ въ одно моленье
Души Русскія сольемъ!
Нынѣ день поминовенья
Падшихъ въ полѣ боевомъ!

---

[1]) Мы, къ сожалѣнію, не имѣемъ подъ рукою стихотворенія «17-ое октября».

II.

14-е марта 1889 г.

Часть однокашниковъ тутъ снова,
Чтобъ освѣжить въ своихъ сердцахъ
Воспоминанія былаго,
Всегда отраднаго, живаго
И не заглохшаго въ душахъ.

Года промчатся за годами
И смоютъ насъ съ лица земли,
Но что̀ святыней звалось нами,
То̀ будетъ чтиться и сынами
И не умретъ въ вѣкахъ дали.

Здѣсь тратить словъ не надо много:
Мы сердцемъ вмѣстѣ и безъ словъ.
Сегодня намъ чужда тревога:
Подъ этой сѣнью, какъ у Бога,
Не вспомнимъ жизненныхъ оковъ.

И этотъ день полнѣйшимъ счастьемъ
Врачуетъ язвы прошлыхъ дней.
Съ какимъ сегодня безпристрастьемъ
И теплымъ, искреннимъ участьемъ
Глядимъ на слабости людей.

У насъ душа всегда согрѣта
Подобнымъ чувствомъ дорогимъ,
Когда одной семьей кадета
Сбираетъ въ мартѣ тризна эта
Подъ славнымъ знаменемъ своимъ.

Здѣсь мы съ любовью вспоминаемъ
То, что̀ прошло для насъ давно,
Минувшимъ—силы обновляемъ
И дружно, хоромъ восклицаемъ:
«Семья и корпусъ—все одно!»

Ив. Линевичъ.

III.

Исповѣдь кашевара

[14-е марта 1889 г.].

Ужъ восемь лѣтъ какъ кашеваромъ
«Дворянской» кухни состою,
Но до сихъ поръ, съ кадетскимъ жаромъ,
Я въ срокъ обѣды подаю.
Меню по средствамъ составляю,
Ихъ всѣ на-память отдаю,
Стихи хоть плохо я слагаю,
За то отъ сердца говорю.
Казалось, все идетъ прекрасно,
Во всемъ исправенъ кашеваръ,
Но говорятъ, и то негласно,
Что будто онъ для кухни старъ.
Какое-жъ средство мы имѣемъ,
Чтобъ старость лучше подбодрить,
Вѣдь элексиромъ не владѣемъ,
Что юность можетъ возвратить?
Не оглянуться-ль на былое,
На связь съ «дворянскимъ» очагомъ,
Когда въ немъ сердце молодое
Вопросы ставило ребромъ?
Въ полку тогда намъ всѣмъ внушали
Приказы точно соблюдать
И съ тѣмъ на службу выпускали,
Чтобы труда не избѣгать.
Учили: старшимъ подчиняться,
Пристрастья къ лицамъ не питать,
За дѣло взявшись,—заниматься
И въ трудномъ дѣлѣ не плошать!
За честь и правду заступаться
И за добро всегда стоять,
«Дворянскимъ» духомъ ободряться,
Своихъ—нигдѣ не выдавать!
Всегда для родины трудиться,
Царя-Монарха обожать,
За нихъ предъ Господомъ молиться,
Отъ бурь и бѣдъ оберегать.
Принципы эти, основные,
Нельзя съ годами забывать:
Въ нихъ старики и молодые
Святыню могутъ прочитать.

Святыня та, кровь вѣчно грѣя,
Намъ бодрость духа придаетъ,
А кашеваръ, съ ней молодѣя,
И старости не сознаетъ.
Теперь же проситъ извиненья
За стихъ не звучный и простой
И ждетъ фельдфебеля рѣшенья:
Испить стаканчикъ круговой.

М. Г. Гольмдорфъ,
воспит. Двор. полка, выпуска 1855 г.

IV.

Письмо протоіерея А. Соколова.

14 марта 1889 года.

«Благословеніе и привѣтъ дворянамъ и константиновцамъ! Молю Бога о преуспѣяніи военно-учебнаго заведенія, которое дало и даетъ вѣрныхъ и доблестныхъ слугъ Царя и Отечества. Многихъ нѣтъ въ живыхъ. Многіе «пали въ полѣ боевомъ»,—ихъ имена, «для воспоминанія православныхъ ратныхъ дѣлъ», по волѣ царя отца, «начертаны въ нетлѣнныя скрижали», почтимъ ихъ доброю и благодарною памятію. Ихъ нѣтъ, но они были, исполнивъ свой долгъ. Имена ихъ живы. Имъ и всѣмъ почившимъ вѣчная память! а всѣмъ живущимъ многія лѣта!

«Законоучитель въ дворянскомъ полку и Констант. кад. корпусѣ, 1845—1863 гг., настоятель Владимірской церкви протоіерей Александръ Соколовъ.

V.

Привѣты Дворянскому полку и Константиновцамъ.

[По телеграфу].

14 марта 1889 г.
Тифлисъ.

Кавказскіе питомцы Дворянскаго полка и 2-го военнаго Константиновскаго училища, празднуя годовщину основанія училища, признательно вспоминаютъ воспитавшее ихъ заведеніе и шлютъ поздравленіе съ этимъ завѣтнымъ днемъ. Старшій, по выпуску, генералъ-лейтенантъ Парчевскій и 70 участвующихъ.

Умань.

Въ день 82 годовщины Дворянскаго полка принося душевное поздравленіе всѣмъ собравшимся за товарищескимъ обѣдомъ, отъ души желаю дальнѣйшаго преуспѣянія дорогому незабвенному для всѣхъ насъ заведенію. Генералъ Ломакинъ.

С.-Петербургъ.

Прошу дорогихъ товарищей принять мои сердечныя привѣтствія и наилучшія пожеланія. Каховскій, выпуска 1853 года.

Вильно.

Я и служащіе въ штабѣ константиновцы шлемъ собравшимся сегодня на обѣдъ совоспитанникамъ сердечный привѣтъ и пожеланіе всего лучшаго, училищу—процвѣтанія. Бунаковъ.

Вильно.

Уфимцы шлютъ свой привѣтъ товарищамъ—однокашникамъ.—Полковникъ Базилевскій, подполковникъ Апухтинъ, Бржозовскій,—капитанъ Василевскій,—поручики: Яновскій, Крамоременко, Войцеховскій.

Дорогобужъ.

Мой сердечный привѣтъ товарищамъ однокашникамъ; глубоко сожалѣю, что не могу участвовать въ чествованіи 82-й годовщины учрежденія роднаго полка. Полковникъ Святенковъ, выпуска 1854 г.

Грузинцы.

Воспитанники константиновскаго училища на товарищескомъ обѣдѣ пьютъ за здоровье молодыхъ и старыхъ однокашниковъ, ура! Побыванецъ,—Ромишовскій,—Меркаловъ,—Баротовъ,—Нольде,—Васильевъ,—Габоивъ,—Томиловъ,—Мюгзе,—Чекотовскій,—Брохоцкій.

Ташкентъ.

Въ числѣ 23 однокашниковъ празднуемъ годовщину основанія Дворянскаго полка, земной поклонъ и поздравленіе нашимъ товарищамъ по воспитанію. Полковникъ Алексѣевъ.

Кіевъ.

Шлемъ сердечный привѣтъ дорогимъ товарищамъ, воспитанникамъ Дворянскаго полка, корпуса и училища, соучастникамъ по воспитанію и сослуживцамъ. Товарищи, собравшіеся въ Кіевскомъ дворянскомъ клубѣ.

VI.

НЕКРОЛОГЪ

1888—1889.

Кремпинъ, Валеріанъ Александровичъ, † 27 января 1889 г., артиллеристъ, оставилъ по себѣ имя извѣстное въ литературѣ и журналистикѣ. Въ концѣ 1850 и въ началѣ 1860 годахъ Кремпинъ, будучи воспитателемъ въ артиллерійскомъ училищѣ, издавалъ журналъ «Разсвѣтъ», ежемѣсячное изданіе для взрослыхъ дѣвицъ, прекрасный журналъ, дававшій серьезное чтеніе русскимъ женщинамъ. Дѣятельное участіе въ журналѣ принимали: В. Я. Стоюнинъ, В. И. Водовозовъ, Г. И. Шишкинъ, Т. И. Шишкинъ, М. И. Семевскій, Д. Д. Семеновъ, М. Д. Хмыровъ, Д. А. Саранчевъ..... Здѣсь начали свою литературную дѣятельность: Михайловскій, Скальковскій, Фирсовъ (Рускинъ) и Д. И. Писаревъ, впослѣдствіи весьма извѣстный критикъ.

Рыбкинъ, Николай Андреевичъ, род. 1842 г., поступилъ въ 1859 г. въ Константиновское военное училище; вышелъ въ артиллерію. Въ 1867 г. окончилъ по первому разряду курсъ въ академіи генеральнаго штаба. Во время кампаніи 1877—1878 гг. получилъ за отличіе чинъ полковника, орденъ Владиміра 4 степени съ мечами и бантомъ и золотое оружіе «за храбрость». Въ 1886 г. онъ былъ назначенъ командиромъ 150 пѣхотнаго Таманскаго полка; въ 1887 г. произведенъ въ генералъ-маіоры съ назначеніемъ на должность начальника Терскаго казачьяго войска, каковую и занималъ въ день смерти, въ въ началѣ марта 1889 года.

Фонъ-Штейнъ, Константинъ Львовичъ, воспитанникъ Новгородскаго кадетскаго корпуса и Дворянскаго полка, выпущенъ корнетомъ въ кирасиры, 13 іюня 1848 г. Онъ посвятилъ себя спеціально изученію кавалерійской службы, для чего въ чинѣ ротмистра, въ 1859 г., поступилъ въ Елисаветградское училище; въ виду отличнаго окончанія имъ курса этого училища; въ 1861 г. въ томъ-же чинѣ переведенъ въ л.-гв. Гродненскій гусарскій полкъ. Начальникъ Тверскаго кавалерійскаго училища (1865 г).—Полковникъ (1868 г.).—Начальникъ учебнаго кавалерійскаго эскадрона съ переводомъ въ л.-гв. драгунскій полкъ (1869 г.).—Генералъ-маіоръ (1871 г.).—Членъ главнаго комитета по устройству и образованію войскъ. (1875 г.).—Генералъ-лейтенантъ,—Завѣдывающій офицерской кавалерійской школой (1881 г.).

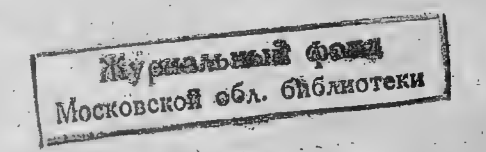
Скончался въ маѣ 1888 года.

Константинъ Львовичъ былъ добрый, высоко симпатичный человѣкъ, преданный другъ и товарищъ. Между прочимъ, съ перваго же года возникновенія товарищескихъ сходокъ питомцевъ Дворянскаго полка, въ день 14 марта, всегда являлся въ среду своихъ однокашниковъ и съ юношескимъ увлеченіемъ радушно привѣтствовалъ ихъ безъ различія чиновъ и отличій. Любимый подчиненными и товарищами, бравый, въ высшей степени свѣдущій кавалеристъ, фонъ-Штейнъ—пользовался особымъ благорасположеніемъ перваго въ Россіи кавалериста августѣйшаго генералъ-фельдмаршала Е. И. В. великаго князя Николая Николаевича Старшаго.

Прахъ К. Л. фонъ-Штейна почіетъ въ Спб., въ Новодѣвичьемъ монастырѣ.

Ю. С. Лось-Рошковскій.

бывшій фельдфебель 2-й роты Дворянскаго полка, вып. 1847 г.



любителямъ старины, но и людямъ науки; но вотъ поставленъ во главѣ этого учрежденія извѣстный археологъ, трудолюбивый изслѣдователь отечественной старины Н. Е. Бранденбургъ, всѣ сообщенія котораго въ археологическомъ обществѣ выслушиваются обыкновенно съ живѣйшимъ интересомъ, и вскорѣ явился въ свѣтъ обширный трудъ описанія музея. Настоящій каталогъ, въ вышедшихъ его частяхъ, представляетъ военно-научное описаніе огромнаго собранія памятниковъ за весь періодъ устройства и развитія артиллерійскаго искусства въ Россіи, а нынѣ вышедшій томъ (приложеніе) представляетъ обозрѣніе коллекцій отдѣла иностраннаго. Этотъ отдѣлъ музея вмѣщаетъ 1,000 предметовъ, состоящихъ или изъ трофеевъ русскаго оружія, добытыхъ кровью на поляхъ битвъ или взятыхъ въ покоренныхъ русскими городахъ и крѣпостяхъ; тутъ между пушками, знаменами и всякаго рода оружіемъ встрѣчаются предметы въ высшей степени интересные и въ своемъ родѣ даже единственные; нѣкоторые изъ нихъ относятся къ XVII, даже XVI-му вѣкамъ, какъ, напримѣръ, польская гаубица 1506 г., португальская пушка, заряжающаяся съ казенной части, XVII стол., древнія орудія изъ Риги, Ревеля, пушки австрійскія, французскія и проч., и проч. Между знаменами имѣются столь древнія, какъ, напр., нѣмецкое знамя 1542 г., русскіе трофеи 1[illegible] г.—это знамена, взятыя у шведовъ, и много другихъ знаменъ. Предметы холоднаго оружія восходятъ здѣсь до XII-го вѣка; много предметовъ обмундированія прусскихъ войскъ XVIII-го вѣка; личный гардеробъ Фридриха Великаго и проч. Всѣ предметы съ замѣчательною заботливостью и вниманіемъ описаны г. Бранденбургомъ прямо съ оригиналовъ; иноязычныя надписи тщательно переведены; при упоминаніяхъ о сраженіяхъ сдѣланы справки въ дѣлахъ архивныхъ для выясненія тѣхъ или другихъ событій, при которыхъ были добыты трофеи, вошедшіе въ составъ этого древне-хранилища. Описаніе расположено на отдѣлы; къ книгѣ приложены алфавитные указатели; наконецъ, этотъ превосходный трудъ украшенъ фототипическими снимками съ изображеній наиболѣе интересныхъ предметовъ, хранящихся въ музеѣ.

С. И. Зарудный и судебная реформа. Историко-біографическій эскизъ. Гр. Джаншіева. Москва, 1889 г., въ м. 8 д., стр. 170.

Это—замѣчательно хорошо составленный очеркъ государственной дѣятельности С. И. Заруднаго, одного изъ главнѣйшихъ сподвижниковъ Александра II въ судебной реформѣ 1862 и 1864 гг. Основою талантливаго труда г. Джаншіева послужило внимательное, вполнѣ добросовѣстное изученіе собранныхъ и систематизированныхъ покойнымъ сенаторомъ Заруднымъ, въ 74-хъ томахъ матеріаловъ: «Дѣло о преобразованіи судебной части въ Россіи», переданныхъ покойнымъ дѣятелемъ въ петербургскія книгохранилища.

Сергѣй Ал. Бѣлокуровъ. Матеріалы для русской исторіи. Москва, 1888 г., въ 8 д., стр. 574.

Книга эта составляетъ оттискъ изъ «Чтеній московск. общества исторіи и древностей» (1887 и 1888 гг.). Сюда вошли слѣдующіе акты: описи библіотеки и архива Соловецкаго монастыря послѣ осады (1676 г.); дѣла свят. Никона патріарха, паче же рещи чудеса врачебная; различные акты за время съ 1627 г. по 1705 г.; дѣла о лицахъ, говорившихъ непристойныя слова; посольство дьяка Елчина и священника Захарьева въ Дадіанскую землю (1639—1640 гг.); Московскій Печатный Дворъ въ 1649 г.; подметныя письма Голосова, Посошкова и другихъ (1700—1705 гг.). Весь этотъ сырой матеріалъ весьма важенъ для исторіи Россіи, главнымъ образомъ ея церковной жизни; значительная часть вошедшихъ въ сборникъ актовъ была доселѣ неизвѣстна и извлечена трудолюбивымъ изслѣдователемъ изъ столбцовъ московскаго главнаго архива министерства иностранныхъ дѣлъ, при полномъ сочувствіи его директора барона Ѳ. А. Бюлера.

М. С.

Издатель-редакторъ **Мих. Ив. Семевскій.**